

Дмитрий Дубинин

КОД

ГАГАРИНА

Дмитрий Юрьевич Дубинин

Код Гагарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29608344

SelfPub; 2018

Аннотация

Началась погоня за не имеющим цены сокровищем – древним идолом и святыней, объектом вождения и поклонения авантюристов и адептов разных времен и народов. Андрей Маскаев балансирует между членами тайного общества и доморощенными преступниками, пока конкурирующие фирмы постепенно прореживают вражеские ряды и ищут возможность договориться. Он прочувствует на собственной шкуре «магию» в традициях Алистера Кроули, увидит рабов и шаманов 21-го века, узрит в небе всадников Апокалипсиса, и будет спасать свою жизнь, убегая от последствий рукотворного землетрясения. Вы спросите – какое отношение имеет ко всему этому Гагарин? Ответ в романе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЦЕССИЯ В ОТТЕНКАХ КРАСНОГО	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	74
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	111
ГЛАВА ПЯТАЯ	145
ГЛАВА ШЕСТАЯ	181
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	224
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	259
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	305
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	352
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОХОТНИКИ ЗА ПРОВИДЕНИЕМ	376
ГЛАВА ПЕРВАЯ	376
ГЛАВА ВТОРАЯ	406
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	439
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	476
ГЛАВА ПЯТАЯ	510
ГЛАВА ШЕСТАЯ	546
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	593
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	620

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	655
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	699
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	734
ЭПИЛОГ ОТ МИХАИЛА	751

ПРОЛОГ

Будучи давним другом «семьи» Маскаева, я не мог оказаться в стороне от событий, которые однажды привели к ухудшению, если не сказать – началу разрыва, отношений между Андреем и Таней. Кроме того, так уж совпало, что мне по долгу службы пришлось заниматься деятельностью некоторых лиц и организаций, с которыми пересекся жизненный путь моего старого товарища. К сожалению, в тот момент я еще не знал, каким именно образом Андрей оказался в гуще тех драматических и жутковатых событий, лишь позже стало ясно, что его странная связь с оккультным сообществом (чью деятельность мне было поручено взять под наблюдение), оказалась первым толчком для начала серьезных проблем в его семье.

Строго говоря, Андрей Маскаев и Татьяна Черепанова не были официально зарегистрированными супругами, хотя они и прожили вместе несколько лет. Должен сказать, что ни он, ни она совсем не походили на людей, которым было бы комфортно связать себя узами брака. Слишком уж они были оба свободолюбивы и непостоянны. Андрей натурально и нагло увел Татьяну у меня еще в те годы, когда он и я только еще начинали строить каждый свою карьеру, если, конечно, это слово применимо к многочисленным и разнообраз-

ным занятиям Маскаева. Подозреваю, что именно ради Татьяны он даже списался с флота на береговую работу; пока я месяцами мотался по «горячим точкам», Андрей не терял даром времени. Меня немного удивляло, что, когда уже сам Андрей уезжал куда-нибудь надолго, то у Тани обязательно появлялся поклонник (а то и не один), и я одно время даже надеялся, что она опять будет со мной. Но Маскаев неизменно возвращался, и Таня немедленно отшивала тех, кто нарезал круги поблизости. В том числе и меня, как это ни печально сознавать. С Андреем мы не раз и не два встречались за рюмкой спиртного, и он мне рассказывал о своих приключениях в городах и весях. Эти приключения были довольно однообразными и отличались, как правило, лишь именами: Наташа, Юля, Фэнь Янмэй, Любовь Петровна, Лена, Алена, Фирюза, Юмико и еще одна Лена. Не стану выставлять себя великим моралистом, а все-таки таких бабников, как мой друг Андрей, было еще поискать. Но, рассказывая о своих сексуальных «подвигах», он крайне редко делился со мной, даже будучи подшофе, тем, что с ним происходило еще. О других его приключениях я узнавал значительно позже, от Тани. Андрей, оказывается, несколько раз действительно бывал на волосок от гибели почти в любом из своих вояжей – будь то командировка на Север, покупка автомобиля в Белоруссии на перегон, или поездка с не очень внятной целью на Курильские острова, в сопровождении Тани, кстати. Судя по всему, Маскаев еще в школьные времена был мастер

притягивать к себе разные катаклизмы, вплоть до самых глобальных. Достаточно вспомнить, что в апреле восемьдесят шестого он гостил у родственников в Припяти, а тремя годами позже сумел уцелеть в чудовищной железнодорожной катастрофе в Башкирии. Я уже не говорю о взрыве химического завода на Северном Кавказе, когда Маскаева объявили погибшим официально. Что касается произошедшего на Алтае, то это вообще отдельный разговор, и об этом я тоже узнал от Тани, после того, как Андрей исчез, и мы с ней стали немного чаще встречаться. К сожалению, лишь немного.

Уже после случая на Алтае, как рассказала Таня, Маскаев устроился в авиационную компанию, экипаж которой неделями, а то и месяцами бороздил воздушное пространство Африки. Это произошло около полугода тому назад. Татьяна сказала мне, что авиаторы порой забирались в самые опасные и глухие места «черного континента», и что Андрей вообще-то собирался «завязать» с этими полетами, но не успел. О падении самолета в Конго, на котором летал Андрей, средства массовой информации сообщали скупно (а кого нынче удивишь подобной аварией?), да и компания была не российской, а литовской. Словом, Андрей исчез, на связь никаким образом не выходил, и Таня была, по ее словам, в сильнейшем беспокойстве. Несмотря даже на то, что они уже всерьез (как мне думается) рассматривали возможность гражданского «развода» после возвращения Андрея из экспедиции. Но пока ситуация оставалась такой, что называ-

ется, «подвешенной», Таня и слышать не хотела о том, чтобы закончить отношения с Маскаевым «заочно» и в одностороннем порядке.

Не стану кривить душой – она мне по-прежнему очень нравилась (если не сказать больше), в том числе и просто как женщина, но ведь и Андрея я воспринимал как друга, пусть и не ближайшего. Думаю, что и он ко мне относился похоже. Несмотря на Татьяну, которая так и оставалась между нами. Именно поэтому я в течение почти трех месяцев, пользуясь служебным положением, пытался отыскать следы Андрея – да и Таня надеялась, что он жив. Я сделал несколько запросов по нашим каналам, и получил странные ответы. По одним данным, Андрей Маскаев уже давно являлся агентом нашего ведомства и был привлечен к активной работе в странах все той же Африки. По другой информации, некий литовец или русский, внешне очень похожий на Маскаева, принимал участие в небольшом государственном перевороте на «черном континенте», а впоследствии занимал в военной хунте самый главный пост, пока его не ликвидировали – этот пост вместе с должностным лицом, его занимающим. Не ваш ли Андрей это, спросили меня. Мы с Таней отвергли обе эти версии, как ни с чем не сообразные, и после еще нескольких недель тщетного ожидания, она вроде бы примирилась с мыслью, что ее гражданский муж сгинул в Африке навсегда... Вроде бы.

Только тогда я узнал от нее подробности их странной по-

ездки на Алтай в более чем странной компании и более чем со странными целями. Я делал вид, что поверить мне в них трудно, но Таня уверяла меня в истинности всего произошедшего, тем более что почти всем эпизодам она была сама свидетельницей и даже непосредственной участницей. За несколькими исключениями, впрочем. Как уже говорил, по долгу службы я как раз занимался последствиями тех алтайских событий, и информация, полученная от Татьяны, мне оказалась весьма кстати... Но я так и не довел ее до официального дела.

А спустя еще месяц, изучая отобранные для рассмотрения сайты на предмет наличия в них экстремистских высказываний, я вдруг обнаружил целую серию очерков о тех самых событиях. Блог вел пользователь под ником «King Andrew I», что могло быть простым совпадением, но описания приключений Андрея и Татьяны были уже совпадением непростым. Объем текста оказался весьма существенным; складывалось впечатление, что его тщательно готовили, прежде чем выложить в сеть. К счастью, я успел сохранить многие из очерков у себя на компьютере, прежде чем другое ведомство, уже иностранное, усмотрело в действиях портала нарушение чьих-то авторских прав, и прикрыло сразу огромный объем блогов. Что в наше время массовых чисток информационного поля во всех странах не является чем-то из ряда вон выходящим. Единственно было жаль, что я не успел проследить, с какого адреса были загружены тексты. А впрочем,

сейчас, при наведении порядка в интернете, люди стали настолько изощренно замечать свои следы, что определить реальное место конечного пользователя стало весьма сложным занятием (потому мы в основном и отслеживаем почти исключительно антиправительственные и сепаратистские выступления). Серию очерков о приключениях Маскаева под эту тему при большом желании можно было подвести, но для этого нужно было иметь столь же большое основание.

Словом, я уже не по служебной необходимости начал собирать и упорядочивать все известные мне материалы, включая рассказы Тани, тексты «короля Андрея Первого» и изъятые у фигурантов документы. А также часть моих служебных записок о местных деструктивных сектах и иностранных оккультных обществах, чья опасность видится мне очень даже недооцененной. Подобный меморандум я готовил только однажды – еще в те дни, когда Маскаев состоял в своем первом, единственном и очень скоротечном официальном браке, а Таня была абсолютно свободной и необычайно ветреной девушкой, в чем я тогда мог убедиться на собственном опыте... Тогдашнее мое дело, одно из первых самостоятельных, неофициально названное «Дорога мертвых», было принято в разработку, но потом спешно и в какой-то судорожной панике засекречено, а с меня взяли дополнительную подписку о неразглашении никаких обстоятельств, связанных с попытками восстановления железной дороги за Полярным кругом... Скажу по секрету, мне нравится собирать подобный

материал. И, когда я над ним работаю, мне нравится облекать его в литературную форму – восстанавливать диалоги и додумывать описания людей, интервьюеров и пейзажей. Коллеги (из тех, под началом которых я начинал свою службу) то и дело посмеивались надо мной: «Не дают, тебе, Михаил, лавры Льва Шейнина спать спокойно». Нынешние коллеги так не говорят – сейчас у меня хватает ума держать язык за зубами, да и кто теперь читает Шейнина (и вообще представляет, кто это такой)?

Но формировать из приключений Маскаева какое-то «дело» для нашего ведомства, вроде того, как с «Дорогой мертвых», я не хочу. И не могу. Не собираюсь даже дополнять упоминаниями об Андрее материалы о событиях на Алтае. Мне думается, что я собрал эти сведения почти исключительно для Татьяны. Пусть она получит полную информацию, если Андрей не сказал ей всего (а я уверен, что это именно так!) и сама делает выводы. Наверное, придется сказать ей и о том, что автором блога вполне мог быть и сам Маскаев, который не может... или не хочет возвращаться домой. Пусть даже это и не уберет препятствий между Таней и мной, но по отношению к этой женщине я хочу быть честным. Я, знаете ли, в первую очередь живой человек, а только потом уже государственный служака... До тех пор, конечно, пока мне в явной форме не прикажут поменять местами приоритеты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЦЕССИЯ В ОТТЕНКАХ КРАСНОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одним прекрасным майским утром мне в очередной раз пришлось убедиться в правоте слов моей бывшей жены Валентины, когда она уверяла, что я – лентяй, каких еще поискать надо, и что я должен был родиться во дворце феодального короля, какого-нибудь Генриха Лохматого. Почему? – да потому что понятия «Андрей Маскаев» и «ответственная работа» несовместимы в принципе. Потому что Андрей Маскаев выбирает работу только по одному критерию – можно ли будет на ней бить баклуши. Хотя, вот тут она как раз не права. Я не люблю бить баклуши на работе. Более того, я люблю работать (услышь Валька эти слова, так померла бы со смеху, но мне наплевать). Но я действительно не выношу работу неинтересную, рутинную, какую сейчас в основном только и предлагают. Вальку в действительности бесило именно то, что встань я перед выбором – какой деятельностью заниматься: интересной или высокооплачиваемой? – я всегда выбирал интересную. Правда, что греха таить, не бы-

ло у меня еще ни одной работы, где я не находил бы себе попутных халтурок, откатов или чего покруче. Речной порт только вспомнить!

Но сейчас времена сильно изменились. Почему-то работодатели нынче словно белены объелись – везде видеонаблюдение, дресс-коды, маячки, тренинги, корпоративы и прочие чудеса науки и техники, придуманные исключительно для того, чтобы гнобить и унижать трудовой люд... Куда ни плюнь, офисы устроены по худшим западным образцам, типа зверинцев с клетками. Только в клетках для людей вместо кормушек предусмотрены телефон с компьютером, а таблички вывешиваются не снаружи клетки, а изнутри. И ладно бы написано было на них «не кормить, не дразнить», а то ведь напишут, сами знаете «список запрещенных фраз в нашем офисе», среди которых пары-тройки ведь никак не избежать – ну, сами же знаете: «звонил, но не дозвонился; мне не передавали; а я вас предупреждал – не надо было этого делать». Посмотреть бы в глаза автору подобных «запретов», а лучше – посадить рядовым продавцом без оклада этак на полгода. И на рабочую неделю в шесть дней без права выхода на больничный...

Конечно, перспектива угодить в офисный зверинец на низовую работу мне уже вряд ли грозит, я все-таки давно вырос из менеджерских штанишек с ляжками, но – что греха таить – с работой опять хреново, а о специальности, полученной еще на переломе эпох, можно уже забыть, как мне однажды

сказали открытым текстом.

Таня – конечно, далеко не Валентина, но и ей тоже придется доказывать, что я люблю работать, а период валяния на диване скоро закончится... Да. Закончится он, как же, если я буду как сегодня, продолжать валяться до десяти часов, в то время, когда надо активно изыскивать место с возможностью халтур и свободного перемещения в рабочее время – действительно, не на завод же с пропускной системой идти устраиваться!.. Или все-таки на завод? Интересно, а нужны ли вообще в наше время снабженцы как таковые?

Я вышел на балкон и выглянул на двор, который за последние годы уже окончательно превратился в стоянку самых разнообразных транспортных средств: рычащих, чадящих, квакающих и воющих. Смотрел я на это, смотрел, и вдруг ни с того ни с сего подумал: а зачем, собственно, искать себе такое рабочее место? Зачем его искать, когда его можно просто приобрести для себя, и ни перед кем потом не отчитываться? Вплоть до десятитонника. Десятитонник, конечно, я не потяну, а вот чего попроще взять, ту же «газель»... а лучше «кантера»... или вообще микроавтобус (чтобы на любой случай годился) и вперед – мотать километры на кардан, ночевать на трассе, и работать именно так, как я люблю – не имея над собой никакого начальства. И что с того, что у меня диплом инженера – кого сейчас удивишь таким трудовым мезальянсом!

Наконец-то передо мной встали хоть какие-то ориентиры,

и я почувствовал неодолимую жажду деятельности. А действовать было нужно. Для начала – отправиться в гараж, покрасить «жигулю» губы на продажу. Затем съездить на дачу, посмотреть, что там и как, разумеется, с тем, чтобы ее тоже продать. А иначе на приличный грузовик денег точно не хватит. Танька, конечно, вряд ли будет в восторге, но не от перспективы лишения дачных посиделок, а от того, что я принял подобное решение единолично. Но сейчас, как мне думалось, совсем не тот случай, чтобы полностью подстраиваться под ее пожелания.

* * *

Автомобиль, как ни странно, завелся с полпинка. Я выгнал вишневую «шестерку» из гаража и придирчиво ее оглядел. Н-да, когда-то, конечно, это была мечта огромного большинства соотечественников... Но даже после такой мыльницы, как «мазда-фамилия» в «жигуль» садишься как в эцих с гвоздями. Хотя, ладно, если сверху крыша, а снизу четыре колеса – значит, автомобиль. Тем более, все равно продавать.

До дачного поселка под названием Шатуниха добираться минут тридцать-тридцать пять. Город почти вплотную приблизился к границам бывшей деревни и вот-вот проглотит ее... Может, повременить с продажей дачи? Хоть она и даром мне не нужна, а цена земельных участков ниже ведь не становится.

Дача, расположенная в некоторой близости от впадения реки Чаус в Обь, досталась Таньке в прошлом году от ее покойного дяди, настоящего адмирала в отставке, до этого около года как забросившего загородную жизнь по причине тяжелой болезни. И досталась дача не даром – мы не слабо вложились, чтобы выкупить долю у Таниных родителей. Примерно тогда же я приобрел древние «жигули», потому что для выкупа дачной доли пришлось продать сравнительно свежую «мазду». Так что на дачу я имел все виды, и Татьяна в свое время так и сказала: «делай с ней что хочешь». Я это запомнил. Также как и то, что Танька всегда испытывала отвращение к огородничеству – подобно многим среди наших друзей и знакомых, которым в детстве родители активно прививали любовь к грядкам; но, как бывает обычно в таких случаях, добились лишь обратного эффекта.

Что касается посиделок за рюмкой водочки под шашлычок, то так сложилось исторически, что мы чаще бывали приглашенными на пикник к другим людям, нежели оказывались гостеприимными хозяевами. Дом и огород за два года бесхозяйственности пришли в определенный упадок, который теперь хоть как необходимо было искоренять.

Открыв ворота, я загнал автомобиль в ограду, прошел к дому через запущенный огород и поднялся на веранду, усыпанную прошлогодними листьями и прочим мусором. Вообще, подумалось мне, если привести дачу в товарный вид, цена будет хорошей. Кирпичный забор прямо как в котте-

дном поселке, угловой участок с удобным подъездом, обшитый сайдингом двухэтажный дом... Первый этаж о двух больших комнатах плюс комната на втором. Надворные постройки, само собой. Все это выглядело вполне прилично, что еще надо?

Перекурив и сообщив Татьяне, где я, собственно, нахожусь и чем намерен заниматься, я выслушал несколько приличествующих случаю замечаний, в том числе и довольно резких, а после этого вытащил из машины инструменты, краску, плюс еще много разных мелких и не очень мелких вещей. В общем, я на полном серьезе вознамерился плотно заняться делом.

– ... О-о, давно вас что-то видно не было! – слышался из-за забора чей-то голос. Я посмотрел в сторону, откуда доносился комментарий. С соседнего участка за мной наблюдала пожилая женщина в сером платке, цветастой кофте и черных мужских штанах. В руке она держала какой-то зубастый инструмент, напоминающий средневековое орудие пытки, не знаю уж, как он называется. Ну, словом, типичная дачница старой, еще советской формации.

– Здравствуйте, Лидия Степанна, – сказал я, каким-то чудом вспомнив, как зовут соседку.

– Привет, Андрей! Тут, пока вас не было, двое каких-то приезжали... Хотели купить участок. Но это не для себя, я таких сразу вижу. По-моему, они хотели здесь магазин устроить. А что – от дороги ваш участок ближе всех, ворота

удобно расположены... Ну, я им сказала, что хозяева точно продавать не будут, они и уехали, даже телефон не оставили.

И Лидия Степановна улыбнулась и даже приосанилась – вон типа, какая я вся из себя умница! Я сделал вид, что не собираюсь стирать соседку в порошок прямо сейчас. Она между тем продолжила:

– Я смотрю, вас наконец-то потянуло заниматься нужным делом? А то от ваших сорняков столько мусора летит... Что будете садить?

Хороший вопрос...

– Баклажаны, – назвал я первое, что пришло на ум.

По-моему, тетка слегка удивилась.

– И это... Всё, что ли?

– Нет, не только. Помидоры еще.

– Так уже поздно высаживать-то, – произнесла Лидия Степановна с сомнением. У вас рассада-то, наверное, уже всю квартиру заполнила.

– Нет, вы знаете, я передумал, – сказал я более честно, тем более что никакой рассады у нас в квартире отродясь не водилось. – Я хочу сделать простую лужайку. Только трава и дорожки. И бассейн перед домом.

– Ну вот, все вы такие, – разочарованно вздохнула соседка. – Зачем же тогда дача, если ничего не выращивать?

– Как зачем? Отдыхать! Будем приезжать сюда каждые выходные на трех-четырёх машинах, шашлыки жарить, баньку топить, песни под гитару петь до утра... Вот это и будет от-

дых!

Похоже, от подобной перспективы Лидия Степановна не просто пришла в ужас, а в впала в шок. Про себя усмехаясь, я запустил мотор косилки и пошел «брить» огород. Я уничтожил все – сорняки, чахлые остатки когда-то культивируемых овощей и даже несколько кустов в углах участка. Разумеется, растущие перед фасадом дома яблони я трогать не стал – с ними участок выглядел уютней. Да и косилка бы не справилась.

В общем, вкалывал я как негр на плантации. Три часа с одним перекуром – для меня это было непривычно много. При этом на участке еще дел оставалось прилично, а впереди – дом, сарай, баня и забор... А я даже пива не взял, рассчитывая вернуться домой сегодня же, и при этом на авто... А теперь можно было подумать и про ночевку. Значит, надо исправлять ошибки. Я завел двигатель «жигулей» и поехал в сторону магазина. Можно было бы и пешком, но я запланировал купить не менее полутора литров пива, и чего-нибудь еще поесть, а тащить все это в руках было лень. (Да-да, Валя, я знаю, что бы ты про это подумала!)

Но если бы я знал, чем закончится моя короткая поездка в магазин, то, наверное, согласился бы просидеть до вечера на даче голодным и трезвым. Да только сомнительно, чтобы это хоть чем-нибудь помогло.

...Над дверью в магазин красовалась большая вывеска: «Маркет КРУИЗ». Рядом – табличка поменьше: «ИП Се-

мужный Г. Ч.» Выглядело это заведение как обычное сельпо, причем как снаружи, так и внутри. Господина Семужного Г. Ч. (интересно, что означает это «Ч»?!) в магазине не оказалось, там за прилавком трудилась одинокая особа неопределенного возраста, бледная и невзрачная. Однако пива там было много и разного, закуски тоже на любой случай, и я без проблем затоварился всем необходимым и понес покупки к машине.

Рядом с «жигулями» стоял огромный темно-синий «БМВ» седьмой серии. Хорошая машина – я уже обратил на нее внимание, когда ехал на дачу. Возле баварского шедевра стояли трое – и все трое выглядели весьма не в духе. Но походили они вовсе не на бандитов или уж особо деловых людей. Двое из них казались неместными. Более того – прибывшими из очень далекого далека, если судить по акценту. Эти двое были очень недовольны их собеседником, который, в отличие от них, смотрелся здешним.

– Вы, Владимир, поступили очень неправильно, – вещал один иностранец, высокий, светловолосый, одетый в бежево-коричневый костюм и странного вида рубашку под пиджаком, похожую на серый мешок. – Мы ведь договорились, в каком месте нам нужен дом и на каких условиях!

– Это был прекрасный дом, – заламывал руки наш земляк, видимо, риэлтор. – Три этажа! Огромный участок! На охраняемой территории! И всего за каких-то шесть тысяч в месяц!

«Что-то негусто», – подумал я, уже садясь в машину и собираясь уезжать.

– Во-первых, – продолжил иностранец, – мы договаривались за четыре максимум! За четыре тысячи долларов! А не за шесть! Во-вторых, я же сказал: никакой охраны!

– И кроме тех, – вмешался второй иностранец, низенький, коренастый и с небольшими усиками, – его расположение вдалеке от автострад, это не есть хорошо для нас!

Этот был одет в черный костюм, другого покроя, но рубашка была один-в-один как у его товарища. Говорил он по-русски отвратительно, хотя и вполне понятно. Акцент выдавал в нем англичанина или американца. Скорее второе. Он и его товарищ чем-то напоминали двух неположительных персонажей из мультфильма про поросенка Фунтика.

– Подобных домов вне охраняемых территорий сейчас очень трудно найти, – жалобно произнес риэлтор. – Вас же не устроил бы вот такой сарай... – И он ткнул пальцем в ближайшую дачу. Лачуга на этом участке действительно выглядела так, словно вот-вот рассыплется.

– Это не подходящий дом, – заявил первый иностранец. – Вы чем дальше, тем все меньше мне нравиться. Мы же ясно вам сказали: надо дом на окраине поселка, без какой-либо посторонней охраны, не менее двух этажей... Чтобы дом не было виден с дороги, но чтобы недалеко от bus station... Остановки автобуса. Вы нас возите по подозрительным дистриктам уже второй день, и при этом показываете совсем

другие варианты и, как правило, более дорогие!

– Вот смотрят американцы на такие как вы, – добавил укоризненно толстый, – и потом рассказывают про плохое отношение в России!

– Мы больше не желаем с вами работать, – сказал высокий, протягивая риэлтору бумажку в пятьдесят, кажется, долларов. – Вы и этих денег не заработали, – менторским тоном добавил он, когда агент попытался робко возразить.

Риэлтор забрался в свой (наверное, все же арендованный для показухи перед американцами) «БМВ», и тяжелая машина умчалась, подняв столб пыли.

– Jesus Christ, а как мы теперь вернемся в отель? – спросил толстый у своего товарища по-английски.

– Мы найдем автомобиль, брат Дэвид, – ответил светло-волосый. – Это очень легкое испытание, слава Иисусу!

– Слава Иисусу, – повторил толстый и его взгляд упал на мои «жигули». – Вы водитель этой машины?

– Yes, I'm the driver of this car, – рискнул я перейти на международный сленг. Хорошо, что я его более-менее прилично понимаю. Хотя и говорю с ошибками.

– Вы не могли бы отвезти нас в отель? Это возле железнодорожного вокзала?

– Никаких проблем! Садитесь!

– Слава Иисусу, – почти хором произнесли американцы и полезли в машину. Высокий, видимо, был главный в этой компании, он сел рядом со мной, «Брат Дэвид» вкатился на

заднее сиденье.

Не успел я тронуть машину, как высокий сразу же полез в бумажник и вынул еще одну бумажку в пятьдесят долларов.

Я, конечно, достаточно жаден – это я про себя хорошо знаю. И знаю, что жадность еще никогда не доводила меня до добра. Кроме того, я знаю тарифы такси.

– Это слишком много, – сказал я. – Двадцати долларов будет вполне достаточно.

Вальку бы перекорежило, услышь она подобное. Но я и без того увеличил среднюю цену такого пробега примерно в два раза.

– Оу! – донеслось с заднего сиденья. – Добропорядочный человек в России – это такая редкость, брат Ричард! Благослови вас Господь, молодой человек!

– Благослови вас Господь, – повторил высокий, меняя купюру.

Мне стало неловко, и я, чтобы скрыть смущение, спросил:

– Скажите, вы, наверное, из какой-то особенной церкви?

– Мы – представители Всемирной Евангельской Церкви Нового Завета, – по-русски сказал «брат Ричард». Каждое слово он произносил так, словно все они были написаны с заглавных букв.

– Хотите открыть представительство в Сибири? – поинтересовался я. Причем без всякой задней мысли.

Евангелисты не стали торопиться с ответом. Я тем временем подъехал к своей даче, но тут из узкого переулочка приня-

лась выбираться «газель». Даже для такого небольшого грузовика угол поворота был очень острый, машина принялась маневрировать туда-сюда, а я посмотрел на дом, возле которого сегодня занимался облагораживанием участка. Двухэтажный дом на окраине поселка, где нет никакой посторонней охраны. Его не видно с трассы, но остановка автобуса менее чем в трех минутах ходьбы...

– Out of town only, – негромко, но отчетливо сказал высокий иностранец.

– Послушайте, мистер Ричард... Вы ведь ищете загородный дом, я правильно вас понял? – спросил я.

– Да, совершенно верно, – ответил американец.

– Посмотрите на этот, – показал я пальцем на свою дачу. В этот момент я даже не предполагал всерьез, что миссионеры хоть как-то заинтересуются. Посмеются, да поедем дальше. Минут через сорок я сюда вернусь с честно заработанной двадцаткой, и продолжу свое занятие.

«Газель» наконец-то выбралась из переулка и направилась к трассе. Я включил первую скорость и поехал следом. Сидящий рядом со мной высокий повернулся ко мне затылком – видимо, он внимательно смотрел на проплывающий справа от машины забор участка.

– По-моему, это интересное место, брат Ричард, – послышалось сзади.

– По крайней мере, лучшее из того, что мы видели, точно... Молодой человек, притормозите, пожалуйста.

Я не стал заставлять себя упрасивать. Американцы вышли из машины и принялись внимательно рассматривать дом, забор и то, что они еще тут могли видеть. До меня доносились обрывки фраз на английском: «место хорошее... дом мал... сейчас лето, можно прямо на участке... кажется, тут достаточно тихо...»

– Вы знаете, – нагнулся к окну Ричард, – мы, наверное, не поедем в отель. Нам придется кое-кого найти.

– Вы говорите о хозяине этого дома? – спросил я.

– Не буду отрицать, мне бы хотелось с ним познакомиться.

– В таком случае, – сказал я, выходя из машины, – велкам.

Хозяин этого дома – я.

* * *

– Ого, это как ты настолько быстро сумел управиться? – удивилась Татьяна, впуская меня в квартиру.

– Сейчас расскажу, – заявил я. – Ты просто упадешь!

– А зачем пиво принес?

– Сейчас узнаешь... Тащи кружки, есть повод веселиться!

– Ну... У нас как бы гости, – несколько смущенно сказала Таня.

– Экая беда! Кружек на всех хватит!.. А кто, кстати?

– Эльвира. С нашей работы новая сотрудница... Помнишь, я тебе рассказывала?

Если честно, я не помнил ни единого случая, чтобы Та-

ня мне хоть что-то рассказывала про какую-нибудь Эльвиру с их работы. Хотя, справедливости ради, бывало (и не раз), что я просто пропускал мимо ушей малоинтересную для меня информацию, получаемую от Татьяны – в основном как раз касающуюся ее сотрудниц: кто от кого ушел, кто с кем сошелся, у кого муж сволочь, ну и так далее.

Поэтому я пробурчал что-то похожее на согласие, и полез в сервант за пивными кружками.

– Не надо, наверное, – неуверенно произнесла Таня.

– Она не пьет пиво? – спросил я.

– Нет.

Я убрал одну кружку обратно.

– Убирай вообще.

Так, это уже интересно. Таня, конечно, пьет гораздо меньше меня, а я ведь сам далеко не алкоголик, что бы там ни говорил мой бывший тесть. К тому же еще не было случая, если я по какому-нибудь случаю приносил баклажку пива, бутылку вина или фляжку коньяку, а моя гражданская жена вдруг отказалась бы составить мне компанию, хотя бы и символически. Исключения происходили два-три раза, но это когда мы находились в состоянии суровой ссоры и не разговаривали, а сейчас-то что творится? И что это за Эльвира такая?

При всех своих достоинствах имелся у Тани один очень большой недостаток: она была излишне подвержена влиянию со стороны приятельниц. И ладно бы дело касалось шопинга или кулинарных изысков – так нет! Почему-то она как

магнитом притягивала каких-то сумасшедших бабенок, исключительно незамужних и свихнувшихся то на фэншуйе, то на спиритизме, то на стране Лемурии. А то и на радикальном феминизме – это вообще сушите весла. До нашего знакомства ее даже разок соблазнили (Таня сама как-то призналась), да и после знакомства мне самому однажды пришлось чуть ли не с лестницы спускать излишне навязчивую подружку-мужененавистницу. То есть, не могу сказать, что я пребывал в восторге от Таниных новых приятельниц.

Тем не менее, от знакомства все равно теперь не отвертеться. Похоже, Эльвира надеялась – они посидят с Татьяной вдвоем, а тут на тебе – мужик притащился, да еще с пивом, тогда как женщины решили культурно ударить всего лишь по бисквитам с чаем.

Новоиспеченная Танина приятельница действительно не пила и не курила. Вообще. Кстати, она оказалась очень красивой, будучи внешне почти полной противоположностью Тане. Чтобы представить Таню, посмотрите фильм с Линой Ромэй в ее лучшие годы – невысокой симпатичной блондинкой среднего роста с мягкими формами. В отличие от нее Эльвира была сравнительно высокой, с точеной фигурой (насколько это можно было предположить, учитывая ее сравнительно чопорную манеру одеваться), с правильными чертами лица и аккуратно подстриженными в каре почти черными тяжелыми волосами. Глаза карие, нос небольшой, губы, едва тронутые помадой, пожалуй, тонковаты. Никаких колец

и браслетов (только часы), простейшие серьги, а на шее тонкая цепь с небольшим крестиком.

Поначалу меня немного раздражала артикуляция Эльвиры – ну, знаете, еще совсем недавно у некоторых девушек и метросексуальных юношей был такой «тренд» – имитировать иностранный акцент путем растягивания гласных и глотания окончаний слов. Но, несмотря на то, что мы беседовали совсем недолго, я вскоре сумел убедиться, что девушка остроумна, неглупа и начитана, да и вообще, хорошо понимает, что вокруг происходит. Тут, кстати, и Таня начала проявлять некоторое беспокойство: а не слишком ли много я начал уделять внимания ее новой знакомой, да еще молодой, умной и красивой одновременно?

Поэтому я подумал и, убедив самого себя в том, что у меня нет криминального интереса к Эльвире, ретировался на балкон, причем с пивом и сигаретами, где принялся отравлять свой организм в одиночестве. Мне, конечно, не терпелось рассказать Тане о том, как я лихо провернул сегодня сделку, сам того не ожидая, но мне не хотелось делать этого при посторонних. Пусть даже молодых, умных и красивых.

* * *

... «Брат Ричард», который носил хрестоматийную фамилию Бэрримор, остался доволен осмотром. Да, конечно, определенное запустение участка есть, но это не беда – при-

хожане приведут сад в порядок. Да, не очень хорошо, что в доме облупилась краска и отстали обои – но прихожане будут счастливы сделать мелкий ремонт самостоятельно. Печь выполнена в форме камина – просто превосходно! Баня, конечно, в таком виде не очень удобна, но прихожанам она не пригодится, да это не такое уж тяжелое испытание среди тех, что дарует нам Господь... А вот летняя кухня с прилегающим сараем выполнена весьма удачно – прихожане доведут ее до ума и в теплое время тут будет организована трапезная.

«Брат Дэвид» по фамилии Старлинг скептически отнесся к покосившейся уборной, но заявил, что для прихожан она сгодится, а миссионерам придется заказать для себя биотуалет. После краткого религиозного диспута на тему «является ли наличие вонючего деревянного сортира божьим испытанием», миссионеры пришли к выводу, что вряд ли Господь станет настолько изощряться в мелочах, и потому заказ биотуалета стал делом практически решенным.

Но только, разумеется, после того, как будет решенным делом аренда этого дома и участка под нужды миссии Всемирной евангельской церкви Нового Завета.

Как известно из классики, согласие – это результат полного непротивления сторон. Конечно, принимая во внимание состояние построек и необъяснимое отсутствие трубопроводных коммуникаций, о четырех тысячах долларах в месяц речи и быть не может. Может быть, мистера Маскаева устроит сумма в семьсот долларов?

Вообще-то «мистера Маскаева» вполне устроила бы сумма в семьсот долларов. И даже вдвое меньшая. Ясно было, что американцы хоть чуть-чуть и разбираются в ценах на загородную недвижимость, но понять до конца, что такое «дача» в советских традициях, они просто не в состоянии. Убедившись в том, что им еще никто не пытался объяснить сущность дачной жизни, «мистер Маскаев» рискнул поднять цену до тысячи. Миссионеры вежливо засмеялись, и торг закончился на восьмистах долларах в месяц, исключая текущие расходы.

По-моему, от подобного предложения отказался бы только полный идиот. Я, правда, закинул удочку насчет продажи, но американцев это не заинтересовало. Может быть, когда-нибудь потом... Набравшись еще наглости, я потребовал плату за три месяца вперед. Миссионерам это не понравилось абсолютно, но на два месяца они все же согласились. Я сразу же прикинул стоимость «Жигулей», и убедился, что если вложить еще немного, то грузовик, можно сказать, у меня в кармане. И при этом – что особенно приятно – дача останется у нас и будет еще приносить стабильный доход, по крайней мере, в течение года. И даже в зимние месяцы. Хотя я плохо представлял, как будут справляться американцы в тридцатиградусные морозы, и даже осторожно поинтересовался, знают ли они там у себя в Штатах про то, что такое настоящая зима? Ричард Бэрримор усмехнулся: он родился и вырос в канадском Доусоне, на том самом Юконе,

а в тех краях стужа позлее будет, чем в Западной Сибири. Дэвид Старлинг, всю жизнь проживший в Бруклине, что в Нью-Йорке, только вздохнул.

...Примерно через час у меня закончилось пиво, а женщины к тому времени наелись пирожных. Эльвира тепло попрощалась с Татьяной, а вот со мной – как-то уж очень сдержанно. Я не преминул это отметить про себя, а потом все же не удержался и спросил: а не имеет ли подружка склонности к феминизму? Хотя имел в виду совсем иное слово. Татьяна все поняла и хохотнула:

– Ни в малейшей степени. У нее муж есть, я видела, как он за ней после работы несколько раз приезжал.

– Понятно... Парень-то серьезный?

– Я его только издалека видела. Откуда я знаю? Машина простая, какая-то небольшая японка, вроде как нас была. Правда, Эльвира тоже иногда ездит на новом «шевроле», так что они вроде бы не бедствуют.

– Судя по всему, я ей не особо понравился...

– Еще бы! У них, знаешь, спиртное и особенно табак очень даже не в почете. Кстати, тебе бы тоже не мешало завязывать...

– Ну, начинается!

– Ничего не «начинается»! Ты же сколько раз говорил, что без повода и сам не видишь необходимости...

Нет, подружки – это реальное зло! Не знаю, как и чем эта Эльвира пролечила Таньку, но я от злости даже забыл похва-

статься сегодняшней сделкой, которая, кстати, и была поводом для небольшого угощения мелкоградусным напитком.

В общем, наш дальнейший диалог пошел в несколько напряженных тонах. Мы припомнили друг другу ряд взаимных неадекватных поступков, совершенных как сравнительно недавно, так и в более исторические эпохи. Ну, это было занятием почти привычным, более того, с некоторых пор оно превратилось в почти обязательный ритуал. С ритуальной же фразой «я тебе отдал (отдала) мои лучшие годы», после которой (неважно, кто из нас ее произнес), ссора прекращалась и начинала превращаться в вечер юмора и неприличных шуток. Поэтому лишь через полчаса, поглаживая лежащую рядом Таню кончиками пальцев по голой спинке, я вспомнил эту фразу: «У них, знаешь, спиртное и особенно табак очень даже не в почете».

– Это у кого это «у них»? – спросил я лениво, повторивши эту фразу.

– В той церкви, куда Эльвира с мужем ходят... – не менее лениво промурлыкала Таня.

– Они что – типа сектанты?

– Сам ты сектант, Маскаев... У них там все по серьезному. Денег, по крайней мере, никто не тянет, как в других... Есть, конечно, кое-что, чего я пока не понимаю.

– «Пока»? То есть, ты хочешь влиться в ряды этой паствы?.. Н-да, я был о тебе лучшего мнения. Вообще интересно. Сектанты обычно ловят на удочку людей одиноких, без

положения и перспективы, и вообще потерявших себя в этой жизни. Ты-то чего там забыла?

– Ой, прекрати уже. Сам знаешь, какие у нас тут «перспективы». И в общем, и в частном. А у них там, по-моему, интересно. Пойдем, сходим как-нибудь вместе. Все равно ты бездельничаешь.

– А вот тут ты ошибаешься, – я опять начал сердиться. – Я сегодня провернул отличную сделку по нашей даче.

– Нашел покупателя за пятьсот тысяч? – скептически поинтересовалась Таня.

– Нет, – торжествующе ответил я. И в красках изложил мою беседу со служителями иностранного культа.

– То есть, мои контакты с малопонятными церквями все же приносят какую-то пользу, – подытожил я. – Какой прок тебе от Эльвиры и ее друзей? Время убивать только.

– Подожди-ка. Ты еще ни копейки с этих американцев не получил... Мне другое не совсем понятно пока... Как, говоришь, этот Ричард назвал их секту?

– Во! Как у Эльвиры, так «церковь», а как у амеров, так «секта»! Впрочем, называй как хочешь, мне абсолютно поровну, какие принципы они там у себя исповедуют и какой рукой крестятся. «Всемирная евангельская церковь Нового Завета», так он сказал.

– Ты знаешь, – заговорила Татьяна после небольшой паузы, – мне не нравятся такие совпадения. Вспомни, как некоторое время назад вашу фирму купили японцы, и как почти

одновременно с этим тебе подкинули сувенир, из-за которого нам обоим потом чуть не отрезали головы...

Вообще, Таня отчасти права. Со мной иногда происходят такие закономерные случайности... Или случайные закономерности. Результат которых, как правило, непредсказуем, но почти всегда неизменно малоприятен.

– Это ты про Эльвиру насчет совпадения?

– Да не то что бы... Ты знаешь, они ведь называются точно так же!

– Неужели слово в слово?

– Кажется, да. Точно, «евангельская церковь Нового Завета»! Эльвира так и называла ее.

– Ну тогда кое-что с ней понятно!

– Что именно?

– Ты заметила, какая у нее манера разговаривать? Я как-то беседовал с одним православным священником, он так объяснял: необычная артикуляция, в основном у молодежи, связана как раз с тем, что они являются прихожанами иностранных церквей, по сути сект. Их руководители говорят с акцентом, как правило, с английским, и это неизбежно передается собеседникам. То есть, сакральный язык в каждой церкви свой, и это обязательно отражается на прихожанах.

– Это с каких пор ты стал общаться со святыми отцами?

– Да, это был один момент... Несущественный. Ходил как-то на бесплатные лекции.

Это было еще до Татьяны. Хотя уже и после развода. То-

гда я сошелся с одной девушкой, у которой на беду оказался брат-наркоман. Помню, я в течение порядочного периода времени принимал проблемы их семьи довольно близко к сердцу, вплоть до принудительного и весьма зверского «лечения» брата, и попыток направить его потом куда угодно, пусть даже в церковь. Неважно притом в какую. Не знаю, чем там все закончилось, я в конце концов расстался с той девушкой и, думаю, правильно сделал.

– Несущественный... – задумчиво повторила Таня. – Слушай, а мне что-то не нравятся твои проповедники. Поскольку я живу с тобой уже не первый год, то в случайности верить давно перестала.

– То есть, ты считаешь, что тебя принялась охмурять Эльвира, а тут раз – и на меня с другой стороны надели служители культа. Этак с двух сторон они нас обрабатывают, и через два-три месяца мы уже не будем принадлежать сами себе.

– Никто меня не охмуряет, да я и не думаю, что кто-то решил «наседать»... Ну, какой интерес можем мы для кого-то представлять?

– А вот. Помню, читал какой-то детектив. Там деловые люди пронюхали, что некий гражданин должен получить баснословное наследство из-за границы, так под это дело они с нуля слепили секту в духе Виссариона, втянули в нее мужика, и он переписал им все, что у него есть и даже то, чего у него нет. А так он и сам еще не знал, что ему скоро привалят большие деньги.

– Тебе, – веско сказала Таня, – уже «приваливало» какое-то подобие наследства. В итоге оно ничего хорошего никому не принесло, да и предназначалось оно, в конечном итоге, другому человеку.

– Это не тот случай. И, может быть, дело вовсе не в нас? Может быть, кого-то, не знаю точно – тебя или меня, просто используют для того, чтобы мы, сами того не зная и не желая, помогли неизвестно кому в каком-то деле? А раз человека используют втемную, то значит и дело это почти однозначно темное.

– Пока нет никаких явных признаков того, что нас хотят использовать.

– Согласен, может быть, я сгущаю краски, ничего неприятного нет, но, может быть, это не мои американцы подозрительны? А как раз наоборот – твоя Эльвира?

– Ерунду несешь, Маскаев! Откуда она-то могла еще четыре дня назад знать, что с тобой именно сегодня познакомятся эти миссионеры?! И потом – твоя церковь американская, а у Эльвиры...

Татьяна замялась.

– Вот! Все эти евангельские приходы созданы за бугром, оттуда же и финансируются! – уверенно заявил я. – У нас доморощенные культисты ведут себя иначе: либо это безобидные обливанцы по методу Иванова, либо их глава – никак не меньше, чем сам Иисус, воплощенный в какого-нибудь завлаба или медсестру. Таня, я опять напоминаю, что твоя при-

ательница говорит с каким-то странным акцентом!

– Это ни о чем не говорит! Я помню, давно еще, пыталась торговать «Гербалайфом», так вот, там практически все, кто до более-менее высоких уровней дошел, тоже с такой артикуляцией разговаривали.

– Ну, не надо забывать, что руководители высоких уровней тоже иностранцы. И что манера речи у работающих в сетевых маркетингах тоже может передаваться сверху вниз...

– Ладно, убедил. Хорошо, допустим, в церкви, куда ходит Эльвира, заправляют американцы... Да подожди ты, я сказала «допустим». Так вот, более чем странно, что одна и та же церковь сначала приглашает меня посетить их собрание, а параллельно затевает с тобой сделку по съему дачи.

– Ладно. Так что тогда делать будем?

– Надо разобраться, закономерно тут все или случайно. Может быть, Эльвира действительно никакого отношения к твоим миссионерам не имеет. А до тех пор, может быть, потянешь время с ними? Ну, хотя бы на два-три дня?

– На пару дней максимум, – сказал я. – Нам нужны деньги. А тут как раз деньги, неплохие и сравнительно легкие.

– Завтра вечером сходишь со мной на собрание? – спросила Таня тихонько и прижалась ко мне. – Я обещала Эльвире, что приду сама и тебя приведу.

Если даже не принимать во внимание иностранные инвестиции в мой карман, я в любом случае готов был отправиться с Таней на сборище. Хотя бы затем, чтобы посмотреть,

в какое болото ее пытаются затащить, и каким образом не допустить того, чтобы она разрешила проделать над собою подобное насилие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Послушайте, мистер Маскаев, мы бы хотели закончить наши дела именно сегодня!

– Прошу прощения, мистер Бэрримор, но сегодня у меня форс-мажорные обстоятельства! К сожалению, я сегодня очень занят, и смогу оформить сделку только завтра.

«Брат Ричард» долго еще сокрушался на русском и английском языках по поводу того, что их церковь так надеялась на то, чтобы все прошло как можно скорее, и что чем быстрее заработает миссия, тем будет лучше для всех, не только миссионеров, но и для «мистера Маскаева», а главное – для тех сибиряков, которые уже много лет жаждут прикоснуться к великой истине, но пока не имеют такой возможности. Я осторожно заметил, что один день мало что изменит для тех, кто ждет годами, в ответ получил легкое обвинение в недальновидности, а также твердое обещание в том, что дверь миссии всегда будет открыта не только для меня, но и для всех, кого я смогу привести. Если не ошибаюсь, Бэрримор намекал на определенную мзду, и я сделал для себя небольшую мысленную заметку на будущее.

Пора было думать о настоящем. Примерно полдня я убил на то, что лазил по сайтам, где продавали бывшие в употреблении японские автомобили, отмечал объявления в газетах и

звонил, звонил... Во второй половине дня я пришел к выводу, что четверть подающих объявления – жлобы, каких мир не видывал, другая четверть – просто неадекватные люди, а еще четверть успела продать свои машины еще до того, как их объявления увидели свет. В оставшейся четвертой части всё было как всегда – либо по деньгам, но «дрова», либо прилично, но за пределами дорого. Так что к моменту нашего выезда на собрание секты или, если угодно, церкви, я пребывал в весьма дурном настроении.

Поехали мы на наших старомодных «жигулях», так как до дома культуры имени Островского, где проходили эти встречи, надо добираться через весь город и (в случае использования общественного транспорта) с кучей пересадок. В любом случае на авто быстрее.

В благословенные девяностые, помню, плюнуть было некуда, чтобы не угодить в какого-нибудь активного культиста, приглашающего восславить Иисуса, Кришну, а то и представителя «темных сил». Сейчас, по всей видимости, рынок религиозных услуг насытился, перешел в фазу стагнации и до определенной степени скрылся в подполье. Не надо забывать, что основные наши конфессии терпеть не могут сектантов, потому что переживают за незрелые умы молодежи, или просто не выносят конкурентов – в сущности, истинные причины не так уж и важны. Важно то, что и в девяностые, и сейчас, борьба за неохваченные слои населения ведется, хотя сегодня это и не так заметно. К тому же, среди

неохваченных остались ведь не только колеблющиеся, но и точно знающие, что им нужно от этой жизни. Такие, как я, например.

В холл дома культуры входили прилично одетые мужчины и женщины, некоторые парами, реже – небольшими компаниями, кое-кто – в гордом одиночестве. Мы с Татьяной торжественно, под руку, точно молодожены, поднялись по широкой мраморной лестнице к входу, где, возле массивных стеклянных дверей нас поджидала чета Столяровых – Эльвира и ее муж – крупный, широкоплечий и зубастый. Мы все поздоровались, я пожал руку мужчине. «Павел», – коротко представился тот, встряхивая мне кисть. Рукопожатие было крепким. Да и выглядел Столяров относительно прилично – костюм с галстуком, кожаная барсетка... Если менеджер, то не нижнего звена, но если бизнесмен, то вряд ли птица высокого полета.

На собрании в зрительном зале, где присутствовало чуть менее полусотни человек, мне сразу же стало скучно, к тому же, подобные картины я видел и раньше. Стоящие на сцене произносили цитаты из разных Евангелий, краткие, словно посты пользователей твиттера, сидящие в зале согласно бормотали, кое-кто из них затем поднимался, чтобы изложить свою точку зрения на театр абсурда, происходящий в стране и в мире, и подкрепить ее опять-таки фразой из Писания. Заметил я только одно – ни у кого, даже явно у старших «братьев» не было ни малейшего намека на псевдоанглий-

ский акцент. Ну, разве что, у пары девушек. Так что, артикуляцию Эльвиры вполне можно было списать либо на издержки имиджа, либо на тлетворное влияние какого-нибудь сетевого маркетинга – многие же прошли через разного рода MLM в свое время. Тоже, кстати, своего рода культ.

Ближе к концу собрания человек пятнадцать со сцены затянули какой-то гимн, все в зале встали (пришлось и приглашенным, включая меня, оторвать свои зады от стульев), многие взялись за руки и принялись внимать. Кто знал слова, потихоньку подпевал. Краем глаза я посмотрел на Татьяну, опасаясь увидеть признаки излишнего сопереживания происходящему. Но, вроде, пока ничего такого не было заметно – ни блестящих глаз, ни покрасневшихся щек. Стоит просто, смотрит, да слушает себе – ладно, пока вроде ничего страшного.

После песнопения и следовавших за ним отрывочных и нестройных инвокаций с мест, кто-то притащил брошюры. Ну, что ж, знакомство с инструкцией по эксплуатации никогда не было лишним. Пока завсегдатаи с явно искренней теплотой неформально общались друг с другом в отделанном зеркалами, мрамором и золочеными колоннами вестибюле ДК, я отошел немного в сторону и перелистал брошюру. Сделана достаточно качественно, тисненая зеленоватая обложка, плотная бумага, хорошая полиграфия. Отпечатана в Туле, не ближний свет, конечно... Ну, по тексту, впрочем, все ожидаемо: слава Иисусу, кто не верует, тот подобен

слепому и все такое. Ага, вот собственно, и название мелькнуло: «Всемирная Евангелическая Церковь Нового Завета». Почти то же самое, но все-таки одно отличие нашлось. Интересно, насколько оно существенно?

Я поискал глазами Павла, он как раз что-то излагал небольшому кругу «братьев» и «сестер», а также интересующихся (в лице Татьяны). Компетентно излагал, не иначе... Я приблизился, и Павел воскликнул:

– А вот, кстати, наш новый гость на этой встрече... Андрей, коль скоро вы здесь, у вас наверняка возникли какие-то вопросы? Если так, спрашивайте, не стесняйтесь!

Ну, держись, братец Заяц...

– Будьте добры, объясните мне, в чем разница между понятиями «евангельский» и «евангелический»? Я предполагаю, что разница тут не только семантическая, но и богословская, так ли это?

Павел широко улыбнулся и без малейшей неуверенности изрек:

– Когда мы говорим «евангелический», то подразумеваем род занятий человека или организации, но ничего не говорим об их конфессиональной принадлежности. Тогда как «евангельский» обычно относится к одному из основных направлений христианства, хотя не обязательно идентифицирующий ту или иную конфессию. Наша церковь относится к евангелическому направлению христианства, но у нас есть евангелисты по роду занятий, хотя я, например, таким

не являюсь, поскольку род моих основных занятий лежит в несколько иной плоскости.

– То есть, в названии вашей церкви заключено более широкое понятие, нежели у некоторых протестантских конфессий? – спросил я, не без труда сумев разложить по полочкам довольно витиеватое разъяснение.

– Совершенно верно! – почти с радостью подхватил Павел, но я видел, что он несколько озадачен. Видимо, вновь приглашенные, как правило, задавали совсем иные вопросы. – Грубо говоря, церковь, которая позиционирует себя как «евангельская», по нашему мнению, излишне ортодоксальная, в худшем смысле этого слова, а ее прихожане перегружены догмами. Которые, если подумать, в современном обществе выглядят так же нелепо, как табу примитивных племен.

Собравшиеся кружком одобрительно забормотали.

– Это очень похоже на экуменизм, – я выразил своим тоном сомнение в самой сущности этого слова.

Таня смотрела на меня с удивлением. Действительно – религиозные диспуты на дому мы еще никогда не устраивали. Но она, скорее всего, предполагала, что я неспроста принял вызов, и ждала от подвоха от моих реплик. Она хорошо знала, как я люблю выставлять убежденных в своей правоте людей на посмешище.

– Что есть экуменизм? – произнес Павел. – Единство – это всегда благо, в отличие от раскола. Вот, послушайте... –

Он открыл Библию, перелистал несколько страниц и изрек. – «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня». Евангелие от Иоанна. Сам Иисус не был противником экуменизма, если уж на то пошло.

– Все понятно, – я кивнул. – «Пусть расцветают все цветы». Раз вы предполагаете определенную широту взглядов и отказываетесь от жесткого набора догм, не предписывает ли «всемирная Евангелическая церковь Нового Завета» каких-нибудь принципов, правил и ограничений для прихожан?.. Если я правильно привожу здесь этот термин, конечно.

– Мы называем друг друга братьями и сестрами, – сухо заметил Павел. —

Мы не стремимся подавлять волю или навязывать ограничения, подобно некоторым религиозным организациям, руководители которых уверяют, что действуют именем Иисуса. Мы не запрещаем переливания крови. У нас нет разграничения типов пищи на постную, скоромную, кошерную или какую-то еще подобную. Некоторые из нас позволяют себе употреблять алкоголь в небольших, естественно, количествах, хотя лично я считаю это излишеством на грани греха. Наркотики, включая табак, мы не приемлем. Что касается вопросов проявления веры, то у каждого человека они индивиду-

альны. Одному нужно все стены увешать иконами – ради Бога! Другому достаточно распятия над телевизором – не проблема, да и неплохо – лишний раз подумает, стоит ли смотреть всякие мерзости. Третий носит крест на груди – значит, он считает, что Иисус всегда с ним. Четвертый вообще может обходиться без символов – это его право, если Господь находится в его душе.

Нет, Павел – это несомненно, подготовленный собеседник. Я решил его подколоть:

– Разве принцип безразличия к конфессии, при условии веры в бога, не один из ключевых постулатов в масонстве?

– Если забираться так глубоко, то наш ключевой принцип – это, как говорят по-английски, «open communion». Согласно ему, нашим братом может стать любой крещеный христианин, не отрицающий Троицу, но и признающий Иисуса как Господа нашего. Если вы действительно хоть что-то знаете про масонов, то наверняка знаете и то, что они отвергают этот постулат.

– А как вы давно существуете? – сделав вид, что отсыл к англоязычным принципам прошел мимо моих ушей, я перешел к примитивным вопросам.

– Как общественная организация наша церковь зарегистрирована в девяносто втором году, но ее подвижники подготовили задел еще в семидесятые...

– Приходилось слышать, что все евангелические приходы в России изначально созданы за рубежом, либо организова-

ны здесь иностранными миссионерами. Как насчет вас?

– Мимо, – просто ответил Павел. – Наша церковь создана на территории России, вернее, еще Советского Союза, исключительно силами наших соотечественников.

– В названии есть слово «Всемирная»...

– Наши братья и сестры есть и в других странах...

– Да и принцип «open communion» изобретен далеко не в Советском Союзе. Это можно заключить исходя только из одного лишь названия.

– Многие принципы, устройства и даже предметы изобретены в других странах. Вот у девушки в руке телефон. Вот у меня простой блокнот. Они изобретены на Западе, но это же не значит, что ими нельзя пользоваться в нашей стране! Наконец, само христианство пришло к нам с Ближнего Востока, не надо забывать и об этом.

Та-ак, еще не демагогия, но уже софистика... Но и я выдохся – пожалуй, мне Павла не одолеть. Он, все-таки, специалист в словесных баталиях, куда уж мне до него... Хотя напоследок почему бы не озадачить?

– Мне точно известно, – сказал я, – что в нашем городе есть миссия, секта или конфессия, не знаю, к какому виду культов ее отнести... Но называется она практически так же, как и ваша церковь, а именно: всемирная, именно евангелическая и именно Нового Завета. Если это не совпадение, то что тогда?

– Я вам не верю, – произнес Павел.

– Это чистая правда. И заправляют в той церкви самые настоящие американцы.

– Я не думаю, что они имеют к нам хоть какое-то отношение. Более того, я уверен, что они вообще не те, за кого себя выдают.

– Откуда такая уверенность?

Павел вновь пролистал Библию и произнес:

– «Ибо люди эти – лжеапостолы. Они обманщики в своих трудах и пытаются выдать себя за Апостолов Христовых». От Матфея.

Пожалуй, для человека верующего это было бы железным аргументом. Для меня – не особенно. Но я больше дискутировать не мог. Да и Павел напустил на себя такой вид, будто ему пора собираться. К тому же, к мужу подошла Эльвира и бросила быстрый взгляд на свои часы.

– Я надеюсь, что у нас еще будет возможность поговорить, – сказал мне Павел на прощание с улыбкой, чуть кислой.

– Возможно, – ответил я и тоже слегка осклабился. Мне не очень хотелось сюда возвращаться, но сам Павел показался мне интересным собеседником. Я давно не получал такого удовольствия от дискуссий.

...Домой мы возвращались поначалу в молчании, которое только минут через десять нарушила Таня:

– Я думала, что хорошо тебя знаю. А оказывается, это совсем не так. Ты меня удивил сегодня.

– Я вообще-то не только сериалы по зомбоящику смотрю, ты же это знаешь...

– Конечно. Но ты с Павлом дискутировал на равных, а Эльвира меня уверяла, что новичку Павла убедить невозможно. Я ведь заметила, что он понемногу начал сдавать позиции...

– Это она тебя задержала? – спросил я. Под разговор я завел машину, а сам отошел чуть в сторону покурить – почему-то мне не очень хотелось, чтобы культисты видели меня с сигаретой.

– Да, она предложила мне снова прийти на собрание.

– Без меня?

– Об этом не было разговора.

– Похоже, я ей совсем не нравлюсь.

– Почему-то да. Но ведь ты же не собирался, как ты любишь иногда делать, Павла дураком выставить?

– Павел оказался достаточно умен для того, чтобы выставиться дураком... А с чего ты так решила?

– Так бывало же, что ты чего-нибудь такое отмочишь, и потом с нами хорошие люди перестают общаться.

Я отлично знал, на что Таня намекает. Как-то она увлеклась астрологией, причем в самом примитивном ее проявлении, ну, сами знаете, это вроде когда женщины читают «гороскопы» в дамских журналах и пытаются следовать советам. Я некоторое время работал экспедитором в одной крупной редакции и видел собственными глазами, как там у них спе-

циально обученный человек сочинял «астропрогноз» в очередной номер. Сидя в курилке, он рассуждал примерно так: «вчера Овнам мы советовали быть осторожнее на дороге. Ага, значит, сегодня пусть остерегаются возвращаться домой позже полуночи. А Ракам чего бы напророчить?.. О. Вечером возможна романтическая встреча». И так далее и тому подобное. Я почти уверен, что штатные астрологи в средствах массовой дезинформации, включая телевидение и глянцево-журналы, сочиняют зодиакальные руководства к действию примерно таким же образом. Как-то я изложил эти наблюдения и соображения одной из Таниных приятельниц, и сразу же превратился в ее личного врага. И другая дама тоже дико обиделась, когда у нее с моей подачи вышел конфуз. Как-то мы с Таней были приглашены на какую-то вечеринку, женщины после третьей порции мохито принялись обсуждать гороскопы, и тут я (приняв кое-чего покрепче) вдруг решил поразить их своими глубокими познаниями. Сказал так примерно: «Девушки! Про восточные и друидские гороскопы уже все давно знают, а вот в курсе ли вы, что у северных народов, ну там чукчей и прочих эскимосов, тоже свой собственный гороскоп есть?» Ну, дамочки, конечно, глаза-то вылупили, а я продолжил: «У них он, конечно, примитивный, всего-то три знака – Олень, Тюлень и Таймень». Те из женщин, кто меня хотя бы немного знал, шутку оценили, а вот одна мадам (с высшим образованием, кстати), где-то впоследствии решила блеснуть эрудицией. Блеснула. С нами

она с тех пор действительно не здоровается.

– Это ты про Трефильникову? Ну так она ж настолько блондинка, что даже слово «бутик» до недавнего времени произносила с ударением на первый слог. Еще раз говорю, что умного человека я не стану дураком выставлять. Это бессмысленно, еще и самого, чего доброго, дебилом станут считать.

– Может быть, мне перекраситься? – рассердилась Таня, потряхнув своими чудесными волосами.

– Не вздумай. Дело ведь не в цвете волос. Ты-то у меня девочка умная, а с такой, как Трефильникова, я и недели бы прожить не смог.

Кстати, это было чистой правдой, и Таня это знала. Но знала она и о том, что ее прогнозы относительно моих авантюр имеют свойство сбываться, а потому быстренько сменила тему и сказала почти безнадежно:

– Может, ты все-таки не будешь сдавать дачу твоим сектантам?

– А может, я сам решу, как мне поступать?

– Эта дача, вообще-то наша общая, и я тоже имею к ней какое-то отношение...

– Послушай. У этих попов, конечно, могут быть причуды, но я уверен в одном: дачу сдаю не пьяницам, не азартным игрокам и даже не обычным весельчакам, которые ездят на отдыхалово с девками, гитарами и большими ящиками с пойлом. По крайней мере, американцы точно не загадят

участок и не сожгут дом. Ну и соседям они вряд ли создадут проблемы.

– Насчет соседей... Лидия Степановна, кстати, та еще варвара с длинным носом. Ей все надо знать, а как она узнает о чем-то таком, что не укладывается в ее мозги, сформированные году этак в пятидесятом, то начнет бить тревогу. Я думаю, когда она слышит слово «американец», то у нее сразу же в голове возникает образ носатого злодея в полосатом цилиндре и с ядерной ракетой подмышкой, вроде того, как раньше в журнале «Крокодил» рисовали.

– Ты права, к американцам у многих традиционно настроенное отношение, – сказал я. – За это спасибо пропаганде. Но если мы с тобой все наши поступки будем поверять мнением каждой лидии степановны в городе, то...

– Ладно, Андрюха, делай что хочешь, только потом не говори, что я тебя не предупреждала!

– Потом ты и сама скажешь, что ошибалась! Поверь, если я берусь за дело, то это значит, что все будет хорошо!

Я думаю, что звонкий залиvistый смех, последовавший за этой фразой, как нельзя лучше подтвердил правоту моих слов.

...На следующий день все действительно прошло хорошо и на удивление гладко. Договор аренды был составлен, согласован и затем подписан с одной стороны – мной, а с другой – представителем иностранной общественной организации «The worldwide Evangelical church of the New Testament».

Представителем оказался вовсе не «брат Ричард», а третий член миссии, которого я раньше не видел – «сестра Кэсси», она же мисс Роузволл, оказавшаяся немногословной и невзрачной женщиной неопределенного возраста, среднего роста и веса, с волосами средней длины, практически пренебрегающая косметикой. Затем мы с мисс Роузволл сели в белый «форд», и поехали в гостиницу за миссионерами мужского пола. Сестра Кэсси, вопреки моим опасениям, водила машину превосходно, несмотря на довольно нервный режим движения в нашем городе. Словом, до гостиницы, а затем и до дачи мы доехали нормально. Возле отеля нас ждали Бэрримор и Старлинг, которые без лишних слов сели в авто. «Брат Ричард» то и дело бормотал «оу, Джизэс Крайст», когда нас подрезали другие автомобили, или когда «сестра Кэсси» вдруг агрессивно поддавала газу и объезжала затор по крайнему правому ряду, впритирку к припаркованным у тротуара машинам. Женщина действительно умела управлять автомобилем и ей, похоже, нравился сам процесс вождения.

Вселение «святой троицы» в дачный дом прошло тоже без помех. «Сестра Кэсси» недовольно потряхивала головой с прямыми, чуть рыжеватыми волосами, когда проводила холеными пальцами с коротко подстриженными ногтями по облупившейся краске оконных рам и стеновых панелей, по шершавым обоям в темных пятнах, по неровной побелке каминной полки... Зато «братья» были довольны. В отличие

от их коллег из отечественной, почти одноименной, церкви, эти не погнушались приложиться к рюмочке. На стол была выгружена бутылка виски (судя, по наклейке, купленная не далее ближайшего «Ашана»), к ней – бутылка обычной питьевой воды. Американцы резонно посчитали, что льда летом на пустующей даче они могут не найти. Зато они были уверены, что стаканы я найду, и не ошиблись.

Не успел я обрадоваться тому факту, что гости из-за океана хорошо усвоили наши традиции, как пришлось разочароваться. Виски было плеснуто буквально на пять миллиметров в каждый стакан, зато воды было добавлено столько, что цвет напитка стал почти незаметным. Второе разочарование последовало сразу же, потому что после обмытия сделки, почти нетронутая бутылка с виски была немедленно закупорена и убрана в буфет. Мисс Роузволл заявила, что теперь пора всем заниматься своими делами, а это означало, что арендодателю пора убираться восвояси.

Нет, все-таки им никогда не перенять местных обычаев! Хотя, если разобраться, может быть, этого им и не надо делать...

По возвращении из Шатунихи я встретился с парнем, который интересовался моими «жигулями» и который, после не слишком придирчивого осмотра, вдруг отсчитал мне небольшой задаток.

Вечер немного был подпорчен визитом Эльвиры. В лице Татьяны она видела потенциальную прихожанку, а я не скры-

вал того, что мне подобная перспектива не очень нравится. Судя по всему, Эльвира и на работе пыталась ненавязчиво прополоскать Тане мозг, но ей того было мало, потому она и притащилась к нам. На этот раз я не стал ретироваться, наоборот – уселся во главе стола, выдул три стакана чаю и сожрал не меньше половины выставленных Эльвирой пирожных. При этом я, не позволяя женщинам взять контроль над беседой, стрекотал сорокой радостной на тему продажи машины, договора аренды, перспективной работы и (вот тут сам черт дернул меня за язык) моих хороших отношений с иностранными арендаторами.

Дело закончилось тем, что Эльвира отправилась восвояси, будучи уже совсем в негативе от общения со мной, Таня заявила, что я излишне самоуверен и нагл. Это не помешало мне закончить вечер на мажорной ноте, напротив – свою самоуверенность и наглость я с удовольствием в очередной раз доказал Татьяне. Уже будучи в постели.

* * *

Рядом с крашенными в темно-зеленый цвет стальными воротами (которыми покойный Танин родственник очень гордился) человек явно таджикской наружности приделывал большую металлическую вывеску:

РУССКАЯ МИССИЯ

Всемирной Евангельской Церкви Нового Завета (сибирская епархия)

За действиями таджикского человека очень внимательно и очень неодобрительно наблюдала стоящая на улице Лидия Степановна. Одета, как и позавчера, в дачную униформу, она глядела то на табличку, то по сторонам, высматривая потенциальную собеседницу. Я сидел в машине, стоящей поодаль и надеялся, что именно сейчас Лидия Степановна не обратит на мое авто внимания и не станет ко мне приставать, требуя объяснений – мне очень не хотелось общаться с соседкой. Но сколько еще придется тут торчать? Миссионеры ждут меня для решения некоторых текущих вопросов, через пару часов мне нужно будет ехать на просмотр грузовика... Да и вообще.

Ожидания Лидии Степановны были очень скоро вознаграждены. Вдоль забора передвигалась незнакомая мне бабушка в белом платке, сером плаще и защитного цвета рюкзаком на спине – наверное, приехала на автобусе поковыряться в земле. Уж не знаю, знакомы ли были пожилые женщины между собой, но обсуждать новшества они принялись очень активно. Ухо отдам на отсечение, что новшества эти им совсем не нравились. Наверняка слова на вывеске казались им идеологически невыдержанными, а внешность чернявого таджика – ужасно подозрительной. Но не это главное. Главное – то, что хозяин дачи (в данном случае – я) вышел

за рамки приличий и, вместо того, чтобы по выходным заниматься квадратно-гнездовыми посадками, затеял извлечение нетрудовых доходов. А такие вещи, сами понимаете, не прощаются в силу определенных традиций.

Бабушка, видимо, слегка притомилась – судя по ее жестам, она принялась доходчиво намекать, что ей надо тащить свой рюкзак дальше. Лидия Степановна вняла (ну и ладно, пар-то выпустила). Собеседницы попрощались и разошлись. Таджик закончил свою работу и, оценивающе поглядев на дело рук своих, скрылся на участке, пройдя через дверь рядом с воротами. Дверь, кстати, была уже «облагорожена» – заново покрашена и снабжена массивной вращающейся ручкой.

Я набрал номер Бэрримора, и вскоре обе воротины (без обычного скрипа, надо отметить!) открылись, впуская мою машину на территорию.

Н-да, американцы взялись за дело с размахом! На участке кипела работа. Три человека той же таджикской наружности приводили в порядок фасад и крыльцо здания, две их соплеменницы буквально ползали по территории. Не знаю уж, что они там делали – я ведь вроде выкосил всю растительность, включая, наверное, и столбики для поддержки кустов. Но факт остается фактом – не прошло и двух дней, а дом и участок, ранее выглядевшие как обычная постсоветская дача, стали постепенно приближаться к декорациям голливудского фильма. Можно было долго еще поражаться этому об-

стоятельству, но лучше порадоваться; если даже через какое-то время миссионеры съедут, наверняка моя недвижимость будет выглядеть гораздо лучше, чем если бы я почему-то вдруг решил ее не сдавать.

Мы с Бэрримором тепло поздоровались, и «брат Ричард» провел меня внутрь дома, где большая комната первого этажа – «каминная» – готовилась под молитвенное помещение. Миссионеры теперь были без пиджаков, и свои странные грубые рубахи они сейчас носили навывпуск – в голове у меня пронеслось старинное слово «власяница». В такую же власяницу навывпуск была облачена и сестра Кэсси; мешковатая одежда надежно скрывала все возможные особенности фигуры мисс Роузволл. В отличие от брата Дэвида, который тоже радушно меня приветствовал, женщине я почему-то совсем не нравился. Смотрела она на меня примерно также, как Эльвира, то есть, излишне сурово и даже чуть презрительно, что меня, сами понимаете, задевало и слегка корбило. Про себя я подумал, что надо будет дома внимательно рассмотреть свою физиономию, с тем, чтобы разобраться – чего же в ней появилось такого, что стало вызывать подобную реакцию у женщин. Ну не было ведь подобного раньше! Не мог же я постареть или обрюзгнуть за несколько дней вынужденного безделья и валяния дома на диване!

Станным мне казалось еще и то, что в интерьере дома не появилось ни распятий, ни каких-либо образков христианского толка. Впрочем, Библия с крестом на обложке лежала

на столе, прямо посередине, всем своим видом показывая, что здесь все же вьет гнездо организация, исповедующая почти что традиционную религию.

Рядом с Писанием лежали еще два предмета: белый ноутбук с закрытой крышкой и картонная коробочка размером с сигаретную пачку. Приглядевшись, я заметил на ее поверхности вытисненные карточные масти. В принципе, я никогда не исключал того, что наши православные священники после трудов праведных могут себе позволить срезаться в подкидного дурачка, но от американцев я такого не ожидал. А с другой стороны – ведь не фанатики. Их миссией формально руководит женщина (что уже небанально), да и все они не отказываются от виски (пусть даже в гомеопатических дозах), так наверняка картишки – это не такой уж и порок... Некоторые протестанты, как доводилось слышать, карты как таковые не одобряют. По идейным соображениям. Кто-то мне говорил, что крести – это собственно, и есть крест, бубны – квадратные шляпки гвоздей, а пики – та самая пика, которой ударили распятого Христа. Значения четвертой масти я не помнил, и вообще с трудом понимал ее название – масти «червей», если только оно не произошло от каких-нибудь «червонных червонцев». Странная игра слов – если американец говорит «queen of hearts», то он имеет в виду вовсе не романтическую «королеву сердец», а всего лишь даму червей. «Дама червей» – вдуматься только в это тошнотворное сочетание слов! Ясно и то, что почти мистически звучащее назва-

ние известного романа Кинга «Сердца в Атлантиде» означает всего лишь картежную игру, присутствующую почти на каждом компьютере под майкрософтом.

Бэрримор заметил, что я обратил внимание на колоду карт и ослабился:

– Господь наш Иисус не запрещал игр, если они, конечно, не развращают душу и не убивают тело...

– Не буду спорить... Вы играете в «черви»?

(Конечно же, я произнес название этой игры по-английски – «хартс»).

– Что вы! Только старый добрый покер... Вы играете в покер?

– Боюсь, что нет.

– Ничего страшного. Как-нибудь приедете к нам вечером, обязательно примем вас в игру. В покер лучше играть вчетвером, чем втроем.

Я пробормотал, что сочту за честь перекинуться с евангелистами в картишки, но не сегодня.

– О да, сегодня и мы не стали бы вас приглашать, – без обиняков заявил Бэрримор. – У нас еще достаточно дел, прежде чем наша миссия откроет врата для желающих познать истину...

– Вы где-то делаете себе пиар?

– Кому надо, про нас и так уже знают, – несколько загадочно заявил Бэрримор.

– И что вы про себя рассказываете, когда к вам приходит

новый человек? Ну, вкратце, хотя бы?

– Наша церковь имеет задачей защиту христианства, но христианства обновленного, приведенного в согласие с идеями Евангелия, а также с просветительными началами современного знания. Она отрицает все вероучительные догмы как изобретения человеческие, без нужды ограничивающие благочестие и богословскую науку, и требует, чтобы любая евангелическая конфессия была еще и обязательно евангельской, с тем, чтобы единственным предметом ее веры были дух, дело и учение Иисуса Христа, а назначением – осуществление этого учения в жизни.

Я сделал вид, что мне все ясно, затем мы еще минут пять светски потрепались, после чего я собрался на выход.

– Знаете, у меня тоже порядочно дел, – сказал я, вроде как извиняясь. – Хочу купить себе грузовик.

– The truck? – неожиданно оживился брат Дэвид. – У меня дядя водит «фрейтлайнер» через все Атлантическое побережье... Хорошее занятие, молодой человек!

– Возможно, только я не потяну большую машину... Буду покупать попроще, на полторы тонны грузоподъемностью.

Миссионеры переглянулись.

– У вас уже есть работа с постоянными перевозками?

– Нет, но я договорился насчет разовых поручений.

– Тогда, возможно, и у нас найдутся для вас отдельные поручения, – сказал Старлинг. – Вероятно, придется съездить в... Не могу выговорить...

– В-а-р-а-н-к-и, – произнес, словно отстучал по клавиатуре, брат Ричард. – Очень старая деревня.

– Да, но когда мы пойдем, где она находится, – добавил Бэрримор.

– Брат Ричард, можно вас на минуту? – это подала голос мисс Роузволл, стоящая в коридоре. В голосе звучало напряжение. Или недовольство. Я воспользовался случаем и коротко попрощался.

Выйдя из дома, я уже хотел было сразу направиться к машине, но вдруг остановился. Окно, возле которого стояла сестра Кэсси, было полуоткрыто, и до меня доносилась раздраженная английская речь. Я не мог отказать своему любопытству, подскочил к окну и притаился под ним, делая вид, будто решаю проблему с обувью.

Мисс Роузволл тараторила настолько быстро и невнятно, что я почти ничего не понял, да и знание английского у меня хоть и неплохое, но отнюдь не идеальное. Я уразумел только, что начальница миссии строго указала на несдержанность в словах, а также спросила, сколько еще придется ждать почту из Штатов, да и вообще – как ее получать в этом районе. Бэрримор сказал, что он сейчас же позвонит мне и узнает точный пост-офис этого места. Пригнувшись, я кинулся прочь от дома по направлению к машине.

Так и случилось. Не успел я завести двигатель, как запел мой сотовый, и брат Ричард поинтересовался, какой у моего дома почтовый адрес и почему рядом с этим домом не

вкопана палка с железным ящиком в форме полуцилиндра на ней. Пришлось объяснить, что из-за диковатых местных нравов в здешних местах индивидуальные почтовые ящики не приживаются, а если надо получить почту, то будьте добры приехать в ближайший «пост-офис», чтобы забрать корреспонденцию там. Услышав грустное «Джизэс Крайст», я солгал, что сам давно почту здесь не получал, потому прошу подождать, пока не уточню номер абонентского ящика и не найду дома от него ключ. После повторного упоминания Иисуса разговор закончился.

Излишне уточнять, что на нашей даче (да и не только на нашей!) никто отродясь не занимался получением почты, поэтому мне пришлось срочно найти на окраине ближайшее почтовое отделение (которое, судя по его виду, должно было вот-вот закрыться по причине бесперспективности существования и абсолютной нерентабельности). Здесь я без малейших проблем оформил на свое имя абонентский ящик и купил свежий номер местной газеты с объявлениями.

Дальше всё шло не менее гладко. Мои «жигули» перешли к вчерашнему покупателю, и я получил небольшой задаток. Буквально через полчаса я уже ударял по рукам с хозяином полноприводного микроавтобуса «тойота хайс» с бензиновым двигателем и дополнительно укрепленной крышей. Японский автомобиль оказался почти в полном порядке, и теперь уже я отсчитал несколько купюр задатка.

Через два-три дня пошла довольно стабильная и размеренная жизнь, насколько она может быть такой у водителя-фрилансера. Я отработывал заказы, иногда заглядывал на свою дачу сразиться в покер с миссионерами, и даже один раз (по настоянию Тани) сходил с ней на сборище местной «церкви». Как я и предполагал, первоначальное увлечение моей гражданской жены уже начало немного уменьшаться, но Эльвира не теряла к ней интерес и продолжала свои иезуитские обхаживания. Что касается Павла, то он, вместо того, чтобы дискутировать со мной, вдруг принялся нудно вытягивать из меня подробности моих отношений с иностранцами, пытаясь разобраться, кто они такие, да чем занимаются.

Первое нарушение стабильности произошло где-то спустя неделю. В ближайшую субботу я быстро отработал утренний заказ и поехал на дачу, чтобы постичь новые тонкости блефа. Уже с подъездной дороги мне показалось, что происходит нечто неладное. Возле моих ворот стояла толпа числом человек в двадцать. Я притормозил и с минимально возможной скоростью пополз в сторону собравшихся.

Это был пикет. В меру шумный, но при этом не без легкой агрессивности. Руководили собравшимися два молодых человека. Один из них раздавал листовки, другой возвещал об опасности сект вообще и этой «так называемой церкви Нового Завета, чью деятельность финансирует госдеп США

и контролирует ЦРУ» в частности. Походило на то, что молодые люди – прихожане православной церкви а, возможно даже и ее сотрудники, если так можно выразиться.

Честно скажу – я ничего не имею против веры, религии и свободы совести. Разумеется, когда это не касается моего кармана и благополучия как таковых. Ситуация, которая разворачивалась сейчас, мне показалась тревожной – как бы наши верующие не перепугали, чего доброго, моих миссионеров. Убедившись, что знакомых поблизости вроде бы нет, я рискнул выйти из машины и влезть в толпу.

– Вы только послушайте, чем вас прельщают эти так называемые «евангелисты», – восклицал молодой человек с бородкой, забравшийся на перевернутый мусорный бачок. – Они осуществляют строгий отбор, но при этом прикрываются странным принципом «ореп communion». Якобы любой человек – уже христианин, неважно даже, прошел ли он обряд крещения или нет. Они отвергают иконы и нательные кресты! Они отвергают основные таинства христианства, говоря, что они в современном обществе выглядят так же нелепо, как табу примитивных племен.

Что-то уж очень знакомое прозвучало в словах руководителя пикета. Я подобрался поближе к вещающему и увидел, что в руке он держит не менее знакомую брошюрку в тисненой зеленоватой обложке. Нет, я все понимаю, но зачем же так!

– Можно мне вашу листовку? – обратился я ко второму

юноше, совсем еще птенцу, наверное, допризывного возраста. Тот с готовностью передал мне отпечатанную на лазерном принтере прокламацию, и тут я убедился снова, что ребята что-то путают, намеренно либо по неопытности. В листовке указывался вред не евангельской церкви, а евангелической – той, что тусуется в ДК имени Островского, не знаю уж, которого из них – Александра или Николая.

– Вы не ошибаетесь? – удержал я юношу за рукав.

– В чем именно? – юноша гордо вздернул подбородок – въезжающий в Париж д’Артаньян, и тот не мог бы выглядеть более надменным.

– Контора-то не так называется, – сказал я. И изложил свои соображения по поводу названий, а также книжки, которой размахивал его товарищ. Юноша слегка озадачился, внимательно уставился в вывеску на заборе, потом еще раз заглянул в свою листовку, а затем подошел к коллеге, который как раз в этот момент взял паузу, и стянул его на землю. Судя по всему, старший не стал вникать в суть дела и признавать какие-то ошибки: по его жестам и выражению лица можно было уверенно сказать, что ему все равно, так как какая разница, с какими именно сектантами бороться! Все они – вред и духовная отравка...

Юноша пытался сказать еще что-то, но тут в толпу врезались двое тощих и вертлявых с диктофоном и фотоаппаратом – видимо, корреспонденты. Может быть, газетчики, но вернее всего – с какого-нибудь новостного портала. Моло-

дые люди с готовностью и очень эмоционально принялись рассказывать о целях мероприятия, я понял, что мне делать тут особо нечего и начал выбираться из толпы. Как вдруг тут раздался торжествующий женский крик:

– Так вот и хозяин этого участка! Сдал свою дачу этим брандахлыстам, как будто так и надо...

Черт подери! Только Лидии Степановны мне тут не хватало! Впрочем, она сумела привлечь лишь очень немного внимания – только два-три человека обернулись на ее зов и без особого интереса поглядели на меня. Ну и что они увидели? Заурядный тип в джинсах и полосатой тенниске, на олигарха не похож, никаких богомерзких причиндалов вроде хвоста и копыт в наличии не имеет. Ну, сдал и сдал – мало ли кто кому чего сдает...

Я приблизился к соседке и очень корректным тоном изрек:

– Помните, я собирался сам сюда с друзьями ездить? Так вот, если эти «брандахлысты» отсюда вдруг съедут, то – я говорю серьезно – сюда будут ездить мои друзья... а они люди сильно пьющие, и когда надерутся, потом до утра либо слушают громкую музыку, либо орут блатные песни под гитару.

Лидия Степановна, кажется, поняла расстановку акцентов, поджала губы и не стала более обострять ситуацию.

Молодые люди вроде бы изложили все, что хотели, корреспонденты прыгнули в издавший виды «ниссан» и умчались. Толпа начала редеть: кто-то пошел вглубь поселка, кто-

то двинулся к остановке автобуса. На автобус пошли и организаторы пикета – кажется, ребята на самом деле действовали по убеждениям. Я вернулся в кабину «хайса» и набрал номер Бэрримора. Телефон американца был выключен, номеров его коллег я не знал, а бибикать под воротами мне не хотелось. Мало ли, какие вопросы сейчас обсуждаются за моим забором. Поэтому я отправился домой, резонно предполагая, что события будут обязательно иметь продолжение.

И ведь так оно и случилось!

На нашем основном сайте городских новостей и сплетен уже наутро (по словам Тани) выложили материал с заголовком «Заокеанская секта угнездилась в дачном поселке». Я имел удовольствие прочитать его вечером, когда уже поставил машину на стоянку у дома и поднялся отужинать.

«Наш сайт уже сообщал о печально известных, но динамично развивающихся и процветающих «евангелических церквях Иисуса Христа», сторонников которых называют евангелистами. Эти церкви, которые в 20 веке сложились в своего рода религиозную «федерацию» сект, поставили себе целью ни много ни мало – обратить в веру с приставкой «нео» сначала Соединенные Штаты, а затем и весь мир.

Именно в США родилась евангелическая доктрина, которая распространяется по всему миру стремительнее и шире, чем другие религиозные доктрины – будь то католическая, протестантская и даже исламская. Вот только несколько цифр, приведенных французскими исследователями: ес-

ли в 1940 году из 560 миллионов христиан евангелистами были только 4 миллиона, то сегодня из 2 миллиардов христиан евангелистами являются 500 миллионов, иными словами, каждый четвертый христианин является евангелистом, причем хотя бы косвенно по американскому образцу! По некоторым данным, ежедневно в евангелическую веру обращаются 52 тысячи человек.

Сами американские богословы прогнозируют, что в 2050 году евангелистом будет каждый второй христианин. Не будет лишним отметить, что себя они называют «заново родившимися христианами», но своим вторым рождением они обязаны не традиционному крещению, а якобы «прямому» контакту, встрече с Иисусом по схеме «от одного человека к другому, от другого человека к Богу». Именно эта пирамидальная схема заложена в основе подавляющего большинства не только сект, но и коммерческих культов, которые родились также за океаном.

Вспомним слова, произнесенные Джорджем Бушем после трагического для США дня 11 сентября: «Америка должна вести за собой весь мир!». Бывший президент коротко изложил основное кредо национал-американского катехизиса – об «особом предназначении» Америки. Еще в конце 1898 года сенатор штата Индиана Альберт Беверидж сказал: «Господь назначил американцев главными организаторами мира, с тем, чтобы там, где царит хаос, был установлен порядок».

Не стоит думать, что «новый порядок» по-американски

планируется и насаждается где-то далеко от нас. Достаточно отъехать от города на какие-то 30 километров в северо-западном направлении, и мы увидим в дачном поселке Шатуниха небольшой и вполне симпатичный домик за высоким забором, сложенным из кирпича и утыканным стальными пиками. Именно там находится штаб-квартира миссии «всемирной евангелической церкви нового завета». В руки нашего обозревателя попала брошюрка, распространяемая проповедниками на проводимых сектой собраниях в ДК имени Островского. Как обычно, она состоит из бессистемно надерганных библейских цитат и фраз, восхваляющих апологию новоиспеченной «церкви», которая, как нам сообщил глава межведомственного комитета по делам сектантства Владимир Водопьянов, как раз именно сектой и является.

«О деструктивности и тем более, тоталитарности данной религиозной организации говорить преждевременно, но наш долг – предостеречь всех наших сограждан, в первую очередь молодых, от необдуманных поступков» – добавил В. Водопьянов».

Я словно бы слышал истошные вопли возмущения Эльвиры и Павла Столяровых со товарищи, доносящиеся со стороны упомянутого ДК. Ну что ж, Прытко Пишущие Перья опять начудили, и неизвестно еще, к чему это все приведет... Надо полагать, что про «церковь», где обитают Столяровы, давно уже известно кому надо, и раз им разрешают прово-

дить свои встречи-собрания не в самом затрапезном клубе города, значит, не такие уж они зловредные. Кому-то очень не понравится, что две этих почти одноименных секты свалили в одну кучу и обругали чохом.

Но когда я дошел до конца этой статьи, то понял, что и мне это все очень не нравится. Автор материала, некий С. Чаповалов, сообщал, что американские миссионеры поселились в дачном поселке «с легкой руки домовладельца – некоего Андрея Маслаева, нигде не работающего и принимающего активное участие в деятельности «всемирной евангелической церкви нового завета»». И неплохо бы, по мнению того же автора, разобраться в том, какие цели преследует этот Маслаев, «бывший сотрудник ряда фирм, которыми владели нечистоплотные зарубежные предприниматели, впоследствии либо арестованные, либо высланные за пределы Российской Федерации».

Этот мерзавец неплохо знал мой послужной список! Но при этом вывернул ситуацию таким образом, что я из рядового наемного сотрудника стал чуть ли не директором криминального предприятия, ведущего антироссийскую деятельность по указке из США, которые – не надо забывать! – имеют в нашем обществе не самую лучшую репутацию.

– Ладно тебе психовать! – крикнула Таня, когда я вслух выразил свое отношение к тексту и к его автору. – Напиши лучше злобный комментарий. Может быть, даже от своего имени.

– Это будет выглядеть как оправдание! – я продолжал бушевать. – Я не собираюсь ни перед кем оправдываться и тем более за поступки, которых не совершал!

Телефонный звонок на Танин мобильник прервал наш диалог. Я продолжал рычать, когда Таня с постным лицом протянула мне трубку.

– Андрей, может быть, ты сумеешь объяснить, что происходит? – это спрашивал Павел. Только его сейчас мне не хватало!

– Я бы с удовольствием, – процедил я. – Только если ты про ту новость, которую сейчас уже человек триста прокомментировало, то мне, сам понимаешь, досталось вообще ни за что!

– Ну как так «ни за что»? – с долей яда в голосе спросил Павел. – Хочешь сказать, что это все не так? Ведь ты же действительно пустил каких-то придурков к себе на дачу!

– И что? Это мое дело – кого хочу, того и селю на своих площадях! И ни перед кем не собираюсь отчитываться. Да и вообще, какие у тебя ко мне могут быть претензии? Я, вроде, не участник ваших собраний – это ахинею написали журналисты. Я им ничего не рассказывал и не собирался, а откуда взялась вторая ахинея про то, что это якобы вы имеете какое-то отношение к моей даче – вообще без понятия. Есть еще ахинея номер три – это уже лично про мои прежние рабочие места, я теперь не знаю, как от нее отмываться буду, и меня это беспокоит больше, чем все остальное, которое

написал этот, как его... Чепушилов, чтоб ему на том свете кирпичи жрать и кирпичами же...

Столярков, кажется, начал сбавлять обороты. Ведь был он человеком неглупым и надо думать, понимал, где собака порылась. То есть, наш разговор закончился куда более конструктивно, нежели начался. Павел пообещал лично встретиться и поговорить с Чаповаловым. Вспомнив внешние данные сектанта, я подумал, что журналисту в случае чего может стать туго.

Может быть, не все отождествили меня и некоего «Маслаева» из статьи, но

до ночи мне позвонили только два не очень близких приятеля, будучи в праздном интересе относительно моей религиозно-коммерческой деятельности. Я ожидал, что мне позвонит Бэрримор, но этого не случилось. То ли он не счел нужным уделить особое внимание вчерашним событиям, то ли еще по какой причине, но никакого шума не поднялось.

В наступившее воскресенье мне было не до церковников. Они, кстати (и те, и другие) должны были проводить какие-то особые воскресные мероприятия, поэтому я насчет покера даже не спрашивал. Бэрримор позвонил мне только в понедельник днем, когда заканчивал важный заказ. Американец убедительно просил меня подъехать и выполнить одно небольшое поручение. Голос миссионера был очень встревоженным, словно бы его что-то сильно беспокоило.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тревога Бэрримора стала мне хорошо понятна, когда я свернул с шоссе и подъехал к даче. Сегодня, как и в субботу, здесь устроили пикет. Только сейчас все было более жестко и куда менее приятно. Если в субботу рулить процессом пришли два юноши с горящими взорами и сумели собрать два десятка праздных зевак и дачников-пенсионеров, то сейчас здесь собрались хмурые крепкие мужчины, разминающие мышцы и хрустящие костяшками пальцев, не очень похожие на прихожан евангелической церкви. Мужчин этих было поболее тогдашних ораторов – человек семь или восемь. Их обществу были рады активисты «конкурирующей фирмы» из ДК Островского, числом, наверное, почти в тридцать затылков. Девушек среди них я насчитал немного – в основном тут кучковались крепкие ребята наподобие Павла. Он тоже был здесь. Впрочем, я заметил и Эльвиру. За сборищем наблюдали служители порядка, припарковавшиеся в микроавтобусе в относительном отдалении от дачного забора.

Один из «наших» сектантов, вооруженный мегафоном, громко и уверенно обличал «самозванцев», «волков в овечьих шкурах» и «перерожденцев», которыми он полагал сектантов «залетных». Как мне стало понятно, едва ли не более

всего «наши» были возмущены именно чрезвычайно похожим названием, которым именовали себя американцы.

Хрип и вой мегафона разносился над поселком, отражался от фасадов дачных домиков и от стволов многочисленных деревьев. Многократное эхо, лишь чуть уступающее городскому, звонко реверберировало и этим подчеркивало торжественность ситуации.

Дачники из числа тех, которым не нужно было бежать в этот понедельник на работу, кучковались поодаль, сторонясь как пикетчиков, так и стражей порядка. Этим целеустремленных личностей они боялись – наши молодые защитники православной веры были, разумеется, намного ближе им и понятнее. Лидия Степановна тоже была среди этой малочисленной группы, озадаченная и грустная. Я подошел к ней:

– Скажите честно, Лидия Степановна, кому вы звонили на прошлой неделе?

Она шальными глазами зыркнула в мою сторону.

– В антисектантский комитет, наверное? Кто же подсказал-то? – я продолжал вопрошать.

– Это Георгий Чингизович звонил, – услышался надтреснутый голос, принадлежащий тощему деду в тельняшке и бейсболке с надписью «Thai trannies». – Хозяин магазина, во-он того.

Я даже почесал лоб. Какого черта, интересно, этому Семужному понадобилось заниматься подобной ерундой? Человек он деловой, раз лавочку держит, какое ему дело до

каких-то межконфессиональных дразг? Или он побоялся, что воинствующие христиане, как ярые противники курения и пьянства, примутся лишать его потенциальных покупателей?

Вздорная теория, но больше, чем ничего. Пикет между тем продолжался, и конца-краю ему не было видно. Миссионеры, видимо, сочли за лучшее благоразумно отсидеться в доме, несмотря на отдельные призывы «выйти и показать-ся». Я бы на их месте тоже пятьдесят раз подумал, прежде чем согласиться с предложением. Хотя нет, я бы точно отказался.

– Ну вот, теперь из-за этого лавочника никому тут жизни не будет, – проворчал я и побрел к машине. Делать мне тут было нечего, а если кто вдруг во всеуслышание скажет, что я – хозяин дома, так ведь и побить могут – под горячую руку нет резона попадаться!

Не успел я забраться в машину, как запел мобильник. Звонил как раз Бэрримор.

– Энди (так он меня поваялся называть), будь добр, узнай, пожалуйста, нет ли для нас корреспонденции. Мы ждем срочное сообщение, а пост-офис у вас почему-то не работал даже в субботу. Пытаюсь до них дозвониться, а они как-то уж очень невежливо отвечают, что не будут проверять ящик. Удивительно!

Я не стал уточнять насчет того, какого рода должно быть сообщение, чтобы о нем известили по запросу получателя;

более того, я был уверен, что и у них в Штатах почта вообще не обязана искать простое письмо, пришедшее на номер «бокса». Но в Штатах могли и не знать тонкостей между нашими разновидностями писем – простой и заказной. А вот отправитель мог бы, конечно, послать курьерской службой, странно, что он этого не сделал. Видимо, в Штатах плохо себе представляют, насколько ужасно порой работает наша традиционная почта.

Хотя именно в этот раз к работе почты претензии предъявить было трудно.

– Хорошо, Ричард. Я уточню.

– И обязательно сразу же мне позвоните, договорились?

– О'кей.

Я сунул трубку в карман. Забавный все-таки русский язык у Бэрримора. Он никак не может понять, что если уж мы с ним перешли на русское «ты», то нет смысла возвращаться к официальному обращению. Он считает иначе: пока мы с ним просто беседуем или хотя бы что-то обсуждаем, он говорит мне «ты», а стоит нашему разговору принять чуть деловой оттенок, то все – в ход уже идет «вы».

Едва я выбрался на шоссе, как сразу же обратил внимание на нескольких водителей, которые сигналили мне, корчили гримасы и делали жесты, показывая, что со мной (вернее с машиной) что-то неладное. Я включил аварийный сигнал, притормозил и выглянул.

Ну что ж, могло быть и лучше. У автомобиля неожидан-

но прохудилась система охлаждения двигателя, и дорогуший антифриз потек на асфальт. Я помянул добрым словом того типа, который продал мне микроавтобус и принялся устранять проблему, насколько это было возможно в моем положении. Все равно дело кончилось тем, что я буквально по нескольку метров проползал вперед, потом по полчаса стоял, ждал, когда остынет мотор, чтобы, не перегреть его и не угробить окончательно. Потом мне это надоело, и я вышел на шоссе с тросом и жалобной физиономией. Так что до ближайшей мастерской я доковылял только часам к четырем дня. Там выяснилось, что неисправность в принципе не такая уж глобальная, и что лечится она быстро – час с небольшим и плюс залить новую охлаждающую жидкость. Я понял, что как минимум сегодняшнее утро и вечер пятницы проработал не на свой карман, ну а куда деваться? Впрочем, могло быть и хуже.

На почту я попал уже почти к самому закрытию конторы, то есть, без пятнадцати семь вечера. Единственная сидящая за стойкой неприступная девушка, естественно, мне тоже не стала ничего сообщать, но я так или иначе сумел растопить лед, а затем, после предъявления документа, доказывающего принадлежность абонентского ящика именно мне, я был удостоен приза в виде конверта размером чуть меньше нашего формата А4, с кучей наклеенных штатовских марок в верхнем углу. Конверт был набит какими-то бумагами или брошюрками.

– Ишь ты, чего же это вам там могли прислать? – Любопытство молоденькой почтмейстерши было совершенно естественным и непосредственным. Она даже кончик розового язычка высунула.

Я с заговорщицким видом огляделся по сторонам и громким шепотом произнес:

– Инструкции...

– Какие? – так же тихо спросила девушка.

– Скажу вам по секрету... Я – американский шпион, и моя задача – разузнать все секреты почтовой службы... Хотите, я вас завербую прямо сейчас?

Минуты две мы очень мило толковали (узнай об этом Татьяна, было бы мне на орехи), да так, что еще немного – и почтмейстершу я бы точно завербовал прямо на ее рабочем месте за стойкой, но тут открылась дверь и в контору ввалились еще трое запоздавших клиентов. Девушка демонстративно посмотрела на часы (кажется, было без уже без пяти семь), а я все же решил свалить от греха подальше. Черт, а ведь еще каких-то три-четыре года назад наверняка бы дождался, когда она с работы пойдет, и уж телефончик-то точно бы выпросил...

Взгромоздившись в кабину грузовика, я внимательно разглядел конверт. Плотный розоватый картон, по краям разноцветные полоски, американские марки (предел мечтаний для юных филателистов в годы советской власти!) Получатель – мистер Ар-Эйч Бэрримор, отправитель... Некое об-

щество «Solgulian Science Society» из Нью-Йорка, наверняка какую-то миссионерскую литературу прислали... Я сунул письмо в темный полиэтиленовый пакет, бросил его на сиденье и повернул ключ зажигания.

Бэрримор не звонил с того самого момента, когда дал мне это небольшое поручение, и я решил, что пора самому набрать номер. Его телефон почему-то в этот час был выключен, я немного поудивлялся, но на дачу не поехал. К тому же позвонила Таня, заявившая, что стоговила ужин, да не простой, а с голубцами по ее фирменному рецепту. Я очень кстати вспомнил, что в холодильнике ждет своей неминуемой участи бутылка водки, и поэтому, сами понимаете, куда бы, кроме домашнего очага я мог бы еще направиться? Альтернатива, что называется, отсутствовала.

Видимо, я решил правильно. Но кто-то или что-то в этом мире вдруг решило, что у меня дела пошли излишне гладко. Мы с Таней собрались трапезничать с толком и расстановкой, не спеша и вкусно. Поначалу все шло гладко. Мы выпили (я даже два раза) и уничтожили по доброму голубцу за степенной беседой двух умных людей. По давней и доброй традиции при поглощении подобного ужина у нас было наложено табу на обсуждение бытовых и финансовых проблем, следовательно, время текло приятно, как холодная водочка в глотку под отличную закуску.

Не успел я поставить третью стопку на стол, как затрезвонил мобильник. Секунды две я напряженно думал, как по-

ступить – брать трубку, или соврать потом абоненту, что телефон якобы валялся далеко от меня, и я не успел его взять? Второй вариант годился сейчас для кого угодно, кроме клиентов – я же должен думать о зарплате! И кроме арендаторов... Да. Звонил как раз брат Ричард, и мне трудно было игнорировать его вызов. Но, как показало будущее, именно этим вечером следовало бы так поступить.

Бэрримору был срочно нужен я. Вернее, не я, а информация о том, что мне удалось узнать на почте.

– Да, пришел тебе конверт, – сказал я. От какого-то научного общества, если я правильно понял. Отправлено из Нью-Йорка.

– Это то, что нужно! – воскликнул Ричард. – Спасибо, Энди! Завтра, наверное, эти шумные и невоспитанные люди не будут стоять у наших ворот целый день, и я смогу съездить на почту...

– А сегодня что – они долго были?

– Представь себе, Энди, только недавно ушли. Господи Иисусе, какой вздор они несли! Как будто мы присвоили не только название их организации, но и все их заслуги. Более того, нас прямо обвинили в святотатстве!

– Вы-то ни при чем, – просто сказал я. – Это, знаете, наши журналисты нагородили какой-то чепухи, и на вас теперь многие наши конфессии смотрят как неизвестно на кого. Можете, кстати, подать в суд на автора – фамилия Чаповалов...

– Они не знают, что делают, – также просто сказал Бэрримор, очевидно, цитируя Евангелие и имея в виду фразу «не ведают, что творят», или похожую на нее. – Ну, хорошо, еще раз спасибо, храни тебя Иисус...

– Подожди, Ричард! Не надо ходить на почту, я завтра буду проезжать мимо и завезу письмо, оно у меня.

В трубке повисло странное молчание.

– Энди, повторите, пожалуйста, что вы сейчас сказали!

– Я сказал, что письмо у меня, и я завтра сам могу привезти его вам!

– Но зачем вы его забрали себе?! – с непонятным негодованием рявкнул Бэрримор.

Подумав, что у моего американского почти приятеля начался легкий приступ паранойи, я терпеливо разъяснил:

– Мне его просто выдали на руки! Получателю было бы глупо интересоваться, пришла ли почта, а потом отказаться ее брать. Сами-то подумайте, каким бы идиотом я выглядел, если бы просто спросил, есть ли почта, а когда мне сказали, что есть, то развернулся бы и ушел, не взяв ее.

– Наверное, вы совершенно правы, Энди... Послушайте, привезите мне это письмо прямо сейчас! Мне это крайне необходимо! Раз уж так получилось, что оно оказалось у вас, пусть оно окажется и у меня сегодня. Разумеется, я вам оплачу ваши расходы.

Ну что ж, с этого и надо было начинать. С оплаты расходов.

– Нет проблем, Ричард. Сейчас я приеду.

– Я буду очень вам признателен и благодарен. Слава Иисусу!

Довольно обидно было прерывать хороший ужин, но мне очень хотелось продолжать поддерживать хорошие отношения с арендаторами. А за компенсацию расходов можно было и прогнуться. Татьяна, внимательно слушавшая наш разговор, только вздохнула:

– Нашел себе занятие.

– Я всегда говорил, что у меня активная жизненная позиция, – я улыбнулся Тане, засовывая ноги в обувь. – Думаю, что я скоро вернусь.

– Позвони с дороги, я погрею тебе остатки.

– Это уж обязательно, – согласился я.

Моя «тойота» стояла на огороженном участке пустыря, там, где жильцы нашего дома и соседнего с ним устроили стихийную парковку. Про то, как мы отвоевывали территорию у бабушек (которым пустырь был вовсе не нужен, но они его называли «газоном» и «детской площадкой»), про ночные дежурства (когда прослышали, что собаководы договорились прокалывать шины всем авто, стоящим на местах, якобы исконно предназначенных для выгула ихних псов), да и вообще про нравы современных городских жителей можно было снимать психологический триллер. Со сценами почти расовой неприязни со стороны владельцев легковушек к владельцам коммерческого транспорта (ибо сам через это

проходил, еще недавно пытаюсь воткнуть своего «жигуленка» между «газелью» и «кантером»).

С сожалением посмотрев на машину, я направился к остановке маршрутных такси – вечером после трех рюмок водки рвануть за рулем до Шатунихи мог только сумасшедший... Там, на выезде-въезде проверки на дорогах шли постоянно.

Размышляя о вкусных и полезных вещах, я добрался до Шатунихи не слишком скоро, да и темнота уже сгустилась. От остановки до дачи идти всего минут пять. Можно было уже набирать номер Бэрримора, но особого смысла в этом я не видел: можно же позвонить, нажав кнопку у калитки...

Калитка и ворота дачного участка были погружены в полумрак, только еле заметно мерцала металлическая вывеска. Участок освещала мощная лампа, приделанная над крыльцом, но наружная часть знакомого забора так и оставалась неосвещенной. Под ногами хрустели пластиковые стаканчики и всякие вилочки – наверное, пикетчики насвинили, даром что евангелисты.

Хруст был уж очень сильным и резким, едва ли только я один мог такой издавать, даже если бы плясал возле уличной забегаловки. Я резко обернулся, и только давнишний опыт позволил избежать чьего-то кулака, летящего мне то ли в ухо, то ли в скулу.

Я сделал нырок в сторону, уходя от прямого столкновения, а потом вскочил и попытался в свою очередь ударить нападающего. В общем, мне это удалось. Я даже чуть было

его не свалил, подставив подножку. Темный мужской силуэт отскочил на три-четыре шага и с рычанием вновь бросился на меня.

Но теперь он уже не мог застать меня врасплох. Да и боец он был так себе. Нет, конечно, молотил воздух он не хуже «Черной акулы», и злости у него было хоть отбавляй, но вот справиться со мной ему никак не удавалось, несмотря даже на то, что я давно не поддерживал форму. Я опять увернулся от его броска, в котором нападавший попытался выхватить у меня пакет. То ли на дозу ему было нужно, то ли просто кулаки зачесались... Ну неужели нельзя понять, что надо пойти и поискать более спокойную жертву?! Я запихнул пакет под куртку, чтобы освободить обе руки. Раз! Хорошенько наподдав правой в скулу и добавив левой в нижнюю челюсть, а затем с разбега пнув в бедро, я наконец свалил этого недоноска, а сам подскочил к калитке и попытался нажать кнопку, которую недавно приделывал трудолюбивый таджик.

Кнопки не было. Вместо нее палец уперся в обрывок провода. Наверное, пикетчики, увидев, что на них никто не обращает особого внимания, со злости вывели звонок из строя. А калитка была заперта изнутри – в этом я убедился, тщетно крутя круглую ручку. Я успел пару раз долбануть ногой в железную дверь, а затем снова пришлось отбиваться от атакующего гоблина. Я пропустил два полновесных удара по физиономии и понял, что гоблин-то, оказывается, не так уж плох в уличной драке. Ладно, мы ж тоже не пальцем деланы! Мне

удалось вклеить прямым в центр хари – скорее всего, я расквасил нападавшему нос. Следом можно было сделать хук слева, чтобы ошеломить ненадолго, а затем свалить на землю и обработать окончательно, как и полагается поступать со всякой сволочью, которая налетает на вас в темных переулках с целью завладеть вашим имуществом.

Но я чуть промедлил, и гоблин сумел отскочить. Втянув с хлопаньем сопли, он выхватил из кармана что-то неприятно щелкнувшее. Э нет! Так мы не договаривались!

Хорошо, что кладка забора мне хорошо знакома. Хватило двух секунд, чтобы я забрался на него, точнее – взлетел, точно ставя ноги на едва заметные кирпичные выступы. Верх забора был утыкан стальными пиками, и я пожелал, чтобы гоблин напоролся на них яйцами, если у него хватит дури, чтобы последовать за мной.

Дури у него хватило. Но и ловкости – тоже. Издавая утробные звуки джунглей, гоблин взобрался на забор (теперь его хорошо было видно в свете ламп, освещающих фасад и участок), спрыгнул вниз и рванул прямо к дому, словно пытаясь отрезать мне путь к крыльцу. Надо было мне сразу бежать туда, но я промедлил, и теперь продолжение схватки становилось неизбежным. Только теперь гоблин был вооружен ножом (это я хорошо видел), но и мне повезло поднять брошенную на землю штыковую лопату (интересно, какого черта она тут валяется – огород, что ли они взялись копать?) Лопата меня выручила. Во-первых, ближний бой уркаган с

ножом уже не мог мне навязать. Во-вторых, со своим умением драться кольями я получил приличное преимущество, которое вознамерился было уже доказать.

Ну точно гоблин! Свет лампы выхватил угловатую рожу с тонкогубым, кривящимся от злобы ртом и коротко стриженую башку с торчащими острыми ушами. Шея длинная, лапы как коряги. Только одет в спортивный костюм – единственное отличие от мифологического персонажа. Гоблин бешено зыркнул по сторонам белыми от злобы глазами, вдруг сорвался куда-то к стенке сарая, и мигом вернулся с вилами, которыми можно не только грузить сено, но и перекапывать огород. А наипаче – протыкать брюхо противникам.

Мы скрестили оружие. Раз, другой. Тишину дачного участка раскололи грохот и звон металла. На этот звук из дома выбежали арендаторы – все трое. И – надо отдать им должное – сразу же оценили обстановку и громко потребовали от постороннего бросить вилы и прекратить сопротивление.

Гоблин, шмыгая разбитым носом, посмотрел на моих союзников. Если Дэвид Старлинг вряд ли мог сойти за серьезного противника, то сестра Кэсси с каминной кочергой наперевес уже должна была показаться темой для размышления. А Ричард Бэрримор с топориком мог стать вообще веской причиной для прекращения драки. Нападавший бросил вилы на землю. И тут, заметив, что я уже спокойно опустил

лопату к ноге, с ревом бросился на меня и сбил с ног. При этом он подхватил с земли пакет, выпавший у меня из-под куртки, видимо в тот момент, пока мы бились на сельскохозяйственных орудиях. Затем кинулся к забору в надежде уйти тем же путем, каким пришел.

Но длинноногий Бэрримор оказался чертовски расторопным. В три прыжка он подскочил к забору, крепко ухватил злоумышленника за ногу и рванул на себя.

«А-а-а, с-сука!» – заорал гоблин, вцепившись в стальные пики наверху. Свободной ногой он попытался лягнуть американца в лицо, но тут подбежал я и вцепился негодяю во вторую ногу. Спротивляться двум отнюдь не хлипким мужикам было весьма трудно, гоблин с диким воплем разжал пальцы и тяжелым кулем свалился вниз, заставив нас обоих потерять равновесие.

Я, конечно, был на ногах меньше чем через секунду. Бэрримор – тоже. Его коллеги и единоверцы уже бежали к нам, но вскочивший гоблин кинулся на нас, намереваясь прорваться. Куда там! Мы с братом Ричардом синхронно схватили его за плечи и с размаху придавили к стене забора. Гоблин жалобно засипел, взмахнул руками и стек по кирпичной кладке вниз.

Подбежали Старлинг и Роузволл, а гоблин даже и не думал вставать. Здорово же он долбанулся!

– Вставай, ты! – обратился к нему я.

Злоумышленник не шелохнулся. Что-то, кажется, пошло

не так.

– Turn the light on! – крикнул Бэрримор Старлингу, наклонясь к лежащему. – Включи свет!

– Be careful! – предостерегла его Кэсси, увидев, что Ричард нагнулся излишне низко и даже встал на одно колено. Да, действительно, что-то пошло совсем не так.

Подбежал Дэвид с большим цилиндрическим фонарем в руке. Он направил луч света на лицо гоблина, и мы увидели страшную рожу с оскаленными щербатыми зубами, окровавленной верхней губой и остекленевшим взглядом, направленным в нашу сторону.

– He's dead, – прошептал Дэвид.

Вот это был, конечно, номер – шел трамвай, десятый номер... Гоблин действительно скончался. Бэрримор и я переглянулись и поняли друг друга без слов. Мы с ним только что на пару совершили убийство по неосторожности. Этот человек первым напал на меня, угрожал мне ножом и вилами, проник на частную территорию, но мы случайно помогли ему отправиться на тот свет. Когда мы его толкнули, гоблин с размаху приложился спиной и затылком к забору. Сам по себе удар оказался не таким уж сильным, но на нашу беду, примерно на уровне глаз из стены торчал отрезок тонкой стальной арматуры, не слишком длинный – пяти сантиметров даже не было, наверное. Штырь как в масло вошел гоблину в основание черепа, сразу над верхним шейным позвонком – очень даже веская причина для моментальной смерти.

– В Техасе, – пробормотал брат Ричард, – собственник имеет полный закон и право уничтожить тот, кто нарушает в его частное владение.

– Это в Техасе, – тихо сказал брат Дэвид. – В Нью-Йорке у собственника нет такого права.

– В России – тем более, – просипел я. – Мы здорово влипли.

– Влипли? – не понял Бэрримор. Я объяснил, что это значит. Старлинг наконец догадался выключить фонарик, но кошмарная физиономия мертвеца по-прежнему стояла у меня перед глазами.

– Требуется вызывать полицию? – ни к кому не обращаясь, произнес Старлинг. Мисс Роузволл издала протестующий звук. Бэрримор повернулся к ней, потом – ко мне.

– Я не думаю, что нам нужно вызывать полицию, – произнес он.

И я был с ним совершенно согласен.

– Давайте пока хоть закроем его чем-нибудь, – предложил я.

– Брат Дэвид, принеси мешок из сарая, – произнес по-английски Ричард.

Старлинг коlobком скатался к сараю и вернулся оттуда с серовато-белым полипропиленовым мешком. Он передал фонарь мне, а сам нагнулся к трупу и прикрыл ему лицо и часть туловища, вытянутого вдоль забора. Немного согнутые в коленях ноги, впрочем, как и откинутая в сторону до-

ма рука торчали очень даже заметно – мешка было мало, чтобы скрыть тело полностью. Скрюченные пальцы руки в свете фонаря отливали синевой. Я пригляделся. Татуировки. Парень-то, видно, с бурным прошлым... Мисс Роузволл выразила неудовольствие. Брат Дэвид был вынужден принести еще один мешок и обрывок брезента. Этого хватило, чтобы хоть как-то замаскировать следы преступления. Правда, если разобраться, от кого? Но в те минуты мы были ошеломлены и подавлены случившимся, поэтому, возможно, и совершали не вполне объяснимые поступки.

Бэрримор предложил пройти в дом и обсудить ситуацию. Предложение было принято. Я поднял с земли валяющийся пакет с письмом и двинулся следом за моими арендаторами. По пути брат Ричард повернул выключатель на крыльце и погасил лампу, висящую на фасаде. Участок погрузился в темноту.

Мы прошли в каминную комнату и расположились вокруг стола, за которым частенько резались в покер. Сейчас нам предстояло разыграть совсем другую игру, и я уже примерно представлял себе, что это будет за «игра». Для начала я предложил выпить. Возражений не последовало. По крайней мере, Бэрримор сразу же извлек все ту же недопитую бутылку виски, и налил всем по гомеопатической дозе. Мне, принимая во внимание обстоятельства, этого было мало, и я долил сам себе как следует. То есть, примерно на две трети.

Как и следовало ожидать, в этот момент запел мой теле-

фон. Звонила Татьяна. Как водится, она набрала мой номер как раз в тот момент, когда я подносил стакан с выпивкой ко рту. Я проглотил необходимую порцию алкоголя, перевел дыхание и взял трубку.

– Ты где там застрял? – поинтересовалась Таня.

– Где, где... Маршрутку же не дождешься... Вот, только приехал...

– У тебя все в порядке?

– Да все, что у меня может быть не в порядке? – спросил я, вытаскивая письмо из пакета.

– Ты чего там – водку пьешь?

Вот ведь нюх...

– Нет, – ответил я с чистой совестью (ибо пил виски) и уставился на конверт, который лежал у меня в пакете. Что за черт?!

– Танюха! – заорал я в трубку. – В комнате есть пакет!?

– Какой пакет?

– Ну, такой черный... Мне нужно было отвезти в Штату-нихку письмо из Штатов, а я прихватил какие-то проспекты от «Ив Роше», которыми ты занимаешься! Вот только сейчас обнаружил!

Таня ойкнула.

– Поди, посмотри, где там он лежит, – сказал я.

Американцы сидели тихо. По-моему, они уже все поняли. Поняли, что по дурацкой ошибке я привез им совсем другое письмо. Которое здесь было никому не нужно, и из-за кото-

рого по-дурацки погиб человек, пусть даже и гопник.

Таня что-то уж очень долго искала письмо. Я посмотрел на полиэтиленовый пакет. Ну да, точно такой же, с каким я ездил на почту. Самый обычный, черно-серый, с золотистыми полосками. В каждом ларьке такие по пятаку продают... А Татьяна, видно, сегодня же получила по почте корреспонденцию от «Ив Роше» и бросила ее в точно такой же пакет, какой валялся у меня в кабине. Провалиться! Понедельник, похоже удался на все сто.

– Слышишь, Андрей? – раздалось в трубке. – Я что-то найти его не могу...

Если Таня за годы совместной жизни научилась по голосу в трубке определять количество выпитого мною в гостях, то я тоже понимаю некоторые нюансы ее тона. Что-то сейчас в ее тоне было не так. Нет, не то что бы она врала, или юлила. Скорее, я ощущал некоторую подавленность. Словно бы она хотела сделать как лучше, но почему-то была не в состоянии. Как будто ей что-то мешало.

Этому было простое объяснение – засунула письмо куда-нибудь или выкинула. А что – взяла и запихнула по ошибке в мусорное ведро. За Татьяной подобное водится...

– Выбросила, что ли?

– Не знаю... Наверное, – печально протянула Таня. Мне стало ее жалко.

– Ладно. Потом поговорим, поищем. Сейчас пока все, я тут попробую решить вопрос, как мне домой приехать. Такое

ощущение, что маршрутки уже не ходят...

И это было совершенно верно – после десяти вечера из пригорода выехать просто невозможно. Впрочем, в пригород тоже. И то правда – зачем куда-то в такое время таскаться простым законопослушным гражданам?

«Простые законопослушные граждане» – один российский и три американских – тем временем решали вопрос о серьезном нарушении закона. Предложение вызвать полицию больше не обсуждалось – оно было отмечено еще до начала обсуждения. Евангелисты здраво рассудили, что гнавшийся за мной злоумышленник – без всякого сомнения преступник, а значит, он получил по заслугам. И обратиться мы в полицию, то сразу же станем такими же преступниками, если не хуже. Дело кончится тем, что меня отдадут под суд (и хорошо, если я получу только условный срок), а Бэрримора в лучшем случае выдворят из России, чего, по его словам, ну никак нельзя допустить. Иначе у него рухнет карьера, и ему останется разве что покупать дешевый грузовик и подобно мне возить всякую мелочь по зимникам Северных территорий. Я подумал, что это не такая уж страшная участь, но не стал говорить этого вслух.

Поскольку общая часть была обсуждена быстро, мы перешли к частностям. Выход из положения был предложен, но такой, что мне пришлось налить еще полстакана. Мирные евангелисты всерьез начали обсуждать возможность захоронения тела прямо на участке, но против этого категорически

воспротивился я. Бэрримор несколько цинично осведомился, не предлагаю ли я сжечь бедолагу прямо здесь в камине, но я сказал, что меня и это не устраивает. И расчленять его с тем, чтобы вывалить в туалет, я тоже не позволю. То есть, сказал я, надо вообще убрать труп с участка.

Американцы согласились, сказав, что вполне меня понимают. Но как я себе это представляю? Бэрримор опередил меня, вспомнив про стоящий в гараже белый «фокус». Дальнейшая дискуссия была на этом прекращена, и заговорщики без лишних слов начали собираться.

Я заявил, что мне просто необходимо выкурить сигарету – наверняка у нас есть минут пять. Арендаторы были не против. К тому же брат Ричард решил еще раз внимательно осмотреть труп, брат Дэвид тоже отлучился на пару минут, а Мисс Роузволл скрылась в гараже.

Гараж был устроен еще покойным адмиралом по обычному способу, распространенному на пригородных дачах и в частном секторе. На участке ставится железный бокс одним проемом впритык к забору, в котором намечается разрыв для створок, служащих въезду и выезду автомобиля (адмирал ездил на собственной «Волге»). Второй проем с дверью выходит непосредственно на территорию участка. Вероятно, в Штатах гаражи проектируют несколько иначе, так как миссионеров это сооружение удивило едва ли не больше, чем деревянный сортир, но они все равно решили использовать его по прямому назначению.

Покуривая, я непроизвольно хлопнул себя по карману в поисках телефона, и сообразил, что оставил трубку где-то в комнате. Выбросив сигарету, я вернулся в дом, зажег свет и глянул на стол. Только виски... Ага, вот мобильник на каминной полке, рядом со знакомой уже Библией... Хотя нет, какая же это Библия...

Не удержавшись, я взял книгу с полки и посмотрел на нее. Вместо креста на обложке был вытиснен странный знак: треугольник, вписанный в две концентрические окружности. Подобные изображения были на обложках брошюрок у девушек-лемуриек, пытавшихся когда-то охмурить Таньку.

Я наугад открыл несколько страниц: «путь света, познание истины, время прояснения» – в общем, как обычно в подобной литературе... Книга была на английском. На очень архаичном английском, если я что-то в этом понимаю. Я перелистал несколько страниц и задержался на заголовке, звучащем как «Precession for the novice». Прецессия для чего-то... или кого-то... «Положение инициатора и иницируемого определяется ситуацией, от кого и к кому переходит инициация – от мужчины женщине или наоборот, а равно и соотношением планет на момент прецессии иницируемого. Например, если Марс находится под углом 90° по отношению к Сатурну, то иницирующий мужчина должен находиться сверху при первой фазе». Это что – учебник по сексуальной астрологии?... Я перешел к титульному листу и даже поморщился: на странице изображался типичный бес: козлиная мор-

да с рогами, человеческий торс и пентаграмма у скрещенных ног. Пентаграмма, правда, не сатанинская, а «правильная», устойчивая – с одним лучом, направленным вверх, как на государственных символах – советских или американских. Какие-то слова на лентах, возможно, на латыни. «Solve» и «coagula». Может, и на другом языке, не знаю точно. Если не ошибаюсь, первое из них по-английски вроде означает «решить».

И еще один символ. В книге закладкой лежал сложенный вчетверо лист писчей бумаги, на котором кто-то делал пробные оттиски некой печати с логотипом. Логотип выглядел так, что вряд ли его (по крайней мере в нашей стране) одобрили бы к публичному применению: рунические буквы «S», точно такие же, как на петлицах у недоброй памяти некоторых германских военнослужащих сороковых годов прошлого века. Только у эсэсовцев были две буквы-молнии, а здесь – три...

С улицы послышался легкий гомон, донеслись приближающиеся шаги. Я положил книгу обратно на полку, взял телефон и, погасив свет, подбежал к собравшимся у забора Бэрримору и Старлингу.

Мы втроем кое-как завернули труп в мешки и брезент, туго обмотав получившийся тюк веревкой. Тело злоумышленника было положено в багажник «форда», и менее чем через пять минут наша компания заговорщиков выехала с участка.

За рулем находилась Кэсси, рядом в ней сидел Бэрримор.

Мы с братом Дэвидом расположились на заднем сиденье. Поездкой все же руководил я – мне были хорошо знакомы здешние места, и кому как не мне предстояло выбрать пункт конечного упокоения для парня, чье имя мне не было известно, и которое, если честно, я и знать-то совсем не хотел.

...Красно-синие вспышки, как правило, всегда настигают вас именно в тот момент, когда они ну совсем не к месту: экипаж ДПС появился, словно из преисподней на лыжах. Автомобиль с «люстрой» поравнялся с «фордом», и оттуда прозвучал хриплый голос, усиленный аппаратурой: «сто двадцать четыре, примите вправо и остановитесь!»

Ну и понедельник!..

– Что я должна делать? – спросила Кэсси по-русски.

– Остановиться, – сказал я по-английски. – Убежать вы не сможете. Они вас догонят. Попробуйте поговорить с ними. Покажите документы. Думаю, что мы их не интересуем. Они ищут пьяных.

Инструкция, которую я выложил самым спокойным тоном, была принята к исполнению. У меня, конечно, кошки скребли в желудке, когда из остановившейся чуть впереди «Лады» к нам вразвалочку пошел человек в форме.

– Здравствуйтесь, сержант ДПС бу-бу-бу, бу-бу-бу, ваши документы!

– Доброй ночь, сарджент, – промурлыкала Кэсси, подавая пачку бумаг – как я понял, свое международное удостоверение, доверенность на автомобиль и страховку.

– «Кассандра Эф Розевалл», – несколько ошарашенно прочел вслух сержант. – Это вы?

– Моя фамилия Роузволл, сэр, – пропела Кэсси. – Я гражданка Соединенных Штатов Америки, а это мои коллеги, сотрудники религиозной миссии...

Фраза была тяжеловата для Кэсси, но женщина произнесла ее практически без заминок. И вообще держалась молодцом, надо отдать ей должное. Гаишник посветил фонарем в салон, решив посмотреть на коллег. Старлинг степенно перебирал четки (уж не знаю, откуда он их вытащил – ни разу их у него не видел), Бэрримор прижимал левой рукой к груди Библию, а в правой держал заготовленный паспорт с орланом и звездой на обложке. Только у меня в руках ничего не было. Луч фонарика светил мне прямо в лицо секунды три – наверное, сержант решил, что я не особенно похож на американского религиозного деятеля.

– ... *Откройте багажник, – прозвучало суровое распоряжение.*

– *Но, офицер... – начала Кэсси.*

– *Прошу вас выйти и открыть багажник, – жестким тоном продолжил сержант.*

– *What the matter? Это что, досмотр? – рискнул задать я вопрос с акцентом. – Вы должны пригласить понятых...*

Из «Лады» вышли два стража порядка. Один из них держал в руках автомат.

– У нас есть ориентировка – белый «форд», который был угнан и использовался при ограблении... Выйдите и откройте багажник, в противном случае мы будем вынуждены взломать его самостоятельно!

– Вы не имеет право...

– Ломайте, – слышалась команда.

Сзади раздался железный треск и приглушенные возгласы – видимо, стражи порядка увидели то, что лежало в багажнике.

– Вызывайте оперативную группу, – донеслось снаружи. – У нас группа подозрительных лиц с трупом в багажнике!..

...Нет-нет! Весь этот обмен репликами промелькнул всего лишь в моем воображении, также как и взлом багажника. На самом деле сержант вернул документы мисс Роузволл, пожелал счастливого пути и посоветовал соблюдать осторожность в темное время суток.

После чего отчалил. Брат Дэвид с шумом перевел дыхание. Брат Ричард помянул «Джизэса Крайста». Сестра Кэсси по-прежнему держалась отлично. Железная леди!

– Поехали, – сказал я.

Минут через пять я увидел знакомый ложок, с протекающей по его дну речушкой под названием Турлак, впадающей в Чаус. Там иногда возвращающиеся в город дачники устраивали помывки своих машин в надежде сэкономить на мойке, но местные из расположенной неподалеку деревни с

тем же названием, что и у речки, скоро просекли это дело и принялись отжимать деньги якобы за загрязнение окружающей среды. Тем, кто отказывался платить, могли запросто выхлестать лобовое стекло. Турлак вообще прослыл не самым спокойным местом на этой трассе. У меня был один знакомый, выходец оттуда, так он рассказывал – у них там почти на полном серьезе считается, что если мужчина лет до тридцати умудрился не попасть на зону, так он вроде бы и не совсем мужчина даже...

Фары выхватывали причудливо извивающиеся, словно кишки, петли кривой грунтовки, тянущейся вдоль речки по направлению к деревне. Это была не основная дорога, по которой с шоссе можно было попасть в Турлак, но нам сейчас была нужна именно эта. По моей команде Кэсси остановила машину, заглушила двигатель и погасила фары. Я прислушался, высунув голову в окно. Над Западной Сибирью стояла гробовая тишина и кромешная тьма.

– Дэвид, пошли со мной, – сказал я, – фонарь не забудь.

Мы со Старлингом вышли из автомобиля и прошли метров десять к речке. Ага, вот тут эта расселина, куда иногда бросают мусор. С дороги ее совсем не видно, а то давно бы уже превратили в свалку. При свете фонаря она казалась почти бездонной, но я помнил, что в прошлом году здесь было по меньшей мере два метра глубины. Надо думать, за такой короткий срок тут не должно было что-либо сильно измениться.

– Сюда, – сказал я только.

Брат Дэвид прекрасно понял меня, и мы вернулись к машине за Бэрримором и трупом. Втроем мы выволокли тело гоблина из багажника, подтащили его к яме и, распеленав, сбросили на дно. Но предварительно я кинул в расселину принадлежавший злоумышленнику ножик – небольшую бандитскую «выкидуху». Я сложил ее, постаравшись не оставить свои отпечатки, чтобы чего доброго, не навела на мой след. Затем из багажника были вытащены две лопаты...

Когда мы выехали обратно на шоссе, я включил телефон, который до этого момента держал выключенным – чтоб не отвлек в неподходящий момент. Татьяна позвонила в этот же миг, словно почувствовала.

– Андрей, ты куда пропал? – с тревогой заговорила она. – Первый час ночи!

– Пытаюсь поймать такси, – изобразив тоску, соврал я. – Вообще ни одной машины нет.

– Ты будь осторожнее, ночью-то на дороге! Мало ли какие уроды могут там быть... Может, заночуешь на даче, ведь не выгонят же тебя?

– Может быть... Я позвоню, если что минут через двадцать.

– Давай, жду. Позвони в любом случае.

Ночевать на даче мне совершенно не хотелось. Пусть мне эти евангелисты и казались людьми неплохими, да сегодня вечером я еще оказался «повязанным» с ними, но они бы-

ли для меня уж очень чужими. Поэтому я попросил Кэсси довезти меня до дома, будучи уверенным в том, что она не откажет. Никаких проблем, сказала она. Только Бэрримор и Старлинг потребовали, чтобы их завезли по пути в Шатуни-ху. Кроме всего прочего, есть смысл в том, чтобы хотя бы в первом приближении, прямо сейчас, не дожидаясь утра, привести в порядок злополучное место возле забора. Мешки, брезент и веревку, которые выполнили свое жуткое предназначение, миссионеры тоже захватили с собой, как я понял по их репликам, для скорейшей утилизации.

Сестра Кэсси, в которой я видел своего рода «настоятельную» миссии, не погнушалась высадить у ворот дома обоих мужчин-арендаторов, а сама погнала машину в сторону города. Мне страшно хотелось курить, но я даже не пытался спрашивать разрешения. Наступила реакция – меня стало трясти и поташнивать. Хорошо хоть, что мне в жизни уже «повезло» иметь дело с покойниками, а то еще неизвестно, как бы я справился!

Но каким же настырным был этот покойник! Любой другой мелкий шпанец всяко должен был отстать, столкнувшись с адекватным отпором... Или этот тип имел определенную цель? Явный деклассированный элемент, бывший сиделец, урка мелкого пошиба – ну какая могла быть у него цель, кроме как отжать бумажник и телефон у припозднившегося прохожего? Так какого же лешего он едва ли не с самого начала пытался выхватить у меня пакет с письмом? Случайно

ли? Ну уж не телепатом ведь он был и не провидцем, сумевшим разглядеть сквозь непрозрачный полиэтилен конверт с... С чем? Да с Танькиными же каталогами! Тьфу, чушь какая! Трудно даже вообразить, что кто-то (кто?! не Татьяна же!!) узнал о том, что я собираюсь отвезти письмо из Нью-Йорка моим арендаторам! Не сами же они наняли этого отморозка, чтобы он отобрал письмо у самых дверей и вручил его самолично через пару минут!

Я даже хихикнул, и меня передернуло. Вот ведь нервы!

– What’s wrong? – донеслось с водительского места.

– It’s alright, – ответил я.

Сестра Кэсси не преминула поинтересоваться, не нашла ли моя жена пакет, пока мы ездили прятать улики? Нет проблем – я набрал номер, и Таня жалобно сообщила, что пакет действительно запропастился неизвестно куда. Эту информацию я передал Кэсси, разумеется, без интонации, в которой по-прежнему слышал фальшь...

Добрались мы быстро – заполночь машин на городских улицах мало, да и водит мисс Роузволл очень даже неплохо. Но времени было уже прилично, я чувствовал, что завтра работать буду не в состоянии, а потому отправил своему заказчику СМС с просьбой отменить возможную утреннюю поездку. Я написал, что у меня проблема с машиной – так подрядчики-водители частенько врут работодателям в случае форс-мажора или алкогольного отравления. И тут же получил ответ – ничего страшного, информация принята.

Мы въехали во двор дома, и Кэсси остановила «форд» возле моей «тойоты».

– Думаю, мы сделали все правильно, – произнес я по-английски, скорее всего, лишь для того, чтобы хоть что-то сказать. Просто так бросать «до свидания» было неловко.

– Я в этом тоже уверена, – с готовностью согласилась Розуволл. – Поступить иначе было невозможно.

– Да, – сказал я, открывая дверь. Большое спасибо за все. До свидания... Кэсси.

Она повернулась назад и странно улыбалась. В полумраке ее лицо выглядело очень даже привлекательным. Да ведь ей от силы лет двадцать семь, – вдруг ни с того ни с сего пришло мне в голову.

– Бай, Энди, – просто и коротко сказала «настоятельница».

* * *

...На даче было темно и тихо. Я заглянул в каминную комнату и убедился в том, что она пуста. В камине зловеще краснели угольки. На столе стоял стакан и бутылка с чем-то прозрачным. Мне страшно хотелось пить, я налил себе в стакан этой жидкости, сделал осторожный глоток. О ужас! Водка! Откуда она только тут взялась?!

Я прокрался по коридору и взобрался на второй этаж, откуда шло слабое свечение. Вот как! Там возле столика со сто-

ящим на нем зажженным ночником сидела мисс Роузволл с каким-то тонким продолговатым предметом в руке.

– Вчера приезжали из полиции, – вдруг сказала она. – Они все знают. Вот, смотри, что они нашли...

Кэсси встала и приблизилась ко мне.

– Но ты не бойся. Мы все устроили, – мягким, успокаивающим тоном произнесла она, подходя все ближе. Ее лицо уже было в нескольких сантиметрах от моего. На губах женщины играла легкая улыбка. Целоваться она, что ли, надумала?

Пока я размышлял, случайно бросил взгляд на предмет, который Роузволл держала в руке. Каминная кочерга? Что значит «они нашли?»

Я перевел взгляд на лицо Кэсси и с воплем отскочил назад: эту рожу я ни с какой другой спутать не мог: белые остекленевшие глаза, окровавленная губа, кривые зубы и острые уши! Мертвый гоблин-гопник!

– Я пришел, – прохрипело создание и взмахнуло кочергой. Дико крича, я кое-как увернулся от него. А ходячий труп надвигался на меня, наступал... Я почувствовал, что спиной уперся в угол комнаты, и понял, что бежать некуда. Мертвец подошел совсем близко, разинул щербатую пасть и опять замахнулся своим орудием... Все, это конец – теперь он точно не промахнется!..

– Перестань вопить, – громким шепотом сказала Таня. – Вечно у тебя так: надерешься на ночь, потом кошмары да-

вят... Спи давай, тихо.

Я напился воды из стакана, благо разумно поставленного на тумбочку рядом с диваном, и дальнейший сон прошел уже без подобных жутиков.

Утром, конечно, я чувствовал себя неважно, но на этом не обязательно заострять внимание. Татьяна к моменту моего пробуждения убежала на работу, а я едва ли не первым делом принялся за поиски корреспонденции для американцев. Вчера мне не хотелось будить Таню (тем более что я по возвращении действительно допил-таки водку под холодный голубец), а сегодня утром я не сильно желал встать. Поэтому момент, пока моя жена еще находилась дома, был упущен.

Поиски оказались безрезультатными. Темный полиэтиленовый пакет, точно такой же, в каком вчера я увез на дачу никому не нужный каталог, валялся за кухонной дверью в пачке ему подобных пакетов. Но содержимого нигде не оказалось. Куда же делся конверт, черт возьми?

Я набрал Танин номер.

– О! Ты все-таки нашел в себе силы восстать? – Танька решила слегка поехидничать.

– Точно. Ты мне вот что скажи: ты вспомнила, куда делся конверт?

– Нет, не вспомнила, – чуть помедлив и перестав ехидничать, сказала Таня. – Может быть, ты все-таки сам его куда-нибудь засунул?

Мне показалось, что она как-то не так произнесла эту

фразу. Повторяю – мы живем вместе уже не первый год, а за приличный срок неверные нотки друг у друга в речи и более тупые люди распознавать научатся.

– Не засовывал я его никуда. Где мой конверт?

И опять пауза.

– Не знаю. Ищи сам, я-то откуда знаю, где ты свои вещи разбрасываешь?

В оркестре уже фальшиво гремела по меньшей мере треть инструментов. Я попытался хоть немного прекратить подобную какофонию, но имея под рукой только трубку телефона, это сделать было непросто.

– Но я сейчас только что нашел пустой пакет из-под нужного мне пакета!

– «Пакет из-под пакета». Маскаев, хватит уже. Если ты сам ничего не помнишь, то нет смысла заставлять меня вспоминать неизвестно что! И вообще, я занята. У меня работа, и я не могу позволить себе ходить на нее когда мне вздумается, в отличие от некоторых...

Я даже не стал отвечать, нажал отбой и в сердцах швырнул мобильник на диван. Нет, это на самом деле черт знает что!

После завтрака и перекура я немного успокоился. В конце концов, Таня – всего лишь женщина, со всеми вытекающими. Вечером разберемся, может, дело-то пустяковое...

Но где же, черт возьми, американская почта?!

Я облазил всю квартиру. Она у нас небольшая, числом комнат аж в одну плюс кухня и все такое прочее. Я нашел

пару потерянных еще в позапрошлом году компакт-дисков и ржавый напильник. Из-под шкафа я выскреб древнюю открытку с серпом и молотом, а под стиральной машиной обнаружил маленький плоский ключ. В углу прихожей нашлась недавно оторвавшаяся откуда-то, и явно не моя пуговица шоколадного цвета с блестящими вкраплениями, которой тут еще вчера днем точно не было. Но того, что мне было нужно, я так и не сумел отыскать.

В бестолковых занятиях я провел день до обеда, поминутно ожидая звонка от Бэрримора, которому обещал сегодня уж точно отдать конверт и, когда телефон зазвонил, я почти был уверен, что это брат Ричард решил напомнить о себе. Мне действительно звонил евангелист, хотя и несколько иного разлива, а именно местного – про меня неожиданно вспомнил Павел Столяров.

– Привет, Андрей! Давно хотел с тобой поговорить, да вот повода не было пока что.

– Ну, привет. Повод появился?

– В какой-то степени. Встретимся?

– В ДК Островского?

– Если ты не хочешь туда ехать, давай где-нибудь в другом месте. – Павел верно расшифровал мой тон.

Я посмотрел за окно. Лето, да и только. Ветра нет, солнышко, птички поют, пива хочется...

– Давай где-нибудь в летнем кафе на проспекте, – предложил я.

Павел согласился и, после обсуждения точного времени и места, мы договорились о почти немедленной встрече.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– ...Вот, а потом твои американцы будут заявлять, что за нами, бедными, идет охота по всему свету, и так далее и тому подобное, – закончил свою тираду Павел.

Я с наслаждением отхлебнул из кружки. Пиво было так себе, но, по крайней мере, свежее и холодное. Хорошо бы еще закурить, но пока не будем задымлять некурящих. Пусть лучше поподробнее расскажет о своих подозрениях. Конечно, критику чужих верований я уже и раньше слышал, да и не один раз...

– Возможно, ты прав. Но мне кажется, они действительно кого-то опасаются, – сказал я на всякий случай.

– Кого? – быстро спросил Павел.

– Не вас, – заверил я. – Вы, как и православный антисектантский комитет, для них, как я понял, не более чем досадная помеха.

Павел даже поморщился.

– Они тебе не рассказывали, где и каким образом вербуют себе прихожан?

– Нет. Кстати, я ни одного прихожанина у них ни разу не видел. И вообще, они больше похожи на очень демократичный монастырь из трех человек, причем разнополый... – Я замолчал, задумавшись: может, эти трое действительно ни-

какие не христиане, а просто дауншифтеры из Штатов, своего рода шведская семья или что-то в этом роде... Имеют какую-то ренту, работать не хотят, вот и махнули в Сибирь, ловить экзотику... Поживут здесь, пока уши не отморозят, потом переместятся куда-нибудь в Микронезию отогреться...

– Какой там монастырь, – махнул ладонью Павел.

– Тогда кто они, по-твоему?

– Ты будешь смеяться, но они могут оказаться достаточно темными культистами. Я даже не исключаю ересь с сатанинским уклоном. От церкви ЛаВэя в последние годы столько различных ответвлений откололось...

– ЛаВэй – это главный сатанист всех времен и народов?

– Вроде того. Считается основателем и верховным жрецом церкви сатаны. Но, на мой взгляд, сатанисты существовали еще задолго до него, просто ЛаВэй оседлал эту религию, сделал ее своей фирмой, что ли... Ну, не в нем дело.

– Но как сатанисты могут выдавать себя за христиан? Сатана вроде же боится бога? Да и символика, сам понимаешь, у них уж очень разная.

– Ты поменьше читай агитки православных дьяконов, – Столяров опять поморщился. – Убежденный сатанист и в храм войдет, и на икону перекрестится – ничего ему не будет. Если он не одержимый, конечно. Но одержимому среди серьезных сатанистов и так не место.

– Кстати, православные дьяконы очень многие объекты

поклонения причисляют к сатанообразным. Кришну того же взять. Я уж не говорю про тех клоунов, которые себя иисусами самопровозглашают.

– Как христианин, в данном случае я абсолютно согласен с православными дьяконами, – по всей видимости, искренне, заявил Павел.

Я снова приложился к кружке. Разговор наш, конечно, был небезынтересным, но несколько бестолковым. Столяров явно ходил вокруг да около, не рискуя мне сообщать всю информацию.

– Откуда у тебя информация, что американские миссионеры поклоняются сатане? – спросил я прямо.

– Слышал такое название «солгулианцы»?

– Первый раз слышу, – сказал я, но через полсекунды сообразил, что это слово мне в некоторой степени знакомо.

– Это как раз касается ересей сатанизма. Впрочем, не только. Про тамплиеров слышал?

– Про тамплиеров сейчас все хорошо знают. По фильму «Код да Винчи» в основном. Но что общего между крестоносцами и слугами дьявола на чертовой мельнице?

Павел заказал себе большой стакан пепси, а это, видимо, значило, что он решил-таки мне выложить немало интересного. Я приготовился слушать.

– Историю ордена тамплиеров я знаю плохо, поэтому не буду на ней останавливаться. Когда их начали громить и арестовывать, инквизиторы предъявили рыцарям массу обвине-

ний, естественно, смехотворных. Вроде поклонения черным котам, смоленным веревкам и сушеным человеческим головам. Но эти обвинения, по крайней мере, исторически зафиксированы.

В некоторых публикациях говорилось, что тамплиеры обвинялись еще и в поклонении демону по имени Бафомет. Подобного обвинения в реальной истории не было. Мнимую ересь тамплиеров выдумали историки, а затем подхватили журналисты. Зачем это было сделано – вопрос, конечно, интересный.

Церковь сатаны, как известно, имеет своим символом козлиную морду, вписанную в перевернутую двумя лучами вверх пентаграмму. Этого козла в древности называли как угодно, но только не Бафомет. Сравнительно недавно, в восьмидесятые, церковь сатаны закрепила за собой этот символ в качестве товарного знака. Кстати, многим последователям ЛаВэя не нравилась коммерциализация их культа, но про это я тоже не так много знаю, чтобы уверенно всё рассказывать.

Я знаю другие вещи. До того, как стать символом сатанистов, Бафомет изображался с правильной пентаграммой и без букв еврейского алфавита. И вроде как дистанцировался от сатаны. Конечно, хрен редьки не слаще, демон все равно остается демоном. Хотя в древности Бафомет не выглядел как козел – его впервые изобразил таким Элифас Леви, французский мистик и мракобес девятнадцатого века. Но

вот что интересно – на теле у изображенного демона, или просто где-нибудь рядом с ним как правило писали девиз на латинском языке: «solve et coagula», что означает «*растворись и застынь*».

– Слушай, а ведь я где-то видел эти слова! И притом недавно.

– А где, не помнишь? – с надеждой спросил Столяров.

– Нет, – соврал я. Сам-то я отлично помнил эту надпись в странной книге на даче.

– Жаль. Если бы знать точно, мы бы могли вывести этих американских псевдохристиан на чистую воду...

– Слушай, ты не против, если я буду курить? Уши слегка опухли. Может, сумею вспомнить.

– Да кури уж, конечно... Ну вот, если взять первые буквы слова «solve» и последние от «coagula», получим акроним «солгула». Солгулианцы – это довольно редкая и малоизученная секта. Радикальными сатанистами их, конечно, не назвать, но культ у них, мягко говоря, сомнительный.

– Но все равно – какая связь между миссионерами и тамплиерами? – спросил я, вытряхивая сигарету. – Если американцы с моей дачи не являются сатанистами в чистом виде, то кто же они тогда – потомки тех самых рыцарей? Тамплиеров ведь, насколько я знаю, истребили в хлам?

– Ошибаешься. Их орден существует до сих пор. Например, в Португалии тамплиеры были признаны невиновными, их никто не преследовал. Они сохранились в Германии,

Швеции, Шотландии, еще где-то. А сейчас можно насчитать не менее сотни организаций, которые претендуют на происхождение от храмовников. Разнообразие тут огромное, есть ли в их числе истинные рыцари – неизвестно, да и разбираться, я считаю, бессмысленно. Среди них имеются так называемые «восточные тамплиеры» – это явные сатанисты, их родоначальником был еще один известный мистик – Алистер Кроули. Так вот, я слышал, что солгулианцы не именуют себя прямыми потомками и продолжателями традиций храмовников, но намекают, что традиции «восточных тамплиеров» им сравнительно близки и понятны. Правда это или нет – я тоже точно не знаю.

– А цели у них какие могут быть?

– Ну, какие цели обычно преследует глава какого-нибудь сомнительного культа? Власть, деньги и удовольствия от невоздержанного образа жизни.

Я очень хотел спросить, какие цели преследует глава церкви, куда вошел сам Павел, но вовремя прикусил язык – не тот случай. Вместо этого сказал:

– Это слишком примитивно, хотя и верно. Да и речь не об этом – я говорю о частностях: для чего именно приехали к нам американцы? Что они намерены делать?

– Я почти уверен, что они приехали заниматься какими-то темными делами. Советую тебе быть осторожным с ними.

– Чем они могут мне навредить?

– Да хотя бы подставить могут. Про тебя и так уже с чьей-

то подачи пишут, что якобы ты – глава фирмы, которая чуть ли не родину распродает. Не хочу тебя пугать, но ты можешь даже не заметить того момента, как на тебе начнут ездить.

– Ну уж...

– Я серьезно. Люди из культов – это не обычные проходимцы, с которыми ты мог иметь дело. Это специалисты по промыванию мозгов, их обучают НЛП и прочим техникам влияния на людей. Очень серьезным и жестким техникам вплоть до гипнотических. К тому же наверняка в миссию вложены какие-то деньги, которые надо будет кому-то отработать. Ну, а что во все времена и у всех народов обычно искали и чаще всего находили того, кто будет отрабатывать тем или иным образом – про это ты и без меня отлично знаешь.

– И как тогда мне подстраховаться?

– Да очень просто. Как только они подкатят к тебе с каким-нибудь предложением, пусть даже безобидным на первый взгляд, постарайся разобраться, чем оно в будущем может для тебя обернуться. В крайнем случае можешь даже позвонить мне – я ведь неплохо разбираюсь в уловках, к которым прибегают ловцы душ.

С этими словами Павел даже улыбнулся белозубо. Похоже, он намекал на то, чтобы я информировал его о моих делах с арендаторами. Я хотел кое-что уточнить сразу же, но тут ему позвонили. Столяров достал мобильник и принялся разговаривать, как мне стало сразу ясно, с Эльвирой... «Со-лгулианцы», так он сказал. Вот ведь откуда мне знакомо это

слово – что-то уж очень похожее было в названии организации-отправителя из Нью-Йорка... Черт, но куда же заделалось проклятое письмо?!

– ... Да, я в летнем кафе у магазина «Надежда»... Ну да, а потом на Горную, в контору... Вводи, как обычно – «джиз-эс»... Сейчас уже едешь? А, ты скоро? Чудесно.

Павел закончил разговор и убрал телефон.

– Ну так что? Если вдруг почувствуешь что-нибудь неладное, дашь знать?

– Павел... Слушай, у меня есть небольшая просьба.

– Я тебя слушаю.

– Скажи мне, вы с Эльвирой все ваши дела обсуждаете? Я имею в виду, конечно, дела вашей церкви?

– В общем, да.

– А в частности?

– Да и частности, думаю, тоже.

– Так вот, моя просьба, можно сказать, личного плана. Эльвира практически каждый день общается с Татьяной. Домой к нам приходит. О чем-то они там беседуют. Я не знаю точно о чем, но мне это не очень нравится... погоди, дай я закончу... Я точно тебе говорю – мы не ваши прихожане. Ты уже понял, наверное, что я за человек, и свою жену я вам тоже не отдам. Она мне самому нужна. Я ясно выразился?

– Зачем же так резко? Куда уж яснее...

– В общем, тогда без резкости: просто по-человечески прошу тебя передать Эльвире, чтобы она прекратила «оку-

чивать» Татьяну.

Павел издал несколько невнятных междометий, и я продолжил:

– Ведь это всего лишь услуга за услугу, ведь так? Как только Эльвира перестанет давить на мою жену, я тут же начну тебя информировать о делах миссионеров...

«Но специально шпионить за ними я, конечно, и не подумую», – добавил я мысленно.

– Хорошо, – серьезно сказал Павел. – Думаю, мы договорились. Я обещаю, что поговорю с Эльвирой на эту тему. Серьезно.

– Ну, тогда вот такой вопрос. Если не секрет, у тебя самого в этом есть какой-то интерес?

– Конечно, – нисколько не смутившись, заявил Столяров. – Я, как ты уже понял, давно не являюсь неофитом, и потому имею круг обязанностей более широкий, чем у рядовых посетителей наших собраний. У меня есть и определенный долг... И если я, например, сумею раскрыть истинную сущность и неблагоприятные дела какой-нибудь секты, которая рядится практически под нас, то мне это определенным образом зачтется.

Глаза Павла прямо-таки засверкали от предвкушения будущих побед. Нет, что-то он уж очень сильно радуется – его прямо «прет» от возбуждения.

– И только-то? – я сделал вид, что разочарован «мелочностью» устремлений Павла.

– Да, это действительно не главное. Ты прав... Знаешь, что? Есть сведения, что американцы приехали в Сибирь для очень серьезных дел. Таких, что даже вслух говорить нельзя.

– Воровать ядерные секреты?

Павел даже скривился.

– По сравнению с целями солгулианцев – это мелочи...

– Да неужели?

Кажется, я имею дело человеком, умным до сумасшествия. Наверное, с Павлом что-то случилось на религиозной почве...

– Да-да! – Горячо заговорил Павел. – То, что они ищут, способно перевернуть мир... И если мы не просто не дадим им это сделать, а сами...

– Добрый вечер, Андрей, – услышал я женский голос.

Супруга Павла, оказывается, уже минуту или две как подъехала и теперь стояла рядом с нами, не вмешиваясь до поры до времени в беседу. Ее вишневый «ланос» стоял у обочины недалеко от кафе.

– Здравствуй, Эльвира, – отозвался я.

Несмотря на крайнюю степень корректности наших отношений, я приподнялся со стула, но при этом случайно поддал коленом по ножке легкого пластмассового столика и рассыпал табачный пепел. Порыв ветра тут же взметнул его и слегка запорошил Эльвире куртку. Эльвира слегка поморщилась; ясно, что этот мелкий инцидент вряд ли улучшил ее отношение ко мне... На Эльвире была темно-рыжая кожаная

курточка, которая очень мило на ней смотрелась, оттопыриваясь на груди и сужаясь к талии. Я с интересом уставился на жену Павла, немного даже пренебрегая приличиями. Но меня в данном случае занимала вовсе не она, а ее куртка. И даже не сама куртка, а красивые пуговицы на ней.

* * *

Сказать, что у нас с Татьяной в этот вечер произошла семейная сцена – значит не сказать ничего. Я терпеливо дождался, когда Таня придет с работы, а встретив, не торопясь, не с порога, а лишь только после того, как она переобулась в домашние тапочки, открытым текстом спросил, какого, собственно, дьявола, делала вчера у нас в доме Эльвира Столярова?

Меня тут же, многословно и изобретательно обвинили в клевете, злопыхательстве и злоупотреблении пивом. Я все это внимательно выслушал, после чего спокойно сообщил, что не далее как сегодня встречался со Столяровыми сам, и мне вполне хорошо потому известно о том, что Эльвира к нам вхожа, причем почему-то именно в то время, когда я отсутствую. Заметив на лице жены замешательство, я посоветовал при следующем визите Эльвиры вернуть ей пуговицу, которую та потеряла именно вчера у нас дома, пока я ездил к арендаторам.

Конечно, я и сам говорил полуправду. Но, поскольку не

люблю, когда меня держат за дурака, решил, что имею право на некоторые полицейские приемчики. Естественно, я не соврал в открытую, что Эльвира прямо так мне раз и сказала, что была вчера у нас дома, но вывернул свои слова таким образом, что наша мимолетная встреча возле машины якобы принесла мне однозначную и убедительную информацию.

Эти приемчики сработали. Минут через десять после начала нашей беседы Таня начала сникать, а когда я предъявил косвенное вещественное доказательство, она наконец призналась, что продолжает общаться с Эльвирой, но! Все это делается лишь для общего семейного блага, и она очень надеется, что Андрей Маскаев рано или поздно тоже соизволит обратить внимание на то, что не единими материальными стимулами жив человек.

Тут мне пришлось призвать на помощь все свое красноречие и умение убеждать, чтобы в очередной раз доказать как дважды два: любые сектанты, неважно какой направленности, точно также как девочки-лемурийки, девочки-феминистки, да и девочки-эмэлэмщицы умеют так задуривать головы, что только крепкий ум (вроде моего) может сопротивляться охмурению, да еще и вытаскивать из болота глупенькую Таню, которой ее муж уделяет слишком мало времени...

Я намеренно поддался, пропустил легкий удар, но первый раунд все равно был за мной. Не допуская перерывов, я пошел в дальнейшее наступление, спросив как бы невзначай: не доложила ли Эльвира, уходя, о том, что прихватила с со-

бой письмо, ей не предназначенное?

Несмотря на мои отдельные успехи, я чуть было не проиграл. Таня с негодованием заявила, что такая порядочная и продвинутая женщина, которой является Столярова, вряд ли пойдет на тупую кражу неизвестно чьих документов... Которые, кстати, принадлежат этим американским деятелям, а они типы весьма подозрительные и вообще – Маскаев, ты с ними еще точно горяхватишь!

Я был почти уверен, что письмо прихватила Эльвира и, возможно, она не поставила о том в известность свою приятельницу и потенциального адепта. Несмотря на то, что в отношениях между мной и Татьяной появился холодок, отужинили мы довольно мирно. После ужина Таня принялась демонстративно штудировать Евангелие, но я сделал вид, что не придаю этому значения – пусть читает. Гекльберри Финн вон тоже читал, пока не подвернулась возможность то ли украсть дыню, то ли повесить кошку за убийство птички.

Выйдя на балкон, я глянул вниз – «тойота» стояла на месте, в отличие от меня, готовая к работе. Но сегодня было уже поздно, да и градус пива в организме превышал норму, а на завтра в планах действительно имелось несколько поездок. Размышляя о перспективах, я совсем было позабыл о брате Ричарде, но вот он про меня помнил. Выждав, по всей видимости, все возможные сроки, миссионер набрал мой номер, и мне пришлось ему отвечать, как бы мне это ни было тошно. Я как мог попытался убедить американца, что пись-

мо обязательно найду, чего бы это мне ни стоило – просто оно куда-то задевалось по ошибке. Не знаю уж, поверил ли мне Ричард, но закончил он словами «как найдете – не забудьте позвонить».

Чтобы больше меня не отвлекали во время перекура, я открыл балконную дверь и положил телефон на подоконник. До меня донесся приглушенный голос Тани – она тоже говорила по телефону. И, несомненно, с Эльвирой.

Я вполголоса выругался, вынул вторую сигарету и прикрыл дверь... С соседнего балкона, отделенного от нашего вертикальной стальной панелью, слышался хриплый голос дяди Гриши – хорошо поддающего водителя-пенснера. Недавно он отправился на заслуженный отдых, и теперь, к ужасу его супруги, на радостях едва ли не ежедневно устраивает себе «день шофера». Жена со скрупулезностью сапера на минном поле постоянно обезвреживает по квартире его заначки, чтобы тот не наклюкался, но дядя Гриша все равно находит, что выпить, только не в слишком больших количествах. А на сигареты ему уже не хватает. Поэтому он по вечерам караулит, когда я выхожу на балкон подымить, и стреляет у меня курево. Мне не жалко. К тому же, дядя Гриша перед пенсией водил именно японские грузовики и микроавтобусы, подобные моей машине, и к нему можно в случае чего с вопросом обратиться. Поможет. Проверено.

Назавтра я с головой окунулся в работу. Оттарабанил отложенный вчера заказ, а потом умудрился принять и отработать один за другим еще три. Обедал прямо за рулем во время движения, думать о солгулианцах было некогда – шел «сенокос», а ведь до денег я человек очень жадный.

Часов в пять позвонил Бэрримор, все с тем же вопросом. Обрадовать его было нечем, он вздохнул и как-то неуверенно предложил мне подъехать на предмет покера. Я подумал, что на пару часов можно «переключиться» и, ответив согласием, поехал в Шатунику. Денег я сегодня заработал прилично, можно было позволить порожний пробег по пустяковому делу. Но мне еще очень хотелось взглянуть на одну вещь и, возможно, кое о чем спросить.

... Игра шла в этот раз вяло, без азарта и блефа. Мы пасовали, поднимали, открывали пары, тройки, каре, флэши и даже фулл-хаусы. Я проиграл рублей пятьдесят (в иные времена бывало больше, бывало меньше, а выигрывал я редко). Проигрыш Бэрримора оказался раз в десять крупнее, что для Ричарда было редчайшим случаем – этот человек был просто милостью божьей игроком в покер. В общем, игра шла так себе. Думаю, что тому виной был валяющийся на берегу Турлака покойник, который намертво «повязал» всех нас, и одновременно заставлял при встрече испытывать чувство подавленности. Я уже раза два подумывал сдать власть, потому что подобный груз порой казался излишне тяжким, но

понимал, что никогда этого не сделаю. Борясь с угрызениями совести, я убеждал себя в том, что вряд ли смогу оживить этого парня, сообщи я об этом инциденте. Доказывал себе, что «откинувшийся» уголовник, разгуливающий по темным переулкам с ножом в кармане, никак не может быть хорошим семьянином и полезным членом общества. И уповал на то, что со временем этот жуткий эпизод должен как-то «сгладиться» в моей памяти. Тем более что мы коротко обсудили его возможные последствия и договорились о полном и бескомпромиссном обете молчания. Никакой гоблин меня у дачи не поджидал, на участок не запрыгивал, и уж конечно, никто его потом не увозил прочь в багажнике и не закапывал в расщелине.

После игры я словно невзначай подошел к каминной полке. Я хорошо помнил про странную книгу, а также и рассказы Павла про сатанистов и тамплиеров. Странно... На том месте теперь лежала самая обычная Библия с крестом на обложке. Книга—перевертыш, вот так дела...

Ясно, что теперь никаких вопросов я не стал задавать миссионерам. Видимо, они решили убрать некоторые вещи, на которые я мог бы обратить свое внимание. Может, мои арендаторы и на самом деле не евангелисты, а адепты темных культов? Ну и даже если так – мне-то по большому счету какое дело? Особенно после того приключения. В общем, возвращаясь домой, я решил, что нет больше смысла тешить праздное любопытство и не лезть не в свое дело.

...Возле дома я встретил дядю Гришу, явно озадаченного традиционной проблемой. У меня как раз накопилось к нему несколько вопросов сугубо технического плана, и я шепнул, что попозже вечером выйду на улицу, при этом кое-что принесу с собой. Сказано – сделано. Около девяти часов мы расположились у моей «тойоты», открыли капот и принялись за довольно продолжительную научно-исследовательскую работу в области двигателя внутреннего сгорания. Естественно, мы также попутно занимались изучением свойств некоей прозрачной жидкости в полулитровой бутылке – а как же без этого? Дяде Грише я позволил изучить значительно больше, чем себе, так как завтра мне нужно было с утра садиться за руль.

...Следующий день начался точно так же, как и вчерашний. Прием заказа, поверхностная проверка состояния машины, погрузка, маршрут, заправка. Городские пробки, неадекватные водители, отвратительное покрытие дорог. Разгрузка, новый заказ... Неожиданный звонок.

– Маскаев Андрей Николаевич?

– Да, это я.

– Областной следственный комитет.

Дождался-таки...

– Слушаю вас.

– Вы не могли бы сегодня подойти в управление? Тут складывается очень странная ситуация, в которой вы выглядите как одна из ключевых фигур.

– Меня в чем-то подозревают? – спросил я, держа одной рукой руль, другой – телефон.

– Если бы вас в чем-то подозревали, то вызвали бы повесткой на допрос... Пока ни о чем таком речи нет. Более того – вы пока имеете полное право проигнорировать этот звонок.

В такой короткой фразе дважды прозвучало слово «пока». Надо думать, это обычная полицейская практика, но можно расценить и как доброе предупреждение.

– Хорошо, я приеду. Когда и к кому?

Мне подробно ответили на мой вопрос и довольно корректно позволили согласовать время визита. Я обещал подъехать к четырем часам, про себя думая, что мне придется рассказывать о жителях американцев, которых я пустил на свое ранчо, где, кроме всего прочего, регистрировать жильцов – не самое законное занятие. Особенно иностранных граждан.

Я готовился к неприятным вопросам подобного рода и думал про то, как буду на них отвечать, и как мне потом решать возникшие проблемы. Но все оказалось гораздо хуже.

...Майор юстиции Роман Вересков оказался высоким и худощавым брюнетом лет сорока с тяжелым носом и грустными, понимающими глазами на продолговатом лице нездорового цвета. Он чем-то походил на Ричарда Бэрримора, пусть даже совсем неуловимо.

Мне было предложено сесть по другую сторону стола с

бумагами и захлопнутым ноутбуком, а также разрешено курить – в наше время такая любезность совсем нечасто встречается.

– Андрей Николаевич, прошу сразу учесть, что это никакой не допрос, никакого протокола вам подписывать не придется, и все ваши слова мне нужны только в плане информации.

Я с видом скептика покивал головой – мол, плавали, знаем... Мягко вы стелете, прокурорские, да жестко потом сидеть окажется. Вересков повторил мое движение и продолжил:

– Ну, если так, то такой вопрос: насколько хорошо вы знакомы с Павлом Витальевичем Столяровым?

Я не слишком ожидал подобного начала, но и не сказать, что был чрезмерно удивлен.

– Мы несколько раз встречались. Беседовали на разные темы.

– Сколько именно раз и когда?

– Если не ошибаюсь, всего два раза. Первый раз – примерно неделю назад в доме культуры имени Островского. Второй – позавчера в летнем кафе возле магазина «Надежда».

– Если не секрет, о чем вы беседовали?

– Не секрет. На религиозные темы.

– Понятно. Он приглашал вас на встречи их церкви?

– Нет. В ДК мы тогда приходили по приглашению его жены. – Вроде бы не тот случай, чтобы врать и юлить, подумал

я.

– Ну вот такой момент, Андрей Николаевич. Строго говоря, их церковь – это секта. Типа давно известной и уже слегка подзабытой «церкви Христа», вокруг которой в девяностые так много шума было. У вас не складывалось впечатления, что Столяров был навязчив по отношению к вам? Что он излишне настойчиво пропагандировал свою веру?

– Нет. Я полагаю, что во мне он нашел просто интересного собеседника. Я в нем, кстати, тоже. Ему меня трудно было бы переубедить...

– Почему?

– Я полагаю, что мое мировоззрение уже давно сформировано. Я не метаюсь в поисках неких истин, и не запутался в жизни. Да и возраст у меня «непроходной». На таких, как я, сектанты внимание редко обращают.

– Но вы же сказали, что Столярову было интересно с вами общаться.

– Как образованному и начитанному человеку – да. Как сектанту, стремящемуся заполучить заблудшую душу – ни в коем случае. Я бы не поддался.

Следователь взял паузу. Я взял сигарету.

– Вы женаты? – вдруг спросил он.

– Гражданский брак, уже лет прилично...

– Возможно, нескромный вопрос: ваша жена могла встречаться со Столяровым без вашего ведома?

– Во-первых, Столяров сам женат, если вы об этом... А

что касается Татьяны, моей жены, то она иногда общается с женой Павла. По крайней мере, это все, что я знаю.

Вересков вынул из ящика стола небольшой блокнот, перелистал его и протянул мне со словами:

– Можете прокомментировать записи на этой странице? Только прошу не листать блокнот.

Я взял записную книжку и сразу же увидел знакомые имя и фамилию. «Жена А. Маскаева – насч. амер. – информация о почте?»

Мне, сами понимаете, совершенно не хотелось комментировать эту запись.

– Боюсь, что я плохо понимаю, в чем суть этой фразы, – сказал я, возвращая блокнот.

После этого следователь открыл крышку ноутбука, нажал несколько кнопок и повернул компьютер так, чтобы я видел изображенное на мониторе.

– Вы не читали эту статью?

Вересков предъявил мне давешний опус журналиста Чаповалова. Я про себя решил, что пора поговорить с этим шелкопером по душам. А следователю признался:

– Читал. Высосано из пальца. Масса фактических ошибок. Может быть, даже заказной материал. Хотел даже подать в суд, но тут – сами видите – изменена одна буква в фамилии.

– Вас кто-то очень хочет скомпрометировать?

– Меня это сильно удивляет. Я ведь не депутат какой-ни-

будь. Не чиновник. Я – простой водитель. Шофер, на грузовике работаю.

– Какие тут фактические ошибки вы нашли? Кроме искажения фамилии?

Я перечислил все, которые мне были известны. Начал, конечно, с неверного названия заморской церкви и с того, что американцы сроду не снимали для своих месс зал дома культуры Островского. Добавил, что автор малость перепутал две церкви или, если угодно, секты с очень похожими названиями. А раз журналист настолько вольно обращается с фактами, ничего удивительно нет и в том, что он назвал меня, ныне и давно там неработающего, сотрудником (судя по тону статьи – руководящим) неких фирм с криминальным душком.

Правды ради, я ведь формально был неработающим. Более того – я нарушал закон, так как фактически занимался незаконным предпринимательством, не имея ни регистрации ИП, ни счета в банке, ни лицензии, ни малейшего желания платить налоги. Но, на мое счастье, в данный момент прокуратуру не интересовали мои заработки. Ее даже не интересовал факт сдачи американцам в аренду моей дачи. Я очень надеялся, что дело не дойдет и до жуткого эпизода на этой даче. Вересков снова вернулся к моим делам с Павлом:

– Вы говорите, что обсуждали со Столяровым вопросы религии.

– В общем, да.

– А не могли бы изложить чуть подробнее основные моменты вашей вчерашней беседы?

Ага, щас...

– Мы обсуждали сатанистов, – сказал я.

– Кого? – Вересков, кажется, даже немного удивился.

– Церковь сатаны. А также ее духовных лидеров – ЛаВэя, Кроули. Ну, и про вред, который эта церковь может нанести молодым людям, не научившимся еще разбираться в жизни...

– Вы специально встретились, чтобы обсудить именно эту тему? – следователь легко сумел обнаружить фальшь как раз в нужном месте.

– Не только, – сказал я, понимая, что Вересков уже, скорее всего, допросил Павла и теперь сверяет его показания с моими. – Столяров с подозрением отнесся к представителям американской церкви – той, с которой их перепутал этот журналист Чаповалов. И обратился ко мне за помощью. Если, допустим, я вдруг узнаю, что эти миссионеры – не те, за кого себя выдают, то не мог бы я сообщить об этом ему, Столярову то есть...

– А за кого они себя могут выдавать?

– За христиан-евангелистов. Почти таких же, как церковь, где состоит Столяров. У них есть некоторые тонкие различия, для атеистов несущественные.

– И кем же они тогда является в действительности?

Я пожал плечами. Вересков снова перелистал блокнот.

Блокнот Павла. А какого, собственно, черта он находится в руках у следователя?

– Вот, смотрите, что он пишет: «Проверить версию про амер. нац. и солгул». Как вы думаете, что такое «нац. и солгул»?

– Мне такие вещи неизвестны... Это же записная книжка Столярова? Может, он использовал какие-то сокращения, которые только ему известны. Спросите уже его самого! Блокнот у вас, и он должен знать лучше, что в нем написано!

Вересков кинематографическим жестом открыл ящик стола и небрежно переправил туда блокнот.

– Такой еще вопрос, Андрей Николаевич... Можете на него не отвечать, если не хотите. Вы вчера где были около десяти вечера?

– Дома...

– Верю. И, наверное, жена ваша тоже дома была?

– Вне всякого сомнения.

– В это время кто-то из соседей или знакомых вас мог видеть дома? Или, может быть, вы с кем-нибудь по телефону разговаривали?

– Строго говоря, я был не совсем дома.

– Вот как? Где же именно?

– Рядом с нашим подъездом, на общественной парковке у моей машины. Мы с моим соседом, тоже водителем, обсуждали некоторые технические вопросы и делали мелкий ремонт. Думаю, нас там видели и другие наши соседи... Что-

то произошло в это время, да?

– К сожалению. Ваш знакомый Павел Столяров был убит вчера вечером в своей квартире.

Вот как!.. Уж чего-чего, но такого я не мог ожидать. И тем более – пожелать человеку, который хоть и не был мне другом, и представлял не вполне традиционный культ. Межконфессиональные разборки? А может, все тут гораздо проще, и это обычный городской криминал?

Вересков, без сомнения, увидел на моем лице все признаки обалдения.

– Вот-вот, – произнес он со значением. – Его жена Эльвира находится сейчас в больнице в очень тяжелом состоянии и, насколько я знаю, есть опасность летального исхода. Соседи, как обычно в наше время, ничего не видели и не слышали, за исключением несущественного шума примерно в двадцать два часа. В милицию позвонили только утром, увидев, что дверь в квартиру Столяровых приоткрыта.

– Грабеж? – тихо спросил я. – Или что-то другое.

– Боюсь, что другое, – Вересков не сумел скрыть свое недовольство. – Из квартиры ничего не взято. Я имею в виду ценности – деньги там, колечки, дорогую электронику. Но все перерыто вверх дном. Убийцы что-то очень хотели найти... Но что, понять трудно. Блокнот Столярова им оказался не нужен – они его выбросили уже во дворе дома – хорошо, оперативники глазастые оказались, нашли.

– Страницы-то все на месте?

Следователь посмотрел на меня с едва заметным одобрением.

– Вы догадливы. Похоже, что не все. Конечно, экспертиза найдет отпечатки записей, но результатов пока нет, а информация нам нужна любая, и как можно более быстро при этом. Понимаете?

– Безусловно.

– Я далек от того, чтобы подозревать в подобных вещах американцев. Иностранные граждане, да еще проживающие здесь почти что на птичьих правах – надеюсь, вы меня понимаете? – вряд ли будут убивать сами.

– Я не знаком с их кругом общения, – сказал я уклончиво. – Единственные люди, кого я видел рядом с ними – это бригада таджиков-ремонтников, да еще риэлтор на си-нем «БМВ» седьмой серии. Звали его, кажется, Владимир.

Следователь пробежался пальцами по клавиатуре – наверняка сделал пометку.

– Враги у них были?

– У кого? – осторожно спросил я.

– У Столяровых, конечно.

– Не знаю. Хотя, догадываться могу.

– Ну-у?

– У нас в городе работает комитет по борьбе с сектами. Нет, я не допускаю мысли о том, что этот комитет мог прийти до такой борьбы. Это бессмысленно и опасно. Просто в этой организации есть люди, которые считают себя святее Пат-

риарха... Помните – писали несколько лет назад про фанатиков, объявивших священную войну всем неправославным конфессиям и особенно сектам вплоть до уничтожения лидеров? Про пикеты телекомпаний, показывавших «Последнее искушение Христа»? Да взять нынешних «православных активистов»...

– Почти уверен, что это была утка, – серьезно сказал Вересков. – Или кто-то специально вбросил эту информацию. Вокруг этих «церквей» много подковерных игр, да и комитет, в свою очередь, иногда действительно заносит... – следователь резко прервался.

– В общем, про врагов я вряд ли что-то могу сказать, – я даже сделал руками чуть ли не извиняющийся жест.

– Н-да, – задумчиво согласился следователь.

– Я могу идти? – поинтересовался я, полагая, что мне сегодня повезло не записаться в разбойники.

– Еще один небольшой вопрос... – Следователь опять вынул блокнот Павла. —Имя и фамилия «Геннадий Ратаев» вам известны?

...Что-то, где-то...

– Не уверен, что я их раньше слышал, – произнес я, честно постаравшись напрячь память. – А с чем это связано?

Вересков снова спрятал блокнот.

– Спасибо, Андрей Николаевич, вы нам очень помогли, – с дежурной учтивостью проговорил он. – У меня больше нет к вам вопросов. Давайте, я отмечу ваш пропуск.

* * *

Бэрримор был снова расстроен, только теперь он окончательно понял, что письмо из Нью-Йорка действительно накрылось и притом окончательно. Американец даже не попросил меня позвонить, если я вдруг его найду. Я сунул трубку в карман и повернул руль вправо, въезжая в наш двор. Татьяна, судя по времени, уже дома, надо с ней обязательно обсудить полученную информацию.

Что я и сделал. Но не предполагал, что смерть Павла и беда с его женой так подействуют на Таню. Она не просто испытала ужас. Нет, сначала она даже не поверила, сказала даже «Маскаев, я не ожидала от тебя такого злопыхательства», но когда поняла, что я не шучу и не издеваюсь, чуть ли не впала в истерику. Честно скажу – в последнее время поведение Татьяны стало меня слегка удивлять и напрягать, но то, что происходило с ней сейчас, я был не в состоянии объяснить.

Словом, мы оба находились в расстроенных чувствах. Чтобы немного привести их в состояние, близкое к норме, я собрался сходить до ближайшего магазина. Что интересно, инициатива была поддержана.

Едва я отошел от подъезда, как в припаркованном на проезде черном «субару легаси-Б4» открылась дверь, и оттуда частично высунулся незнакомый мне мужчина со словами:

«Тебя зовут Андрей?»»

Впрочем, вопросительной интонации в этой фразе не было. Крепкий коротко стриженный мужик, примерно моих лет, в джинсовом костюме – он наверняка знал, кто я такой.

Я ответил утвердительно, молча вопрошая у всех чертей, за что мне такая популярность? Почему-то черти сразу же и с удовольствием ответили: это, дядя, все связано сам знаешь с чем.

И оказались правы.

– Меня зовут Артем, – представился стриженный. И добавил совсем в стиле девяностых: – базар есть.

– О чем?

– У нас общие знакомые имеются... Были.

Я внимательно рассмотрел этого парня. Невыразительное круглое лицо, белые брысы, толстые губы. Взгляд недобрый, оценивающий. Ни в коей степени не гопник, но и не деловой... Затем я демонстративно подошел к переднему бамперу «бэчера», запоминая номер и нажимая кнопки на телефоне. Не знаю уж, понравились ли эти манипуляции Артему, но комментировать он их не стал. Правда, и в машину он меня тоже не пригласил. Мы устроились на скамейке возле подъезда.

– Тебя, смотрю, не удивило, что я тебя знаю? – спросил Артем.

– Нет, – коротко ответил я.

– Понято. Тогда сразу к делу. У тебя есть то, что тебе не

принадлежит.

Я глубоко затянулся сигаретой. Черти радостно заплясали и запели: «письмо, письмо, пропавшее письмо!»

– Это ты о чем? – все же решил затупить я.

– Не догадываешься?

– Нет. Машину я честно купил.

– При чем тут машина? – с досадой протянул Артем. – Не в машине дело. А в том, что в твоих руках были документы, которые не дошли до нужных людей.

– Тебя кто прислал? – я сделал недовольный тон.

– Неважно. Достаточно того, что я все отлично знаю про тебя... Про американцев... Про Павла.

– Ну и кто из них нужные люди?

– Ни те, ни другие. Ясно?

– Более или менее. Но что касается Павла...

– Не бери в голову. Это не твоя и не моя забота. К тому же, документов и у него не оказалось.

– Проверяли?

– Слушай, Андрей, ну не лезь не в свои дела, – почти со-страдательно сказал Артем. – Тут происходят такие вещи, что про них тебе лучше не знать.

– Да я и сам стараюсь держаться от них подальше...

– Ну, это ты на словах. На самом деле ты уже влез куда не надо... Как говорят твои штатовские друзья, оказался в плохое время в плохом месте.

– Да не друзья они мне.

– Уж наверное. Но не в них дело. Говорю открытым текстом: эти пиндосы ничем не лучше и не хуже многих других, кто имеет интерес до известных тебе документов. Будь дело в Штатах, они бы тебя уже давно за яйца подвесили и иголки под ногти загнали. Здесь они, конечно, осторожничают. Но мы осторожничать не будем. Если ты, конечно, не отдашь нам документы. Поверь, они тебе совсем ни к чему. Даже если ты их прочтешь и сумеешь извлечь из них информацию, ничего доброго не поймешь. А вот неприятности – это точно. Очень крупные неприятности. Живешь ты вроде бы не один... Думаю, ты меня понял?

Я внимательно посмотрел на Артема. Это был действительно не гопник. Он казался куда более серьезным типом, нежели случайно убитый нами гоблин. Интересно, они оба из одной и той ли он шайки, которая убила Павла? Наверняка эта гнида знает убийц. Взять бы его за шкварник, да притащить прямо в следственный комитет... А лучше в убойный отдел – опера-то покруче следаков будут...

– И пойми: ничего личного, – вдруг сказал Артем, наверняка прочитавши на моем лице что-то такое-этакое. – Мне, знаешь, лишние головняки тоже ни к чему. Давай так: завтра в это же время я наберу твой номер, ты выйдешь сюда и отдашь мне документы. Поверь, тебе же будет спокойнее!

Парень был сама искренность. Я ему, вообще-то верил. Если честно, знай я точно, где лежит письмо, вот сейчас бы встал, принес его и отдал. И забыл бы все эти дела вокруг

него как страшный сон. Павел?.. А что Павел? В конце концов, я что – память о нем предаю, что ли? Да и душевное состояние американцев мне по большому счету, до лампы. Главное, что они платят мне.

– Я поищу, – негромко сказал я.

– Вот и договорились, – сказал Павел. – Давай уточним твой телефон.

– Я думал, вы про меня уже все знаете, – произнес я. Но номер таки назвал.

– Да, есть кое-что, – серьезно сказал Артем. – Кроме того, ты вообще какой-то популярной личностью становишься.

– Это ты о чем? – насторожился я.

– Кури интернет, – как-то уж очень по-гиковски сказал Артем, вставая. Но был он серьезен, не улыбался. И руки на прощание не протянул. Меня он, впрочем, этим не расстроил.

* * *

«Покурить интернет» было делом недолгим. Я обнаружил, что моя фамилия склоняется не только журналистом Чаповаловым, но и каким-то блоггером, уверявшим, что я когда-то, будучи директором фирмы, якобы заставлял его выполнять наказуемые законом деяния. Ну там, черные и серые бухгалтерии, «схемы ухода» и прочие штучки, без которых не обходится ни один бизнесмен в Российской Феде-

рации, если не хочет разориться, конечно. Блоггер при этом упоминал фамилию Чаповалова – вот, типа, насколько уже хорошо про Маскаева все знают. Я, конечно, далеко не ангел, и знаю, что по моей персоне нет-нет да и всхлипнет уголовный кодекс (а покажите мне более-менее благополучного соотечественника, по которому не рыдает хотя бы кодекс налоговый!), но я не выношу, когда мне пытаются приписать поступки, которых я не совершал.

Решив заняться поганим журналистом завтра, я отправился на кухню, где расстроенная Татьяна собирала нехитрый ужин. Я выставил на стол вчерашнюю недопитую бутылку, что было встречено тихим согласием.

– Со мной встречался один не очень приятный тип, – сказал я Тане, когда мы уже немножко отведали еды и спиртного. А действительно, почему бы мне не поделиться проблемами со своей женой? – Как я понял, беда со Столяровыми приключилась из-за той упаковки документов, которые я получил на почте, и которые, как я почти уверен, стянула у нас Эльвира.

– Мне кажется, она не могла этого сделать, – сказала Таня, хотя и не так уж уверенно.

– Больше-то некому, – возразил я, разливая по третьей. – Пока я ездил на дачу к амерам, Эльвира воспользовалась ситуацией и приделала к конверту ноги. Вспомни, не уносила ли она чего с собой?

– Ну, у нее был с собой большой пакет – она мне книги

принесла.

– Опять духовную сивуху?

– А хотя бы и так! – Татьяна сразу выгнула спину дугой, подняла хвост и зашипела. – Не хочешь ты понимать благих вещей. Просто упрямо сопротивляешься...

– Выпей лучше... Вот, отлично, – одобрительно произнес я, когда мы оприходовали еще по рюмочке. – А теперь вспомни насчет «не укради» и как в эту заповедь вписывается поведение твоей подруги. Кстати, бог-то ее и наказал за это, по всей видимости.

– Пути господни неисповедимы, – торжественно произнесла Таня. Все-таки это уже была третья рюмка. – А вот Павел вообще ни за что пострадал.

– А ты не думаешь, что она по наущению Павла стянула конверт, а?

– Сейчас это не так важно.

– Правильно. Важно другое. Если допустить, что бандиты, кем бы они ни были, не нашли нужного им у Столяровых, значит, они попытаются выйти на нас.

Таня только пискнула испуганно.

– И как быть тогда?

– Пока, я думаю, ничего страшного. Для тебя-то уж точно.

– А для тебя? – настороженно спросила Таня.

– Тоже думаю, что бояться нечего, – с честными глазами солгал я.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующий день я решил немного пренебречь работой, чтобы уладить один второстепенный, но сильно раздражающий меня момент. С самого утра за руль садиться без особой нужды не хотелось, поэтому я поехал на автобусе в один из бизнес-центров, где, в числе прочего, находилась редакция городского новостного сайта. Намерения у меня были не совсем такие, как у Оси Бендера, направившегося с визитом в газету «Станок», чтобы устроить имитацию скандала по поводу заметки с участием лошади. Я собрался устроить скандал настоящий.

Правда, когда я прошел через створ сурового охранника в холле (ладно, хоть документ не спросили), то обратил внимание на телекамеры, торчащие из всех углов в коридорах, и понял, что если начну бурагозить, то буду немедленно вышвырнут на улицу, или, что еще не лучше, препровожден в органы.

Пришлось импровизировать: в зеркалах кабины лифта хоть и отражался типичный шофер с высшим техническим образованием, общение с иностранцами (в том числе и за границей) наложило какой-то отпечаток на мой общий имидж. В общем, как только при выходе из лифта очередной сербер задал мне вопрос «вы к кому?», я показал все свои

зацементированные зубы и с восторженно-гнусявой интонацией (имитируя, как мог, америкэн англиш) поздоровался и потребовал встречи с самым главным боссом издания, потому что имею сообщить очень важную информацию. При этом, нещадно коверкая родной язык, выжимал слова «церковь», «конфликт», «очень важно». Кажется, я сумел заговорить охранника, но он меня никак не мог решиться пропустить, и вызвал какую-то девицу в юбке длиной сантиметров пять. Причем с разрезами сантиметра в четыре.

На мое счастье, обладательница такой вещицы, которую только в шутку могли назвать предметом одежды, знала английский лишь в пределах церковно-приходской школы Замухинского уезда. Поэтому мне пришлось потратить еще минут пять на то, чтобы донести до нее «очень важно». Девочка, судя по всему, ранее из иностранцев видела только таджиков, причем преимущественно из окна маршрутки, что меня очень устраивало. Но она еще и начала откровенно подклеиваться, что меня устраивало значительно меньше. По крайней мере в текущей ситуации. Приняв игривый тон, я пообещал показать ей настоящее американское качество позднее, но только если она найдет мне хорошего журналиста, работающего по нужной теме. Вроде слышал такую фамилию – Чамопалов...

Девочка сообразила, кого я имею в виду, и скрылась в офисных дебрях, сверкнув красивыми ляжками.

Сергей Чаповалов оказался бледным, рыхлым и низкорос-

лым, но довольно упитанным субъектом лет двадцати трех. «Дженерейшен П», надо полагать. Увидев меня, корреспондент разразился скверно построенной фразой на международной фене, я ответил ему, тоже не шибко гонясь за грамотностью, но он понял, что я предлагаю перейти в какое-нибудь место вроде курительной – «smoking area» или хотя бы «fire stairway».

Пожарная лестница в здании имелась, и на ней действительно пока что разрешалось курить. Бизнес-центр был построен еще при социализме как вместилище проектных институтов, и тогда вряд ли кто-то предполагал, что в двадцать первом веке тут будут решать совершенно иные задачи и запретят курить на основной лестнице, увешанной камерами. На пожарной лестнице камер не было, и это мне понравилось сразу.

Не успел Чаповалов и рот открыть, чтобы начать работать, как я схватил его за грудки и шмякнул спиной о стенку, хорошо понимая, что свою куртку этот щелкопер долго будет потом чистить. Эта мысль привела меня в некоторый восторг. Еще в больший восторг я пришел, увидев очумелое выражение на физиономии Чаповалова. Естественно, будучи научен горьким опытом, я предварительно все же глянул – не торчит ли из стены какая-нибудь острая железяка.

– Здорово, гнида, – сказал я. – Моё фамилие Маскаев. Слышал про такого?

Глазки у корреспондента забегали. Наверняка слышал, а

то как же!

– Я... не понимаю... о чем вы... – сдавленно заблеял Чаповалов. Между тем «Остапа понесло». Меня, то есть.

– Все ты понимаешь, урод... Как ты там писал не пойми каким пальцем: «не работающий и принимающий участие в деятельности церкви нового завета» – это я. «Бывший сотрудник ряда фирм, которыми владели криминальные авторитеты» – это тоже я. И это, кстати, правда. Я сам из авторитетов. Первомайские мы. Кликуха моя – Маслак. Щас я тебя буду ломать, пока ты, падла, не расколешься, и не скажешь, кто тебе подогнал про меня всякое фуфло толкать...

Я хорошенько двинул журналиста под ребра. Этого ему было достаточно. Он заверещал как заяц и принялся закатывать глаза – ну точно барышня на выданье. Но жениться на таком дерьме, сами понимаете, даже не всякий голубой согласился бы, что уж обо мне говорить. Поэтому я двинул его еще разок, для закрепления эффекта, и принялся получать информацию. Информация была поучительной, надо сказать...

– Ну вот, Сергофан, – сказал я ему после того, как этот горе-корреспондент вывалил все, что знал про меня. – Тебе самому-то нравятся твои статейки? Хороши они, скажи сам?

Чаповалов промычал нечто неопределенное.

– Они чудовищны! – заявил я. – Не пиши больше!

– Это... как так? – Сергей от этих слов оторопел больше, чем от недавней экзекуции. С классической литературой

журналист явно не был знаком.

На пожарную лестницу выпорхнула давешняя девчонка в набедренной повязке и с сигареткой наготове. При виде меня и Чаповалова она стала мучительно догадываться, что происходит что-то не то.

– Бай, – сказал я корреспонденту. – If I'll can remember more, I'll say you about. – Затем, поглядев на слегка растерянную девчонку, щелкнул перед ней зажигалкой. Яркая представительница офисного планктона послушно сунула сигаретку в пламя. Девчонке я тоже сказал «бай» и покинул место для курения.

Никто меня не окликнул, не остановил. На улицу я вышел без всяких проблем, но, только добравшись до ближайшей остановки, полез за сигаретами. Итак, Чаповалов сообщил, что статью в первоначальном виде он согласовал с председателем антисектантского комитета. И статья, по его словам, выглядела тогда несколько иначе – по крайней мере, про Андрея Маскаева в ней не было сказано ни слова. Ну не знал он про меня, не знал... Вот только кто-то другой знал про меня. Тот, кто позвонил потом Чаповалову на мобильный и предложил мзду за то, что корреспондент воткнет в свою статью дополнительный абзац про меня. Десять процентов мзды были брошены авансом Чаповалову на телефон, а после публикации статьи на сайте никто никаких денег горе-журналисту даже не подумал доплачивать. Так что Чаповалов стал очередной жертвой кидал, но мне его жалко не было. Номер,

с которого ему звонили, оказался замаскированным, а электронный адрес, с которого прислали несколько строк текста, зарегистрировали на бесплатном почтовике и, как я серьезно подозревал, использовали один только раз – исключительно для передачи сообщения Чаповалову. Из какого-нибудь интернет-кафе... А не зайти ли мне выпить кофе, кстати?

Я вошел в почти пустое и сумрачное помещение, расположенное в павильоне близ остановки автобуса, заказал чашку черного по драконовской цене и оплатил машинное время (а вот оно в наши дни стало куда дешевле натурального кофе). Впрочем, кофе был на уровне, так же, как и скорость соединения.

Создав почтовый ящик и отправив с него письмо моему злопыхателю, я попытался найти сайт церкви, где подвизался покойный Павел (страница выглядела довольно убого), а потом некоторое время провел в поисках ресурса церкви, членами которой были мои арендаторы. Никаких страниц, ни на русском, ни на английском обнаружить не удалось. Ничего интересного я не обнаружил и насчет «солгулианцев».

Тем временем в мой новый почтовый ящик упало сообщение о том, что адреса, который я узнал у Чаповалова, более не существует. Мои подозрения оказались верными. Можно было заканчивать бесцельное брожение по киберпространству.

Хотя нет! Вот еще что надо обязательно сделать! Я забил в строку поиска два слова «Геннадий Ратаев», после чего про-

глядел несколько выпавших ссылок.

Этот человек был здешним. Выпустившись в середине девяностых с исторического отделения гумфака нашего госуниверситета, он еще недавно сотрудничал с некоторыми газетами, регулярно кропая очерки по истории Сибири. Когда бумажные газеты частью закрылись, частью переключились исключительно на зарабатывание денег, Ратаев создал собственный сайт, посвященный «белым пятнам» все той же истории края. Судя по всему, его исследования шли вразрез с официальными взглядами, но что именно вызвало ругань в комментариях, сейчас узнать было невозможно – сайт не работал. Вел Ратаев и «живой журнал», в настоящее время тоже «умерший». Кое-где остались отзывы, в основном невразумительные, но довольно эмоциональные. Господина Ратаева называли «манкуртом», «иваном-не-помнящим-родства», и «засланным казачком». Впрочем, попадались и определения вроде «истинный патриот» и «человек, который не дает переписывать историю в угоду конъюнктуре и политической ситуации».

Дальнейшая трата денег мне показалась нерациональной, тем более, при живом-то компьютере дома... С Геннадием Ратаевым, возможно, есть смысл повстречаться... Только что я ему скажу и что спрошу? Пока я не видел никакой связи между этим историком и сектантами, как отечественными, так и импортными. Между ним и бандитами – тоже сомнительно, чтоб что-то было.

Вспомнил про парня в черном «бэчере» и стало неудобно. Как-то раз преступники решили отобрать у меня одну штуку, а чтобы мне было легче с ней расстаться, припугнули похищением сына, который и сейчас живет с моей бывшей. Разумеется, я сразу отдал ту вещь, но ведь тогда она у меня была, а сейчас у меня нет того, что нужно этому вымогателю. Что же делать? К кому обратиться?

Я снова сел на скамейку у остановки и сунул в зубы очередную сигарету. Татьяну под удар нельзя подставлять, также как и сына. Но сама Татьяна мне тут не помощник, зря я ей рассказал про Артема, ох зря... О друзьях-приятелях я тоже думал. Толку от них не будет, это очевидно. От следователя – тоже. А времени до встречи с Артемом оставалось все меньше, и выбора у меня не было абсолютно никакого. Поэтому пришлось отбрасывать сомнения; я достал телефон и выбрал номер из числа избранных.

– Мне нужно срочно с вами встретиться, – сказал я, когда мне ответили. – У меня сложная ситуация. Я могу приехать сейчас?

– Приезжайте, – последовал сухой и короткий ответ.

* * *

Миссионеры переглянулись.

– Конечно, я тоже думала о том, что тот человек напал на вас неслучайно, – отчеканила Кэсси. – Скорее всего, он из-

начально был намерен отобрать у вас наше письмо. Наверное, ему хорошо заплатили. Или заинтересовали каким-то другим образом. Возможно, ваш новый знакомый вымогатель действительно был причастен к этому... Знаете, Эндрю, какие силы во всех странах пытаются противостоять евангелистам? И сколько их, всяких?

– Имя им – легион, – пробормотал Бэрримор.

– Верно, – продолжила Роузволл. – Во-первых, это фундаменталисты и ортодоксы всех мастей. Даже некоторые христиане, включая и русских православных, почему-то считают евангелистов чуть ли не врагами. Во-вторых, это крупные и богатые организации, вроде саентологов. Ну, а в-третьих...

– Это те, кто не гнушается даже убийствами, – сказал брат Ричард.

– О да, это страшные люди! Они связаны с чудовищными силами и мерзкими культурами. Их много, и ими движет только ненависть. Как их у вас называют... pre-paganists...

– «Доязычники», – опять подал голос Бэрримор. – Те, которые поклоняются совсем уже нечеловеческим богам.

«Пре-паганцы», – произнес я про себя. Как бы ни было мне сейчас неудобно, пришлось сдерживать смехок. Позавчера были тамплиеры, сегодня – доязычники. Ты, Маскаев, точно, не с теми людьми по жизни общаешься.

– Про Йог-Сотота и Дагона, знаете ли, я читал уже где-то, – сказал я.

– Доязыческие культы – это не поклонение литературным

героям, – Бэрримор даже не улыбнулся. – Здесь все гораздо глубже. Непонятнее. И страшнее.

– Мы даже не знаем точно, кому они приносят жертвы, – сказала Кэсси. – Ни имен, ни названий. Но нас они давно уже пытались запугать, еще в Штатах. Выходит, что они и до вас уже дотянулись.

– В античные времена негуманоидные божества существовали почти одновременно с богами языческими, – добавил Бэрримор. – В Египте, например. Хнум, Баст, Себек, да и хорошо известный Анубис – это ведь слегка адаптированные под тогдашнюю цивилизацию доисторические символы. Но наши недоброжелатели поклоняются, скорее всего, кому-то другому.

Я не то что бы не верил американцам, но у меня, во-первых было сильное желание порасспросить подробнее на предмет книги-перевертыша, во-вторых, фантастики я сам начитался порядочно. Доязыческие культы в Сибири. Американские евангелисты, неплохо разбирающиеся в древне-египетском пантеоне. Это уже было слишком, вроде Ктулху, спящего на дне Обского моря. Нет, лучше уж я поверю в Анубиса, чем подставлю Татьяну под удар. Да и себя самого тоже не хотелось подставлять – чего уж кривить душой?

– Ну, а насчет его нового знакомого, который тоже ищет наше письмо? – спросил Старлинг. – Что скажешь, сестра? Надо ведь что-то делать. Мы теперь одна команда.

Кэсси пожала плечами.

– Насчет одной команды давайте пока не будем бросаться словами... Наш друг Эндрю так или иначе создал проблемы себе и нам. Что я еще могу сказать?

– Как насчет того, чтобы решить эти проблемы совместными усилиями? – спросил Бэрримор.

– Я не думаю, что это хорошая идея.

– Позволю себе с этим не согласиться. Кроме того, что касается проблем. Андрей (Бэрримор теперь называл мое имя правильно, на русский манер, в отличие от Роузволл) решил сделать доброе дело – забрать для нас почту. Он не виноват, что мы его неверно проинструктировали...

– Ты его неверно проинструктировал, – сестра Кэсси задрала тяжелый подбородок. – А о таких случаях, как поступает Эндрю, здесь говорят так: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Мисс Роузволл неплохо знала наши реалии, надо отдать ей должное. Но стерва, конечно, та еще...

– Я все же склонен думать, что документы пока еще не достались нашим врагам.

– Я тоже хочу в это верить.

– Потому я и предлагаю решить проблему вместе.

– А ты умеешь убеждать, брат, – усмехнулась мисс Роузволл после небольшой паузы. – Только как ты себе это представляешь? Три американских евангелиста борются в чужой стране с русской мафией? Ты явно смотришь не те фильмы, брат.

– Не три, а два, – вдруг мягко поправил Старлинг. – Я же сегодня должен уехать в...

– Я вообще не смотрю фильмы про бандитов, – заявил Бэрримор. – Кроме того, это не русская мафия.

– А какая же тогда?

– Ты отлично знаешь, кто это такие, – отрезал Ричард.

Американцы замолчали. Мне казалось, что они хотят что-то мне сказать, но не рискуют. Возможно, не считают нужным делиться тем, что у них называется «inside information». Или просто думают, в каких дозах можно выдавать мне корпоративные секреты.

Сестра Кэсси начала вслух выкладывать план действий:

– Эндрю договорится о встрече с этим парнем. Желательно не в центре города, а где-нибудь недалеко отсюда. Пусть Эндрю будет на своем автобусе. Надо сделать так, чтобы парень вышел из своего автомобиля и подошел к автобусу. Ну, а тогда...

Мисс Роузволл полностью перешла на английский и закончила свою мысль. Я был просто ошарашен. Если евангелисты готовы действовать такими методами, то что тогда говорить о простых американцах? У них там что – все поголовно уокеры? Или Кэсси сама смотрит исключительно экшны?

Мои неуверенные попытки возразить или поспорить сурово отбил брат Ричард:

– У тебя есть идея получше?

К сожалению, у меня вообще не было никаких идей, как отвязаться от парня из черного «субару»... Поэтому я согласился. Деваться мне было некуда, да если честно, я не хотел и думать о том, как бы я поступил, если бы американцы отказались от совместных действий.

* * *

Артем, увидев, как Андрей Маскаев тщетно пытается вытащить свой микроавтобус из кювета, кратко выругался, остановился у обочины и вышел из автомобиля. «Хайс» засел в заросшей травой канаве между обочиной шоссе и узкой полосой деревьев, за которыми простирался обширный пустырь.

– Галстук привез? – с надеждой крикнул Андрей, высываясь из кабины.

Вместо ответа Артем открыл багажник и вытащил оттуда плоский трос.

– У тебя что – не «ведовая» машина? – спросил он, подходя.

– В том-то и дело, что нет...

Артем, надо полагать, был не в восторге от всего этого. Андрей сказал, что документы он нашел (а попробовал бы не найти!), только – вот беда-то какая! – застрял он недалеко от въезда в город, когда торопился домой. Вот если бы Артем подъехал, да привез с собой трос, тогда процесс переда-

чи документов, которые лежат дома, можно было бы существенно ускорить...

– И как ты ее вытаскивать-то будешь?

– Лебедка ручная есть... Подойди сюда, сейчас все сделаем.

– Бормоча под нос ругательства, Артем принялся осторожно спускаться в канаву. Возможно, думал он о том, каким образом этого дурака угораздило соскользнуть с шоссе, а может быть, и о том, как бы поменьше испачкать обувь. Маскаев тем временем выскочил из кабины, принял один конец троса у Артема и принялся подниматься по склону к одному из деревьев.

– Слушай, зацепи трос за крюк под бампером, – слышалась новая просьба.

Держа второй конец троса, Артем нагнулся и принялся шарить по выступающим металлическим частям в поисках крюка. Вроде нашел... С коротким лязгающим звуком карабин защелкнулся, и одновременно что-то долбануло по затылку, да так, что поросшая травой земля завертелась и прислонилась к лицу, погружая окружающий мир в темноту.

... Я обратил внимание на уверенную резкость быстрого движения Бэрримора, с которой тот погладил Артема по голове круглым поленом, и в очередной раз удивился тому, откуда у мирных евангелистов такие замашки. Быстро открыв двери салона, мы забросили бесчувственный организм внутрь, где эстафету подхватила мисс Роузволл. С по-

разительной сноровкой она скрутила Артему руки за спиной и заклеила рот скотчем. Ногами занялся запрыгнувший в будку Бэрримор. Затем лежащее тело было завалено пустыми картонными коробками, которые я набрал на складе одного из моих заказчиков именно для этого случая, американцы выпрыгнули из салона и быстро закрыли двери. Я смотал трос, думая, что время удивляться прошло. Теперь оставалось только действовать. Сев за руль, я включил оба моста (машина моя, как я уже, кажется, упоминал, была оснащена полным приводом), и без особых помех выбрался из канавы. Затем пересел за руль «субару», подождал, пока сестра Кэсси сядет рядом, и двинул вперед. Посмотрел в зеркало – микроавтобус, управляемый братом Ричардом, последовал за мной.

Это был довольно опасный момент. Останови сейчас любую из машин патруль ДПС, и отмываться придется очень долго. Если вообще удастся. Но нам повезло, да и ехать было чуть более километра. Я свернул с шоссе к Шатунихе, подъехал к воротам, и оба автомобиля вскоре оказались на территории миссии. Кажется, нас никто не видел, а если и увидел, то вряд ли придал какое-то значение банальной «движухе».

Я собирался было пересесть за руль «хайса», чтобы подогнать машину дверью как можно ближе к крыльцу, но это оказалось ненужным. Бэрримор уверенно развернул праворульную «тойоту» на пяточке и аккуратно, с первого раза, встал именно так, как надо. Как я уже говорил, удивляться

более было нечему.

В процессе путешествия внутри будки под картонными коробками Артем пришел в себя и теперь яростно извивался на полу кузова, точно червяк на сковородке. Ричард и я быстро втащили пойманного в дом и пронесли в комнату первого этажа, усадив затем на пол и прислонив спиной к стене. Мисс Роузволл плеснула в камин спирта и бросила спичку. Артем злобно пучил глаза, глядя на нас. Бэрримор каким-то почти профессиональным жестом содрал скотч с его физиономии и предупредил:

– Вопить тут бессмысленно. Никто не услышит.

– Ну Маскаев, ну сука, ты жеж уже покойник, падла! – возопил Артем.

– Придержи язык, – сурово произнес Бэрримор.

– А тебя, пиндос, посадят в нашу тюрьму... – И в нескольких словах доходчиво разъяснил, какие именно перспективы ждут американца в российских местах лишения свободы.

Кэсси, похоже, поняла, о чем речь. Издав негодующий возглас, она пересекла комнату, но вроде лишь затем, чтобы поворошить дрова в камине. Потом спокойно села на диван. Кочерга осталась лежать закопченным концом в пламени.

Бэрримор и ухом не повел. Он подтащил стул, уселся на него задом наперед, положив руки на спинку, а на руки – подбородок. Я устроился в кресле, спрашивая себя в очередной раз: снится мне весь этот абсурд, а если нет, то насколько скверно для меня все это закончится?

Старлинга, кстати, в доме не было. Он, как я понял, куда-то выехал. Куда, зачем? Надолго?

– Я тебе еще раз говорю, – произнес Ричард, – не надо ругаться в христовой обители...

– Чего?! – взвизгнул Артем. – Какая тут к черту христова обитель? Чего ты там несешь про христову обитель, сатанист хренов?

Бэрримор и это проглотил. Подождав, пока поток проклятий притихнет, он четко и размеренно изложил свои вопросы.

– Слушай меня. Сейчас ты расскажешь, на кого работаешь. Расскажешь, откуда ты узнал про наши документы. Расскажешь, кого ты подослал перехватить нашу почту. Расскажешь, как ты убил человека, которого зовут Павел. В этом случае у тебя есть шанс уйти живым отсюда.

Могу поклясться, что лицо Артема дрогнуло. Вероятно, неспроста он говорил мне, что эти американцы не так безобидны, как кажутся, и что они умеют убеждать.

– Если ты меня сейчаспустишь, пиндос, – ответил Артем, – то в этом случае у тебя есть шанс в течение суток улететь в твои долбаные Штаты живым и здоровым.

– По-моему, он плохо понимает, с кем имеет дело, – сказала Кэсси.

– Все он понимает, – возразил Ричард. – Кроме самого главного.

– Мои друзья знают, куда я поехал, – заявил Артем. – И

все знают, где находится эта дача. Так что если через полчаса я не приеду, меня начнут искать, и тогда вам всем троим будет деревянная крышка.

– Нам потребуется меньше получаса, – спокойно сказал Бэрримор.

Кэсси не спеша поднялась, прошествовала к сидящему на полу парню и, приподняв ногу, обутую в туфлю на невысоком, но довольно тонком каблуке, опустила затем Артему между ног, целясь каблуком прямо в промежность.

– I like to do it so much, – промурлыкала она. Артем завopil. Кэсси тут же убрала ногу.

– Понятно тебе, что мы справимся менее чем за полчаса? – спросил Бэрримор.

Артем был бледен, на его физиономии выступила испарина. Кажется, до него дошло, что с ним сейчас могут сделать все, что угодно. В отчаянии он даже обратился ко мне:

– Андрей, ну у тебя-то какие дела с этими пиндосами могут быть?! Скажи им, что нельзя, блин, на русской земле с русскими людьми так обращаться...

– Ты вчера намекнул, что если не получишь документы, то сделаешь плохо моей жене, – ответил я. – Именно поэтому я сейчас с большим удовольствием сам раздавлю тебе клубни... Русский, тоже мне, нашелся. Ишь, как заблеял!

– Да ты просто вообще не понимаешь, что творишь!.. Зачем тебе эти документы?

– У меня их нет. Хоть ты и гнида последняя, но я тебе

матерью клянусь, что их у меня кто-то забрал. Возможно, Павел, которого вы убили. Если он не сказал ничего, значит, документов вам не найти. И у меня не было другого выхода, кроме как притащить тебя сюда. Моя жена мне, знаешь ли, дороже, чем такое говно, как ты.

Артем оскалил зубы и зарычал. Наверное, теперь он мне поверил.

– Ладно. Давай, говори, – спокойно сказал Бэрримор.

С опаской поглядывая на Кэсси, Артем сказал:

– Вы же отлично знаете, кто я.

– Возможно. Но хотелось бы быть уверенным полностью.

– Он узнает, – Артем указал подбородком в мою сторону.

– Теперь это уже несущественно...

– Для вас. А для него?

– Странно. То ты ему угрожаешь, то боишься, что он узнает слишком много лишнего...

– Если он узнает про наши дела, не лучше ли ему оказаться там, где сейчас Павел?

– Тебе не кажется, что ты занимаешься демагогией, юноша?

Я обратил внимание на то, что Бэрримор, несмотря на свой неистребимый акцент, говорил (и, наверное, понимал) по-русски уж очень хорошо. Впечатление было такое, что я находился в помещении, где собрались не добрые христиане, наставляющие заблудшую овцу на путь истинный, а сотрудники спецслужбы, занимающиеся разработкой вражеского

агента.

– Ну тогда слушайте. И ты слушай тоже, – обратился Артем ко мне. – Эта команда, называющая себя христианами-евангелистами – нечто вроде масонской организации, которую в свое время не допустили к дележу жирного пирога под названием «мировая экономика», и теперь они из кожи вон лезут, чтобы хоть что-то успеть ухватить в тех местах, где еще не все поделено.

– Говорить бред про нас я тебя не просил, – заметил Бэрримор. – Лучше отвечай на мои вопросы.

Кэсси подошла к камину, вынула из огня кочергу, кончик которой был уже темно-малиновым, и снова положила ее на дрова. Намек был более чем понятным. Артем покопался сторону опасного инструмента, сглотнул и продолжил:

– В России не всем нравится деятельность подобных иностранных контор. Политической верхушке эта деятельность либо не кажется достойной внимания, либо еще есть какая-то причина, только на них все смотрят сквозь пальцы. За исключением, может быть, обществ типа нашего антисектантского комитета, но там предают анафеме всех, кто только чуть отклоняется в сторону от православия. А вот на нас сразу же вешают ярлык типа «наци», «неофашисты», а то и чего пострашнее. Но такие как мы, есть в каждом крупном городе. Я руковожу небольшим ее подразделением.

– Понятно. Типичная мафиозная структура, – вынес вердикт Ричард.

– Или действительно нацисты, – поддакнула Кэсси.

Про рунические буквы «S» у меня хватило ума тактично промолчать.

– Мой руководитель поручил мне познакомиться с человеком, который сдал вам этот... с позволения сказать, дом... Нас удивило, что он не только ваш арендодатель, но и доверенное лицо. Естественно, пришлось выяснять, не является ли он вашим резидентом, а то и вообще членом ложи...

– Ну и что удалось выяснить? – быстро перебил Бэрримор.

– Вы и сами, наверное, все знаете. У этого человека очень любопытный послужной список. Еще когда он был студентом-практикантом, его хватали за руку в речном порту, где он тогда работал и попутно занимался махинациями с грузом. Есть сведения, что «налево» однажды ушла целая баржа деловой древесины, но сам Маскаев сумел вывернуться. В начале девяностых он проходил по делу о хищении стратегических материалов и опять остался, как выяснилось, чистым. Хотя и продавал китайцам медь, незаконно вывезенную с энергетических объектов. Чуть позже он был объявлен погибшим на Северном Кавказе в результате случившейся там экологической катастрофы, но, как видите, выжил. Несколько раз ездил «челноком» в Китай, гонял японские машины из Владивостока. Сравнительно недавно химическая компания, в которой он работал старшим менеджером, была закрыта по решению суда как цех по производству синтетических наркотиков. Причем, когда начались аресты, выясни-

лось, что этот человек отсиживался за границей, а именно – в Японии. Откуда, кстати, его выдворили за ношение оружия. Ну и есть информация, что после каждого такого происшествия материальное благополучие у господина Маскаева пусть немного, но улучшалось. А это уже наводит на некоторые мысли.

– Надо же было все так извратить, – сказал я. Мне было очень неловко это слышать. Да, я действительно умудрялся не раз и не два находить опасные приключения на свою шею, частенько использовал дыры в законах, но преступником-то я не был... По крайней мере, опасным и злостным. Нормальная трудовая деятельность для русского человека на рубеже тысячелетий...

– Это называется «активная жизненная позиция», – с нарочитой серьезностью сказал Бэрримор. Наверное, он действительно обо мне многого не знал. – Но он никогда не был нашим человеком.

– Ну, я не думаю, что вы так щепетильны, учитывая ваш нынешний «кадровый голод»... Послушайте-ка... А не вы ли сами расправились с этим Павлом, а? – Артем сделал вид, что его неожиданно осенила потрясающая мысль.

– Нет, – просто ответил Бэрримор. – Я почти уверен, что его убили вы. Так же, как и его жену.

Артем произвольно выпучил глаза. «Ага, а ведь Эльвира-то жива... Что же тут происходит, черт возьми?»

– Значит, слушайте. Ни Павла, ни его жену ни я, ни кто-

то другой из моих знакомых и пальцем не трогал! – заявил Артем.

– Тогда кто?

– Вы, конечно, кто же еще?!

Кэсси вынула кочергу из камина – теперь ее заостренный конец был раскален до пронзительно-желтого цвета. Женщина медленно стала подносить орудие к носу сидящего. В глазах Кэсси плясали чертики. Готов поклясться, что от происходящего она была в полном восторге.

– Убери! – завопил Артем, мотая головой из стороны в сторону, пытаясь отодвинуть лицо подальше от кочерги. – Ну если не вы сами, значит он кому-то сболтнул про...

Артем несколько секунд смотрел на меня, думая, стоит ли говорить дальше при мне или нет. В его табели о рангах я находился значительно ниже американцев. Но меня он почему-то словно бы стеснялся, если так можно сказать.

Мисс Роузволл, словно согласившись с ним, положила кочергу обратно в камин. Артем тяжело дышал, злобно кривя рот. Да, он действительно не был гопником. Но и эти американцы не были мирными христианами. Но кем они все были тогда?! С кем я умудрился столкнуться?

– Про что? – спросил Ричард. – Продолжай.

– Вы уверены, что мы должны это сейчас обсуждать? – спросил Артем,

– А кто сказал, что документы вообще могут быть у Андрея? – спросил Ричард. Резонный вопрос, на мой взгляд.

Именно с него и надо было начинать.

– Мой руководитель, – кратко сказал Артем.

– Кто он? – стал уточнять Бэрримор. – Как зовут твоего шефа?

Артем опять зыркнул на меня.

– Тебя спросили, – заметил Бэрримор.

– Он не представлялся.

– Но ты же с ним общался? Как?

– Исключительно косвенно. Мне приходили сообщения на электронную почту, где и когда я получу информацию. Я приезжал на машине в указанное место и поворачивал салонное зеркало вверх. На заднее сиденье садился человек, называл мне кодовое слово из электронного письма и передавал задание.

– Умно придумано, – восхитился Ричард.

– Вот кто настоящие масоны-то, – сказал я. – Или карбонарии.

– Молчал бы... – посоветовал мне Артем. – Ты еще не понимаешь, как и куда ты попал.

– Я же сказал: не было у меня другого выхода.

– Но ты все равно попал...

– Тихо, – сказал Бэрримор недовольно. – Никто никуда не попал... Андрей, ты можешь забирать свою машину и уезжать спокойно домой. Теперь тебе никто ничего плохого не сделает.

Ну что ж, я ничего против не имел. Мне совершенно

не хотелось долее тут находиться и слушать о всяких тайнах Бургундского двора. Как говорят шпионы, будешь много знать – не дадут состариться...

Я не стал протестовать. Церемонно прощаться – тоже. Просто кивнул и вышел наружу. Запустив двигатель, я некоторое время просто разглядывал ландшафт участка. Складывалось впечатление, что на нем работают. Прямо-таки пахнут. И уж очень глубоко для того, чтобы просто перекапывать огород. Вон даже мини-трактор за углом дома стоит, такого тут сроду не было – наверное, денег за него немало отвалили...

Я аккуратно развернулся на участке, стараясь не задеть ни крыльцо, ни черный «субару», вывел грузовик на улицу и прикрыл ворота, полагая, что запирать их – не мое дело. Затем не спеша поехал домой, на ходу доставая телефон. Надо было предупредить Татьяну, что буду ужинать дома, да неплохо бы позвонить клиентам, а то ведь – срам сказать – целый день опять уже бездельничаю.

Естественно, ночью мне приснилось какое-то доязыческое чудовище, может быть, даже сам Ктулху – этакое спрутообразное ископаемое с клубком многочисленных щупальцев, похожих на петли кишок. Вот только голова у него была вполне человеческая – я с ужасом узнал лицо мрачной и холодной как рыба мисс Роузволл. Сестра Кэсси разинула рот и потянулась ко мне с намерением то ли поцеловать, то ли сожрать... И опять Татьяна недовольно меня разбудила, го-

вора, что мои кошмары мешают ей спать.

...Наутро пришлось подкидываться еще до пяти утра – заказчик ждал меня у черта на рогах, да еще не в самом удобном направлении по части качества дорожного покрытия. Таня еще спала, когда я уезжал.

Работу я выполнил достаточно быстро, часам к трем уже освободился полностью, и больше трудиться сегодня не был намерен. Никто, за исключением двух-трех потенциальных заказчиков мне не звонил, двигатель у машины работал исправно, и на душе у меня было излишне легко, особенно если вспомнить про события, произошедшие в течение нескольких прошедших дней.

С Таней я столкнулся буквально у подъезда – она откуда-то шла, видимо, в глубоких раздумьях и помахивая сумкой – не ее обычной сумочкой, с которой она ходит на работу, а «магазинной» – более крупной и вместительной. Она была настолько поглощена в свои мысли, что даже не заметила, как я подошел. Из хулиганских побуждений я тихонько гавкнул у нее над ухом, но реакция оказалась не самой традиционной: то есть, Таня, как и положено в таких случаях, сначала подпрыгнула, ойкнула, но потом, вместо того, чтобы рассмеяться и стукнуть меня слегка сумкой, только сердито фыркнула.

– Что, не в духе сегодня? – поинтересовался я.

– Все бы тебе балагурить...

– А чего бы и нет? Заказ отработал, все в порядке, спасибо

зарядке... А кстати, ты куда ходила?

– Ну... Надо было...

– Купила чего? – Я потянул сумку за одну из ручек к себе, не до конца застегнутый замок разошелся, и я увидел внутри что-то белое и мягкое. На продуктовую корзинку что-то не похоже...

И Татьяна меня удивила. Она дернула сумку ближе к себе, причем довольно сильно, словно бы я полез не в свое дело... О как!

– Это что у тебя за секреты такие? – серьезно спросил я. – Неужели от меня?

– Да ладно... Какие там секреты...

Пока суд да дело, мы поднялись на четвертый этаж, где находилась наша квартирка, прошли внутрь, и я все-таки запустил свою лапу в эту сумку поглубже. Тряпка какая-то... Одежда? Белая?

– Это что там – халат?

– Ну да... С работы взяла, постирать...

– Слушай, ну после стольких лет совместной жизни ты бы прекратила врать мне по мелочам, а? Я знаю, что у вас на работе все химики в халатах ходят, но ведь ты в больницу ходила? Верно? К Эльвире? Ну чего врать-то? Я что – съем тебя за это, что ли?

– Ну да, ходила! К ней, кстати, все равно не пускают. Она в коме.

– Плохо дело...

– Конечно, ничего хорошего.

– Пошли, чайку выпьем. Поговорить надо.

От разговора нам все равно было не уйти.

– Таня, скажи честно, я ведь, надеюсь, не совсем уж чужой тебе человек: зачем ты ходила в больницу?

Я был рад, что Таня не стала тупить и не сказала что-нибудь обтекаемое вроде «Эльвиру навестить». Это и без того было понятно.

– Понимаешь, я почему-то чувствую себя очень виноватой перед ней.

– Даже так? Почему?

– Не могу объяснить... Логике это не поддается.

– Ну, действительно. Столяровы попали в страшную беду из-за документов, к которым ты не имела ровным счетом никакого отношения. Тут даже я себя мог бы винить сильнее. Но я этого делать не буду. Просто Эльвире не надо было брать то, что ей не принадлежит! Я ведь уже говорил это.

– Ладно! – Таня хлопнула ладонью по столу, закрыла глаза, нагнула голову и прижала пальцы к вискам. – Ты можешь обозвать меня кем угодно, и ты будешь, наверное, прав... Все, пора наконец сказать... Дело в том, что я сама отдала Эльвире эти документы.

Таких ударов Остап не испытывал давно.

– Ты? Сама? Но заче-ем?!

– Послушай, наверное я страшная дура, но... В среду, когда ты уехал отвезить письмо... вернее, каталоги, которые я

тебе дала по ошибке... Андрик, честно – по ошибке! В общем, позвонила Эльвира, и я рассказала ей про твои дела с американцами. Чуть подробнее, больше, чем ты рассказывал Павлу. Все с твоих слов. Эльвира сказала, что она сейчас приедет, и примчалась буквально через десять минут. И прямо с порога сказала, что ты в очень большой опасности.

– И ты ей так сразу и поверила?

– Подожди. Во-первых, я знаю, что ты мастер притягивать к себе неприятности. Надеюсь, ты с этим спорить не будешь?.. Во-вторых, Эльвира очень аргументированно все рассказала. Даже показала распечатки. Видимо, из разных источников, не похоже, что просто текст на домашнем принтере вывели.

– С чего ты так решила?

– Ну, разные форматы шрифтов. Разная бумага. Несколько листов – ксерокопии с машинописных страниц.

– Ну, хорошо. И что дальше?

– Так вот – церковь, которая называется «евангельской», действительно никакие не христиане, а поклонники темных сил, члены какой-то «ложи». Штаб-квартира и собственный исследовательский центр у них находятся в Нью-Йорке. Потом, я видела список деструктивных сект и культов, который печатает наш антисектантский комитет, «евангельская» церковь там тоже есть. И тоже указано, что они – не те, за кого себя выдают.

– Антисектантский комитет недолюбливает и «евангели-

ческую» церковь, если я не ошибаюсь.

– Ну... Да, я это тоже знаю. Даже Эльвире сама сказала, что этот список – не такой уж веский аргумент. Но у нее было много других свидетельств!

Я молча разлил кипяток по чашкам из закипевшего чайника. Можно было думать про Эльвиру и ее «свидетельства» что угодно, но с недавних пор я тоже стал задаваться вопросом – откуда у американских евангелистов такие не ангельские, мягко говоря, повадки?

– И что тебе еще сказала Эльвира?

– Предупредила, что арсенал запудривания мозгов у них очень велик, и что от них надо держаться подальше. Ну а коль скоро ты уже имел неосторожность вступить с ними в деловые отношения, то пусть только деловые и остаются. Взял деньги, и никаких больше обязательств. А тут ты говоришь, что и в карты с ними играешь, и еще какие-то мелкие услуги по перевозкам собираешься оказывать. Но ты-то у меня мальчик уже большой... Вроде бы... По крайней мере, на охмуреж тебя взять невозможно – я в этом уверена. И Эльвире об этом сказала, кстати. Более того, я не так уж ей сильно и поверила. По крайней мере, потом, когда подумала хорошенько. Ну, сам посуди: «темные силы», ложки какие-то... Это же полная чушь – масоны в Сибири! Они ведь где-то там, далеко и наверху, ближе к правительствам и мировым организациям, как я это все понимаю. Зачем им влезать в чью-то частную жизнь, твою например? Эльвира не

согласилась и сказала, что если бы у нее были хоть какие-то документы, принадлежащие американцам, то она легко могла бы меня убедить в причастности так называемых «евангелистов» к недобрым делам. А я возьми и скажи, что ты получал для них почту. Видел бы ты, как Эльвира встрепенулась!.. Слушай, Андрей, ну, может быть я и дура, но она говорила *так убедительно!* Я даже сейчас вот говорю с тобой и не вполне понимаю, как это взяла и сама дала ей этот пакет... Случайно его открыла, и поняла, что ты уехал с моим... Так, наверное, цыганки забалтывают теток, а те потом выносят им из дома все деньги и золото.

– НЛП, – сказал я. – Нейролингвистическое программирование. Похоже, Эльвира где-то набралась опыта.

– По крайней мере, она обещала мне вернуть все как есть буквально через день. Но вот видишь, как оно повернулось.

– Да вижу уже...

– Помнишь, ты говорил, что какой-то парень к тебе прицепился из-за этих документов?

– А, – я сделал успокаивающий жест. – Похоже, я тоже умею говорить убедительно. И сумел ему внушить, что у нас ничего нет.

– И он поверил?

– Теперь – да. – Здесь я был честен. – Я же тебе говорил, что ничего страшного нет.

– Тогда остается главный вопрос.

– Где все-таки документы?

– Да.

* * *

В надежде узнать что-нибудь новенькое, я пробежался по страницам интернета, сохраненным в виде закладок на моем компьютере. Новых комментариев к вздорному материалу Чаповалова не добавилось, блоггер, вешавший на меня всех своих шелудивых собак, тоже замолчал, не дождавшись ответов на праздную болтовню... Мои сообщения, отправленные на электронные адреса, принадлежавшие Ратаеву, вернулись с информацией об ошибках. Третий адрес такой информации не выдал, и потому можно было надеяться, что он еще существует.

Вот только какой мне прок от этого Ратаева, я пока что не мог взять в толк. Можно было только предположить, что он как-то связан со Столяровыми, да вот еще интересное совпадение – занимался он какими-то исследованиями в Ордынском, а американцы чуть ли не на второй день знакомства со мной заикались насчет этого места... Да, Старлинг сказал, что они бы хотели воспользоваться моим грузовиком, чтобы съездить в «Ор-дин-ско-е», как произнес Бэрримор. Мисс Роузволл, похоже, сразу же намекнула им, что длинные языки надо бы укорачивать... А вот как быть, если эти евангелисты-масоны вдруг мне чего поручат? Наверное, надо будет отказаться. А если денег предложат? А если раза в

два больше тарифа?

В моем возрасте любой нормальный человек про себя уже знает практически все. Я считал себя нормальным человеком, но при этом довольно-таки жадным. То есть, конечно, не до такой степени, чтобы пойти на какую-нибудь гнусность, но рискнуть я был готов всегда. И при этом не всегда риск был адекватен полученному профиту. Я это знал тоже... А потому чем дальше, тем больше соблюдал осторожность. По крайней мере, пытался так делать.

Я опять подумал о «случайных закономерностях» и «закономерных случайностях». И о вопросе «why me», он же «почему я?» То, что вокруг меня происходит что-то мало-вразумительное, и притом имеющее какую-то зловещую целенаправленность – с этим спорить было трудно. Куда более трудно было понять, что же я сделал такого, из-за чего вдруг попал в центр интересов сектантов (если это действительно сектанты) и бандитов (если это действительно бандиты)... Ратаев, Геннадий Ратаев... Почему это имя мне кажется знакомым? Такое впечатление, что я про него слышал значительно раньше, еще до того, как мне назвал его следователь... От Столяровых? Нет, точно. Кстати, о Столяровых. Вот только Эльвира начала донимать Татьяну, и почти в тот же момент странные американцы захотели снять нашу дачу. Случайно? Закономерно? Ну да, как известно «диалектику мы учили не по Гегелю», поэтому ни хрена в ней не понимаем. Лучше уж действительно пойти более надежным путем

– разбором фактов. Про первичность фактов по отношению к гипотезам, кажется, еще Индиана Джонс говорил.

...Таня уже спала, я еще сидел на кухне и покуривал. Хотелось выпить, но завтра с утра заказ. Квартирный переезд, ничего особенного, но бывает, что такие дела затягиваются надолго. Пусть воскресенье, но отказываться нельзя – клиент намекал еще на несколько поездок в Черепановский район, надо будет ему напомнить. В общем, надо ложиться спать – сегодня ведь ни свет ни заря уже был на колесах...

От усталости мысли путались. Пора было действительно отправляться на боковую, но я чувствовал, что нужная мысль где-то рядом, что еще немного – и я соображу, откуда ветер дует, и какие странные вещи он приносит с собой. Что-то я там такое подумал, о Черепановском районе... В кухню просочилась пробудившаяся Таня; с заспанно-недовольной миной она потянула носом ядовитую атмосферу, но прежде чем начала критиковать мои вредные привычки и очередное нарушение моратория на курение в квартире, я опередил ее и спросил:

– Таня. Скажи мне, как твоя фамилия?

– Маскаев, ты что, совсем головой двинулся?

– Да, почти уже. Так какая? Я имею в виду настоящая, по родителям.

– Черепанова я... Ты тут не пьешь в одиночестве, случайно?

– Нет... Подожди, не сбивай меня с мысли... Это же мамы

твоей девичья фамилия?

– Да. При чем тут моя мама?

– При том, что у тебя ведь и отец есть? Родной отец, я же знаю... И родители у тебя не развелись. Верно?

– Верно... А, вот ты о чем... У них еще до моего рождения была какая-то странная история. Вроде как в ЗАГСе что-то напутали, и вместо того, чтобы записать маму новой фамилией, записали папу! То есть, он стал Черепановым. Ну, был небольшой скандал, но отец у меня человек несклочный, дело замяли. Потом родилась я, так и прожила всю жизнь Черепановой... Кстати, мне эта фамилия слегка наскучила. Но я это тебе еще, кажется, еще лет пять назад говорила...

– Подожди. Сейчас я угадаю или вспомню юношескую фамилию твоего отца. Ратаев?!

– Нет. Он – Тряпичников... Кстати, терпеть не мог свою фамилию, вроде как у твоих родителей тоже были какие-то комплексы по похожему поводу...

Так... Похоже, я впустую напрягал память... Как обидно! Но тут Таня продолжила:

– Ратаева – это была фамилия его сестры по мужу. По первому. Тетя Вера вышла замуж, потом развелась, снова вышла замуж...

– За старого адмирала Анатолия Сергеевича, от которого нам отписали дачу!

– Ну да...

– От первого брака у нее есть сын?

– Есть.

– Зовут его, случайно, не Геннадием?

– По-моему, да. Только я его никогда, по-моему, не видела, и ничего про него не знаю... Чего это у тебя рожа такая довольная стала?

– Да ты просто не представляешь, какое облегчение я сейчас испытал... Все, можно идти спать.

– Но теперь не усну я! Андрюш, зачем тебе понадобились мои родственники?

– Они не мне понадобились. Я подозреваю, что твой многоюродный брат – истинная причина нездорового интереса Эльвиры...

– Ты с ума сошел...

– ... А также и моих американских стервятников, – закончил я уверенно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром следующего дня я снова помчался в Шатунику. Звонил Бэрримор, сообщая о проблеме с водоснабжением. Я был почти уверен, что нам банально перекрыли воду – сейчас, когда «по многочисленным просьбам» и чьим-то деньгам водопроводу решили придать статус зимнего, воду то и дело отключали, меняя трубы и занимаясь переключениями. Ко всему прочему, сломался дешевый китайский кран на ручкомойнике, и мне пришлось срочно учинять мелкий ремонт. А Старлингу еще приспичило подвести воду к комнате второго этажа.

– Я видел возле дома насосную станцию, – сказал он. – Водяной столб дойдет до the loft?

Если перевести слова брата Дэвида на местное наречие, то «насосной станцией» он величал обычный погружной насос в баке с водой, который мы иногда использовали в случае довольно частых отключений водопроводной воды. А словом «лофт» он именовал верхнюю комнату, резонно полагая, что это не полноценный «floor» – этаж, но и не «attic» – чердак то бишь.

Решив проблемы арендаторов (по крайней мере частично), я покинул дачу и подошел к кабине «хайса». Тут зазвенел мой телефон и кто-то принялся стучать в стекло дома

изнутри. Стучала Кэсси. Звонил Ричард. Что-то забыли сказать на прощание?

– Слушаю, – проговорил я в трубку.

– Андрей, – сказал Бэрримор, – на сиденье я забыл молитвенник и распятие. Будь добр, принеси их мне.

– Нет проблем... – Я снял с сиденья душеспасительную книжку в рыжеватом переплете и простой металлический крест из вороненого металла довольно больших размеров. Вернулся в комнату, где о чем-то говорившие между собой американцы примолкли.

– Положи на стол... Спасибо, Андрей. Больше не задержим.

...С Таниной тетей по имени Вера Павловна нам удалось пообщаться после обеда – благо на квартирном переезде мне пришлось делать только один рейс, да и то в черте одного района, так что во второй половине дня я был свободен.

Вера Павловна приняла нас сдержанно, без неприязни, но и без явного восторга. В общем, столь нейтральное поведение можно было легко объяснить – когда к вам неожиданно обращаются дальние родственники, с которыми вы почти не общаетесь, то это значит, что им от вас что-то надо. И вряд ли дело окажется простым и легким. Когда речь зашла о том, что нам бы хотелось пообщаться с Геннадием, Вера Павловна грустно покачала головой:

– Гена очень редко звонит и почти не появляется. Еще перед Новым годом как уехал куда-то в степи с археологами,

так и не приезжал с тех пор.

– Перед Новым годом? Так это же зима – уж вряд ли археологи что-то в морозы копают, – усомнился я.

– Я не знаю. Уехал – и все. Он почти ничего не объяснял. Гена – он же очень скрытный. Ничего от него не добьешься. Уж матери-то мог бы сказать. Как чего ни спрошу – все нормально, все в порядке, лишнего слова не вытянуть...

В голосе Веры Павловны звучала горькая застарелая обида.

– Как бы нам с ним поговорить? Может, номер телефона подскажете? Или адрес есть? – рискнула спросить Таня.

– Адреса не знаю. А телефон? Ну, он на городской звонил всегда. Я кое-как допросилась, чтобы он мне свой номер сказал. Потом я три раза по нему звонила, все время автоответчик сообщал, что номер не обслуживается.

Становилось ясно, что человек «шифруется». От кого? Да и по какой причине?

– Это он по работе поехал в «степи»? – спросил я, подчеркнув устно слова «по работе». – И куда именно?

– Вот с работой у него точно проблемы были. Он ведь мальчик у меня умный, в аспирантуре учился. Ну вот не дали ему ни диссертацией заняться, ни работать потом толком. Очень расстраивался... Куда именно уехал? Не знаю я... У него в Алтайском крае в основном интересы были.

– А тематика какая у него была, не знаете? – опять спросил я.

– Примерно знаю. Он все больше сибирскими ханствами занимался. Очень переживал, что вся литература по этой теме как под копирку написана. А стоило, говорит, сделать чуть шаг в сторону от общепринятой концепции, так сразу все в крик: не подрывай основы! Я ведь сама филолог по образованию, знаю, как это бывает, когда пытаешься усомниться в правоте какого-нибудь так называемого основоположника. Все ведь видят, что хоть и авторитет, а у него написан вздор, и в коридорах все с этим согласны, но только не дай бог возразить в монографии или – страшно подумать – в диссертации! Особенно молодой если. Зажмут напрочь, а будешь упираться – проблем не оберешься....

– У него с научным руководителем были проблемы?

– Кажется, именно с ним – нет. Наоборот, Гена говорил, что он вполне адекватен. Фамилия – Кунцев. Как зовут, не помню. Там другие им обоим палки в колеса ставили...

Таня вовремя вступила в разговор, посочувствовала, даже выдала подобную историю из их института, по-моему, вымышленную. Но реплика пришлась к месту, Вера Павловна стала приветливее, предложила нам чаю с вафлями. Мы из вежливости покапризничали, но потом предложение приняли.

– Как у вас дела на даче? – вдруг неожиданно спросила Вера Павловна.

Вопрос застал нас врасплох. Думаю, вряд ли тетя обрадовалась, если бы узнала, что мы, вместо того, чтобы ко-

пать грядки, сдали дачу в аренду, да еще сомнительным иностранцам.

– Сложно все время ей заниматься, – осторожно ответил я. – Работать много приходится.

– Понимаю... Толя тоже так говорил, – вздохнула тетушка. – А вот Гена одно время просто зачастил туда. Так не поверите – в первое же лето после покупки перекопал весь огород, хотя до этого только ругался, говоря, что выращивать в наше время овощи – это глупость. Причем копал очень глубоко, так совсем не нужно было делать... И под домом подпол вырыл – просто огромную комнату сделал. Я даже боялась туда заглядывать.

Мы с Таней переглянулись. Подполья в доме мы не видели. Небольшой погреб под летней кухней имелся, но не более того.

– Может, он что-то искал там? – уже не так осторожно произнес я.

– Что там было искать? – равнодушно сказала Вера Павловна.

– А у вас эта дача давно? Анатолий Сергеевич ее ведь купил у кого-то, если я не ошибаюсь, – решила уточнить Таня.

– Да, купил... Лет шесть назад. Что интересно, ее Гена сам присмотрел и даже настоял на том, чтобы купить именно этот дом. Там хозяйева уезжали за границу на ПМЖ, если я не ошибаюсь, а Гена прямо в ультимативной форме Толе так и говорил: «если хотите покупать дачу, то надо покупать имен-

но эту и никакую другую». Я, если честно, почти не помню ни прежних хозяев, ни даже вообще каких-то подробностей сделки. А Толя как-то не очень берег старые бумаги, документы. Однажды даже чуть было не выбросил сберкнижку в мусор. Но, это скорее из-за того, что не выносил, когда в доме барахло скапливалось. За чистотой всегда следил, это у него с флотских времен, наверное, еще осталось. Вот, помню, бывало, придет кто-нибудь к нам в гости...

Разговор стал понемногу уходить в сторону. Таня это тоже заметила.

– Вера Павловна, – мягко втиснулась она в тетушкину тираду, – подскажите все-таки, Гена только на Алтай ездил по своей основной работе или еще куда-то?

– Нет, еще и в Узбекистан. Но с работой у него уже тогда проблемы были, а он надеялся их решить. Помню, с кем-то он обсуждал эти проблемы и свои поездки... Я слышала, как тогда он из дома звонил кому-то, очень довольный был, говорил, что там-то он точно это найдет... Но после Узбекистана он сам не свой вернулся – видимо, неудачно съездил... Я потом спросила, что он хотел там найти, так ведь не сказал даже ничего толком.

И опять послышалась затаенная обида.

– Он и жене своей ничего не говорил, как я понимаю. Правда, в последнее время они не очень ладили. Но этого и следовало ожидать... Вы знаете, Танечка, она мне с самого начала не нравилась... – Характерно, что Вера Павловна

подчеркнуто обратилась именно к Татьяне, будучи уверенной, что мне этой темы насчет жены все равно не понять. – Ведь ясно же было, что как только у Гены начались проблемы с научной работой, так она сразу вильнула, даже у нас не появлялась. Я Гену спрашивала, что и как, но он, как обычно, отмалчивался. А потом, как только он уехал, так она сразу начала звонить, в гости напрашиваться, подлизываться начала...

Таня, похоже, совсем была не в курсе дел своей тети и своего кузена – про его женитьбу она действительно ничего не знала. Но говорить об этом вслух явно не хотела.

– Но ведь кто-то же был в курсе его дел? – спросила Таня.

– Да не знаю я, – вздохнула тетя. – Он же ничего рассказывать не любил. Конечно, у него были друзья, я даже думаю, что он им больше рассказывал, чем нам...

Да, Вера Павловна сильно была расстроена поведением сына. Хотя, кто из нас не расстраивает родителей тем, что не желает им всего рассказывать? Но ведь страшно же даже подумать, что будет с ними, если мы начнем делиться своими проблемами! Помочь все равно не в состоянии будут, а советы будут давать такие, что пригодиться могли бы разве что лет тридцать назад. Только спать не смогут, и денег в аптеке оставят втрое больше...

– А с кем именно он общался? Что у него были за друзья?

– Я с ними не знакома, – неохотно сказала Вера Павлов-

на. – Раньше, когда Гена учился, конечно, однокурсники заходили. На дачу, кстати, ездили... Ой, у меня же где-то фотографии есть.

Мы с Таней опять переглянулись. Фотографии – это уже лучше.

Вера Павловна принесла небольшой альбом с цветными снимками формата десять на пятнадцать, вероятно, еще пленочных времен.

– Вот Гена здесь как раз в аспирантуру поступил...

Несостоявшийся кандидат наук сфотографировался на фоне здания альма-матер в Академгородке. Он выглядел вполне по статусу: рыжеватая бородка на веселом мальчишеском лице, свитер с растянутым воротом. На Татьяну, даром что родственник, совсем не был похож. Разве что тоже блондин.

– Это мы на даче...

Снимку, если я верить надпечатанной дате, было около пяти лет. «Мама, отчим, я – счастливая семья». На фоне дома, в котором сейчас гнездились псевдо-евангелисты (а может, и не «псевдо», еще не решил), стояли три человека – сама Вера Павловна; ее сын опять же в свитере и в пятнистых брюках, с чуть более уже густой бородой; и улыбающийся благообразный флотоводец в характерном кителе без значков... Между домом и сараем была навалена огромная куча грунта.

– А это как раз отвал из того самого подпола, – сказала

тетушка, когда мой палец уперся в эту кучу. Гена потом заделал дыру снаружи, и в подпол стало возможным попасть только из коридора. Там спуск под лестницей, которая наверх ведет.

Я знал точно, что никакого спуска там не было. По крайней мере, ничего подобного там не видел.

– ... Вот это, кажется, те самые его друзья-археологи, – сказала Вера Павловна, перелистнув несколько страниц и указала на фото, которое просто было вложено между листами.

Кто-то запечатлел Геннадия на перроне вокзала. Возле вагона стоял он сам: все та же борода, торчащий ворот свитера из-под пуховика (дело зимой было) и камуфляжные штаны. Вот только если эти двое, сидящие на корточках, археологи – то я, извините, шериф Ноттингемский. То есть, может быть, они и археологи. Но только те, кого называют «черными копателями». Удивительно, что они согласились фотографироваться. Но, может быть, они просто не знали, что их фотографируют? По крайней мере, в объектив не смотрел ни один из троих... Вернее, из четверых. Рядом с Геннадием стоял еще один человек, неизвестный широкоплечий мужчина приличного роста. Снят он был со спины, со сложенными за спиной руками. Еще один археолог? Да еще с какой-то татуировкой на правом запястье... Тот зимний день, значит, не сильно холодный была, раз без перчаток.

– Это тоже их сотрудник? – Таня и сама заинтересовалась,

ткнула пальцем в спину.

– Танечка, ну откуда ж мне знать, кто это?

– А фото кто сделал? И когда примерно?

– В прошлом году, в ноябре, скорее всего. Вот тогда он и уехал. А уж кто сделал – ну, когда «эта» приходила в феврале пообщаться, спрашивала, нет ли от Гены вестей... Показала она мне это фото прямо на фотоаппарате. Я пообещала ей сразу же сказать, как только Гена объявится, если она мне это фото распечатает. Сделала, занесла потом... Уж так и этак выпрашивала, не появлялся ли, не звонил ли?.. А Гена и фотографироваться не любил никогда особо. Хорошо, хоть есть теперь какое-то фото из недавнего времени...

– Кстати, а фото с его семьей вообще нет здесь, – сказал я.

– С какой семьей? – очень сухо спросила Вера Павловна. – С «этой», что ли? Какая там «семья»! Вот не захотел он на хорошей девушке жениться, Галочка, с которой они в аспирантуре учились, такая славная была, с ней и поговорить всегда так хорошо было, почему ж Гена выбрал «эту» – не знаю... Да и внуков не дождалась я от них... Мне даже и снимки-то с ней держать у себя не хочется совсем... А, ну вот она... Просто фото хорошее, тут Толя еще... Последняя фотография с ним...

На фото были запечатлены трое. Адмирал здесь выглядел значительно хуже, чем на снимке пятилетней давности. Отощавший, сутулый, он сидел на скамейке где-то в саду или сквере, держа в руке трость, и угрюмо глядел в объектив.

Больничным парк? Возможно, да. Анатолий Сергеевич находился слева. В центре сидел Геннадий, а справа...

– Это же Эльвира, – потрясенно сказала Таня.

– Ну да. Эльвира, – подтвердила Вера Павловна. – Жена Гены.

* * *

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны, – сказал я, когда мы возвращались домой.

– Это уж действительно. – Таня выглядела ошеломленной. – У меня тоже в голове все перепуталось.

– Она ведь всегда говорила про Павла как про своего мужа, и у нас в отделе ее знали как Столярову, его жену, – продолжила Таня. – Может, и другим она так же представлялась. А может быть, она даже и действительно замуж за него вышла.

– Но ты ведь ее настоящую фамилию не знаешь? – спросил я.

– Откуда? Она в другом отделе работает, на другом этаже даже, я что – пошла бы к ее начальству или к персональщикам, спрашивать, настоящая ли фамилия у сотрудницы?

– Но она все равно рисковала. Кто-то мог случайно проговориться. Шило в мешке не утаишь.

– Какое-то время да. Значит, ей было нужно только одно – найти Геннадия.

– Что-то я не помню, чтобы она его искала...

– Ну ты же с ней не общался так, как я. Я вот сейчас припоминаю, что она почти в каждой беседе так или иначе подводила разговор к тому, что слышала про какие-то успехи Геннадия. Как-то хитро, потихоньку, но пыталась узнать, известно ли мне про него хоть что-то... И тебе просила ничего не говорить, типа мы секретничаем... Я, конечно, сказала ей, что если его и видела, то лишь в дошкольные годы, что мы не общаемся, и что я вообще не знаю, где он обитает... После этого, кстати, я заметила, что интерес у Эльвиры ко мне стал немного пропадать... Вот ведь плутовка, а? Я-то думала...

Таня замолчала.

– Во-от, – сказал я, не отрывая взгляда от дороги. – Не слушаешь ты меня, а в какой раз уже тебя пытаются использовать всякие шарлатанки! И ты даже мне ничего не рассказала о том, что именно Эльвира у тебя выпытывала. Мне она сразу не понравилась, я тебе это сколько раз говорил, а ты только спорила!

Таня насупилась. Принять позу обиженной невинности ей было трудно, поскольку машина ощутимо подпрыгивала и раскачивалась – дороги-с...

– Ясно, что твой кузен, – сказал я, – интересовал еще и Павла. Как бы даже не больше, чем Эльвиру. Зачем и почему – это он уже вряд ли скажет. Наверное, он что-то где-то раскопал, и за ним начали охотиться. Нашел золотой шлем Мамаю, или что-то в этом роде.

– Очень похоже, что так. И работал к тому же с «черными археологами», если я правильно понимаю. Но значит ли это, что он раскопал нечто только совсем недавно? А до этого ему не везло?

– Эльвира когда устроилась к вам на работу?

– Да уж месяца три-четыре, если не врет... Но я и раньше в коридорах ее встречала, еще до того, как она стала меня приглашать на собрания и беседы... А американцы твои когда в Сибирь приехали?

– Откуда я знаю... Но думаю, не слишком давно. Месяц... Два, может быть... Нет, не знаю. Не хочу гадать. Но я тоже начинаю думать, что они не просто так на нашу дачу нацелились. Что-то там есть.

– Или уже нет.

– Не исключено. Так что никаких случайностей. Все закономерно. Геннадий что-то нарыл и решил за лучшее исчезнуть. Павел и Эльвира скооперировались и взялись за тебя. А американцы поселились на даче...

– Неплохо бы там пошарить, – заметила Таня. – В подполе.

– Как ты это сейчас сделаешь? У нас же эти миссионеры постоянно торчат. Уж кто-то один из них постоянно на месте.

– И еще есть люди, которые убили Павла. И которые приставали к тебе. Помнишь?

– Да помню... Нет, с ними связываться немислимо. А вот на даче можно будет покопаться, но надо заранее подумать,

как выманить оттуда обоих миссионеров, пока третий куда-то уехал...

Таня согласилась, что надо хотя бы дождаться, когда они куда-нибудь отправятся. Ведь они же наверняка выбираются куда-нибудь хотя бы иногда?

– Выбираются, конечно. Вот, когда мы Артема слотошили... – Я прикусил язык, но было уже поздно.

– А? Что? Чем это ты там с ними занимаешься?

С большой неохотой я изложил историю про поимку и допрос Артема. Татьяна внимательно ее выслушала и назвала меня кретином. Я спорить не стал. Но и соглашаться – тоже. Хотя бы потому, что про историю с неосторожным убийством гоблина у меня хватило ума промолчать. Такие вещи, знаете, даже самым близким людям лучше не рассказывать. Поэтому я быстро свернул на другую тему:

– С американцами решим чуть позже. Знаешь, что надо сделать? Нам надо найти этого Кунцева. Начальника Геннадия.

– Научного руководителя?

– Ну конечно. По крайней мере, мы сможем узнать, над чем он работал на самом деле.

– Можно заняться им хоть сейчас. Поехали в институт!

...С доктором исторических наук Василием Кунцевым нам встретиться не удалось. Я узнал только, что профессор опять уехал куда-то в Узбекистан, при этом давно и надолго. Что касается Ратаева – «талантливый и подающий надеж-

ды, но занялся сомнительными делами, далекими от науки». Так сказала худощавая женщина неопределенного возраста, окруженная какими-то черепками, обломками и прочими артефактами сибирских ханств. По-моему, это была едва ли последняя оставшаяся на посту сотрудица института, который сдал все свои помещения под офисы оптовиков и хиропрактиков.

Зато Таня, отправившись потом к себе на работу, подняла справки в отделе персонала, и ей стало ясно, что Эльвира – никакая не Столярова, и даже не Ратаева, а вовсе Мельникова, разведенная. Но действительно уверявшая всех, что является женой Павла. Без уточнения, гражданской или нет.

– Вот тебе и евангелисты, – не удержался я от комментария, когда мы обсудили за ужином новые обстоятельства. – Поехали на дачу, что ли? Надо же все-таки в подполье залезть.

– Для начала надо, чтобы они выбрались оттуда хотя бы на час-другой. Если, как ты говоришь, их сейчас осталось двое, то это редкий шанс. Будь они втроем, всех троих зараз выманить с дачи было бы бессмысленно.

– Я не представляю, как это сделать, – честно сказал я.

– Может, просто приехать и начать ждать, когда они выедут куда-нибудь? – спросила Таня.

– Это можно неделю ждать и не дожидаться...

– Кстати, а на чем они выбираются с дачи? Ведь не на автобусе же...

– У них есть «форд фокус». Вроде бы они его взяли в долгосрочную аренду. В гараже на участке держат. А ездят по очереди.

– У кого взяли?

– Откуда я знаю?.. Может в конторе прокатной, а может – у частного какого-нибудь... Нет, это нам не поможет.

– А если позвонить и соврать, что их вызывают в прокуратуру?

– На какой телефон? На сотовый Бэрримора? А вдруг у него этот номер только для связи со мной предусмотрен? И вообще, если так сделать, то потом они поймут, что я затеял с ними игру, а играть с ними...

Я вспомнил выражение лица Кэсси, когда та угрожала Артему каблуком и кочергой. Действительно, играть в опасные игры с американцами мне совсем не хотелось. Не дай бог разозлить их по-настоящему.

– Нет, надо что-то придумать. Они выедут вдвоем и надолго, только если их выманить под каким-то очень важным предложением... И потом – зачем ему держать несколько симкарт, и среди них одну исключительно для переговоров с тобой?

А действительно, зачем?

– С какого только телефона его вызывать? И кто будет звонить? И что говорить?

– Ты что, не знаешь, как можно купить «симку» на черном рынке? А позвонить могу я. А что сказать...

Таня задумалась.

– «Ну что сказать, ну что сказать...» – пробормотал я.

– «... Устроены так люди. Желают знать, желают знать...»

Желают знать, что будет», – подхватила Таня. – Поехали, купим «симку». Я знаю, что сказать.

* * *

В Шатуниху мы въехали около восьми вечера. Я проехал мимо кирпичного забора, бормоча «пронеси, пронеси» – мне совсем не хотелось, чтобы американцы увидели мою «Тойоту». Я успел заметить, что окно второго этажа было освещено, но происходило ли что-нибудь за оранжево-желтыми занавесками – разглядеть было невозможно. Тем более на ходу.

Я остановился через три участка по дороге, ведущей к магазинчику Семужного, развернул машину, заглушил двигатель и погасил фары. Таня вынула свой телефон, аккуратными движениями сменила в нем сим-карту и набрала номер, который я сбросил ей со своей трубки.

– Надеюсь, ты хорошо знаешь, что делаешь, – тихо сказал я, пока в телефоне слышались гудки псевдо-зуммера; Таня включила громкий звук, чтобы мне тоже было слышно.

– Hallo? – донесся знакомый голос брата Ричарда.

– Хай, – произнесла Таня. – Ду ю спик рашн?

– Да, я говорю и слушаю по-русски, – подтвердил Бэрримор.

– Ваш адрес: поселок Шатуниха, второй проезд, дом но-

мер один?

– Да... – без особой уверенности ответил американец. Впрочем, адрес был назван правильно.

– Почтовое отделение семьдесят четыре, ящик двадцать восемь?

– Я не совсем в этом уверен...

– Ваша фамилия Бэрримор?

– Да.

– Вы ожидаете почту из Нью-Йорка? Из научного общества... не могу понять, как его правильно прочесть...

Бэрримор издал горловой звук, прокашлялся и сипло подтвердил, что да, он давно ждет подобное письмо...

– Who's talking to me? – он даже сбился на родной язык. – What d'you know for this letter?

– Говорите по-русски, пожалуйста, – жалобно сказала Таня. – Вас беспокоят из бюро находок. Нам только что передали письмо в конверте с вашим адресом и вашей фамилией. Очевидно, его нужно вернуть вам.

Где-то на том конце линии послышалась невнятная женская речь. Наверное, сестра Кэсси рекомендовала срочно принять решение.

– Я немедленно готов приехать за этим письмом, – с уверенностью сказал брат Ричард. – Мне нужно иметь документ? По какому адресу мне нужно приехать?

– К сожалению, мы уже закрываемся, мистер Бэрримор. Будьте любезны, приезжайте завтра. Либо мы вышлем...

– Я очень прошу вас подождать! Это очень важно для нас! Мы немедленно будем выезжать!

– Только в порядке исключения. Возьмите любой документ, удостоверяющий вашу личность. – И Татьяна назвала адрес, естественно на другом конце города, куда даже без пробок добираться нужно по меньшей мере минут сорок.

Все-таки американцы оказались на редкость легковерны. Евангелисты они, сатанисты или масоны, но Таня «развела» их как детей. Не прошло и пяти минут, как свет на втором этаже «миссии» погас, а из ворот выехал белый «фокус», в котором – ошибиться было невозможно – сидели два человека.

Если честно, я не сильно надеялся, что из этой авантюры что-нибудь выйдет. На месте Кэсси я, наверное, отправил бы Ричарда одного. Или поехал бы сам, оставив Бэрримора караулить миссию. Или тоже бы предложил поехать вместе? Не знаю. Да и неважно. Важно, что они клюнули.

Подождав минут пять, мы подошли к даче. Машину я так и оставил стоять чуть поодаль, чтоб не давать никому пищу для возможных обсуждений в будущем.

Участок меня слегка удивил. В девятом часу вечера в мае в наших краях еще относительно светло, чтобы я мог понять, что тут продолжают заниматься то ли экстремальным огородничеством, то ли раскопками. Мини-трактора на прежнем месте не было видно, но следы его деятельности были заметны. Я начал припоминать, что видел следы земельных

работ, еще в тот день, когда произошло то злополучное приключение, но тогда не придавал значения увиденному. Выходит, Геннадий не был последним исследователем местных недр... Выходит, американцы не в курсе его изысканий? Но знают, что на этом участке что-то надо искать?

В дом попасть было немногим труднее, чем на участок. Мы поднялись на крыльцо, выполненное в виде небольшой террасы, и я нащупал на двери привычную кривую ручку. Дверь была свежевыкрашена и заперта на замок. Ключ от которого лежал в моем кармане.

Мы вошли в дом, и оказались в каминной комнате первого этажа. На столе не было ни ноутбука, ни карт, ни книг... Ни выпивки. Я ощутил странный аромат – нечто среднее между дымом курительных палочек, канифоли и конопли. Таких запахов я сроду не разводил на даче (да и не только) – по крайней мере, одновременно. Порознь, признаюсь, бывало...

Таня тоже потянула носом. Как известно, у женщин обоняние развито гораздо лучше, чем у мужиков (особенно это хорошо заметно, когда вы возвращаетесь домой с вечеринки или корпоратива, где имели удовольствие употребить излишек горячительного или склеить девушку), поэтому она сразу определила источник запаха. Каминная полка была уставлена недавно погашенными свечками. Не дешевыми ароматическими из «Икеи», а какими-то особенными – таких я сроду не видел. Ярко-красные, крученые, в металлических

подсвечниках желтого металла. Ритуальные, что ли? Да и выстроены как-то уж очень четко с геометрической точки зрения – правильным пятиугольником...

На камине лежал знакомый мне большой металлический крест, прикрытый прозрачным куском полиэтиленовой пленки. Тот самый, который Бэрримор просил меня принести из машины, назвав «распятием». Но это было не распятие, а просто крест – два перекрещенных бруска квадратного сечения. Я не удержался от того, чтобы опять не взвесить его в руке. Странно, конечно, что крест просто так валяется. Уж верующие евангелисты были просто обязаны повесить его на стену... Да и в спальне на втором этаже над кроватями не было ничего подобного. Может быть, Павел и Артем были правы? И никакие эти миссионеры не христиане, а просто прикидываются таковыми?

– Можно глянуть? – Таня требовательно протянула руку.

Я протянул ей крест. Таня тоже взвесила его в руке, оглядела со всех сторон...

– По-моему, он пустой внутри. На вид сталь, но это не она. Более легкая.

– Алюминий?

– Не похоже... Ой!

Таня на своей работе занимается, в числе прочего, физикой металлов, поэтому ей можно верить – я привык, что свойства некоторых «железок» она определяет буквально «на глаз» и куда точнее, чем я... Но вот к тому, что у нее

вещи то и дело валяются из рук, я так и не смог привыкнуть. Хотя я ведь тоже не без мелких недостатков...

Я вытащил крест из камина. Пытаясь изловить его в падении, Таня умудрилась забросить крест на колосники, покрытые золой и пеплом. Пришлось его хорошенько протереть. Я дал Тане платок, и она, придерживая крест за края перекладины буквально кончиками пальцев, стерла следы преступления и аккуратно потом положила на камин, прикрыв сверху той же пленкой.

Диван во второй комнате уже был аккуратно застелен – видимо, на первом этаже устроила себе спальню мисс Роузволл: на покрывале валялись пилка для ногтей и смятые комом нейлоновые колготки. Странная рубашка-«власяница» была брошена на кресло рядом. Я кстати вспомнил, что Кэсси, в отличие от мужчин, крайне редко надевала эту грубоватую одежду, предпочитая простейший стиль – прямые брюки и блузку светлых тонов. И то верно – а на кой черт и для кого эти представления устраивать? Прихожан и потенциальных адептов я на даче так ни разу и не увидел с момента заселения арендаторов. Не рабочих же из Таджикистана они намерены обращать в свои идеалы?

– Наверх поднимемся? – шепнула Таня.

Я согласился. На втором этаже была устроена мужская спальня. Там стояли две не менее аккуратно застеленные кровати. Как и при прежних хозяевах, они располагались вдоль противоположных стен – обстановка сейчас в общем

и целом не изменилась. На одном покрывале лежали часы, вроде бы принадлежащие Ричарду, на втором не было ничего. Поверхность столика тоже был пуста, если не считать электрического ночника в виде мухомора с облезлым металлическим абажуром. На стене висели старые механические часы с частично отвалившимися цифрами. Странно, что здесь, так же, как и внизу, никто не позаботился о настенном распятии или просто кресте.

«Нет, никакие они не евангелисты», – подумал я в очередной раз.

Мы спустились по деревянной лестнице и снова оказались на первом этаже. В коридоре было еще довольно светло, но я еще включил фонарь и внимательно изучил все основание этой лестницы. Взял монтировку и проверил доски. Вроде все надежно, кроме... Ага, кажется, тут что-то есть...

– Похоже, это действительно ход в подполье, – сказал я, аккуратно отдирая доски вагонки от основания лестницы, переходившего в пол коридора и стену. – Если не знать, ни за что не догадаешься.

– Ты потом сможешь приколотить все, как было раньше? – негромко спросила Таня.

– А то как же!

Из образовавшейся дыры тянуло холодом и запахом погребка. Лезть в эту могильную черноту было жутковато. Я долго светил фонарем вглубь, но толком ничего не увидел. Почти вертикально вниз уходила не очень надежная на вид

деревянная лестница, вернее просто две длинные палки с перекладинами.

– Время у нас есть, – сказал я. – Мы все равно должны проверить, что там внутри. Это же наша дача, в конце-то концов.

Таня нервно хихикнула.

Я протиснулся в проем ногами вниз и осторожно спустился по шаткому и хлипкому сооружению. Возможно, когда-то эта лестница была немного надежнее, но четыре года в подполье не пошли на пользу древесине.

– Все, я на месте, – сказал я, почувствовав под ногами твердую поверхность.

– Лови меня! – крикнула Татьяна.

Я помог ей спуститься, придерживая сначала за лодыжки, потом – за коленки и, под конец – за талию. Через несколько секунд мы оба стояли рядом внизу этого подземелья. Я поднял фонарь на высоту плеча и осветил место, в котором мы оказались.

– Ух ты! – только и сказала Таня.

Несостоявшийся кандидат наук постарался серьезно. Он действительно выкопал немаленький бункер. Высота его была метра два, площадь примерно три на три. Пол был земляным, три стены закрывала опалубка из досок. Четвертая представляла собой мощную и на вид весьма древнюю каменную кладку с неровной дырой посередине, куда можно было бы легко засунуть голову. Выкрошенные камни валялись рядом. Дыра эта меня беспокоила. Казалось, оттуда

словно исходит то ли свечение, то ли едва слышный тонкий певучий звук. Я осветил в дыру. Это была ниша, предназначенная, видимо, кем-то и когда-то для хранения неких предметов. Но сейчас в дыре было пусто. По-моему, и Таня что-то чувствовала: она сама подошла вплотную к дыре, потом зачем-то посмотрела вверх... Потолок являлся простым деревянным перекрытием; расстояние между ним и полом дома не превышало полуметра. Словом, если приложить еще немного сил и денег, то получится роскошный погреб.

Ратаев, однако, не стремился использовать вырытое помещение под хранилище картошки и домашних консервов. Похоже, он действительно что-то искал. Наверное, какие-нибудь артефакты. На полу лежали две лопаты – стандартная штыковая и малая саперная, мелких размеров кайло и хозяйственная сумка. Посередине «бункера» имелись два деревянных ящика – один служил столом, другой – табуреткой. На «столе» стоял большой светодиодный фонарь, имитирующий керосиновую «летучую мышь», рядом с ним была брошена простая пластмассовая авторучка, сломанная пополам.

– Рабочее место археолога, – шепнула Таня. Ее слегка потряхивало – то ли от сырости, то ли она нервничала. А может быть, ее охватил своего рода азарт исследователя.

Таня нагнулась, чтобы поднять сумку, но я на всякий случай остановил ее:

– Там могут быть крысы.

Татьяна отшатнулась. Я взял с ящика фонарь (он не вклю-

чался) и осторожно потыкал им в сумку. Никаких крыс там и в помине не было.

– Вот теперь бери, – сказал я.

Таня подняла сумку, принялась в ней копать, и вдруг с визгом отбросила ее от себя, принявшись отчаянно трясти руками. Я немедленно осветил своим фонарем ей на руки, приготовившись увидеть черт знает что. С кистей Таниных рук на пол сыпались какие-то извивающиеся сикараки. Я пригляделся – ничего опасного. Обычные ухвертки, которых дети прозвали «двухвостками», но уж очень крупных размеров. Татьяна быстро успокоилась, только дернулась всем телом и пробормотала с омерзением: «буэ, гадость какая».

Из сумки, кроме ухверток, удалось извлечь сложенный вдвое листок бумаги, завалившийся под плотную нижнюю подкладку. Больше ничего интересного в сумке не нашлось. Как, впрочем, и во всем «бункере» в целом. Для очистки совести я простукал пол, потолок и стены, попытался отогнуть доски опалубки. Но искать больше тут было нечего. Возможно, за каменной стеной можно было что-нибудь попытаться обнаружить, но сейчас для дальнейших раскопок совершенно не было времени. Если честно – то и желания тоже. Я засунул единственный трофей в карман, и мы покинули подполье. Сначала наверх вылезла Татьяна, которой я помогал ставить ноги на лесенку, потом выбрался и сам, сломав-таки по пути одну из перекладин и кое-как сумев не загромоздить

вниз. После этого мы тщательно забили вагонкой лаз, подогнав доски точно так, как они и были установлены изначально, а в конце концов я подмел пол веником, который, как и раньше, стоял справа от камина.

Вернув веник на место, я глянул на часы (с момента отъезда американцев не прошло и сорока минут) и произнес:

– Ну вот, дело сделано. Как сказал палач, отрубив голову невинной жертве.

Татьяна согласилась, и менее чем через десять минут мы уже выезжали из Шатунихи. Я полагал, что никто нас не увидел, а если и увидел, то вряд ли сделал какие-либо далеко идущие умозаключения.

...Ксерокопия, найденная в подвале, поставила меня в тупик. Лист бумаги был щедро усыпан непонятными значками. Я, конечно, не лингвист, но это вряд ли были буквы из каких-либо языков, на которых сейчас пишут инструкции для китайской бытовой техники. То есть, не латиница и не кириллица. Не иероглифы. Не арабская вязь. И не тайские или индийские завитушки. И даже не грузинские. Один знак походил на шубный крючок, другой – на заглавную сигму, третий – на символ пацифистов. Некоторые при этом повторялись, следовательно, я предположил, что это скорее буквы, чем иероглифы. Таня еще в дороге, сидя в кабине, пыталась что-то разобрать, но и она не смогла понять, на каком языке написаны восемь строк текста... Если, конечно, это на самом деле был текст.

– Похоже на наскальные знаки, – сказала она. – Помнишь, в Горный Алтай ездили? Нам там петроглифы показывали.

В общем, разведка на собственной даче ничего не принесла, разве кроме того, что мы умудрились разозлить миссионеров (представляю их реакцию, когда они вместо «бюро находок» попали в закрытое по случаю вечера заводоуправление). Таня даже не рискнула дожидаться возможного звонка от Бэрримора, и еще в Шатунихе выбросила «симку», предварительно переломив ее пополам.

Часов до двенадцати мы терзали интернет, пытаясь найти аналогию найденным каракулям, но в конце концов сдались. Кроме того, завтра к девяти утра меня ждал клиент, так что сидеть допоздна не было никакого резона. Я спрятал лист в папку, где хранил всякие квитанции и копии автомобильных документов, после чего отправился на боковую. Уже засыпая, я вдруг решил, что все неприятности теперь должны остаться позади, и что сейчас пойдет наконец-то сравнительно спокойная жизнь свободного водителя, по совместительству – рантье.

Заблуждаться мне пришлось часов до одиннадцати наступившего дня, когда я оперативно отработал первый заказ и собирался договориться насчет второго. Мне позвонила Татьяна и сообщила о том, что Эльвиру вчера вытащили из комы, и едва ли не первое, что она потребовала – это найти Татьяну и разрешить ей прийти в палату для очень важного разговора.

Таня отпросилась на вторую половину дня и потребовала, чтобы я тоже поучаствовал в визите. Но ехать пришлось не в городскую больницу – Эльвира сказала, что она написала заявление о снятии ответственности, и ее перевезли в частный медицинский центр «Серватис», сутки пребывания в стационаре которого стоили, наверное, недельной зарплаты среднестатистического гражданина Российской Федерации.

Как бы я ни относился к Эльвире и к отношениям между ней и Татьяной, поездка в больницу мне тоже показалась делом необходимым. Отменив заказ (этак скоро можно вообще клиентов лишиться!), я направил колеса в сторону этого центра.

Выглядел «Серватис» не так уж и элитно. Он располагался в старом здании на юго-западной окраине города, и со стороны его можно было принять за управление какого-нибудь закрывшегося по случаю наступившей демократии промышленного предприятия. Первый человек, которого мы увидели в холле, был здоровенный стриженный парняга в спортивном костюме, словно перенесшийся в наш новый период застоя из середины девяностых. Он скалил фиксатые челюсти и отпускал какие-то любезности девушке-регистраторше, сидящей за стойкой. Правая рука его была обмотана не слишком свежим бинтом, пестревшим коричневатыми пятнами, а физиономия хранила следы соприкосновений с каким-то твердым предметом.

Таня подошла к девушке и сказала, кто мы такие, и за-

чем, собственно, сюда пришли. Стриженный в это время так и продолжал стоять, облокотившись на стойку. Он излишне пристально, оценивающе разглядывал фигуру моей жены, наверняка будучи совершенно уверенным, что имеет на это полное право. В этот момент из коридора вышел средних лет мужчина в зеленовато-белом врачебном костюме и обратился к громиле: «ну что, Курач, пошли ремонтировать клешню? Смотрю, ты никак успокоиться не можешь, и понять не в состоянии, что сейчас уже не те времена...»

Нас проводили на второй этаж, где находился стационар. Насчитывал он всего четыре палаты – две двухместные, одну большую человек на восемь, и еще элитную – на одну персону. Нет, Эльвира лежала не в этой, а в двухместной, правда, сейчас кроме нее, там никого не было. Меня, кстати, в палату не допустили. Похожий на северного кавказца лечащий врач заявил, что он разрешит войти и поговорить только Татьяне. По крайней мере сегодня. Пациентку вообще уже успели утомить сотрудники милиции, а она всего сутки как пришла в себя.

Я успел заметить, что у лежащей на койке фигуры одна нога была на вытяжке, а лицо замотано бинтами почти наполовину. Не исключено, что Эльвира сама попросила врача не допускать меня к ней – уж очень жалко и страшновато она сейчас выглядела.

Таню эта десятиминутная встреча расстроила. Когда мы уже спускались по лестнице, она заявила, что Эльвире очень

сильно досталось. Неизвестные налетчики, расправившись с Павлом, принялись ее бить, и били очень сильно, пока Эльвира не сумела случайно вырваться. Она бросилась к лестнице, но один из нападавших (случайно или нет – не суть важно) поставил ей подножку, и она покатилась по бетонным ступеням.

– ... Трещина в черепе, лицо пострадало. Сложный перелом правой ноги. Очень жалко. Не заслужила она такого. Да и никто бы не заслужил.

– Может, кто-то и заслужил бы, – процедил я. – Но это уже другой вопрос. Для чего она тебя позвала?

– Она сказала, где находится американское письмо. Сказала, что я могу его взять и сделать с ним что угодно. Лучше всего – сжечь не читая. Но если уж так хочется – отдать миссионерам. Или ее бывшему мужу, Геннадию то есть, если он вдруг окажется где-то поблизости. Но так, чтобы об этом никто не знал. Ей это теперь совершенно без разницы... В общем, поехали. Время еще есть.

– Куда?

– За письмом, куда же еще? Сейчас мы поедем к Полине – женщине, у которой есть второй комплект ключей от машины. И которой Эльвира уже позвонила, предупредив, что приду я. Письмо находится в машине под задним сиденьем.

– Эту машину уже распотрошили те самые налетчики, – заметил я. – Или сыщики.

– «Короллу» Павла – точно. Ее угнали в тот же день. Эль-

вире это уже сказали. Но Эльвира иногда ездила на «шевроле-ланосе», а он ей формально не принадлежит, и находится там, где этого никто не знает... Полина – это компаньонка Эльвиры, коммерческая директриса. Хозяйка машины – она. Только ее прав лишили.

– За что? – удивился я. – Неужели пьет?

– У нас за что угодно лишить могут, неужели не знаешь? Но думаю, что не за пьянку. За выезд на встречную через двойную сплошную, например – таких же случаев сколько угодно.

– Главное, чтоб до машины действительно никто не успел добраться, – заметил я.

...До «ланоса», который я однажды уже видел, злоумышленники действительно не добрались. Хозяйка автомобиля, то и дело передававшая Эльвире эту машину, дала Татьяне ключи от «шевроле» и от гаражного бокса, объяснив, как туда добраться. Разумеется, мы железно пообещали машиной не пользоваться и вернуть ключи не более чем через час.

По дороге Таня мне изложила мне еще некоторые подробности беседы. Я даже не знал – ругаться мне или смеяться. По ее словам, Эльвира натурально каялась в своих многочисленных грехах. Более всего, конечно, она была подавлена смертью Павла, которого, оказывается, тоже водила за нос – не сильно и нужен он был ей со своим раздутым чувством собственной значимости, особенно после того, как его вроде как вознамерились сделать руководителем очень высоко-

го уровня. Стыдно ей было и за корыстные поползновения по отношению к Тане. Хотя как сказать – корыстные? Все, что делала Эльвира – было направлено исключительно на то, чтобы найти Геннадия и уговорить его вернуться к нормальной жизни. Эльвира его всегда любила и любит, что бы там ни говорила его матушка! Она, Эльвира, тянула свой бизнес, в то время как Геннадий ловил журавлей в небе за копейки, а то и вообще за бесплатно. Эльвира его всячески поддерживала, когда Геннадия выгнали из аспирантуры. Наконец, Эльвира (уже после развода!) сама выбила грант на археологические исследования, и что же? Геннадий бросил работу и уехал неизвестно куда, неизвестно с кем и неизвестно зачем. Почему развелись? А ты представляешь себе, как этот бородатый мальчик крепко держался за мамину юбку? И как мама ему ежедневно капала в уши ядом, что он сделал неправильный выбор? Дело доходило до того, что Вера Павловна (при живой-то жене) знакомила Гену с какими-то странными и очень некрасивыми девицами, такими же восторженными, как и он сам. Одно хорошо – они ему совсем не были нужны. Ему была нужна только наука, исследования, раскопки... И куда его завела эта страсть – неизвестно.

«...А ведь Павел – его однокурсник! Да, а ты не знала? Прости, что не сказала. Но этого я и не могла тебе сказать. За Павлом действительно стоит... стояла... крупная церковная организация. Кстати, он ведь каким-то образом договорился с антисектантским комитетом, чтобы его не трогали...

Да, они не трогают те секты и конфессии, которые откупаются от преследований, ты разве об этом не слышала?.. А вот ваши американцы свалились как снег на голову. Все пикеты и выступления против них так или иначе подстрекались Павлом, в том числе и православный. Не веришь? Сходи в антисектанский центр, к господину Водопьянову – он много интересного может рассказать... Если захочет, конечно... Да и журналист Чаповалов, который хоть и написал много ерунды, свою статью тоже в том же комитете согласовывал. И Павел знал про это. Павел вообще многое делал и по моим просьбам, конечно. Будучи региональным руководителем, он имел возможность подключить волонтеров к поискам – об этом у нас уже давно шел разговор... Да, у меня есть небольшой бизнес – пара салонов красоты и доля в частной медицине – так что некоторые вещи мне по карману. Пришлось Павла как-то заинтересовать... И не только вообще, но и в частности – ведь это он упросил меня (уж прости, если можешь!) украсть у вас письмо. Да, может быть, это кому-то покажется не очень красивым, но, повторяю, я все делала ради Гены... Все. Таня, ты ведь представляешь, на что мы способны ради мужиков, этих бесчувственных, толстокожих, самовлюбленных и эгоистичных козлов?.. Представляешь, наверное... Значит, понимаешь, о чем я...»

... Тут Татьяна перестала распространяться про откровения в этом ключе, и вернулась к теме американских миссионеров. Которые, по словам Эльвиры (так же, как и по сло-

вам Павла, которые я хорошо запомнил), на самом деле не евангелисты и вообще не христиане, а приверженцы темного и страшенького культа. Эльвира упомянула и Бафомета, и пентаграммы и прочие сатанинские штучки. А Таня, уже слегка растаявшая и развесившая ушки, подтвердила насчет ритуальных свечей, книги-перевертыша, а заодно выдала и про нашу находку в подполье. И про Артема, которого американцы взяли в оборот, причем с моей подачи.

Вот это мне совсем не понравилось. Я (может, излишне резко) высказал, что думаю о подобном разглашении информации. Но Таня напомнила, что Эльвира, как бы там дело ни обстояло, надолго выпала из активной жизни, кроме того, она все-таки нашла письмо, и мы можем его теперь забрать.

– Она его не «нашла», – проворчал я. – Она его стащила у нас ради Павла. Или ради своего беглого мужа, что в сущности, не так уж и важно. А теперь Павлу он больше не нужен, и можно возвращать его нам. Невелико благородство!

Таня не стала спорить, но насупилась... Знакомый конверт действительно был спрятан под задним диваном. Я засунул его под сиденье уже своей машины, мы вернули ключи Полине и поехали восвояси.

* * *

Дома мы без лишних споров принялись изучать содержимое конверта. Пусть хоть кто-то попробует меня упрек-

нуть! Из-за этого письма несколько человек уже поимело кучу неприятностей, двое вообще отправились на тот свет, и я считал, что просто обязан знать, что там такого смертельно опасного. Одна моя знакомая как-то сказала, что я не только жаден, но еще и любопытен не в меру. Возможно, она была права...

Кроме того, конверт уже носил на себе следы вскрытия, пусть даже достаточно аккуратного. Но заметного. Может быть, из него что-то даже пропало. Но кто теперь об этом скажет?

Внутри мы обнаружили книжку небольшого формата, нечто вроде методичек или брошюр, какие печатают в вузах для студентов и аспирантов. На обложке было написано на английском «Работа миссий в иностранных государствах и взаимодействие с местными властями», а в выходных данных значилось все то же «общество солгулианского знания». Я был уверен, что, несмотря на определенную «эзотеричность», содержимое брошюры вряд ли является высочайшим секретом, хотя и вряд ли предназначено для посторонних. Но перевести ее быстро и точно я не сумел бы, поэтому отложил брошюру в сторону, и мы принялись за дальнейшее изучение.

Следующим документом оказался лист удивительно гладкой и чрезвычайно тонкой бумаги примерно формата А2, аккуратно сложенный вшестеро. Это оказалась карта, великолепного качества карта на основе цветного фото со спутни-

ка-шпиона. Куда там гугловским или им подобным изображениям! А был заснят и впоследствии схематизирован левый берег нашего Обского моря со всеми населенными пунктами и дорогами, включая даже те, которые и направлениями сложно назвать. Н-да, в прежние времена только за просмотр такой карты можно было очень легко загреметь под фанфары. Да и сейчас вряд ли ФСБ было бы в восторге от того, что иностранцы настолько пристально изучают наши территории. И ведь не просто так изучают, раз присылают карты своим эмиссарам. Значит, для конкретного дела. Легенда (и очень подробная) к этой карте шла отдельной распечаткой.

А всего таких карт было шесть. Самых разных мест Западной и Южной Сибири – Бердский залив, окрестности Ордынки, Чемала, горы Белухи, еще что-то... С удивлением я узнал участок к северо-западу от города, где как раз располагались Шатуниха и речка Турлак, место последнего успокоения гоблиноподобного гопника.

Кроме этого, в большом конверте находился еще один конверт, малый, обычного «почтового» формата. На нем была грозная надпись: «Inside information! For level one or above only!» И знакомый значок – три рунические буквы «S». Теперь только клинический идиот не мог бы сопоставить эту аббревиатуру с названием нью-йоркской организации «Solgolian Science Society». Выходило, что ее миссионеры (или эмиссары) относятся как минимум к уровню первому инсайдеров. Ну, пусть так. Теперь меня вряд ли кто смог

бы убедить, что получатели данного письма – мирные христианские евангелисты. Я окончательно разуверился в этом и вскрыл совершенно секретное письмо, в котором тоже уже кто-то порылся, вероятнее всего, Павел.

Поначалу я испытал легкое разочарование – лист бумаги, извлеченный изнутри, был покрыт уже знакомыми невразумительными значками. А также группами латинских букв, вроде бы слогами. Это тоже была копия, а оригинал кто-то старательно подготовил от руки.

И тут мне словно кто-то подсказал: смотри-ка, это из Нью-Йорка прислали ключ! Ключ к тайнописи, образец которой волею случая достался мне в подполье собственной дачи. Не исключено, что это такой же сравнительно простой шифр, вроде «пляшущих человечков» где один значок обозначает одну же букву. Вот только, черт, на каком же языке было написано письмо из подполья? Если на русском или хотя бы на английском, это еще куда ни шло. Надеяться насчет русского было несколько наивно, английский я все же знал не слишком хорошо, но оставлять дело просто так не хотелось.

Заявив, что мы просто обязаны хотя бы попытаться расшифровать письмо, найденное в подполье, Таня принесла на всякий случай английский словарь и заготовила несколько чистых листов бумаги.

В присланном ключе (если это был действительно ключ), таинственных значков было около трехсот. Я попытался их сосчитать, но скоро сбился и решил прекратить подсчеты –

и без того было, чем заняться. Напротив каждого знака стояло сочетание из двух-трех латинских букв. Некоторые знаки, правда, соответствовали каждый одной букве – е, а, и, о, і – то есть, основным гласным. Иные, видимо, имели разные варианты чтения – напротив них стояли варианты вроде «si/zi» или «ski/sti».

– Это, наверное, слоговая азбука, как у японцев, – предположил я.

– Ты, вроде, в японском должен разбираться, – заметила Таня.

– Но откуда здесь японский язык? Нет, это всего лишь немного похожий принцип... Знаешь, что? Давай, бери ручку, я буду выбирать слоги по каждому значку из нашей распечатки, диктовать тебе, а ты записывай. Посмотрим, может, что и получится...

Мы принялись за расшифровку, и менее чем через полчаса у нас получилось вот что:

**to za ra ku su ma ed naz di an dre im ot ia to
sim bei dva zde po se ski/sti po klo nof na serd se ro si/zi
som no ge pred pos led ne go ria du zve ri na go mi ra
kam nei
to mu kto os mi ug lof zem nik der git**

Слоги сами вдруг сами собой стали складываться в слова.
– Слушай, а ведь язык-то почти русский! – Таня тоже не

могла не заметить определенную «гладкость» в строчках, куда более «родную», чем немецкая, к примеру, речь.

– По крайней мере, на какой-то из славянских очень похож, – согласился я, испытав некоторое облегчение. Получи на выходе неразборчивый набор букв, я, наверное, бросил бы это занятие. И злился бы. Или принялся бы биться до посинения. И не факт, что добился бы до чего-нибудь, обернись расшифровка древнегреческим или еще каким экзотическим текстом. Мы начали собирать слоги в слова, но это оказалось очень непростым занятием.

«Тозараку», «сумаед», «здепосе», «сомноге» и прочие маловразумительные буквосочетания потребовали серьезных усилий. Интернет отказался подтверждать старославянское происхождение многих подобных слов, а другие варианты не попадались. Татьяна – умница, она предложила отделить приставки типа «от» почти от всех слов, и стало чуть проще. Теперь я уже не сомневался, что это русский язык – архаичный, но именно русский, а не какой-либо еще из славянских.

Из «тозараку – сумаед – наздиан» в итоге получилось «то зара кусума едназди андреим отиато».

– «Андреем отъято»! – хихикнула Таня. – Про тебя, похоже, уже в древние времена было известно. Сознаться, у кого ты в те времена и что сташил? И почему – самое главное! – я об этом ничего не знаю?.. «Кусума» – опять что-то японское лезет...

– Ну это вряд ли...

Через несколько минут мы «перекомпилировали» текст почти окончательно:

**to zara kusuma ednazdi andreim otiato
sim bei dvazde po sestí poklonof na serdse rosi (rozi)
somnoge predposlednego riadu zverinago mira kamnei
tomu kto osmi uglof zemnik dergit**

Это уже походило на что-то... Более всего на стихотворение. Я заменил латинские буквы на русские, подправил некоторые слова, содержащие явные ошибки оригинала или – что вероятнее – ключа, и в тексте сразу же появился намек на смысл. Таня взяла лист бумаги и вдохновенно произнесла вслух:

**То зара кусума однажды Андреем отъято,
Бей дважды по шесть поклонов на сердце розы,
Сомножь предпоследнего ряда звериного мира
камней
Тому, кто восемь углов земных держит.**

– Ничего не понял, – искренне произнес я.

Таня произнесла тихо:

– Слушай, я почти уверена, что это какая-то средневековая древность. Вероятно, времен еще Ивана Грозного. Представляешь, это, наверное, сочинял какой-нибудь дьяк при

великом князе...

– Угу, – скептически отозвался я. – Феофан. В исполнении Крамарова. Под диктовку Жоржа Милославского.

– Вредный ты все-таки... – вздохнула Таня.

– А восемь углов земных – это опять Япония, – сказал я. – Именно у них мир был восьмиугольным. Может, и еще у каких других азиатов.

– А у наших? У русских? Каким они видели мир?

– Да плоским, наверное... Как блин. И небо сверху как миска. Стихи помнишь: «где (я слышал стороною) небо сходится с землею»?

Второе четверостишие оказалось куда более простым, с ними удалось справиться минут за десять:

odin den idi na vstok

nastupnimi na uga

nastupnimi protivu begu kona tomskago

ostanimi pravo age na uga

Значение слов «наступный» и «останный» было понятно. Зато «конь томский» вызвал у нас, мягко говоря, недоумение. Толкование многозначного слова «аже» пришлось уточнять в интернете, и после некоторых споров мы сумели распознать его смысл, хотелось бы надеяться, правильно. Наконец, совместными усилиями нам удалось переложить и этот фрагмент на более современный язык:

Один день иди на восток.

Следующие дни – на юг.

Следующие – против бега коня томского.

Последние – направо, *аже (или же)* на юг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С утра пораньше пришлось опять ехать в Черепановский район – заказчик не стал отказываться от моих услуг, к тому же предварительная договоренность у нас имелась. Я отправился в путь около половины шестого утра, размышляя о том, что, устраивая себе подобный фриланс, я все-таки рассчитывал на несколько иной режим работы – то есть, чтобы вставать попозже... Часов в десять хотя бы...

Когда я возвращался (было уже обеденное время), мне позвонила Таня. Как и вчера, у нее было срочное дело, не терпящее отлагательств. Только теперь это никак не было связано ни с Эльвирой, ни с возможными проблемами от охотников за американским письмом... С которым я пока так и не решил, как поступить.

Так вот – Тане нужно было срочно вылетать в Москву по служебным делам. И против этого было сложно возразить – она сейчас замещала начальницу отдела, и некоторые вопросы требовали решения именно на этом уровне.

– Надолго это? – спросил я.

– Не особенно, – ответила Таня. – До конца недели, в субботу постараюсь прилететь обратно... Андрей, меня уже отпустили собираться... Ведь ты же отвезешь меня в аэропорт? Можно было и не спрашивать... Конечно, отвезу. Конечно,

но, глупо использовать автобус как малолитражку, излишне часто гоняя его порожняком, но уж Таньку в аэропорт не отвезти...

* * *

Я вернулся из аэропорта в пустую квартиру, прошелся по комнатам, и понял, что мне стало грустно. Скучно. Телевизор включать не хотелось – там уже много лет ничего доброго не показывают. Сплошные политики и прочие прокладки. Татьяна давно поднимает разговор, что есть смысл отказаться от телевидения вообще, раз мы его не смотрим... Или почитать что-нибудь, отец мне почти всю свою библиотеку прислал... Куприн, Лесков, Чехов... Китс, Шелли, Байрон... А на задней полке кое-кто покруче: Монтень да Шопенгауэр... На бегу это читать невозможно... И вникать, когда у тебя голова забита черт знает чем – тоже. Но когда же у меня будет время и возможность для самообразования? – а то самому ведь иногда противно становится: вроде человек с дипломом инженера, а интеллекта как у недоучки... Работы в ближайшее время не ожидалось, звонить американцам на предмет сразиться в покер было тошно, поэтому я принял конформистское решение – положил на тумбочку «Опыты» Монтеня и отправился за пивом. Но не успел даже выйти на улицу, как прямо у подъезда был остановлен двумя парнишами в черном. «Шо вам таки, парниши, надо?»

– Вы Маскаев Андрей Николаевич? – спросил один из них.

– Я – это он, – ответил я.

Парниши в черном шутку не поддержали.

– Уголовный розыск, – сказал один из них, сунув мне под нос корочки. Я ожидал чего-то подобного, поэтому не стал дергаться и задавать глупые вопросы типа «а в чем, собственно?..». Просто чуть задержал руку сотрудника с удостоверением, чтобы успеть прочесть и запомнить, как зовут моего нового знакомого.

Его звали Виталием Парамоновым. А был он старшим опером из оперативно-розыскной части отдела по расследованию тяжких преступлений против личности. Неофициально эта структура называлась, как все, наверное, знают, «убойным отделом», хотя, как я слышал, самих стражей порядка уже давно колбасит от такого прозвища.

Я предполагал, что меня доставили в управление из-за истории со Столяровым, и потому слегка удивлялся. Ведь следователи принимают дела от оперов, а отнюдь не наоборот.

Но дело было не в том убийстве. И даже не в загадочном исчезновении некоего ранее судимого (видимо) гражданина в районе Шатунихи. А в том, что не далее как сегодня ночью на одной из оживленных улиц города был обнаружен автомобиль «субару-легаси Б4» черного цвета, в котором сидел его владелец – некий Буканцев Артем. Этот человек был мертв. Его убили неустановленным холодным оружием ориентиро-

вочно в девять часов вчерашнего утра. И что интересно, среди прочих абонентов его мобильного номера оказался именно Андрей Маскаев, причем Буканцев общался с ним всего лишь несколько дней назад. И бумажка с моим адресом нашлась в его машине, а это вряд ли могло оказаться простым совпадением.

Разумеется, Парамонов со товарищи мне так сразу это не выложили. Сначала они в не слишком вежливой форме попытались выяснить, где я был вчера утром с восьми до десяти часов утра, но я им сказал сразу и честно, что находился я в за пределами города, и при этом там со мной непосредственно общались как минимум три человека, граждане иностранного государства. А еще я заходил в лавку господина Семужного. Да, и заправлялся на трассе – меня могли запомнить, а если надо, я могу поискать чек, он, наверное, валяется дома или в машине.

После этих моих слов оперативники стали приветливее не намного. Они не обрадовались. Возможно, даже напротив, они были очень недовольны тем, что у меня оказалось нечто вроде алиби. Однако это волшебное слово так никем и не было произнесено. Вместо этого они путем разных формулировок попытались выяснить, какие связи я имею в местных ОПГ, в каких именно и какие функции там выполняю.

В общем, про смерть Артема Буканцева я узнал только часа через полтора, когда опера хоть немного, но убедились в том, что я вряд ли гожусь для немедленного помещения в

кутузку. Меня угостили стаканом теплой воды, предложили дешевую сигарету, а потом посоветовали хорошенько подумать и сообщить «во избежание проблем», какие у меня были отношения с убитым.

Хотите – верьте, хотите – нет, но у меня не было ни малейшего желания рассказывать ни про угрозы в адрес Татьяны со стороны Артема, ни про недавний захват Буканцева с помощью моих арендаторов и последовавшую затем сцену на даче. Я прикинул, что два последних момента точно тянут на статью 127, часть вторая, пункт «а» – от трех до пяти. Да плюс еще 166-я «угонная». Там еще есть часть четвертая, где сказано про применение насилия, опасного для жизни или здоровья. Так что если вы, прежде чем забрать чужое авто, вырубите водителя путем долбания его по затылку, ушлый прокурор вполне может потребовать двенадцать лет общего режима и будет совершенно прав...

Врать мне пришлось недолго. Делать это я умею хорошо, и не совру, если скажу, что научился сам верить в свою ложь, по крайней мере, на тот момент, пока излагаю искаженные версии фактов. Кроме того, я был почти уверен в том, что американцы вряд ли выставят меня под обвинение, а сам Артем уж точно ничего не расскажет. Виталий Парамонов сердито дымил никотином и рисовал каракули на листе бумаги. К сожалению, протокол он тоже нарисовал. И в нем были мои ложные показания, за которые я мог бы понести ответственность... Но не собирался этого делать.

– ... А он-то сам, этот Буканцев, кто такой? – спросил я, когда опера окончательно убедились в том, что я не та рыба, которую можно прямо сейчас кидать на сковородку.

– Я думаю, тебе этого лучше не знать, – проворчал Парамонов, выписывая мне пропуск.

...Я ожидал, что про меня вспомнят мои арендаторы, но не думал, что это случится так скоро. Около семи часов утра позвонил Ричард Бэрримор и без долгих предисловий заявил:

– Андрей, у меня есть предложение. Есть работа. Нам нужен водитель с такой машиной, как у тебя.

Так. Учитывая, что от некоторых клиентов я был вынужден отказаться, и денег у меня негусто, надо бы согласиться. Но слова Павла я помнил очень хорошо: «как только они подкатят к тебе с каким-нибудь предложением, пусть даже безобидным на первый взгляд, постарайся разобраться, чем оно в будущем может для тебя обернуться. В крайнем случае можешь даже позвонить мне.»

Павлу звонить уже невозможно. Искренним человеком его тоже сложно было назвать. Но не идти же неизвестно кому в ихнюю «церковь» для консультаций! Особенно после того, что рассказала Эльвира.

– Ричард, мне нужно подумать, – сказал я. – Хотя бы до вечера.

Бэрримор без особого восторга дал мне возможность потянуть время, а я тем временем направился завтракать. По

дороге на кухню до меня донеслась тревожная трель брелока автомобильной сигналки, и одновременно с улицы послышались завывания. Обычное дело! Правда, на этом микроавтобусе еще ни разу не было ложных срабатываний. Я не спеша подошел к окну, готовясь уже отключить ревуны, но тут увидел, что тревога-то вовсе не была ложной! Какие-то два отморозка пытались отломать зеркало заднего вида.

Я приоткрыл окно и громко заорал, не стесняясь в выражениях. Отморозки задрали свои физиономии, на секунду прервав занятие, но не убежали, а принялись отрывать зеркало с удвоенной энергией.

Вот мерзавцы! Я схватил стоящую в углу прихожей обшитую металлическими лентами рукоятку от хоккейной клюшки, заготовленную как раз на какой-нибудь подобный случай, и распахнул двери квартиры – внутреннюю и наружную, такие же, как сейчас почти у всех.

И был немедленно вброшен внутрь сильнейшим ударом. Упал я неудачно, прямо на спину, задрал ноги и пребольно ударившись обо что-то правым локтем. Но тут же сгруппировался и метнулся в сторону. Вовремя! Первый из ворвавшихся в квартиру наладился было мне ботинком между ног, а такой удар оставляет мало шансов на успешную оборону.

Даже если драться один на один. Но тут дело было хуже. Со мной пришли разобраться сразу трое, плечистых и крепких. Орудовать колющими у меня опыт большой, но не в

тесном помещении квартиры в панельном доме. Я попытался ретироваться в комнату, чтобы вынести оконное стекло и привлечь внимание: бог с ним, со стеклом – здоровье дороже.

Вероятно, второй из нападавших просек что-то подобное, поэтому он, перескочив через меня, буквально влетел в дверной проем, рухнул на пол, но тут же вскочил и встал в боевую стойку между мной и окном. Стоя у стены, я крепко сжимал в руках клюшку. И как только этот парень сделал выпад, я легко двинул своим оружием ему по клешням. Он с воплем отскочил.

Из прихожей доносились металлические щелчки – замыкающий запирает дверь. Сию же секунду тот, который врывался первым, тоже впрыгнул в комнату. Этот был здоров как кабан, и я его встретил колющим в солнечное сплетение. Раздалось громкое хрюканье.

Я отбил вторую атаку со стороны окна, неудачно свалив монитор со столика, находящегося у меня за спиной. Кабан предпринял еще один бросок, и я попытался достать его рубленным по физиономии. Мужик легко уклонился, клюшка долбанула его по плечу, не принеся никаких повреждений.

Третий пока так и не подключился – уж очень тесно было тут для хорошей драки. Мне стало ясно, что парень у окна менее опасен, чем здоровяк, поэтому я еще раз двинул с пол-оборота ему по рукам, и вознамерился поработать с крупным детиной как следует.

Но мне не довелось этим заняться. Кабан уже держал в руке пистолет Макарова. Складывалось впечатление, что я попал.

– Положь палку и сядь, – спокойным тоном сказал детина.

Я отпустил клюшку и, стараясь не поворачиваться к бандитам спиной, сел на стул возле компьютерного стола. Тем временем третий тип куда-то исчез. Были слышны его шаги со стороны кухни, щелканье шпингалетов...

– Никого больше, – сказал он, входя в комнату.

– Где твоя жена? – спросил кабан.

Такого вопроса я не ожидал. Вооруженный, немолодой уже мужик с седеющими висками, круглой розовой физиономией и носом, действительно похожим на свиной пятак, одетый в серую ветровку, уселся на кровать и стал ждать ответа. Габаритами он немного походил на давешнего верзилу по кличке Курач, которого мы с Таней повстречали в медицинском центре «Серватис». Вернувшийся из кухни замыкающий, на вид лет тридцати, был облачен в зеленоватый камуфляж, выправка его, возможно, была приобретена в войсках, но морда тоже кирпичка просила. И он, стоя у двери, тоже ждал. Третий, маячивший у окна, выглядел самым молодым из троицы – парню было года двадцать три. Он был завернут в какое-то подобие «аидаса» и походил то ли на хулигана «с района», то ли на автомобильного перекупщика. Впрочем, и он поглянулся весьма крепким и выносливым. Морщась и потирая ушибленные и ободранные кисти рук,

он, видимо, тоже ждал, что я скажу. У меня сложилось впечатление, что я его уже однажды видел. Вот только где и когда?

– Она уехала, – сказал я честно.

– Куда? – спросил кабан.

– К родственникам в Нижний, – солгал я. – Вчера поздно вечером, – добавил я немного правды.

Свиномордый и камуфлированный переглянулись.

– Че врешь-то? – послышалось со стороны окна.

Где же я видел этого типа? Уж не на собрании ли евангелистов в ДК Островского?

Свиномордый только покосился недовольно туда – «не лезь, когда тебя не просят»... И опять обратился ко мне:

– Почему она уехала?

– Ну, проблемы там у ее родителей... Помочь надо. С родней опять же ситуацию разрулить... Зачем вам она понадобилась? Я за нее. По всем вопросам лучше обращаться ко мне.

– Мы сами знаем, к кому лучше обращаться, понял?!.. В общем, слушай сюда. Тут такие косяки за тобой, что тебе будет лучше раз и навсегда за них постараться ответить.

– Какие косяки? – я пытался держаться спокойно. Не знаю, насколько хорошо это у меня получалось. Но в любом случае, как здорово, что Танька вчера улетела из города! Окажись она здесь сейчас... Словом, самого главного аргумента в разговоре со мной у бандитов не было. Хотя товарищ

Макаров – тоже аргумент более чем достойный.

– Кислого знаешь?.. Ну не ври, это наш человек. Он должен был у тебя кое-что забрать. Вместо этого его нашли с дырой в затылке. Ясно, что без тебя тут не обошлось. В общем, ты должен сказать, что у вас там случилось.

Пожалуй, эти ребята не лучше ментов будут...

– Не знаю я никакого Кислого. Что вы говорите, мужики: ну какой я киллер? Я простой водила с высшим образованием.

– Слышь, Гуцул, а может, он правда не знает? – вдруг спросил молодой.

– Короче, в прошлый понедельник вечером ты где был? – спросил свиномордый Гуцул.

Да, где я был в тот понедельник, лучше не вспоминать... Хотя, почему же?

– На дачу ездил свою. Там у меня дела с квартирантами. Нужно было кое-что им отдать.

– Что там у тебя за дела?

– Мужики, это мои дела! – рискнул я немного поднять шерсть. – Сдаю дачу деловым людям. И с вами вроде не должен был пересечься...

– Ты кого-нибудь там встречал? – перебил кабан. – Кроме твоих «деловых людей»?

– Нет, – ответил я, постаравшись вложить в интонацию как можно больше убедительности.

– Врешь же, ёмана... – Лымарь, принеси че-нибудь с кух-

ни, – обратился он к человеку в камуфляже.

Тот, кого звали Лымарь, некоторое время гремел там посудой, потом притащил топорик для мяса. И этого мужика я тоже ведь где-то видел...

– «Четыре комнаты» смотрел? – спросил свиномордый. – Смотрел, наверное... Если будешь врать, пальцы как стручки отлетят...

С этих станется...

– Я говорю: не видел! – повысил я голос. Изобразить страх мне было нетрудно.

– Но ты же не отдал своим квартирантам что им было надо, ага?

– Да я по ошибке схватил не тот пакет, – достаточно честно произнес я, лихорадочно соображая насчет утечки информации. – И мы это поняли, только когда я приехал на дачу и показал его там.

– Значит, говоришь, никого там больше не было?

– Да, никого!

Повторюсь – врать я умею. Не умел бы, так не факт, что вообще дожил бы до этого момента – в любом из эпизодов моей биографии, какие недавно перечислял Артем, были такие моменты, что только беспардонным враньем можно было спасти свою шкуру.

– Где сейчас то, что ты должен был отдать?

– Да у нас кто-то спер...

– Опять врешь... Лымарь, махни-ка ему топором по

клешне...

– Здесь все бумаги...

– Кто бы сомневался... Где?

– Сейчас достану... Я начал отрывать зад от стула.

– Сиди... Говори, где. Сами возьмем.

– Вон в этой тумбочке. Там папка прозрачная сверху лежит...

– Слышь, Студент? – обратился главный к парню у окна. – Достань, че он говорит.

Я про себя подумал, быстро они меня убьют, когда убедятся, что я распотрошил конверт, или нет.

Впрочем, свиномордый убрал пистолет под куртку, но при этом сделал какой-то знак рукой Лымарю. Проверять путем резких движений, что означает этот жест, я даже не рискнул.

«Студент», похожий на гопника или перекупщика (нет, определенно я его должен был раньше встречать!), полез в тумбочку и достал оттуда папку.

– Держи.

Главарь открыл папку, с сопением извлек вспоротые конверты и их содержимое.

– Че, любопытный, да? – спросил он недовольно. – Пиндосы твои тебя же убьют за то, что ты зыришь в их бумаги.

– Если ты им расскажешь, – решил я немного понаглеть. Почему-то после этих слов я решил, что эти меня убивать не станут. По крайней мере, прямо сейчас.

Гуцул скривился, изображая что-то вроде нейтральной

улыбки.

– Студент, иди сюда... Че это за книжка?

Студент подошел, взял у босса брошюру и без малейшей заминки перевел название.

– А про че там пишут?

Студент открыл первую страницу и заговорил нудным голосом:

– Данное поручение предназначено для изучения э-э... штатными сотрудниками с третьего по первый уровень включительно, работающих в странах с э-э... нестабильной обстановкой, высоким уровнем коррупции и преступности. Наши специалисты изучили несколько реальных ситуаций и на их основе э-э... вывели... Слышь, Гуцул, это точно фигня какая-то.

– Ладно, хорош! А на конверте че написано?

Студент перевел и это. Гуцул тем временем просмотрел карты и тоже восхитился качеством их исполнения, щелкнув языком и покачав головой.

– А это какие-то буквы, да? – спросил он, передавая Студенту ключ.

– Ну, буквы... И значки какие-то. Слоговая азбука, вроде хираганы или катаканы, – в момент сориентировался Студент.

– Ты это... Не умничай, – проворчал Гуцул. Прочитать сможешь?

– Нет. Это не текст, а скорее таблица правил произноше-

ния... Или что-то подобное.

– Фуфло, короче, какое-то... Слышь, ты? – вспомнил Гуцул про меня. – Ты тут ведь все изучил? Для чего-то это все нужно ведь было твоим пиндосам?

– Ну они же церковники, сектанты... Наверное, собираются и дальше по Сибири свое влияние как-то расширять. Не знаю.

– Н-да? – Гуцул еще раз заглянул в конверты, пошарил в папке. – Студент, глянь-ка обратно в тумбочку, может там еще что-то интересное завалялось.

Черт бы их подрал...

– Ага! – радостно воскликнул Студент. – Тут еще бумаги с такими же знаками есть!

– Ну-ка, давай!

Студент вручил Гуцулу результаты моей ночной работы. Со значением посмотрев на меня исподлобья, бандит зашевелил губами, проговаривая вслух изыски неизвестного автора в моем переложении.

– И че это такое? – обратился он, по всей видимости, одновременно ко мне и к Студенту.

Я решил проигнорировать вопрос. Студент заявил, что это может быть все что угодно.

– А не может ли это быть... Ну, чем-то вроде подсчета расстояний по карте? – практически впервые подал голос Лымарь.

– Может, – быстро ответил Студент. – Но в наше время

такой подсчет бессмыслен.

– Это почему? – спросил Гуцул.

– Ну хотя бы потому что непонятно, где находится исходная точка. Какое расстояние проходят за день пути, абсолютно неясно. Конь томский – вообще загадка. Никакой конкретики. Возможно, древняя тайнопись, которую чтоб хоть немного понять, нужны мозги филолога или историка. А то и вообще быличка.

– Хреново, – разочарованно протянул Гуцул, вытаскивая сигареты. Глядя на него, и я взял свою пачку, благо она лежала недалеко – на столике рядом с поваленным навзничь монитором. Пепельница находилась на тумбочке, далеко и идти не пришлось. Студент и Лымарь тоже нацелились курить... Кажется, я понял, где видел раньше этих типов!

– Где Гена Ратаев? – спросил Гуцул, уставившись на меня сверлящим взглядом.

Этот тип имел привычку задавать неожиданные вопросы, не хуже чем шеф гестапо Мюллер!

– Сам бы хотел знать, – спокойно произнес я, выдыхая дым.

– Зачем, если не секрет?

– Зачем? – И тут я слегка сорвался. Потом, конечно, я себя убеждал, что сделал это нарочно, но все мы любим врать себе постфактум: – Да затем, чтобы замкнуть на кого-то все то, что сейчас пытаются свалить на меня! Вашего... как его... Кислого! Все эти наезды от ментов! Я вообще был не при де-

лах, забирайте эти бумаги и я вам больше ничего не должен!

– Ну-ну, ты это... Не гоношись, чувак! – заговорил Гуцул. – Ты полюбас влез по уши, и теперь тебе просто так не выйти.

– Это с каких таких щей? – спросил я.

– С таких вот. Во-первых, ты слишком много уже знаешь.

– Во-вторых, – вдруг веско сказал Лымарь, – у тебя тоже есть интерес в этом деле.

– Чего пугать-то? – грубо сказал я.

– Никто тебя не пугает, – сказал Гуцул. – Поможешь нам – мы поможем тебе. Тут реальные деньги. Лям баксов тебе никто не обещает, но старость себе сможешь обеспечить. Хотя бы частично. Ну, а если будешь мешать... Сам понимаешь.

– А если я не собираюсь ни помогать, ни мешать? – зло проворчал я. – Забирайте, говорю, эти бумаги, они мне не нужны...

– Так не получится, – это уже заговорил Студент. – Ты уже повязан. Может, ты этого и не хотел, но так получилось. И никуда тебе от этого не деться.

– Ну и как вы себе эту помощь представляете? Я ведь не знаю ничего. Ни про Геннадия, ни про эти, как их там... былички.

– У тебя с твоими пиндосами хорошие отношения? – спросил Гуцул.

– Не особенно, – сказал я. – Они мне не верят.

– Ну, это плохо, конечно... А почему?

– Да откуда я знаю? Одно время я даже в карты с ними играл, а тут что-то произошло, и они меня больше не приглашают, и вообще никаких дел иметь не хотят.

– Да ладно, – произнес Гуцул. – Это все временно. У них тут никого нет, кроме тебя. Подумают, и снова к тебе обратятся. Попросят для начала какой-нибудь мелкой помощи, потом еще что-нибудь. А ты про все их дела будешь потом нам говорить. То есть, мы хотим знать все, что будут делать американцы. По крайней мере то, про что ты сможешь узнать... Но ты не ссы, я не думаю, что тебе придется постоянно напрягаться. Зато вот если вдруг Гена объявится, а ты об этом узнаешь, и мне не скажешь... Твоя жена ведь всяко-разно от родни рано или поздно вернется, ага?

Я сделал неопределенное движение плечами. Черт их знает, насколько эта бригада опасна... Нет, что она опасна как белая акула – это и к бабке ходить не надо – башку откусят и не подавятся. Я имею в виду другое – насколько у Гуцула крепкие «подвязки» и с кем? С одной стороны, бандюки из лихих девяностых вроде как действительно должны были уйти в историю, но организованную преступность ведь никто не отменял. Одно дело – сдать ментам пару трусливых «форточников», и совсем другое – официально заявить на группировку наркоторговцев или угонщиков дорогих тачек, приложив доказательства. За это и побить ведь могут... Да и не только побить. Не зря же он про Татьяну намекал. Она уже пару раз имела неприятности из-за моих делишек, и это-

го уже более чем достаточно.

– Ну ладно. Вроде бы все решили, ага? – проговорил Гуцул.

– Ага. И чего было врываться как... – я замолчал, не в силах подобрать сравнение. Еще скажу что-нибудь не то.

– Ну, продолжай, что ли, – подбодрил Лымарь.

Я промолчал. Студент хихикнул и, присев на корточки, задал окурок в пепельнице. Затем поднял упавшие на пол «Опыты», удивленно взглянул на меня, но ничего говорить не стал – просто положил книгу на стол.

– Забей телефон Лымаря, – тоном, не терпящим возражений, потребовал Гуцул. – Если что, звони. И не занимайся ерундой. Будешь на две стороны работать, лично на куски распилю... Ну так, пошли что ли?

Славная тройца нацелилась на выход.

Гуцул на секунду задержался.

– Слышь, Студент, а ведь надо забрать эти пиндосские бумаги! Тем более что тут какой-то перевод есть... Ты сам переводил, ага? – обратился Гуцул ко мне.

Я сделал неуверенное телодвижение.

– Да конечно сам... Ты ж чувак умный... Давай-ка сюда, думаю, не будут лишними... Ну ладно, иди потихоньку, дверь закрой за нами... Думаю, ты все понял? – спросил на прощание меня Гуцул.

Хотя прощания как такового не последовало. Три джентльмена удачи покинули квартиру, и я мог только ра-

доваться, что пока ничего непоправимого не произошло. Во всяком случае, я не получил ни царапины, а что касается бумаг... Зря, что ли, умные люди придумали компьютер и сканер?

Расслабляться было некогда – я подбежал к окну, пытаюсь разобраться, в какую машину сядут мои визитеры. Ага, вон они – усаживаются в серую «хонду-ЦРВ» в новом кузове... Ах, ты дрянь – а ведь отморозки-то скрутили зеркало с моей «тойоты»!

В эту случайность я поверить не мог. Отморозкам, вернее всего, местным наркоманам, подкинули идею заняться «хайсом» именно мои утренние гости, так, чтобы заставить меня открыть дверь квартиры.

Визитеры тем временем укатили разруливать очередные дела. Интересные парни, надо сказать. Гуцул – конечно, бычара, но уже обрел своего рода мудрость. Уголовную, естественно. Лымарь, пожалуй, недалек, но обстановку просекает очень четко. Студент – вообще экземпляр. Эрудированный и неглупый для простого гопника, хотя и похож внешне на хулигана с городской окраины. Я в конце концов вспомнил, где видел Лымаря и Студента прежде. Они был запечатлены на той фотографии в альбоме Веры Павловны, Татьяниной тетки. Именно они провожали (или сопровождали) однажды Геннадия, находясь рядом с ним на перроне нашего вокзала. Там был еще третий, крупных размеров мужчина, снятый со спины. На Гуцула, пожалуй, похож... И еще ведь

кто-то и зачем-то сфотографировал всю кодлу. Сама Эльвира? Но я пока не мог взять в толк, насколько важна для меня эта информация.

Важно пока было лишь то, что я действительно попал. Банда каких-то мерзавцев, наверное, «черных копателей», решила «подвязать» меня для своих темных делишек, почти не оставив мне возможностей для маневра. Геннадий Ратаев, наверное, действительно раскопал где-то в наших краях нечто очень ценное, раз за ним открыли охоту подобные пираты. Да и не только пираты. Заокеанские эмиссары тоже вон как интересуются. Да и Павел, покойничек, прямо весь как на пружинах был. Кстати, надо будет действительно позвонить Бэрримору, сказать, что я согласен ознакомиться с условиями работы. Только не сейчас, а как договорились, ближе к вечеру. Сейчас мне предстояло еще кое-чем заняться.

* * *

Сидя за рулем, я размышлял о бренности и скоротечности человеческой жизни. Из-за каких-то документов, даже не оригинальных, расстались с жизнью уже три человека. Уголовник Кислый, сектант Павел и вот теперь – член еще какой-то группировки по имени Артем. С Павлом, очевидно, расправились эти «археологи», которые приходили ко мне с визитом, а кто тогда уколошил Артема? Они же? Наверное, больше некому. Пока я с ними не познакомился, подо-

зревал даже моих миссионеров. А с другой стороны, что тут невозможного? Методы и повадки у них довольно резкие, даром что называют себя евангелистами. А если они (что гораздо больше похоже на правду) – темные культисты, то запросто могут принимать «нетривиальные» решения. Странно только одно – не слишком ли они бесстрашно действуют на территории Российской Федерации? Ни одна полиция мира не любит, когда кто-то истребляет людей, пусть даже и не совсем законопослушных. И ни одна спецслужба не выносит, когда соплеменных граждан начинают отстреливать иностранные подданные. Тут может вылезти все, что угодно, вплоть до международного скандала и обвинений в пособничестве террористам. Может, они вовсе никакие не американцы? Откуда я, собственно, знаю, что они иностранцы? Вдруг они такие же местные джентльмены (и леди!) удачи, типа Гуцула и компании? Или все-таки птицы более высокого полета? Вышли они на меня в какой-то уж очень ключевой момент, вот только я пока не могу понять, где же тут «ключ».

В общем, голова была забита черт знает чем, но я не виноват. Я честно пытался разобраться в том, что происходит вокруг меня, и не находил ответа. Легче всего было бы, конечно, залечь на дно, однако бандиты мне вряд ли дадут спокойно спать. Да и арендаторы – тоже. Кроме того, мне нужно работать. А на кого – какая, в сущности, разница?

Вера Павловна приняла меня, как и прежде, чуть радушно, чуть равнодушно. К Тане она явно больше благоволила,

но когда я заявил, что очень хотел бы найти Геннадия и (в числе прочего) намекнуть ему, что нельзя уезжать вот так, ни слова не говоря родной матери, я стал для нее гораздо более милым человеком, чем был до этого. Мне был даже предложен стакан домашней наливочки, но я, что вполне понятно, отказался. Я приехал к Вере Павловне лишь с одной целью и, слегка подольстившись, этой цели добился. Фотографию Павла и бандитов на перроне я получил в свое распоряжение. Кроме того, я получил в подарок тонкую книжку под названием «Рыцари московского леса» – Геннадий, выходит, не только диссертацию о сибирских ханах писал. Оказывается, он популяризовал какие-то свои исследования, пересказал материалы своих монографий и, получив небольшой грант, издал их тиражом в тысячу экземпляров. Москва и тамплиеры. Происхождение слова «Россия». Сокровища рыцарей и упадок Золотой Орды... Можно будет даже почитать на досуге, вдруг окажется интересно.

Прежде чем навещать Эльвиру, я отсканировал снимок и загнал его электронную копию в один из файловых архивов в интернете, где уже лежали сканы содержимого американского письма, шифра из подполья и моей расшифровки. В очередной раз подумал, что если бы руководство солгулианского общества передало документы своим эмиссарам через глобальную сеть в электронном виде, можно было бы избежать всех этих трупов и прочих коллизий. Хотя, карты, да... Чтобы распечатать их в таком виде, с таким качеством

и разрешением, обычный принтер абсолютно не годился, даже с маркировкой «Про». Это надо размещать заказ в хорошей типографии, желательно проверенной. Но печатник или хозяин типографии запросто может сигнализировать «куда следует» – сейчас, говорят, опять мода появилась на подобную «бдительность». Пожалуй, только ради этих карт можно было пересылать через океан обычное письмо. Ну и ради шифра, что вполне возможно. Мало ли на каких серверах какие дешифраторы работают: сейчас цифровые технологии и 16-значные пароли как орехи щелкают, не говоря уже обо всяких PGP-ключах и примитивном сжатии текстов внутри цифровых фотографий. Расколют методом случайной выборки архив, будучи в поисках экстремистских или контрафактных материалов, ничего особенного там не найдут, да забудут где-нибудь в хранилище файлов. Потом поисковый робот случайно проиндексирует документ, а затем – глядишь – какой-нибудь специалист по древней криптографии выложит на сайте как образец шифра времен Петра Первого на общедоступном форуме. И всё – секрета больше нет.

Я остановился возле здания «Серватиса», вышел из машины и не спеша вошел в холл, уверенный, что меня хотя бы пропустят в палату. Еще когда я ехал к Вере Павловне, мне позвонила Таня из Москвы, заявив, что все у нее в порядке, что квартиру для проживания ей забронировали и притом неплохую, и что она уже соскучилась. Сказав несколько приличествующих слов, я попросил номер телефона Эльви-

ры, и Таня с готовностью скинула мне на телефон электронную «визитку». Дозвониться я, к сожалению, не сумел, номер оказался недоступен, но это и было понятно...

Девушка-регистраторша, когда я сказал, к кому собрался пройти, выпучила на меня голубые глазки:

– Но вы же не предупреждали! И потом, вас никто не приглашал!

Она почему-то очень нервничала. Я изобразил добрую улыбку и произнес:

– Ничего страшного! Я просто не мог дозвониться, очевидно, ее телефон просто выключен... Вы, пожалуйста, передайте ей, что я бы очень хотел с ней поговорить и кое-что передать...

Лучше быть лицемерным, чем некорректным. Я помахал тоненьким букетиком хризантем. Ясно, что цветочки не от чистого сердца, а из корыстных побуждений, но все-таки мне действительно было жалко Эльвиру. Не по проступку она оказалась наказанной.

Вдруг из-за угла в холл вышел здоровенный мужик, которого, кажется, называли прозвищем Курач. Он посмотрел на регистраторшу, потом на меня и на букетик в моей руке, придвинулся к стойке и прогудел:

– Слышь, Анют, че ему от тебя надо?

– Ничего, – ответила Анюта. – Он вообще к пациентке в стационар пришел...

– Н-да? – с сомнением в голосе протянул Курач. – Это к

какой пациентке?

Девушка вдруг пошла красными пятнами.

– Ну какая разница, к какой? Лежит у нас во второй...

– Че-т мне сдается, не к пациентке он пришел... Можно подумать, я не знаю, кто там в стационаре лежит...

– Послушай... Ну не можешь ты всего знать! – Аня начала раздражаться.

– Ты че это, ваще что ли? – Курач искренне удивился то ли подобному заявлению, то ли подобному тону. И переключился на меня: – Ты ваще кто такой?

Я не привык, чтобы со мной так обращались в медицинских учреждениях, хотя бы и в частных. Да и не только. Конечно, габариты у меня значительно скромнее будут, но я все же ответил вопросом на вопрос:

– А ты че тут, основной что ли? Мазу держишь, типа?

Вероятно, если бы ухажер регистраторши не имел на правой руке внушительной повязки из бинтов, я бы ответил чуть полегче. Курач начал соображать, как ему поступить дальше. Обстановка стала резко обостряться. Я на всякий случай приготовился уходить от ударов левой, но тут в холл вышел специалист по ремонту клешней. Он быстро определил, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля.

– Курач, – позвал он. – Ты нам всех пациентов распугаешь.

– А че он, пациент, что ли?..

– Так, пойдём-ка со мной...

– А че, ведь все уже сделали...

– Не все, забыл тебе мазь дать.

Врач и его суровый пациент скрылись за углом. Аня тем временем с кем-то быстро переговорила по телефону и, положив трубку, обратилась ко мне с вымученной улыбкой:

– Вы знаете... Мельниковой стало хуже, к ней сейчас нельзя.

– Какая жалость, – сказал я практически искренне.

– Возьмите, пожалуйста, визитку, – с натянутой, виноватой улыбкой протянула мне Аня карточку. – И можете оставить ваш номер. Если будет необходимость, мы вам позвоним сами.

Ага, позвоните вы, как же...

Но свой номер я продиктовал. И визитку забрал. В обмен на пучок хризантем – не пропадать же добру. Ладно, не спрослось сегодня увидеться, в другой раз повезет больше.

На крыльце я приостановился, закуривая. Поглядел сквозь слегка затонированные стеклянные двери в холл. Свет заходящего солнца падал в помещение так, что можно было хотя бы немного разглядеть с улицы, что происходит внутри. И я увидел, как Аня вороватым движением отправляет букетик в урну. Наверное, чтобы ревнивый Курач не заподозрил опять неладное. Вот же бывают пациенты в дорогих лечебных центрах!

Я вернулся домой, в пустую и тихую квартиру. «Опыты» Монтеня сразу бросились мне в глаза, но сейчас меня больше

интересовали исследования Ратаева. Однако вместо книги про рыцарей и Москву я открыл на компьютере папку с фотографиями, сканами и набросками, которые касались моих арендаторов и Гены Ратаева, специалиста по сибирским ханам кучумам...

«То зара кусума однажды Андреем отъято»... Какого там «зара»! И какая там «кусума», японна мать! «Царя Кучума» – вот что там написано! «От царя Кучума однажды Андреем отъято». Строчка вдруг сразу приобрела смысл. Да и четверостишие (если это были стихи) тоже стали как-то более понятны. Некто в стародавние времена рассказал о чем-то, чем владел последний сибирский хан, и что «отмел» у него некий Андрей... Почему Андрей? С ханами вроде как Ермак воевал – а его по-настоящему звали Ермолай Тимофеевич, если я не ошибаюсь. Я открыл несколько страниц в интернете, прочитал три-четыре статьи про Ермака, про сибирских ханов, в том числе и про последнего, которого разгромил русский генерал Андрей Воейков где-то в районе нынешнего села Ордынского...

Было о чем задуматься.

Я открыл скан фотографии Геннадия и провожающих его официальных лиц. Поглядел на руки, сложенные за спиной у громилы. Попробовать рассмотреть получше, что там у него набито? Загрузив изображение в фотошоп, я увеличил этот фрагмент и, как мог, постарался «вытянуть четкость». Татуировка. Вроде череп. То ли с крыльями, то ли с рогами. На-

вряд ли воровская. Скорее, последствия молодежных увлечений.

...Бэрримор взял трубку сразу же, словно смотрел на дисплей и ждал, когда же высветится мой номер.

– Добрый вечер, Энди!

– Здравствуй, Ричард. Я звоню, чтобы сказать, что согласен. Куда едем?

Сразу выяснилось, что ехать придется пока недалеко и ненадолго. Но это пока. Оказалось, что белый «форд» неожиданно заупрямился, и его пришлось отдать назад в контору прокатчиков для ремонта. Ну, с «фокусами» местной сборки это в порядке вещей, тут американец ничем меня не удивил. Первое задание оказалось совсем простым: съездить в типографию и получить заказ. И, разумеется, доставить его в Шатуниху. Но сегодня этим уже было заниматься поздно, тем более, что надо было срочно где-то искать зеркало, пока не все авторазборы закрылись, и прилаживать его к машине. Так что вечер у меня прошел нескучно, хотя и бессодержательно.

А на следующий день я занялся поручением американцев. В печатной мастерской, носившей гордое название «Полиграфический центр «Мегапринт» мне выдали шесть больших листов с полноцветными распечатками. Я поглядел – мама дорогая, это ж те самые карты! Карты, которые лежали в конверте, присланном из Нью-Йорка, и которые прихватила с собой шайка Гуцула... Седьмой лист, поменьше, тоже

был мне знаком – ключ к старинному слоговому шифру. Вот же действительно контора у них! Наверняка теперь прислали в электронном виде под печать, когда поняли, что до эмиссаров обычное письмо не дошло. Надо было им с самого начала так сделать, глядишь, и трупов было бы меньше... Но, если приглядеться, карты вроде и не совсем те. То есть, изображены-то были те же участки местности, да вот исполнение... И бумага больше похожая на газетную, и разрешение не то, и краски не такие контрастные. Хотя вроде бы аппаратура вся фирменная, германская. Интересно, печатники сообщили об этом заказе «куда следует» или поленились?

Брошюрки с инструкцией, как себя вести в странах с ужасной коррупцией и преступностью, в заказе не оказалось. Разумно. Еще не хватало переводить бумагу. В нашей стране можно действовать только одним принципом – по конкретным обстоятельствам и по текущей обстановке. Никакие инструкции не в силах предусмотреть наших чудес и приключений. Полагаю, мои арендаторы этот урок уже усвоили.

По пути на дачу я забрал в отделении связи посылку, и доставил ее вместе с бумагами в Шатуниху. Остановился прямо возле ворот с надписью «Русская миссия всемирной евангельской церкви нового завета» и только головой покачал, вспоминая в очередной раз покойного Павла: «Ибо люди эти – лжеапостолы...» Эх, Павел! Хоть ты и сектант, и конформист, и карьерист одновременно, а ведь с тобой можно было бы сесть и поговорить, подумать, как поступить... Я совер-

шенно не мог взять в толк, что мне делать дальше. Американцам я не доверял – это совершенно чужие мне люди, да еще и с темными намерениями, а развязаться с ними теперь очень трудно. Бандиты – еще не лучше. От этих вообще отделиться невозможно. И Татьяна уехала. С одной стороны – хорошо, что уехала, по крайней мере, с ней ничего не случится, пока она в Москве, а с другой – мне очень не хватало сейчас помощника, союзника.

...Повернув ручку, я открыл калитку и прошел на участок, оставив машину за забором. Раскопки, похоже, продолжались. Два таджика как раз копошились возле сарая... Сколько же времени пройдет, прежде чем миссионеры-эmissары догадаются забраться под дом?

В каминной комнате находилась только мисс Роузволл – она сидела за ноутбуком и порхала пальцами по клавиатуре.

– Ваш заказ, – сообщил я и выложил бумажный ворох на диван.

– Спасибо, Энди, – певуче произнесла Кэсси. После памятных приключений она почему-то стала ко мне относиться чуть теплее. Что, конечно, меня несколько удивляло. Казалось бы, все должно происходить наоборот.

– Is it O.K.?

– Конечно. Присядь. Как насчет кофе?

– Не откажусь, – сказал я.

В комнате я увидел вещь, которой ранее тут не было – небольшую кофейную машину, готовящую эспрессо прямо

из зерен. Почти уверен, что подобной техники в нашем дачном обществе больше ни у кого не было. Кому надо тащить на огород подобную роскошь?

Кэсси была сама предупредительность. Сготовила кофе, подала как полагается, сама присела напротив, показав обтянутые нейлоном коленки... Евангелистка вся из себя, понимаешь... Вместо дурацкой власяницы — просвечивающая зеленоватая блузочка почти без рукавов, узкая юбка, красиво обтягивающая бедра. Смотри-ка, косметикой начала пользоваться! Глаза подвела... Глаза, кстати, были серые, а теперь — извольте видеть, зеленые! Очень стильные линзы. И краску рыжую на голове обновила. На самом деле симпатичная бабенка, если приглядеться!

— Я вот что хотела у тебя спросить, Энди... Как ты думаешь, кто нам здесь так сильно может вредить?

Говорила Кэсси по-английски, но подбирала более-менее ходовые слова и не торопилась с изложением мыслей.

— Я знаю про антисектантский комитет. Это некоммерческая организация, которую поддерживает местная власть. Есть церковь с названием, очень похожим на ваше. Ну, а про друзей Артема вы знаете лучше меня. Кстати, его ведь убили, вы это знаете?

Лицо Кэсси слегка вытянулось.

— Получается, что их деятельность тоже не всем нравится?

— Получается, так. Есть еще одна сторона, мисс Роузволл. Это бандиты. Но они действуют не сами по себе, ими кто-

то руководит...

– Зови меня Кэсси... Послушай, Энди, вот еще такой вопрос. К тебе никто не обращался с предложением следить за нами? И потом докладывать обо всех наших делах?

Черт меня побери, но я поперхнулся. И не так чтобы легонько «кхе-кхе», а по-настоящему. Раскашлялся, едва не пролил недопитый кофе. Морда покраснела, глаза заслезинились... В общем, опозорился по полной. Конечно, поперхнуться – дело нехитрое и простительное, но вот надо было этому случиться со мной именно в тот момент, когда Кэсси задала прямой вопрос. На который я хорошо знал ответ, и на который не очень-то и хотел отвечать.

Я извинился, встал, отвернулся и утерся платком. Потом снова извинился и, усевшись на место, осторожно сделал глоток кофе – протолкнуть комок в горле. Мисс Роузволл сделала вид, что ничего не случилось, но ответ на свой вопрос она получила. Врать после такого было бессмысленно. Все равно не поверит.

– Я не буду спрашивать, согласился ты или нет. Если нет, можешь дать им согласие. Только с небольшими условиями... Хорошо?

– Я слушаю, – сипло сказал я.

– Первое условие. Ты будешь рассказывать про нас только то, что я тебя попрошу рассказать. Конечно, сильно лгать не нужно. Но о чем-то умолчать, а что-то добавить, я думаю, тебе не составит особого труда? Верно?

Я промычал что-то похожее на подтверждение.

– Второе условие. Ты мне тоже расскажешь о тех людях, которым нужна информация о нас. О том, кто они такие, что они делают. И самое главное – о том, что они вдруг соберутся делать. Договорились?

Я прочистил глотку и допил кофе.

– Вообще-то, – сказал я, – мне сейчас трудно дать однозначный ответ. Может, позже?

– Я понимаю, – серьезно произнесла Кэсси. – Тебе, наверное, сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Это бывает. Поэтому я не жду от тебя ответа сейчас. Более того, я вообще не могу заставлять тебя соглашаться. Понимаешь?

На лице мисс Роузволл было написано внимание, сочувствие и что-то еще, чему я пока не мог дать название. Но подмигнула она ободряюще. Хотя, может, это значило что-то еще...

– Есть еще условия? – спросил я.

– Может быть. Отложим этот не самый приятный разговор, тем более, что с минуты на минуту должен вернуться брат Ричард. Он встречал брата Дэвида в аэропорту... Да и вообще, нам, наверное, есть смысл поговорить и о других вещах. Не все же только дела обсуждать, верно?

Вот это уже почти прямой намек, или я плохо понимаю по-английски? А Кэсси улыбалась. Она взяла чашку с кофе за ручку двумя пальцами. Но именно взяла, без этих дву-

смысленных потираний вверх-вниз. И просто допила кофе.

– Возможно, – согласился я, изобразив несколько вымученную улыбку. Я плохо понимал, как вести себя с этой женщиной. Нельзя сказать, что она меня пугала или ставила в неловкое положение, но наедине с ней я чувствовал себя не в своей тарелке... В чужой кастрюле, если быть точным. Сейчас прихлопнет сверху крышкой и поставит на плиту. Потом сожрет как кролика. Вот ведь рыжая лиса... Но при этом – нельзя не признать – чертовски интересная женщина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Комментарий Михаила: я тоже читал книгу Геннадия Ратаева о «московском лесе». Его исследования показались мне не слишком глубокими, но весьма любопытными. Они входили в противоречие со многими широко известными «каноническими» пунктами в истории, но факты – вещь упрямая, как говорили мои коллеги еще во времена Тайной канцелярии...

«...Впервые это название замка – «Mosselvas» – мы встречаем в поэме «Парцифаль», принадлежащей перу поэта-тамплиера Вольфрама фон Эшенбаха и созданной в конце третьей четверти XII века. Именно это же название упоминает и Матвей Меховский – польский историк и географ эпохи Ренессанса, профессор Краковского университета, придворный врач и астролог короля Сигизмунда I. Автор медицинских и исторических сочинений, но в первую очередь – величайший картограф того времени. В переводе с латыни «Mosselvas» значит «мужской лесной». «Лесной». Запомним это слово. И подумаем над первой частью названия таинственного замка.

Само слово «Москва» обычно никак не переводят на современный русский язык. Утверждение, что некие безымянные «британские ученые» якобы ведут происхождение на-

звания нашей столицы от старофинского словосочетания не то «коровья вода», не то «медвежий берег», не выдерживает критики. В латинских манускриптах встречается слово «Mosqa», имеющее, в свою очередь, арамейское происхождение и означающее «*мужской союз*», «объединение», «братство», наконец, «монастырь». Происхождение слова «маскулинный» ведется оттуда же. Матвей Меховский в своих трудах называл жителей Московии «москами». Москва, точно также как Рим, Константинополь и Иерусалим, стоит на семи холмах. А наличие семи холмов еще в ветхозаветные времена утверждалось одним из почти необходимых условий для того, чтобы на этом месте было заложено крупное святилище, предпочтительно с развитой инфраструктурой. Город-храм.

Излучина некогда безымянной Москвы-реки – не слишком очевидное место для спонтанного возникновения большого русского города. Следовательно, вполне можно предположить, что начало Москве было положено некоторыми внешними, «международными» акторами. Есть неподтвержденные данные, что Москву начали строить еще в IX веке, но все же первым достоверным летописным упоминанием считается указание Ипатьевской летописи на субботу 4 апреля 1147 года, когда ростовский и суздальский князь Юрий Долгорукий принимал на берегу небольшой тихой реки своих друзей и союзников из Западной Европы. С момента возникновения ордена тамплиеров прошло около 30 лет

– вполне вразумительный срок. Тогда Москва была не более чем пограничной княжеской усадьбой. Заставой. Нет доказательств тому, что в ее постройке принимал хоть какое-то участие лично князь Юрий. Тем более, нет свидетельств и тому, что Москва была его резиденцией. А вот друзьями и союзниками Долгорукого в те годы были прибывшие «от немец» рыцари ордена Храма Соломона – тамплиеры, также известные как «храмовники». Нельзя отмахнуться от того факта, что буквально за несколько десятков лет Москва из заставы превратилась в крепость с церквями и монастырями – об этом говорят разные, независимые одна от другой летописи. Вспомним, что кроме всего прочего, тамплиеры прославились тем, что активно строили и развивали города во всех местах, куда могли дотянуться. А по пути «из варяг в греки», рядом с которым возникла Москва, сравнительно несложно было добраться от Палестины, места тогдашней штаб-квартиры храмовников, до севера Европы. В свою очередь, от Москвы можно было добраться и еще до ряда удаленных мест в Евразии. Заселенных в основном татарами.

Свидетельств тому, что европейские рыцари разных орденов, включая и тамплиеров, бывали в Золотой Орде еще во времена Батые, вполне достаточно. В любом случае, путь из Европы в Золотую Орду лежал через Москву. Тамплиеры поддерживали спорадические деловые отношения с ордынскими ханами, но рыцарям нередко приходилось и сражаться с азиатскими захватчиками на стороне русичей.

Хан Аб-уль-Гази, автор «Истории Татар», сообщая о событиях кампании Батыя 1237-1238 годов, так рассказывает о взятии Москвы:

«Московиты и друзья их франки сделали окоп и крепко бились из него. Батый простоял сорок дней и ничего не мог сделать, пока не подошел его брат Шейбани с 60 000 войска. Увидев множество наших, московиты и франки бросили окоп и бежали в лес».

В лес. В те годы семь московских холмов были покрыты очень густыми лесами. Деревья постепенно вырубались – понятно зачем: подавляющее большинство сооружений тогдашней архитектуры было основаны именно на древесине. Дерево шло на баржи и телеги, дровами топили многочисленные печи... Но к моменту монгольского нашествия в окрестностях Москвы лесов было еще великое множество. Так что название «Моссельвас» оставалось вполне оправданным вплоть до позднейшего средневековья.

В русских летописях без особых подробностей рассказывается о взятии Москвы Батыем, однако некоторые фразы весьма примечательны, например: «безбожные Москву пожгоша и воеводу Филиппа Няньку убиша». Кто такой этот Филипп и что это за фамилия такая – «Нянька», летописные тексты умалчивают. Между тем Филиппом звали известного «франкского» рыцаря, возможно даже, паладина, который был выходцем из Нанси – столицы Лотарингии, где на-

ходилась крупная штаб-квартира тамплиеров. Русские летописцы вполне могли из «Нанси» сделать «няньку». Не надо забывать, что дьяки-писари выходили из русского народа, язык которого был всегда необычайно гибок, порой излишне. Злой сборщик податей времен татарского ига, к которому соплеменники почтительно обращались «бабай-ага» получил в нашем народе имя «баба-яга», которая забирает непослушных детей. Так что здесь мы имеем дело с похожим искажением иностранного слова – в данном случае, фамилии рыцаря, одной из ключевых фигур в истории тамплиеров.

Прежде чем стать столицей светского государства, Москва длительное время была опорным пунктом, или комтуром, тамплиеров, который иногда еще называли «госпиталем». Хотя, конечно, к храмовникам госпитальеры имели довольно отдаленное отношение. И, по некоторым данным, находились в конфронтации к своим «братьям во Христе», чья успешная финансовая деятельность и все увеличивающееся состояние ордена вызывали зависть и раздражение у конкурентов; но в особенности – у светских и духовных правителей, включая как королей, которые были постоянными должниками тамплиеров, так и папскую курию, встревоженную излишней независимостью храмовников.

22 сентября 1307 года Королевский совет принял решение об одновременном аресте всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Приготовления к этой бес-

прецедентной для тогдашнего времени операции велись три недели в строжайшем секрете. Королевские чиновники, командиры военных отрядов, а также местные инквизиторы до последнего момента не знали, что им предстояло совершить: приказы сверху рассылали в запечатанных пакетах, которые предписывалось вскрыть лишь в пятницу, 13 октября. Тамплиеры были захвачены врасплох.

Обвинения, выдвинутые инквизицией против тамплиеров с подачи папы Климента V и короля Филиппа IV, были, как то часто случалось в Средние века, нелепы, вздорны и смехотворны. Практически по всем пунктам храмовники обвинялись в идолопоклонничестве, что в те годы, мягко говоря, не приветствовалось. Рыцари якобы поклонялись живым котам, засушенным головам и смоленным веревкам.

Уже многим позже тамплиерам начали приписывать ересь Бафомета – козлоподобного демона, который сегодня отождествляется с образом дьявола и де-факто является символом церкви сатаны. Этого обвинения, кстати, никогда не было в официальном списке, однако оно очень понравилось нечистоплотным историкам, а впоследствии его подхватили и раздули еще менее чистоплотные журналисты. А уже с их подачи беллетристы и (позднее) кинематографисты не раз и не два упоминали Бафомета в связке с тамплиерами, и это постепенно привело к тому, что в среде неспециалистов утвердилось мнение, что храмовники поклонялись нечистой силе вообще и Бафомету в частности.

Что, конечно, является полнейшим вздором.

Некоторые исследователи, говоря о роковой для ордена пятнице тринадцатого, заявляют, что сведения о грядущих репрессиях до руководства тамплиеров каким-то образом сумели дойти. Не вполне только понятно, почему многие высокопоставленные чины ордена, в том числе великий магистр Жак де Моле и генеральный визитатор Гуго де Пейро предпочли сдаться королевской охранке, вместо того, чтобы бежать, пока была такая возможность. Еще более странной кажется версия, что истребляемые тамплиеры умудрились вывезти состояние ордена из Франции, но отдали многих рыцарей, включая орденскую верхушку, на растерзание властям. Превалирующая доля сокровищ ордена европейским королям и римским папам и так не досталась, но кто тогда смог приобрести несметные богатства храмовников? Обратимся к фактам.

Факт первый. Одновременно с началом репрессий имущество тамплиеров вывозится из Парижа и доставляется в порт Ла-Рошель, где грузится на 18 галер, отбывающих в неизвестном направлении. Все это производится в весьма большой спешке. Но КЕМ вывезено и по чьему распоряжению – тут сведения очень туманны. Говоря точнее – информации об этом попросту нет. Никакой.

Факт второй. В 1307 году князь Юрий Данилович Московский находится в Новгороде и вместе с местным архиепископом и другими официальными лицами встречает за-

морских пилигримов, прибывших на 18 (!) «набойных насадах» (парусно-гребных кораблях, то есть, галерах). К сожалению, место высадки европейских гостей (и выгрузки кораблей) нигде не зафиксировано. Это вполне понятно – ведь миссия была не из самых простых и явно не требовала широкого «освещения».

Факт третий. Примерно в течение 20-30 лет Москва испытывает настоящий строительный бум, поистине взрывной рост и, кроме того, становится столицей русской церкви, а также местом постоянного пребывания митрополита всея Руси. Из монастырской крепости примерно к 1340 году Москва окончательно превращается в великое княжество.

Еще один любопытный факт. Именно в XIV веке название нашей страны «Русь» трансформировалось в «Россию». Происхождение слова «Русь» уже можно сказать, точно доказано (если в такой науке, как история, можно вообще говорить о точных доказательствах), и нет смысла повторять все теории и гипотезы. Лучше подумаем, почему «у» превратилась в «о», и что послужило толчком для подобной «европеизации» имени государства? До Петра Великого и «окна в Европу» еще оставалось прилично времени.

Из летописей известно, что именно в те годы имел место массовый приезд в Москву «служилых людей» – европейских воинов-христиан. Эти рыцари («на коне в доспехе полном»), которые прибывали в основном через Литву, и были теми таинственными личностями, прибравшими к рукам бо-

гатство тамплиеров...

Итак, кто же вывез сокровища храмовников на Русь и вложил в строительство будущей столицы нашего государства? Сами тамплиеры? В разгар арестов и конфискаций они никак не могли это сделать. Ватикан? Учитывая, что католицизм не получил распространения на Руси, отметем эту версию как ни с чем не сообразную. Корона Франции? Более чем сомнительно. Очевидно, в дело вмешалась мощная третья сила. Госпитальеры? Теплее, но все равно мимо. Ибо не было на Руси госпитальеров.

Ненадолго переместимся в недалекое от тех лет будущее. Перед нами Российская империя и династия Романовых. Так какие же общественно-политические организации наиболее радушно привечались тогда в России, и куда были вхожи практически все русские государи-императоры?

Я говорю о масонских ложах. Масонами нынче пугают детей и интеллигентов; наверное, тому есть основания. Да, среди тайных обществ были весьма одиозные. Но были и прогрессивные. Розенкрейцеров, кстати, можно отнести к последним, тем более, они не в полной мере являлись масонами; во всяком случае, в традиционном представлении.

Розенкрейцерский Орден был основан в 46 году от Рождества Христова, то есть, в тот период, когда масонство еще не могло быть сформировано. По легенде, александрийский мудрец-гностики Ормуз и шестеро его сторонников были обращены одним из апостолов Иисуса, Марком. Их символом,

как утверждается, был красный крест, увенчанный розой, что указывает на древний символ «Роза-Крест». Розенкрейцерство зародилось на Ближнем Востоке путем очищения так называемых «египетских мистерий» высшим учением раннего христианства. А значительно позже, уже в Европе, ассоциация Креста и Розы основала свою «штаб-квартиру» в португальском монастыре Ордена Христа, вытеснив правопреемников тамплиерского ордена с территории Португалии. Весьма сомнительно, что розенкрейцеры явно помогали римскому папе и французскому королю истреблять храмовников, но нетрудно предположить, что именно рыцари Розы и Креста прибыли в Москву с выморочными деньгами. Скорее всего, они обманули и тамплиеров, и Климента V, и Филиппа IV.

Роза... На десятках языков это слово пишется и произносится именно так: «Rosa». Всего лишь на две буквы отличалось название сакрального символа от названия территории, в главном городе которой начали хозяйничать розенкрейцеры, занявшие нишу тамплиеров. Так наша страна, тогда все еще сильно раздробленная и раздираемая, рассталась со своим славянским именем, полученным ею от названия населяющего ее основного этноса – русичей, и нареклась европейским словом, однокоренным с «розой» – Россия.

Нет смысла ни превозносить, ни демонизировать деятельность розенкрейцеров, тем более что они не мешали великим русским (российским) князьям в деле объединения зе-

мель вокруг Москвы. Но и не сказать, что сильно помогали. Хотя и вложили немало средств в развитие империи, пусть даже это и не было их основной целью».

* * *

Эльвира (которая, как я убедился, тоже читала труды своего бывшего) все-таки меня обрадовала. Она мне позвонила *сама*, чем еще и удивила несказанно. Это произошло в тот же день, где-то после обеда, когда я возился с двигателем, устраняя мелкие проблемы, пока они не превратились в крупные. Пришлось раскошелиться еще на один тощий букетик.

На этот раз меня приняли в «Серватисе» гораздо радушнее. Анята даже привстала, белозубо улыбаясь. Доктор Дамир Дзадоев (на его бейдже ярко выделялись три буквы «Д») пожал мне руку и пригласил пройти наверх. По его словам, пациентка просто нуждалась в общении.

Ну что ж, я тоже был не против пообщаться. ДДД приоткрыл дверь в палату и сообщил деликатно: «к вам посетитель».

– Андрей, привет, – донесся до меня женский голос, знакомый, только очень слабый. – Заходи.

ДДД пропустил меня внутрь, а сам закрыл дверь. Причем снаружи. Хороший доктор.

– Привет, Эльвира, – сказал я. И положил хризантемы на

тумбочку, не комментируя свои действия.

Да, молодой женщине досталось. Я старался не глядеть на ее похуевшее лицо в темных разноцветных пятнах, обрамленное бинтами. Но постарался улыбнуться. Ободряюще.

– Спасибо, что пришел, – в ее голосе все-таки не было уныния. – Я сожалею, что так все вышло. Извини.

– Не нужно, – сказал я, усаживаясь на табурет. – Меня-то как раз проблемы обошли стороной.

Говоря так, я сильно кривил душой, но не рассказывать же Эльвире всего.

– Я рада, если так... – вздохнула Эльвира. Вздыхала она наверняка не потому, что сочувствовала мне. Впрочем, вряд ли она и радовалась за меня. Однако мне было все равно.

– Таня не смогла прийти? – последовал вопрос.

– Таня в Москве, – ответил я. – Командировка.

– Вот как...

Словом, разговор у нас поначалу не очень клеился. Я по-прежнему полагал, что Эльвире нельзя доверять полностью, а она меня, как и прежде, недолюбливала. Но на тему Геннадия мы сумели достаточно легко переключиться.

– Он ведь занимался в числе прочего средневековой Сибирью, насколько я знаю?

– Да. Хан Кучум и все такое.

– Так что же именно он нашел? Почему его стали преследовать бандиты? – спросил я. Рассказывать том, что нового я узнал о рыцарях и Москве, сейчас было абсолютно неумест-

но.

– Бандиты? – переспросила Эльвира. И не сказать, что с большим удивлением.

Да, – сказал я. И, вынув фотографию, дал Эльвире в руки. Она приняла снимок и начала внимательно его разглядывать.

– А ведь ты знаешь, я помню этих людей. Они появились уже после того, как его мамочка нас развела. Думала, что это парни из института, но оказалось, что это не совсем так... Так что, возможно, за ним действительно стали приглядывать не самые законопослушные граждане...

– И ведь кто-то еще сделал эту фотографию. И передал ее Вере Павловне. Не ты ли фотографировала?

– Конечно, нет! – произнесла Эльвира, разглядывая снимок внимательно и явно без восторга, наверное, не вполне понимая, как этот снимок попал в руки мамы Геннадия. – Я знаю, кто сделал это фото.

– Кто же?

– Павел, конечно! Все сходится. Он мог взять мой второй телефон, которым мы оба пользовались. И сделал им снимок. Только вот зачем он отдал его мамочке Гены?.. Ты, значит, заходил к ней в гости? Ну и как тебе она?

Я промычал что-то насчет того, что она излишне активно пыталась заниматься делами Гены, про себя же крепко задумался: кто же все-таки врет на предмет этого фото?

– Да так и скажи: курица! Клуша. Вечно растопырит кры-

ля и сидит на нем, как на собственной кладке. Понять была не в состоянии, что Гене давно пора жить своим умом и своей жизнью. Или просто боялась. Боялась того, что он окончательно станет взрослым. Слышала, что у нее три раза был нервный срыв: когда он отрастил бороду и еще когда сказал, что собирается жениться. А в третий раз она даже попала в больницу – это случилось, когда я сняла квартиру, и мы с Геной наконец-то стали жить отдельно от всех. Тогда-то я и стала у нее врагом номер один: украла сына!.. Потом она все-таки частично добилась своего – мы разошлись. Боже, как она бесилась, что мы сохранили более-менее нормальные отношения и продолжали общаться! А потом Гена взял и исчез. Я даже думаю, что он только так мог избавиться от матушкиной заботы. Ну ладно, что-то я не о том говорю... Извини, конечно, мне тогда много досталось.

– Думаю, вам обоим было несладко. Геннадий ведь тоже оказался в дурацком положении – ни самому разорваться, ни вас помирить.

– Да, конечно... Ведь он очень хороший человек, неужели я бы смогла с кем попало жить? Мне трудно однозначно оценить, чем был его побег – Поступком с большой буквы или проявлением слабости? В общем, я бы очень хотела, чтобы он нашелся – пусть бы даже просто дал о себе знать... Но я даже не представляю, кто бы мне сейчас смог помочь... Павла больше нет (веки Эльвиры подозрительно затрепетали)... С Полиной мы компаньонки, не подруги – она ничего тол-

ком обо мне не знает... Да и не надо, если уж на то пошло.

Так... Похоже, у меня сейчас будут просить помощи. Ну, что ж – помочь при случае я, наверное, мог бы. Разумеется, в разумных пределах. Вот только кто бы сейчас помог мне?!

– Жаль, что так получилось, конечно, – опять сокрушенно вздохнула Эльвира. – Мне до сих пор стыдно – спать не могу... Перед Таней особенно.

– Я думаю, она на тебя не в обиде, – искренне сказал я. – Ничего страшного. Она тоже желает, чтобы ты поскорее поправилась.

– «Тоже»? – зачем-то переспросила Эльвира.

– А как же? – Я без особого труда изобразил позитивную улыбку. – Пусть у тебя все как можно скорее придет в норму.

– Спасибо... – Эльвира отвела глаза.

Возникла неловкая пауза. Наверное, пока и честь знать?

– Ну что ж, еще раз тебе поскорее выздороветь... А я, наверное...

– Подожди. Покажи мне еще раз эту фотку.

– Да легко... Вот.

Эльвира еще минуту разглядывала изображенных на снимке.

– Вот этот мужик, снятый со спины, вполне мог работать у нас в службе безопасности, – произнесла она.

– Такой шкаф? Что там у вас охранять?

– Ну как же?.. Не «что», а «кого». У нас же там девушки. И клиентки, и мастерицы. Мало ли какой отморозок в девять

вечера решит заглянуть в солярий? Да и сейчас у нас сменные охранники внешне не намного отличаются от этого.

– А что значит «мог работать»?

– Да уволили мы его. Выгнали. Выяснилось, что пустили, понимаешь, козла в огород... Излишне озабоченный был товарищ. Но один раз я видела, как они с Геной беседуют. Я просто в шоке была – это все равно что увидеть библиотекаря и грузчика, которые нашли общий язык. Так что, вероятно, это он...

– Как звали, не помнишь?

– Алексей... Александр... Андрей... Нет, сейчас уже не скажу точно.

...Может, это Гуцул? А почему бы и нет – остальная братия ведь вся здесь. Была ли на руке у него наковка с черепом, я не заметил. Но он вроде и не показывал мне внутреннюю сторону запястий.

– Слушай, Андрей, не мог бы ты мне оставить эту фотографию? – продолжила Эльвира. – Мне кажется, что я видела и остальных. Сейчас я неважно соображаю, голова сильно болит, думать трудно... Может, вспомню еще что-то...

– Конечно. Оставлю. Ну, тогда я пошел, хорошо? Не буду тебя утомлять...

– Еще минутку... Андрей, все-таки, вдруг там твои американцы тоже какое-то отношение имеют к поискам Гены... Если вдруг ты узнаешь что-то, может, сможешь помочь *мне* его отыскать?

– Если узнаю, почему бы нет...

– Заранее тебе спасибо...

Мы произнесли еще несколько банальных фраз, и я отключился. Что ж, от Эльвиры я действительно услышал просьбу. Вполне понятную, но явно не слишком уж легко выполнимую. Я залез в машину, запустил двигатель и посмотрел на часы. Так, сейчас в ДК имени Островского должно идти собрание известной мне церкви. Не стонять ли туда?

Трудно сказать, чего я ожидал, но в знакомом холле дворца культуры все было примерно так же, как и в тот день, когда мы сюда впервые пришли с Татьяной. Аккуратные и в основном молодые люди, с одухотворенными лицами и цитатами из всех четырех Евангелий. Я некоторое время приглядывался, пытаюсь определить лидера среди собравшихся. И, похоже, я его увидел. Пара сравнительно молодых «ветеранов» обоего пола обрабатывала парнишку лет 16, а у того уже и глаза в разные стороны смотрели. А вот в какую сторону в реальности смотрит антисектантский комитет, это ведь действительно вопрос. Я дождался, когда «ветераны» закончат проводить борьбу за ум и душу юного кандидата в неофиты, после чего подошел к ним и вежливо поздоровался.

– А, так вы, наверное, в первый раз пришли на наше собрание? – оживился «ветеран», серьезный на вид человек лет двадцати двух-двадцати четырех. – Как впечатление?

– Я здесь не первый раз, и не про впечатления хотел бы с вами поговорить, – принял я сухой тон.

Евангелист открыл рот, наверное, чтобы возмутиться или уличить меня в религиозной слепоте, но передумал. Видимо, я на самом деле не выгляжу как человек, запутавшийся в духовных исканиях.

– Давайте отойдем, – предложил он, поняв, что дело серьезное. – Вы о чем хотели меня спросить?

Его спутница, возможно, была не особенно довольна этим поворотом дела, но промолчала. Мы переместились из центра холла к одной из его зеркальных стен, и я сказал:

– Дело в том, что я неплохо знал Павла Столярова... И знаю, что с ним случилось.

– Да, – евангелист возвел очи горе. – Павел был прекрасным человеком и глубоко верующим христианином. Я не сомневаюсь в том, что сейчас он видит и слышит нас здесь.

У меня на этот счет было несколько иное мнение, но я не стал его навязывать. Не тот случай, сами понимаете.

– Мне бы хотелось... – я замялся, думая, как бы выразиться не слишком банально, но и достаточно понятно. – Отдать ему последние почести. Не подскажете ли, когда и где похороны?

– Но ведь вы же говорите, что были его другом, – слегка насторожился молодой человек. – Кстати, можно узнать ваше имя?

– Андрей... А к вам как можно обращаться?

– Зовите меня Игнат.

– Так вот, Игнат, я не сказал, что был его близким дру-

гом. Мы были неплохо знакомы, общались по-приятельски, делились некоторым опытом... Я даже знаю, что он фактически руководил вашей общиной в регионе. К сожалению, я периодически выезжаю из города, поэтому узнал об этой трагедии слишком поздно. И потому сегодня хотел спросить о времени и месте церемонии.

– Ну, значит, вы действительно что-то знали про Павла, – констатировал Игнат. – Но, к сожалению, вы немного опоздали. Церемония прошла позавчера. Павла кремировали.

– Даже так?

– Да. Но тут ничего удивительного – истинное христианство никогда не было против кремации. У нас многие считают, что «классические» похороны с закапыванием в землю – это варварский пережиток.

С этим я тоже спорить не стал.

– К моему прискорбию, – сказал я, – я не успел сделать еще одну вещь.

– Какую именно?

– Вы ведь сейчас, наверное, исполняете обязанности Павла?

– Отчасти верно... – Игнат слегка удивился моей осведомленности. – Но разве что в какой-то мере.

Он заметно осторожничал, и его можно было понять.

– Возможно, вы лучше меня знаете, чем он занимался? – спросил я.

Игнат посмотрел на меня с еще большим удивлением.

– Конечно. Он осуществлял как духовное руководство, так и деловое, если так можно сказать. Помещение, разрешение, согласование с... – Игнат вдруг резко прервался. – Да вы же сами все должны это знать...

– Нет, я не об этом. Такие вещи я и сам хорошо знаю. Тут дело в другом. Павел кое-что искал. И я не успел узнать о его последних успехах.

– Что именно он искал? – быстро спросил Игнат.

– Я думаю, что он вряд ли согласовывал свои цели здесь.

– То есть, вы говорите о каких-то побочных занятиях? Не связанных с деятельностью церкви?

– Прямо – нет. А вот косвенно... Игнат, я могу только намекнуть. Дело связано с некоторыми исследованиями в регионе. В том числе в некоторых районах области, Алтайском крае... Может быть, вы в курсе?

Я забрасывал удочку наугад, и все же поплавок слегка задергался.

– А, так вот оно что... Вот про что он говорил, – произнес евангелист. – Вы знаете, он кое-что оставил у нас в офисе. Когда мы разбирали его стол... Хотя, подождите... А чем вы, собственно, можете подтвердить свои слова?

– Да хоть тем, что сейчас стою тут рядом с вами. – Мне показалось, что рыбка в мутной воде неожиданно клюнула.

– Ну... Знаете, мне бы хотелось видеть что-нибудь более существенное. Для подкрепления, так сказать... Полномочий, что ли... Павел, знаете, намекал и на то, что за ним при-

глядывает какая-то ОПГ... Я ведь не знаю, а вдруг вы как раз оттуда?

– Криминальные элементы действуют несколько иначе, – возразил я, догадываясь, что рыбка только что объела наживку и уплыла.

– Может быть... Но уж вы извините, я ничем вам помочь не могу. На словах мне тоже передать нечего. Поверьте, Андрей: Павел не посвящал ни меня, ни других наших людей в свои дела, которые не касались напрямую нашей церкви.

Разговор был окончен. Мы сдержанно попрощались, и я покинул место собрания. Делать мне тут было больше нечего.

...Возле подъезда я заметил знакомую фигуру. Черт бы подрал этих отморожков! Меня поджидал гражданин Лымарь. Он мусолил сигарету и не мигая смотрел, как я подхожу.

– Здорово, – сказал он.

Я очень хотел ответить фразой типа «здоровее видали» или упомянуть некоторые части коровьей анатомии, но не факт, что это улучшило бы мое положение. Поэтому я лишь пробурчал «привет».

– Че такой суровый? – без ехидства или насмешки спросил Лымарь. – Есть что рассказать?

– С чего бы?

– Так прям и ничего?

– Ладно, слушай и запоминай. Американцы меня сегодня

немного запрягли.

– Та-ак...

– Я съездил в печатную контору «Мегапринт».

– Ну и?

– И получил там для них заказ.

– Надеюсь, ты хоть посмотрел, что там они заказали?

– Конечно. Можешь доложить там своим, что им напечатали те же самые карты и те же самые схемы, которые вы у меня вздумали изъять.

– «Вздумали»... Щас мы у тебя еще че-нибудь вздумаем изъять. Заберем у тебя твой микробас, и иди потом говори кому хочешь, что сейчас не девяностые годы.

– Ты чего напрягаешься-то? Кстати, кроме шуток: я ведь мог приехать домой и через три часа. Или вообще утром – я же холостой нынче.

Лымарь показал желтоватые зубы: тему он оценил.

– И что – мне тебя по всему городу искать тогда? – спросил он.

– Зачем? Умные люди ведь придумали сотовый телефон.

– Ты сам-то не умничай... Куда сегодня еще ездил?

Так я ему и скажи, куда я ездил...

– Слушай, походу мы договорились, что я вам буду сливать только мои дела с американцами... Куда надо, туда и ездил.

– Слушай, если нам надо будет, ты станешь петь и о том, сколько раз в день на парашу садишься! – Лымарь все же

разозлился. А злить бандитов нельзя. По крайней мере, в моем существующем положении.

Я промолчал, хотя бы затем, чтобы не обострять ситуацию. Но и Лымарь неожиданно успокоился.

– Ладно, побухтели и будя, – сказал он. – Ясно же, что если бы ты вдруг не появился, я бы тебе позвонил. Смотри, кстати, не надумай линять куда-нибудь. Найдем по любому.

Прощаться он не стал. Просто не торопясь пошел в сторону парковки, погрузился в старый неприметный «уазик» и, ловко вращая рулем, вывел машину из «кармана» через двор на улицу. Вон, оказывается, на каких «джипах» еще ездит «братва». Суровый разрыв шаблона!

В пустую квартиру подниматься не хотелось. Сев на лавочку, я прикурил, и некоторое время соображал, чем заняться. Хоть бы заказ какой на ночь или на утро подкинули! А то ведь закон подлости – только выпьешь чего-нибудь крепче водопроводной воды, и тут же тебя срочно ехать зовут куда-нибудь! Или пойти Монтеня помусолить?

Не успел я подумать про духовное, как мне позвонили. Действительно, клиент. И прямо сейчас. Значит, никакого пива и никакого Монтеня.

...Пока выполнял заказ, уже после десяти вечера, еще один звонок поступил. Неужто опять работодатели? Нет, мелодия не «рабочая»...

Да, это были не клиенты. Эльвира! Вот уж не думал... Что же ей понадобилось?

– Андрей?.. Послушай, я, кажется, знаю, кто эти люди на фото.

Ну и ладно, я ведь тоже примерно знаю, кто они такие. Но вслух этого говорить не стал.

– Это очень опасные люди... Слышишь, да?

– Да слышу...

– Я даже думаю, что один или даже двое из них приходили к нам в квартиру, когда... Ну, ты понял?

– Слушаю, говори.

– Они еще к тебе не приезжали?

– С чего ты взяла?

– Это просто предположение. Ведь если они тогда ничего у нас не нашли, значит, они были должны искать у тех, у кого нужные им вещи могли быть. То есть, у вас. Я верно думаю?

А у Эльвиры голова-то соображает, даром что слегка треснула...

– Может быть, не стоит по телефону? – осторожно спросил я.

– Да, наверное, ты прав. Может, приедешь завтра с утра ко мне? Я думаю, нам есть что обсудить.

* * *

В больницу к Эльвире я попал только после обеда. По утрам в субботу тоже бывают заказы. От дачников в основном. Вот и на этот раз попался мне словоохотливый мужи-

чок, откуда бы вы думали? – из Шатунихи же. Мужичок, оказывается, жил не очень далеко от миссии «евангелистов», до него донеслись отголоски некоторых событий, и мне было довольно занятно узнать, чем же так прославились американцы.

– ...Вот, а потом, когда парни уже вечером поздно к Семужному за пивом пошли, слышали, как кто-то на участке завыл, не поймешь даже – собака это или бес какой-то. А в окнах дома красный свет зажегся, и даже не просто свет, а как огонь – пляшущий и притом неестественно, вроде как цветомузыка. Но музыки никакой слышно не было. Только завывания. Ну, парни-то даром, что всякого повидали, решили не задерживаться. Я так думаю, струхнули чего-то. Да может, спяну чего померещилось... Но вот чем там эта церковь занимается, вообще не понять. Мы сперва думали – баптисты новый молитвенный дом задумали открыть. Потом, кто про пикет слышал, сказали – там американцы натуральные поселились. Два мужика и баба. Только ведь ничего они церковного не делают, к ним никто не ходит, только машины крутые приезжают, да таджиков бригада почти каждый день с утра приходит, весь участок уже перекопала. В общем, мутные там какие-то иностранцы завелись. Никто не знает, что они затеяли, да зачем... Таджиков пытались спрашивать, а те-то что сказать могут? «Насяльника лопата давай, мы копай, а он подходи и смотри». Ну как есть джамшуты и равшаны. У Петровны с сорок первого дома младший

оболтус с дружкой зарубились с кем-то, что залезут вечером на участок и узнают, что там американцы делают... Так ведь залезли – собаки-то нету. Подобрались к окну – смотрят, лежит молодая бабенка в коротенькой ночнушке на диване, с ноутбука чего-то читает. Ну, им вроде как интересно стало, чего она там читает, хотя – я лично думаю – подросткам совсем другое интересно было. И тут слышат – дверь тихонько скрипнула, они смотрят – а из дома на крыльцо этакая козлячья морда высовывается, рога – с метр длиной, глаза горят, а зубы как у крокодила. Ну так дунули оттуда так, что не помнят, как через ограду перелетели, ладно хоть на штыри не напоролись – там прежний хозяин забор пиками стальными от воров утыкал...

Я слушал, не очень вежливо посмеивался и про себя думал: как все-таки интересно присутствовать при рождении новых легенд! Вроде уж двадцать первый век на дворе, а люди все надеются бесов наяву увидеть. Ну и видят, если уж очень захотят... Ишь ты, Кэсси, значит, под охраной самого Бафомета во плоти находится? Интересно, как она выглядит в неглиже и с ноутбуком на диване?

Картина представилась мне достаточно завлекательной. Выгрузив мужичка и его нехитрый скарб, да всякие инструменты и несколько ящичков модного сайдинга, я позвонил Эльвире и сообщил, что еду. Она довольно бодрым голосом ответила, что продолжает ждать, а чего ей еще остается делать? Времени – вагон, только тоска зеленая.

На развеивателя тоски я, думаю, был не слишком-то и похож. Напротив, сам загружен проблемами. Но уж ладно, когда видишь прикованного к постели беднягу, который сам не то что встать – повернуться не может, начинаешь сам себе завидовать черной завистью.

– ...Я точно уверена, что это криминальные люди, и что им тоже нужен Гена. Он слишком много болтал и намекал всем про свои дела – вот они и принялись его пасти... Вот этого парня зовут Лымарь, – безошибочно определила Эльвира, показав на моего знакомого. Ткнув пальцем в Студента, заявила: – Вот этого – не знаю, даже не уверена, что видела. А Лымарь, по-моему, был среди тех, кто тогда ввалился к нам в квартиру с другими...

– Заявить надо бы... – неуверенно сказал я.

– Потом выяснится, что я ошиблась (а я вполне могу ошибаться), и что он в тот вечер играл в боулинг. И это подтвердят человек пять таких же отморозков и еще человек пять, кому по двадцать баксов сунут. Ну пусть даже его арестуют. Другие-то останутся. А мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то пришел ко мне сюда, пока я даже пошевелиться не в состоянии, не то что убежать... Нет, Андрей, мне так сейчас нельзя. Если я хотя бы могла свободно передвигаться...

– Наверное, ты права. Но ладно. Понимаю, что тебе тут невесело, но я вряд ли тебя развеселю. В принципе, мне от знания того, что Лымарь еще и на мокрое способен, легче не стало, уж извини. Борься с ними я тоже не в состоянии.

Заявлять с моей стороны на них пока как бы не на что. Ну, ворвались в квартиру, ну поугали маленько. Так на такие дела сейчас мало внимания обращают.

– Ты случайно не на крючке у них? – вдруг спросила Эльвира.

– Вообще-то бог миловал, – сказал я, думая, что нет смысла озвучивать их зловещие намеки насчет Татьяны. И думая, что Эльвира – женщина с мозгами. А что – бизнес свой имеет, ведет себя независимо. Разве что в мужиках неважно разбирается, так это ведь им не всем дано.

– Считай тогда, что тебе везет. Но с другой стороны, если бы ты с ними как-то контактировал, может, они бы и на Гену тебя как-то навести сумели...

Я решил за лучшее промолчать. Наведут они меня на Гену, ага, щас...

– Вообще, я уже намекала одному человеку на предмет помощи в поисках. Но он слегка туповат. Это наш сотрудник службы безопасности. Так-то он на подъем легкий, но до него доходит как до жирафа. Даже если прямым текстом говорить.

– Так за идею если – я бы тоже тупить начал...

– Вообще-то ему были предложены дополнительные деньги за дополнительные услуги. Он в принципе согласен. Только ему нужен соображающий человек рядом, который бы постоянно его направлял. Я с ним не могу все время быть, особенно сейчас... Вот если бы кто мог вместо меня этим за-

няться...

Намек был более чем понятен. Как я уже говорил, людям я помогаю. Иногда. Близким – даже и просить не надо. Но Эльвира к таким не относится.

– Не уверен, что я гожусь на эту роль, уж извини. Как говорится, нет ни времени, ни возможностей. Ни желания, еще раз извини за правду.

Эльвира закусила губу.

– Как хочешь, – тихо сказала она. – Но имей в виду: если вдруг у тебя начнутся реальные проблемы, можешь обратиться ко мне. Кроме всего прочего, я считаю себя не только виноватой, но и обязанной вам с Таней помочь, если вдруг у вас что-то стрясется.

– Спасибо за предложение, но... Ты находишься здесь. И как же ты можешь помочь мне отсюда?

– Я ведь только что тебе сказала, как. Если у тебя нет предубеждений, подумай над этим.

– Тандем в лице меня и твоего сотрудника службы безопасности? – понял я. – Он – мне, а я – ему?

– Почему бы нам с тобой не поддержать друг друга? – спросила Эльвира прямо.

Мне в очередной раз стало неловко. Но я реалист, и не люблю давать пустых обещаний. Поэтому сказал как есть:

– Наверное, нет смысла тебя обнадеживать. Я пока не готов к активным действиям. Но не думаю, что у меня будут большие проблемы с этими типами. Знаешь, мне встреча-

лись такие страшные люди, по сравнению с которыми Лымарь – это так, нажравшийся «ягуара» школьник. Я общался с настоящими убийцами. Что касается Геннадия, то единственное, что могу тебе обещать – как только что-то вдруг про него узнаю, то сразу же сообщу тебе.

– Спасибо и на этом, – деревянным голосом сказала Эльвира. – Но я надеюсь, что мы еще увидимся?

– Конечно. – Я попытался изобразить улыбку. – На следующей неделе должна вернуться Таня, придем вместе.

– Приходите, я буду вам рада.

Эльвира тоже изобразила улыбку.

* * *

День заканчивался. Работой меня заваливать никто не собирался, я почти час провел за компьютером, обновляя объявления на предмет «услуги микроавтобусом населению». Потом перелистал несколько страниц «Опытов», убедился, что осознанно читать совсем разучился, и спустя полчаса сел бороздить просторы интернета.

...Опять отметился антисектантский комитет. На этот раз статьей «Иногда они возвращаются снова». Походило на плагиат названия какого-то фильма ужасов или фантастического романа. Правда, ничего фантастического в статье я не увидел. Господин Водопьянов рассказал лишь о том, что в последнее время на улицах города снова стали появ-

ляться распространители оккультной и сектантской литературы, словно бы на дворе опять девяностые годы. И что не случайно православные активисты опять, как и тогда, пикетируют печально известный дом номер 23 на Горной улице. Дом, в котором случайно или нет, но собрались сразу несколько «штаб-квартир» религиозных организаций и культов. Включая и такие разные, как «общество мира Махариши» и «центр дианетики».

Я вспомнил наш с Павлом разговор в летнем кафе. Что он тогда сказал Эльвире по телефону: «а потом на Горную, в контору». Получается, офис наших евангелистов тоже находится в том же здании?

Запустив «дубль-ГИС», я навел курсор на дом 23 и щелкнул по нему мышкой. «Административное здание» о девяти этажах... И огромный список предприятий и организаций. Корм для животных, запчасти для иномарок, косметика для женщин... А где опиум для народа? Не нашел я тут ни одного упоминаний ни об одной религиозной или оккультной организации, за исключением «центра дианетики» – но она позиционировалась как общественная. Эти уже давно на легальном положении...

А Игнат сказал про Павла: «Вы знаете, он кое-что оставил у нас в офисе. Когда мы разбирали его стол...» Значит, Павел, который что-то такое-этакое искал, и напоролся на какие-то данные, которые (опять-таки по его словам) круче, чем ядерные секреты, держит информацию в офисе Еванге-

лической церкви Нового завета, или как она там правильно называется? В своем столе. Который уже ему не нужен... Добраться бы до него...

Вот только как это лучше сделать? Ясно, что приди я в офис и потребуй порыться в вещах Павла – меня попросят удалиться и ладно, если вежливо. А если прийти ночью? Нет, глупо. Глупо даже думать об этом. Я не взломщик и не форточник. Меня поймают и дадут люлей. В лучшем случае. В худшем – ну да, не хватало мне еще судимостью обзавестись.

...Про судимость и про то, сколько уже раз в жизни я каким-то чудом избегал неприятностей с законами, я думал уже за рулем. В начале лета в наших краях светло чуть ли не до полуночи, а на дорогах сейчас куда светлее, чем в девяностые...

– Машин много сегодня, – просипел Курач, сидевший рядом со мной на пассажирском сиденье.

Я не ответил. Этот бандитообразный тип, сосватанный Эльвирой, мне совсем не нравился. Он почти ничем не отличался от Гуцула – такая же машина для выбивания кашек, только еще более тупая. И он долго не мог понять в толк, что и зачем должен делать, пока Эльвира не начала по-настоящему злиться. Тогда до него вроде начало доходить, и он даже заулыбался, видимо, радуясь своей сообразительности. «Тока эта... Пусть он к Нютке шары не подкатывает», – неожиданно сказал он Эльвире. Та даже покраснела, наверное, поражаясь глупости «безопасника».

– Приходилось бывать за забором? – спросил я «лоб».

– Не, я не сидел, – с готовностью отозвался Курач, которого, кстати, по-настоящему звали Иваном Курочкиным. – Не успел сесть, меня в армию загребли. – И заржал, видно, считая ситуацию очень веселой. – Тогда еще два года в сухопутных войсках служили. Я в авиацию попал, в БАО. Деды там молодых прессовали всех как хотели. Кроме меня, – Курач гордо вздернул подбородок. – Я сказал, что буду убивать каждого в случае чего.

– Пришлось доказать? – спросил я. – Или тебе так поверили?

– Поверили, – серьезно произнес Курач. – Когда я стойку шасси руками согнул.

Иван действительно выглядел как терминатор. Конечно, насчет стойки шасси я несколько усомнился, но возражать не стал, хорошо понимая, что такого типа лучше иметь среди союзников, чем наоборот.

Мы остановились у тротуара недалеко от здания по улице Горной – того самого. Рядом был въезд на бесплатную парковочную площадку, но туда было не так просто заехать, а выехать – так еще сложнее. Мне же предстояло в случае чего сорваться так быстро, как только это возможно. В случае чего... Офисные здания нынче охраняются как положено. Две-три видеокамеры снаружи, одна над дверью, и еще пара в холле. В каждом коридоре по одной, это почти точно. В самих офисах – так сказать, опционально. Живые охранники

вряд ли бродят ночью по этажам, но где-то ведь стоит пульт наблюдения, и там нет-нет, да и глянет скучающий бездельник на монитор.

...В конце рабочего дня я без особых хлопот проник в здание, не пришлось даже права или паспорт оставлять на вахте. И то правда – в здании не такие уж важные конторы на первый взгляд собрались... Несколько мелкооптовок, ремонтники-сервисники, да еще ловцы человеческих душ... Про серьезность последних можно спорить, но я в последнее время чем дальше, тем сильнее убеждался в том, что все эти церкви-культы-секты порой созданы с куда более серьезными намерениями, чем большинство торгово-закупочных фирмешек.

– Какой этаж? – спросил Курач.

– Второй, ближе к левому выходу...

– Не, я не про то... Какой этаж под шухер попадёт?

– Давай, наверное, третий... Чем правее, тем лучше...

...Офис наших евангелистов занимал четыре комнаты левого крыла на втором этаже. Кабинет Павла имел номер двести пятый, и дверь с этими цифрами красовалась печатями следственного управления. Наверняка все бумаги и оргтехнику оттуда изъяли... А это значило, что мне там ничего интересного скорее всего не оставили...

Двести третий офис был основным. Наверняка там можно найти что-нибудь особенно интересное, но... он мне сейчас не был нужен. Так же, как и двести четвертый. А вот в

двести шестом, по словам Эльвиры, надо было кое-что изучить. Павел там держал свой планшет, который, вероятно, прокуратура всё же не забрала. Если повезло, не забрали и конкуренты. Если повезло... Повезло. Хотя бы уже потому, что всего лишь второй этаж.

– ...Вам не нужно там задерживаться, – негромко, но горячо говорила Эльвира, слегка приподнявшись на постели. – Планшет лежит либо в столе, который там один, либо в шкафу. Нашли, забрали, принесли мне. Почти уверена, что мы найдем в нем то, что Павел в последнее время скрывал от меня... Найдем следы Гены. И поможем тебе выпутаться из этой истории. Ты действительно зря в ней оказался.

С этим я и не спорил. Мне не очень нравилась сама ситуация, в которой мне была уготована роль вора-домушника. Лучше, я полагал, прийти в офис среди бела дня и дожидаться удобного момента. «А если ты его не дождешься, этого момента, вообще?» – резонно спросила меня Эльвира, и... я не нашел, что ответить.

... Окно в левом крыле было темным, как и все остальные в здании. Светился только проем возле двери – там находилось помещение охраны. С бездельником у монитора... Который пусть трижды бездельник, но на кнопку вызова тревожной группы он нажмет обязательно в случае чего. Ребята в охранных агентствах – те же Гуцулы и Курачи, они любят работать кулаками и дубинками, ибо в этом и заключается весь кайф – иначе какой смысл устраиваться в охрану?.. Мы

с Иваном вышли из машины и подобрались к стене здания. Здесь было не совсем темно, но и не сказать, что так уж светло – отсветы с проспекта, блеск ртутных фонарей долетали сюда с большими потерями. Но мне хорошо было видно лицо Курача – я все-таки неплохо вижу в темноте, пожалуй, лучше среднестатистического хомо сапиенса.

– Готовься... – сказал Курач.

Я поднял голову. Недалеко от окна двести шестой комнаты от стены к стоящему метрах в пятнадцати от здания металлическому столбу тянулся скрученный пук кабелей. Мне надлежало с помощью Курача подлететь к этим кабелям, ухватиться за них руками, подтянуться и ступить ногами на узкий карниз... И ждать нужного момента. Я протянул руки Ивану, в этот момент от разворачивающегося в опасной близости автомобиля на нас упал свет фар... Всего лишь на секунду-другую... Похоже, водитель нас даже не заметил... или не обратил внимания. Зато я обратил внимание на правую «клевню» Курача – она по-прежнему была в повязке. Как же он будет меня подбрасывать, интересно?

– Че замер? – грубо спросил Иван. – Я тебе не баба. Машина уехала. Пошел!

Я как по лестнице вскарабкался по Ивану на его плечи, ощутил, как меня под подошвы толкают необыкновенно сильные руки. Раз! Я ухватился за упругую и немного скользкую изоляцию. Два... Подтянулся на руках – странно, что несмотря на не самый здоровый образ жизни, это у

меня хорошо получается. Три... Я прижался к стене под самым окном, пытаюсь привести мысли в порядок... Курач еле слышно свистнул, и через несколько секунд я услышал музыкальный звон выше и правее моего насеста. Конечно, я не знал, какие именно действия предпринял охранник здания. Может, метнулся разбираться. Может, нажал кнопку вызова «летучей бригады». Через минуту зазвенело еще одно разбитое стекло, уже на четвертом этаже. Молодец Курач, действует по плану... Пора было и мне действовать. Через полминуты я высадил «своё» стекло, стремясь поднимать как можно меньше шума, и стараясь не порезаться. Где-то, конечно, сработал еще один датчик, но я проскользнул через окно, зажег маленький светодиодный фонарик и быстро проверил ящики тумбы единственного стола в помещении. Таак...

Время летело со свистом. Я вернулся к окну и увидел подъезжающий прямо впритык к стене мой «хайс». Пора! Пробравшись через окно наружу (кажется, я все-таки порезал куртку и частично собственный бок), я выпрыгнул на крышу микроавтобуса, конечно, слегка продавив ее. И, упав плашмя, вцепился руками в рейлинги. Курач как раз поддал газу, машина бодро ускорилась, и остановилась только когда Иван въехал в один из тихих дворов среди жилых домов. Я поднялся на карачки и, пятясь, спустился по задней лесенке вниз.

– Давай, – Курач протянул забинтованную клешню в мою

сторону.

– Нечего давать, – проворчал я.

– Как нечего? – опешил безопасник.

– Вот так. Нет там планшета. Ни в столе, ни в шкафу. Вообще нигде.

– Плохо искал! – загремел Курач.

– Нормально! – я тоже взял грубый тон. Там комната маленькая, и закутков никаких нет, всё на виду. Нет ничего.

Иван рассыпался ругательствами; на мой взгляд, он излишне близко к сердцу принял мой ответ.

– Тебе-то какое до него дело? – сказал я. – Это пусть твоя хозяйка думает, как теперь быть...

Курача явно покорило слово «хозяйка», но зато он успокоился. И то правда, ему-то какое дело... Не спалились, и то ладно.

– Ладно, поехали, – сказал я, устраиваясь за рулем.

– В больницу, – без вопросительной интонации сказал Курач. – Рука болит.

– Третий час ночи, – напомнил я.

– Тогда куда?

– Где живешь? – спросил я. – Могу отвезти.

– Не... – произнес Курач через некоторое время. – Домой не надо. К тёлке отвези лучше.

– Не вопрос, – сказал я, выезжая на улицу. – Говори адрес.

Он сказал. Я почему-то был уверен, что Курач назвал первый пришедший ему на ум, но мне было до лампочки. До

нужного места мы ехали почти в полном молчании, а когда я его высадил, некоторое время думал проследить, чем же займется этот товарищ... Но решил этого не делать – по большому счету было уже все равно.

* * *

Утро воскресенья началось для меня мелодией телефона... Было бы странно, начнись оно чем-то иным, принимая во внимание мой образ жизни. Ну разве что визитом еще какой-нибудь банды. Я вчера (вернее, сегодня) как раз, засыпая, думал, как бы заставить Татьяну не возвращаться домой так скоро, дабы не случилось какой-нибудь для нее неприятности, и вот теперь словно меня кто услышал.

– Андрей! Как твои дела? Все ли у тебя в порядке, милый?

– Отлично, – солгал я.

– То есть, без происшествий?

– Без...

– Врешь, наверное... Ну, ладно. Как Эля?

Почему-то этот вопрос мне не понравился.

– Лежит твоя Эля все там же и в той же позе, – проворчал я.

– Ты ее хоть навещал?

Этот вопрос меня тоже не привел в восторг.

– Представь себе, да. И даже не один раз.

– И как она?.. Я почему-то не могла вчера до нее дозво-

ниться...

– Занята была, значит...

– Чем может быть занят человек в больнице, интересно?

– Я у нее был в этот момент, – сказал я. – В палате она одна лежит. Наверное, выключила телефон, чтобы нам никто не мешал.

– Гадкий ты все-таки, Маскаев, – сказала Таня, когда до нее дошло. – Слушай тогда вот что. У меня тут проблемы. Только ты не волнуйся, это связано с работой. В общем, мне продлевают командировку еще на день или два. Я вчера даже, несмотря на субботу, до позднего вечера занималась делами.

– Очень хорошо, – сказал я.

– Судя по всему, тебя это обрадовало, – ядовито констатировала Таня. – Точно, взялся за старое. Приеду – хвост оторву, кошак шелудивый!

Пару минут мы так пикировались, то ли в шутку, то ли всерьез, но закончили не на самой дружелюбной ноте. Следующий звонок был от Лымаря. Ничего особенного он мне не сказал, спросил только, нет ли новостей. Я сказал – нет, ничего, и он отключился. Деловой человек, черт бы его драл...

Эльвира оказалась третьей по счету. Я предполагал, что она окажется первой...

– Нет, Эля, ничего я там не нашел, – грустным тоном произнес я. – Не было там никакого планшета, ни в столе, ни в

шкафу, ни на полках...

– Ты уверен? – не менее грустно спросила Эльвира. – У тебя ведь было не так много времени.

– Достаточно, чтобы убедиться в том, что мы не там ищем, – сказал я.

Дальнейший разговор состоял из довольно скучных и нудных фраз, но Эльвира даже не намекнула, где еще можно разворачивать поиски. Меня это устраивало. Мы сухоовато попрощались, и я пошел жарить яйца.

Когда я курил на балконе после завтрака и прикидывал, как бы мне сегодня и под каким соусом вновь посетить дом на улице Горной, позвонила мисс Роузволл. Она поинтересовалась, нет ли у меня каких-либо неотложных дел на сегодняшний вечер, часок около восьми, и не смогу ли я приехать в дом миссии. Недоумевая и (каюсь!) представляя себе сестру Кэсси в тонкой и короткой ночной рубашке (и даже с кружевами), я сказал, что дел никаких нет, да и приехать могу, почему бы нет? Роузволл обещала позвонить позднее и положила трубку.

После этого начал звонить я. Есть у меня один знакомый, взрослый вроде человек, даже старше меня, но мозгов как у школьника. Он свихнулся на «Дозорах» во всех их проявлениях: постоянно ездил на игры, торчал на каких-то «слётках», попал однажды в аварию, вытаскивая кого-то из сумрака, в общем, очень увлеченная личность с богатым внутренним миром. Тот редкий случай, когда жена подает на развод

не из-за пьянства, девок или низкой зарплаты. Знакомый, которого звали Константином, оказался в пределах досягаемости и, несмотря на выходной день, даже не на дозорных сборах. Но только пока.

– У тебя была униформа для игр, – сказал я в ответ на его вопрос, чего мне от него надо. Жилет с надписью «Горсвет», каска оранжевая... Дай поносить.

– У меня игра сегодня, – послышался ответ.

– На полчаса всего – сказал я. – До трех часов дня край.

– До двух максимум...

– Годится, – сказал я. – Верну железно. Сейчас приеду.

Возможно, Костя и пожалел, что не потребовал вернуть экипировку до часа дня, но мне должно было хватить времени и до полудня. В выходной и машин в городе меньше, и как будто людей тоже. Но ремонтом все равно кто-то ведь должен заниматься, и в выходные дни тоже, верно ведь?

Словом, на человека в робе и каске, залезшего по переносной алюминиевой лестнице на металлический столб почти никто не обращал внимания. Надо – значит залез. Свет чинит... Я поглядел на выставленное мной окно, которое кто-то уже прикрыл изнутри листом оргалита, на наружный подоконник. Вроде все в порядке... Надеюсь, что меня не засекут и не будут задавать ненужные вопросы, я слез вниз, перетасил лестницу ближе к стене здания, и быстренько добрался до подоконника. Отлично! Плоский жесткий предмет был на месте. Вытащив его, я вновь спустился на грешную

землю, уложил в сумку и начал складывать лестницу. Торопиться было не нужно, но и совсем уж тянуть время – тоже.

Только отъехав метров на триста, я остановился у обочины и вытащил из сумки извлеченный предмет. Планшет Павла. И какой-то бумажный конверт, размером примерно с наш почтовый, сантиметров десять на пятнадцать с надписью гелевой ручкой по-английски: «To ms. Rosewall». Я подозревал, что это было извлечено из солгулианской почты, только так и не дошло ни до миссионеров, ни до бандитов, ни до кого бы то еще ни было. Эльвира, наверняка знала об этом. Вряд ли она бы отдала Павлу весь пакет целиком, не изучив его содержимое. Впрочем, гадать было сложно. Да и не нужно. Я не хотел отдавать планшет ни Эльвире, ни Курачу. Впрочем, я бы и Геннадию его сейчас не отдал. Пусть все подождут, пока я сам не изучу и не пойму, из-за чего и за что вокруг меня одни люди убивают других. Глядишь, узнаю, как самому не подставиться под нож или пулю. А там поглядим, может, и отдам. Кому вот только?

...Один из двух листов бумаги в конверте представлял собой копию рукописного текста, написанного четким, почти каллиграфическим почерком. Язык английский, даже мне было понятно, что не очень современный. Не шекспировских времен, но и не двадцатый век.

«Большие расстояния в России, особенно в Сибири, определялись в днях пути. Счет расстояния днями конного пути был очень распространен у кочевых народов, так как в сте-

пи нет населенных пунктов, позволяющих точно определять расстояние. Однако по мере распространения христианства в Сибири измерять расстояния стали днями пешего пути – в Библии не редкость измерение длины в днях. Например, игумен Даниил указывает, что от Палестины до Вавилона сорок дней пешком. День пути считается величиной неопределенной, но согласно тогдашним русским источникам, он в XVIII веке принимался равным четырем милям».

Пожалуй, эта информация была немногим лучше той, что я уже слышал от мафиозного Студента. Меры длины, не имеющие эталона, в разные времена имеющие разный размер, и при этом с непонятной точкой приложения – более бессмысленные исходные данные и способы измерений было бы трудно придумать...

Второй документ (вернее, его копия) был интереснее. Написан он тоже был на не самом современном английском языке, но уже не от руки, а отпечатан типографским способом; шрифт выглядел архаичным и наводил на мысли о садунах и ковбоях времен Фронтيرا.

«Сведения о Золотой Женщине, являвшейся объектом поклонения кочевых племен Северной Азии, не могут быть признаны бесспорными. Согласно исследованиям британских ученых, полученных ими по результатам экспедиций в степях Урала и Болгарии (тоже мне географы! – подумал я), упомянутый идол, скорее всего, имеет иудейское происхождение. Его изображение совпадает с некоторыми артефакта-

ми времен раннего христианства, найденными близ Иерусалима. Между тем, по словам Гордона Шустера, который является крупнейшим специалистом по античному Риму, заявил, что нет ни малейших оснований допускать, что даже во времена раннего средневековья, не говоря уже о более древнем периоде, было какое-либо сообщение между народами Ближнего Востока и кочевниками Сибири. Шустер назвал такое предположение «вздорным и не имеющим ни малейших оснований к тому, чтобы принять его даже за гипотезу. Нет ни малейших фактов, которые бы свидетельствовали, что между культурами упомянутых регионов могла существовать какая-либо связь. Ни языковой, ни этнической, ни культурной парадигмы не существует, чтобы с научной точки зрения можно было обосновать подобное проникновение. Достоверного изображения Золотой Женщины не существует, а те наброски, которые были предоставлены в качестве якобы доказательств, могут быть изображениями абсолютно чего угодно...»

Ишь ты! Британские ученые, значит, уже давно занимаются различными изысканиями в околосвященных науках!.. Я еще раз перечитал текст, попробовал себе вообразить, что это за «Золотая Женщина» такая – наверняка какая-нибудь религиозная статуэтка... Может, действительно из золота? Написано, что характерно, было именно «gold» – «золотая» в прямом смысле, а отнюдь не «golden» – в переносном.

Что до планшета – компактнейшего компьютера системы

«Андроид», то он был защищен паролем. Скорее, от нечего делать, я ввел сначала “pavel”, потом – “elvira”, потом, кое-что вспомнив – “jesus”. Говорите что угодно, но я возомнил себя экстрасенсом и ясновидящим, ибо на «Иисусе» компьютер сдался. Велико было искушение изучить электронные документы немедленно, прямо за рулем «хайса», но тут позвонил Костя и настоятельно напомнил, что надо иметь совесть. Времени вообще-то была всего лишь половина первого, но я не видел ни малейшего повода беспокоить человека ненужным ожиданием. И завез «дозорную» униформу Косте на дом, а затем направился к себе, рассчитывая там изучить письма мертвого человека.

Опережая события, скажу, что мне удалось их прочесть...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 19 апреля, 18:39:52

Тема: относительно запроса

Уважаемый Павел! Прошу обоснованно ответить, чем вызваны Ваши настоятельные просьбы собрать для Вас сведения о работах Геннадия Ратаева? Насколько это соответствует интересам Церкви? Думаю, не надо объяснять, что если здесь имеют место Ваши личные интересы, то подобные запросы недопустимы. Прошу также пояснить, когда был заключен брак между Вами и гражданкой Эльвирой Мельниковой?

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Дата: 20 апреля, 10:16:11

Тема: ответ насчет Ратаева

Уважаемый Василий Анатольевич!

Геннадий Ратаев, как я уже сообщал, является известным специалистом не только в области сибирских ханств, но и христианской истории. Согласно сведениям, полученным от прихожан, Ратаев сумел найти на территории Сибири ряд фактов, которые могут подтвердить выводы исследователей о средоточии божественной силы именно здесь, в географическом центре России. Что касается Эльвиры Мельниковой, то брак между нами в установленном законом порядке пока не заключен, мы лишь недавно решили быть вместе, и я в первую очередь прошу Вашего благословения на этот союз.

С уважением,

Павел Столяров, руководитель Западно-Сибирского отделения сибирской епархии В.Е.Ц.Н.З.

=====
От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 24 апреля, 13:11:02

Тема: ответы на запросы

Уважаемый Павел! Вынужден Вам сообщить, что сведения личного характера мы не можем запросить в каких-либо организациях. Список опубликованных работ Геннадия Ратаева находится в открытом доступе по адресу:

http://www.***.ru

Мы пошли Вам навстречу и собрали некоторые нужные Вам данные (приложены к настоящему сообщению). Это тот максимум, который мы можем Вам предоставить. Вероятно, мы могли бы сделать больше, если бы Вы сообщили подробнее о том, что Вам известно о деятельности Ратаева.

Что касается благословения Вашего возможного брака, то будьте так добры, пришлите нам хотя бы краткое С. V. Вашей невесты.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Дата: 25 апреля, 15:22:41

Тема: CV

Уважаемый Василий Анатольевич!

Огромное спасибо за ответ. Сведения о моей невесте находятся в приложенном файле.

С уважением,

Павел Столяров, руководитель Западно-Сибирского отделения сибирской епархии В.Е.Ц.Н.З.

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 25 апреля, 18:01:19

Тема: Эля, срочно ответь!

Эля! Не могу до тебя дозвониться! Срочно ответь мне на почту!

Павел.

=====
От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 25 апреля, 18:30:12

Тема: Re: Эля, срочно ответь!

Пиши, что хотел? Не могу говорить сейчас.

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 25 апреля, 18:41:49

Тема: Сведения

У меня есть список всех родственников твоего бывшего!
В том числе и тех, про кого мы не знали. Есть такая семья Тряпичниковых-Черепановых, у них там какие-то проблемы

с фамилиями были, но это точно родственники, теперь хоть что-то мы знаем!

Есть список объектов в Алтайском крае и Узбекистане, куда он ездил на раскопки.

И у меня затребовали сведения про тебя, это как бы для заключения нашего брака)))

Павел.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 25 апреля, 18:59:08

Тема: Re: Сведения

Ты идиот!!! Пашка, ты дебил конченный!! Нахера надо было про меня что-то им отправлять!!???? И вообще, я сама уже давно знаю про Татьяну Черепанову, мне помогли устроиться в контору, где она работает.

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 25 апреля, 19:07:07

Тема:

Нечего на меня орать так в письмах! Во-первых, я ничего

лишнего про тебя не написал! Имя-фамилия, дата рождения, место жительства. ВСЁ!!!! Не сходи с ума. Лучше прокачай насчет Алтая. Надо туда ехать.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 25 апреля, 19:18:06

Тема:

Ладно, Паш, прости, погорячилась... Пожалуйста, не сердись. Я на самом деле сейчас дико занята, надо все вопросы с Полиной решить (она же на себе сейчас весь бизнес тянет!) по телефону поговорим завтра утром, а днем я приеду... Привезу с собой кое-что, вечерком побалуемся))) Насчет Алтая сам прокачай. Посмотрела список, надо уточнять. Генка многие места называл. Где-то мы уже искали. Придется еще поездить. Он, конечно, мог свалить куда угодно. Хоть к своему крестину-профессору в Ташкент, или где он там сейчас свои черепки копает.

=====

От: Кузнецов Сергей <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Bragin_ZS@***.ru

Дата: 28 апреля, 10:12:26

Тема: Запрос относительно работ в экспедиции г-на Кунцева

Здравствуйте, уважаемый Зиновий Серапионович! Вас беспокоит Сергей Кузнецов, ученик профессора Кунцева В.С. Мне известно, что профессор в настоящее время руководит экспедицией на территории Узбекистана. Я должен срочно передать ему информацию, которую он поручил мне подготовить до отъезда. К сожалению, так сложилось, что работу я закончил позже по причине моей болезни, а номера телефона для связи с моим учителем у меня нет. Не могли бы Вы сообщить любой контакт для связи с г-ном Кунцевым?

С искренним уважением к Вам,
Сергей Кузнецов

=====

От: Брагин Зиновий Серапионович <Bragin_ZS@***.ru>

Кому: Кузнецов Сергей <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 3 мая, 16:20:14

Тема: Re: Запрос относительно работ в экспедиции г-на Кунцева

Дорогой Сергей!

Профессор Кунцев В.С. в настоящее время действительно ведет работы в Узбекистане, на территории пустыни Аралкум, недалеко от Муйнака. Если бы Вы читали отчеты на сайте нашего института, то могли бы узнать его адрес электрон-

ной почты. Это является открытой информацией. Мне хорошо известно, что среди учеников Владлена Станиславовича нет никого по имени Сергей Кузнецов (и Павел Столяров тоже). Если бы Вы были таковым, то никогда бы не назвали профессора «господином», даже в третьем лице. Поэтому, извините, никаких иных контактных данных нашего сотрудника я Вам предоставлять не буду.

Брагин З.С., д.и.н., профессор, и.о. директора Сибирского института историографии и археологии СОРАН

=====

От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 3 мая, 19:09:51

Тема: относительно Вашего брака

Здравствуйтесь, уважаемый Павел! Мы изучили присланные Вами данные о гражданке Мельниковой, с которой Вы намереваетесь вступить в брак. К сожалению, у руководства Церкви сложилось крайне негативное впечатление от Вашего выбора. Просим Вас более взвешенно подойти к выбору невесты, поскольку есть мнение, что в течение следующего года Вам будет предложено продвижение с возможным переездом в Москву. Обращаю Ваше внимание о недопустимости привлечения гражданки Мельниковой к руководству богослужениями.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной
епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Kuncsev_V.S.@***.ru

Дата: 3 мая, 20:18:20

Тема: профессору Кунцеву В.С. от П. Столярова

Здравствуйте, уважаемый Владлен Станиславович! Вас беспокоит Столяров Павел, родственник Эльвиры, бывшей жены Вашего ученика Геннадия Ратаева. У нас здесь сложилась очень непростая ситуация, вызванная поведением Геннадия. Как Вам, возможно, известно, в конце прошлого года Геннадий сделал попытку восстановить отношения с Эльвирой. По крайней мере, на словах это было так. На деле же он сразу же исчез из города, когда стало известно о беременности Эльвиры. Мне сложно об этом говорить, но состояние Эльвиры внушает опасения (к тому же у них это первый ребенок). Извините меня за подробности, но мне известно, что Геннадий говорил о Вас как о достойном руководителе и товарище. Пожалуйста, попробуйте поговорить с ним именно с этой позиции и попросите дать о себе знать.

С искренним уважением,

Павел

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 4 мая, 10:16:20

Тема: 2 новости

Эля! Ты опять недоступна. Короче, есть две новости. Одна хорошая, другая плохая. Начну с хорошей. Я нашел контакты профессора Кунцева, думаю, Геннадий где-то рядом. Попытался выйти на него, как мы с тобой прикидывали. Это должно сработать. А плохая – это то, что наше руководство не дает благословения на наш брак.

Паша.

=====
От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 4 мая, 23:33:05

Тема: Re: 2 новости

Ничего плохого не вижу, пошли они все со своими благословениями! Мы и так справляемся неплохо. И со стороны, и вообще. Совсем же необязательно всем сообщать подробности наших отношений. Плохо, что за тобой шпионят и доносят о тебе в Москву... Ну ладно. Что тебе про Гену

сказали? Где он?

=====
От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 10 мая, 11:41:20

Тема: Убедительно просим объяснений

Павел Ильич! Учítывая, что Вы игнорируете мои замечания относительно привлечения Эльвиры Мельниковой к богослужениям, Вам ставится на вид строгое замечание. Считаю своим долгом также уведомить Вас, что упомянутая Мельникова уже находилась в государственном браке с Геннадием Ратаевым, которого Вы с таким непонятным упорством искали. Вот такое странное совпадение и, что самое неблагоприятное в этой истории, Вы злоупотребляете Вашим положением. Очевидно, с Вашим продвижением придется повременить.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Дата: 10 мая, 20:18:30

Тема: ответ

Уважаемый Василий Анатольевич!

Считаю своим долгом уведомить Вас, что всё, что я делаю, направлено исключительно для блага нашей Церкви и во славу Иисуса, Господа нашего. Работы и находки Геннадия Ратаева, в частности, позволят нам, нашей Церкви вознестись над другими конфессиями. В этом деле скромно участвует и Ваш покорный слуга. Эльвира Мельникова не привлекается к руководству богослужениями, это я могу заявить официально и со всей возможной ответственностью.

С уважением,

Павел Столяров, руководитель Западно-Сибирского отделения сибирской епархии В.Е.Ц.Н.З.

=====
От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 12 мая, 16:22:01

Тема:

Павел, прекратите заниматься демагогией и, пожалуйста, начните более ответственно относиться к Вашему статусу и Вашим обязанностям. В противном случае комиссии придется начать работу в Вашем отделении.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной
епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 14 мая, 22:06:17

Тема: Срочно ответить!

Эля, как там у тебя дела с Черепановой? Надо срочно что-то делать! На меня хотят натравить комиссию из Москвы.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 15 мая, 01:18:45

Тема: срочно отвечаю

Паша, с Таней у меня всё нормально, скоро мы все будем большие друзья. Ты лучше скажи, что тебе ответил профессор Кунцев?

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 15 мая, 01:23:04

Тема: Re: срочно отвечаю

Ничего он мне не ответил пока.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 15 мая, 02:20:17

Тема: Re: Re: срочно отвечаю

Хреново, что тут сказать... Надо туда ехать. Собирайся.

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 15 мая, 02:28:10

Тема: Re: срочно отвечаю

Куда? В Муйнак, что ли?

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 15 мая, 02:41:08

Тема:

Да, в Муйнак! Я, что ли, должна туда к ишакам ехать?!

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 15 мая, 02:47:42

Тема: Re:

Ты же знаешь, что я не могу туда ехать! Я вообще не могу уехать из города. У меня куча проблем помимо наших дел. В общем, я пошел спать, звони, надо встретиться и все обсудить.

=====
От: Кунцев В.С. <Kuncev_V.S.@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 16 мая, 18:10:41

Тема: Павлу Столярову от Кунцева В.С.

Здравствуйте, дорогой Павел!

Признаюсь, Вы меня сильно расстроили Вашим письмом. Если честно, Геннадия я знаю давно, частично в курсе его семейных проблем... Я мог бы порадоваться, что у него с Эльвирой восстанавливаются отношения, если бы не одно «но». Я думаю, что Вам, как ее родственнику, трудно поверить в

то, что более непорядочной (мягко говоря) женщины я еще не встречал. Она его не раз и не два обманывала с другими мужчинами (я могу это подтвердить вполне определенно). Знаю ее алчное отношение к деньгам. А отношение к Геннадию было очень «скачкообразным». Когда он начал работать над диссертацией, которая должна была стать очень смелой и интересной, Эльвира так и порхала возле него. Когда в институте сменилось руководство, и ему (а заодно и мне) намекнули на «несвоевременность» работы Геннадия, Эльвиру словно подменили. Она фактически его бросила. А потом, когда он заявил, что сделал некое «великое» открытие (между нами говоря, я не знаю, насколько этому можно верить), Эльвира вдруг качнулась обратно к нему. Это, знаете, со стороны было не так уж приятно наблюдать. Геннадий плохо разбирается в женщинах, но возвращаться к Вашей родственнице он не собирался. Это точно. Я передал ему Вашу информацию, но он ответил, что не верит в эту историю, т.к., в подходящий по срокам момент у него с бывшей женой ничего близкого не было и быть не могло. Кроме того, он хотел бы уточнить у Вас, кем именно Вы приходитесь Эльвире?

С наилучшими пожеланиями,
Кунцев В.С.

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: skolopendra_yadovitaya@***.com

Дата: 16 мая, 13:22:44

Тема: По поводу почтового ящика

Превед, Сколопендра, нашел в нете твой ник и чем ты занимаешься. Надо к одному мылу пароль подобрать. Могеш?

=====

От: Skolopendra Ya <skolopendra_yadovitaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 17 мая, 01:30:34

Тема: По поводу

ты чо блеать ах у ель такие вещи почтой спрашивать!!!
дай телефон сам позвоню

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Skolopendra Ya <skolopendra_yadovitaya@***.com>

Дата: 17 мая, 01:33:16

Тема: По поводу почтового ящика

***-385-54-45

=====

От: Skolopendra Ya <skolopendra_yadovitaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 18 мая, 12:40:18

Тема: По поводу

пасс готов, мона юзать, подгоняй бабосы

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 19 мая, 09:16:11

Тема: Это важно и срочно!!!

Элька!!! Я нашел электронный адрес Ратаева и по нему, говорят, можно найти, где он территориально находится! Ты почему опять вечером была недоступна??

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 19 мая, 12:25:36

Тема: адрес

Молодец, Пашка! Я тебя люблю! Давай адрес!

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 19 мая, 13:18:40

Тема: Re: адрес

Ты мне не сказала, где ты была вчера ночью опять.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 19 мая, 13:27:17

Тема: Re: Re: адрес

Пашка, ну ты совсем того, что ли? Дома я была, телефон просто выключила. Адрес давай.

=====

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 19 мая, 13:31:18

Тема: Re: Re: Re: адрес

Я прямо сейчас к тебе приеду.

=====

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 19 мая, 13:34:17

Тема: Re: Re: Re: Re: адрес

Приезжай, конечно! Я дома. Ну адрес-то можешь в почту кинуть пока?

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 19 мая, 13:41:16

Тема:

Вот адрес: rataev-gena_88@***.ru

Я еду.

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 19 мая, 20:17:40

Тема:

Ты где? Я приехал, тебя дома нет, телефон опять недоступен.

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 20 мая, 10:12:32

Тема:

Эль, ты где?

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 20 мая, 10:28:19

Тема:

Ну что за шутки, Эля?!!!

От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 20 мая, 11:30:24

Тема:

Я не понимаю, что происходит...

От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 20 мая, 12:40:50

Тема: Паша, я здесь!

У меня тут сложности с бизнесом были... Приезжай скорее!

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Skolopendra Ya <skolopendra_yadovitaya@***.com>

Дата: 20 мая, 19:18:19

Тема: по тому же поводу

Сколпендра, надо бы исчо один ящичек сделать.

=====
От: Skolopendra Ya <skolopendra_yadovitaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 21 мая, 13:36:22

Тема: Re: по тому же поводу

иди нах сначала бабло за тот подгони

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Дата: 22 мая, 08:12:40

Тема: опять, что ли?

Эля, хорош от меня прятаться, деньги нужны. Еще столько же.

=====
От: Support Team <support@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 23 мая, 02:18:07

Тема: This address is invalid

Unlikely, your message could not be delivered to one or more recipients.

<skolopendra_yadovitaya@***.com >:

host said: 554 5.1.1 Unknown user; in reply to end of DATA command

=====
От: Elvira <elle_manzani@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 20 мая, 12:40:50

Тема: кретин!

Пашка, ты уже понял, кто ты и почему! Надо было так лохонуться! Взял и подарил деньги жулику. В общем, так. Слушай сюда. Когда у нас будет собрание, я притащу Таньку

с ее мужем, твоя задача их охмурить хоть как. Не получится у тебя, сама займусь.

=====
От: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Кому: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Дата: 05 июня, 11:13:56

Тема: Сообщение

Уважаемый Василий Анатольевич!

Сообщаю Вам, что с гражданкой Мельниковой у меня нет более никаких отношений, и что она уже несколько недель не принимает никакого участия в богослужениях, даже косвенного. Должен также сообщить, что в нашем городе objavilasя некая американская «церковь», по сути секта, фактически присвоившая себе название нашей Церкви.

С уважением,

Павел Столяров, руководитель Западно-Сибирского отделения сибирской епархии В.Е.Ц.Н.З.

=====
От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 06 июня, 20:17:47

Тема: на Ваше сообщение

Уважаемый Павел, благодарю за сигнал. Должен также сообщить, что комиссия по Вашему персональному делу начнет работу в Вашем отделении в самое ближайшее время.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====

От: Skolopendra ZLO
<skolopendra_zloveschaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 08 июня, 13:12:42

Тема: По поводу

все норм, мона работать. пеши срочно, надо исчо или нет?

=====

От: Skolopendra ZLO
<skolopendra_zloveschaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 10 июня, 21:16:25

Тема: По поводу

ты че не отвечаеш?

=====

От: Василий Лазарев <lazvas@***.ru>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 12 июня, 10:16:04

Тема: прошу ответить

Уважаемый Павел, председатель выездной комиссии общает, что не может до Вас дозвониться, и на месте Вас нет. Прошу немедленно позвонить мне в Москву.

С уважением,

Василий А. Лазарев, руководитель межрегиональной епархиальной комиссии В.Е.Ц.Н.З. (Москва)

=====
От: Skolopendra

ZLO

<skolopendra_zloveschaya@***.com>

Кому: Павел Столяров <stolyarov_pavel@***.ru>

Дата: 13 июня, 18:40:25

Тема: По поводу

в общем, мне пофиг, почему ты не пишешь – мое дело сделано. если юзер учотку отредактирует, придется работать снова за те же бабки. ты понел

=====
...Я выкурил не меньше трех сигарет, пока изучал содер-

жимое почтовой программы. Письма не оставляли сомнений – Геннадий Ратаев действительно где-то что-то раскопал... Уж не на территории ли собственной дачи?... И Эльвира, будучи вполне материальной девушкой, теперь полагает, что она что-то с этого будет иметь. Что именно?.. Непростая женщина Эльвира, даром что лежит теперь на вытяжке. Геннадия, значит, рога наставляла. Да и кроме Павла наверняка у нее кто-то был, тут и к бабке ходить не надо – все из писем без лупы разглядеть можно. Не дождался Павел комиссии...

Жаль мне его почти не было. Разве что самую малость.

Средоточие «божественной силы именно здесь, в географическом центре России. Работы и находки Геннадия Ратаева, в частности, позволят нам, нашей Церкви вознестись над другими конфессиями». К спящему Ктулху на дне Обского моря добавилась еще и фабрика Абсолюта примерно в тех же местах. Было о чем задуматься...

Разумеется, Эльвире я и не собирался докладывать о своей находке и о прочей информации, выуженной из планшета. Не собирался докладывать и американцам. И, что естественно, не собирался ничего говорить бандитам.

Я снова запустил почтовую программу и, подумав немного, написал письмо прямо из-под учетной записи Павла:

«Превед, я был сильно занят, высылай мне то, что у тебя есть».

Не прошло и десяти минут, как Сколопендра откликнулся

(или откликнулась):

«телефон дай твой если есть другой»

Я написал номер своего мобильного и поехал работать. До встречи с сестрой Кэсси оставалось еще прилично времени, и я был вынужден проводить его с пользой для своего кармана.

* * *

– Это Павел? – вкрадчиво спросили меня, когда я взял телефон и сказал «алло». Номер был засекречен. Голос скрипучий и сравнительно высокий. Вроде мужской. Хотя...

– Это Сколопендра? – не менее вкрадчиво поинтересовался я. – Павел мне передал все твои контакты. Ему срочно пришлось улететь в Москву.

Пауза.

– А че за дело-то?

Если мужик, то молодой. Студент, наверное. Технического вуза.

– Ящик, – сказал я. – Доступ. Бабосы Павел тебе за него подогнал.

– Ты че-т не по адресу, – скучным тоном ответили мне. – Ложи трубу и не звони больше.

Прокуренная девушка?

– Имя ящика – «ратаев-гена-восемьдесят восемь». Я все знаю. Мы с Павлом работаем вместе.

– Оки. Приходи к пяти часам туда, где Павел со мной встречался...

Ага. Будто я знаю, где это было... Где вообще студенты сейчас деловые встречи устраивают?

– Ага, – сказал я, постаравшись вложить немного яда в голос. Немного, чтоб неясно было – яд это или просто стиль общения у меня такой. – Давай-ка в сквере у Оперного. Мне там привычно.

– Ну так а я о чем?.. На центральной аллее вторая или третья скамейка будет со стороны театра. Ты как будешь прикинут?

Я сказал. Сколопендра что-то буркнул, и отключился. Вот еще незадача, что ему, трудно было просто пароль на почту Павла отправить?.. А пароль нужен. Я, конечно, мог просто написать Геннадию письмо – так мол и так, я гражданский муж Тани Черепановой, имею до тебя интерес... Но, учитывая, что Геннадию уже писали от имени более чем сомнительных родственников, то теперь он, чего доброго, прочитавши подобное, зашифруется еще сильнее. Так что не вариант.

... К пяти я не успел, клиент попался бестолковый. Никак не мог вспомнить адрес, куда доставить его коробки, воняющие какой-то зловредной химией. Салон машины здорово пропах чем-то средним между спиртом и соляной кислотой, остановивший меня гибдэдэшник долго тянул носом, пытаюсь понять, что же это такое я пью и чем закусываю. Ми-

нут двадцать полицейские инспекторы дорожного регулирования тянули время в ожидании якобы того, чтобы отвезти меня к наркологу. Они то ли ждали, когда я предложу им денег, то ли расколюсь на то, что я вчера или сегодня «употреблял», в итоге не дождались и скрипя сердцем вернули мне документы. У меня хватило ума не показывать им, что я тороплюсь...

В последние годы литераторы и кинематографисты рисуют очень странный образ современного хакера. Это, во-первых – частенько существо женского пола (что уже само по себе вызывает сомнения в компетентности авторов), во-вторых – не очень благополучное в социальном плане, в-третьих – внешне как правило ну очень неформальное, в-четвертых (это опционально) – нестабильной сексуальной ориентации.

Сколупендрой оказался одетый в совершенно обычную одежду (джинсы и тенниску) молодой человек лет двадцати, подтянутый, опрятный и даже без татуировок на видных местах. Никаких серег, браслетов или – страшно подумать – пирсинга. Из побрякушек – только одно кольцо. Обручальное, можете себе представить? В зубах сигарета, что-то донельзя обычное, вроде «винстона». Вот только голос неприятный, словно железом по стеклу, да сленг «интернетный».

Мы поздоровались. Услышав «превед», явно произнесенное так, как это все еще бывает принято писать в электронном виде, я изложил, кто я, собственно, такой (изолгался напроць, естественно) и сообщил, что мне, собственно, надо (а

тут, конечно, все была чистая правда). Кроме пароля к почтовому ящику Ратаева мне от этого парня больше ничего не было нужно.

– Ну, я ж говорил Павлу, типа нефиг ему шифроваться, теперь ваш клиент поставил новый пароль себе на учетку, и надо делать все заново, – прогундосил Сколопендра.

– Давай проверим, может, он не ставил новый пароль, а сидит под прежним?

– Как ты это хочешь проверить?

– Вот так! – я вытащил из сумки планшет.

Сколопендра сориентировался. Он взял планшет, молниеносным движением пальцев открыл окно какой-то неведомой мне программы, вбил совершенно каббалистическую последовательность символов с клавиатуры, и через несколько секунд показал мне ответ с экрана: «login incorrect».

– Не пускает. Я же говорил, пароль сменился.

Я, конечно, был уверен, что этот жук мог ввести, что называется «от балды» любую комбинацию, все карты ведь были у него на руках. Я же играл втемную, и банковать не имел никакой возможности.

– Что делать тогда?

– Придется заново потрогать ящик... Что же еще?

– Ну так...

– Я же писал, что это новая работа и новая оплата...

– Сколько?

– Ну, учитывая скидку по акции, как постоянному клиен-

ту, будет пятьсот...

Разумеется, тут же выяснилось, что отнюдь не юаней. Я слегка наехал на представителя программистской элиты, воззвав, как ни странно, к его совести. Как ни странно, это сработало – видимо, ему еще ни разу не приходилось слышать подобных слов, и цена вопроса упала до пяти тысяч в рублях на день факта взлома с оплатой по результату.

Результат он мне обещал выдать завтра, а если повезет, то сегодня. Насчет сегодняшнего дня я не стал обольщаться. Мне нужно было съездить в Шатунихи, что-то там моим американцам понадобилось от меня... Вот и Лымарь опять – а этому кровососу чего надо?

– Да, слушаю.

– Ты где сейчас?

– В центре. На заказе работаю, – частично соврал я.

– Там твои друзья что-то затеяли. К ним какой-то штырь на крутой тачиле приехал, узнал бы, что и как, а?

– Походу ты сейчас и так больше меня знаешь, – проворчал я. – Мало данных. Когда приехал, что хоть за тачка? Насколько крутая? «Майбах» или так – «ягуаришка» какой-нибудь?

– Не, ты это, муму пороть не надо, твое дело выяснить, что у них за дела, и потом мне позвонить.

И отключился, даже не став ждать, что я ему отвечу. Я произнес вслух, что хотел ему ответить... Вроде не громко, но проходившая рядом женщина шарахнулась в сторо-

ну. Ладно, придется рассказать, хорошо хоть не надо самому придумывать повод для визита к арендаторам.

* * *

Возле ворот никакой «крутой тачилы» я не увидел, но это меня не взволновало. Я позвонил от ворот на телефон Бэрримора. Выключен... Набрал мисс Роузволл...

– Добрый вечер, Энди.

Ворота, с некоторых пор снабженные электроприводом и радиоуправлением, приветливо открылись мне настежь. Уже въезжая, я понял, о какой машине шла речь – знакомая синяя «семерка» стояла во дворе совсем рядом с крыльцом. Семьсот тридцать пятый «БМВ». Я почему-то не удивился. Сложить два и два было нетрудно – американцам был нужен именно мой дом, и именно меня они караулили, и именно ради меня устроили тогда цирк с выходом наружу и критическими замечаниями в адрес якобы риэлтора Владимира... Раскопки участка тоже наводили на мысль... Правда, миссионеры не знали, что Геннадий тут уже все перерыл вдоль и поперек. Миссионеры... Хоть бы одного адепта, действительно, притащили к себе. Наши-то «однофамильцы» из ДК имени Островского и службы проводят, и неофитов обрабатывают... А эти только ищут. Что?

Я остановил «тойоту» рядом с «немцем» и вышел наружу. Ворота беззвучно закрывались. Да, если вся эта эпопея

закончится как просто временная сдача в аренду, вложение я сделал очень правильное. Надо полагать, все это благоустройство американцы вряд ли увезут с собой за океан.

Особо не раздумывая (меня больше занимала сейчас расторопность Сколопендры), я поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Стучать было глупо – меня, все-таки пригласили сюда на этот час, да и вообще, вроде как собственная недвижимость...

Сначала я просто не понял, что со мной происходит, и вообще, где я нахожусь. Знакомый дачный интерьер стал совсем незнакомым – вместо веселеньких выцветших обоев стены затянула черная тканевая драпировка. Что за черт?..

– Заходи, – послышался мужской голос. При этом совершенно без английского или какого-либо еще акцента.

Голос доносился из большой комнаты, из «каминной». Камин, к слову, был разожжен, несмотря на жаркую погоду. Огонь, правда, был вялым, вьюшка открыта почти полностью. Из комнаты тянуло теплом и едва уловимым запахом каких-то курений... Там тоже стены частично задрапировали, кое-где, правда, полностью скрыть желтенькие цветочки не удалось. Над диваном горело бра, какого здесь раньше не висело, даже не бра, а какой-то круглый настенный фонарь тревожно-красного цвета. Свет от широкого – сантиметров тридцати в диаметре – плафона был весьма ярким. Второй светильник, такого же цвета, но не такой большой и мощный, стоял на каминной доске в окружении пятиугольника

горящих свечей. Все это несколько напоминало фотолабораторию – тех еще времен, когда снимки нужно было отпечатывать на фотобумаге и вымачивать потом в проявителе и фиксаже.

В комнате находилось двое. Один из них был смутно знакомый мужчина лет тридцати – подтянутый, элегантный, в белой рубашке, черных (вроде бы) брюках и блестящих туфлях. Он сидел в одном из двух кресел у столика (второе пустовало). Видимо, он и приехал на «БМВ». Риэлтор. Цирк!

Впрочем, на мужчину (как и на детали интерьера) я обратил внимание далеко не сразу. Потому что на диванчике, под ярким красным фонарем, поджавши ножки, сидела сестра Кэсси – я даже не сразу понял, что это именно она. Мисс Роузволл была облачена в тесное и довольно короткое платье черного цвета с блестящими вставками на лифе, которое элегантно подчеркивало небольшую, но очень приятную на вид грудь, и гибкую, высокую талию. Красоту рук и плеч оно вообще не скрывало, так же, как и коленей. Рубиновым блеском сверкали серьги, браслеты, губы и пряжки на черных туфлях с высоким каблуком. Шею обхватывала тонкая цепочка, вероятно, золотая, а с нее свешивалась прямо над ложбинкой небольшая пентаграмма из желтого металла – «правильная», устойчивая, такая же, как геральдическая звездочка на официальных государственных символах.

Граждане, думайте что хотите, но я слегка обалдел. Но ненадолго. Конечно, будь я совсем уж мальчишкой (иногда

мне кажется, что это было еще совсем недавно), зрелище такой готичной сексуальности прибило бы меня на месте. Но подействовало и сейчас. До такой степени, что я недовольтно посмотрел на «риэлтора» – этот тип мне показался сейчас здесь абсолютно лишним. Как и любой другой мужчина, кроме меня. Правда, ни Бэрримора, ни Старлинга поблизости не наблюдалось. Но я их вряд ли принял бы в расчет при похожей обстановке. «Риэлтор» же показался мне альфа-самцом, и у меня кулаки сжались сами собой.

– Садись, – предложил мне «альфа-самец», указывая на второе кресло.

Демонстративно я выдержал паузу секунд в пять. Демонстративно медленно прошел к креслу, а пока шел, не менее демонстративно (и с искренним наслаждением) поедал взглядом Кэсси. Хороша, ничего не скажешь... Только зачем все-таки устраивать для меня подобный цирк?

Усаживаясь, я думал, что лучше спросить у этого типа: «ты чьих будешь?» или еще какую-нибудь более провокационную фразу кинуть. Очень хотелось подраться и начистить ему репу как следует – ну, как оно всегда бывает, когда ты приходишь на встречу с красивой женщиной, а рядом ошивается какой-нибудь деятель, мнящий себя модным или крутым... Впрочем, репу он и сам может мне начистить, с досадой подумал я, присмотревшись – под белой рубашкой скрывалось тело отнюдь не пингвина.

И вообще, он меня опередил:

– Меня зовут Виктор, – представился он негромко. Голос у него был «без особых примет», как и лицо – в меру овальное, в меру продолговатое, правильное и явно холеное. Лоб высокий под темной, аккуратно подстриженной шевелюрой, брови горизонтальные, глаза глубоко сидящие. Но это, скорее, из-за игры светотеней. Нос небольшой, слегка вздернутый – такой вполне мог украсить женское личико, Губы тонкие, подбородок тяжелый, «волевой».

Я промолчал. Наверняка он знает, кто я такой, и кем прихожусь здешним миссионерам.

– Я знаю, кто вы, – продолжил он, – чем вы занимаетесь, и каким образом так все сложилось, что мы тут с вами встретились и беседуем.

– Догадываюсь, что вы не занимаетесь недвижимостью, – решил я подать голос. Хотелось курить. И пить. Мне было жарко.

– Отчасти верно. Я – Мастер, – сказал он, явно произнося это слово с большой буквы. Вы что-нибудь слышали об «обществах»?

– О масонских ложах? – решил я блеснуть начитанностью. Кэсси, кажется, улыбнулась. Чувства мои были обострены, я ощущал легкий аромат ее парфюма – необычно терпкий и одновременно нежный, буквально «обволакивающий».

– Масонство – лишь одно из собирательных названий конгломерата таких *обществ*, – сказал Виктор. – В наши дни лю-

бой человек может собрать вокруг себя кучку единомышленников, нарисовать циркуль с наугольником, назваться Мастером и начать раздавать градусы. Не скрою, наше *Общество* по духу и типу организации близко к «вольным каменщикам», и преследуем мы сходные цели, но поклоняемся иным силам, и исповедуем другие принципы.

– О тамплиерах я тоже знаю, – сказал я.

Опять улыбка в рубиновых тонах...

– Тамплиеры остались в совсем уже далеком прошлом, – серьезно произнес Виктор. – Мне ясно, почему вы так сказали. Дэна Брауна читало все прогрессивное человечество, и все *общества* в мире должны ему поставить памятники из чистого золота, потому что так изошренно увести праздный интерес людей в нужную сторону еще никому не удавалось. Масоны, тамплиеры... Бог ты мой, какая средневековая архаика! Да, конечно, самые богатые люди мира, которые могут влиять на большую политику и развязывать войны – они все так или иначе масоны... Кроме мусульман, естественно. Восточные шейхи, скажу вам, намного богаче европейских магнатов... Просто они не умеют или не хотят правильно распоряжаться своим влиянием. Менталитет такой – неспешно курить кальян, созерцать и наслаждаться – вот в чем смысл их жизни. И таков их рай – спокойный и чувственный. В отличие от европейской Валгаллы, которая требует активных действий и не дает расслабиться даже после смерти. И никакие иудейские и христианские традиции с

их монотеизмом и непонятным среднему человеку райским блаженством не смогли вытравить из европейских варваров желание постоянно сражаться, пировать и насиловать...

Мне стало скучно. Не выношу эти беседы для выправления мозговых извилин. Во-первых, они у меня и так достаточно прямые для того, чтобы не желать заниматься поисками смысла жизни, во-вторых... Во-вторых, просто не люблю я всех этих сектантов, масонов и прочих «посвященных». В их жизни все ведь делается только для одного – правильно покойный Павел сказал: «какие цели обычно преследует глава какого-нибудь сомнительного культа? Власть, деньги и удовольствия от невоздержанного образа жизни». А что еще собственно, надо большинству людей нашей планеты? Правильно, широкий выбор сексуальных партнеров, изысканная нямка, и самое главное – знание того, что большинству подобное недоступно. Иначе какое удовольствие может быть от роскоши как таковой? Если каждый человек сможет вдруг приобрести «роллс-ройс фантом», хотя бы и сильно подержанный, надо срочно сделать какие-нибудь ограничения... Например, ввести неподъемный налог на мощность или объем двигателя...

И тут я заметил, что Виктор, в сущности, говорит то же самое:

– Так что все человеческие устремления довольно просты. Ты человек образованный, хоть и занимаешься непонятно чем... Вынужден заниматься... И знаешь, или, по крайней

мере, должен знать, что движет *Обществом*.

Виктор вдруг сменил тон:

– Хотя, ладно. Тебе не до этого. Было бы у тебя время и возможности для развития, для достижения того уровня, которого достойны люди образованные, ты бы и мне нашел, чего сказать.

А ведь он бил куда надо, отдаю ему должное... Монтеня только вспомнить, чьих «Опытов» я осилил страницы четыре, да и то спроси о чем там, вряд ли толком мог бы изложить... Да хотя бы просто русскую классику из отцовской библиотеки. Вроде есть желание приобщиться или вспомнить, о чем там в прошлой жизни нам, школярам, пытались вдолбить, когда мы в основном о девчонках только и думали... Так нет, в конце концов рука сама тащит с полки Чейза или Спиллейна, а в последнее время даже и детективы читать не тянет – включил свежескачанный боевичок на компьютере – сиди и расслабляйся с Танькой в обнимку. Ибо за день так накувыркаешься, что мозг настоятельно требует именно отдыха, а вовсе не размышлений о бессмертии души и скоротечности жизни.

– Короче, Виктор, – сказал я, стараясь не показать свою досаду. – Что вам от меня надо?

– *Нам?* – переспросил Виктор. – Нет, я думаю, это *тебе* надо.

– Что именно?

– Стать одним из нас, – просто ответил Виктор.

Кстати, о классиках. Я все-таки помнил о том, как масоны охмурили Пьера Безухова, и о том, что ничего полезного из этой истории не вышло. Причем ни для той стороны, ни для другой.

– Я думаю, это ни о чем, – сказал я.

Кэсси на диване слегка шелохнулась. Может быть, она не поняла?.. Но Виктор, конечно, понял, и потому перевел смысл вслух как мог: «there is no need to do it», не обращаясь к ней, а говоря как бы в воздух.

– Зря ты так думаешь, – покачал головой Виктор. – У нас ты бы нашел все, чего тебе не хватает... Конечно, было бы глупо обещать, что на тебя свалятся все сокровища мира... Но как минимум, гонять грузовик тебе скоро не понадобится. Найдешь себе занятие более спокойное, стабильное и... позволяющее уделять жизни гораздо больше времени.

– Зачем тогда я нужен вам? – спросил я. – Виктор, мы с вами вроде люди взрослые и оба отлично понимаем, что когда один человек делает другому деловое предложение, то первый всегда больше заинтересован в результате, нежели второй.

– Далеко не всегда, – вдруг подала голос Кэсси. Сказала она это по-русски. – Интересно, много ли она понимала из речи моих соотечественников? Может быть, гораздо больше, чем хотела мне это показывать?

– Вкратце вся история, чтобы между нами не осталось неясностей... Сестра Кэсси, может, мы выпьем чего-нибудь?

Прохладительного, естественно.

Мисс Роузволл кошачьим движением соскользнула с дивана и вытащила из холодильника бутылку кока-колы. На столе появились небольшие стаканчики, простые и недорогие, явно недавно купленные. У нас-то, как у большинства дачников, использовались в основном фарфоровые кружки, разнокалиберные, и слегка шербатые.

В профиль сестра Кэсси тоже выглядела на все сто. Очень ладная фигурка была у главы миссии. Симпатичный такой животик, не по-спортивно плоский, а самую малость округлый, вызывающий мысли о приятной мягкости... Ну и сзади тоже соответственно... Я с наслаждением выпил полный стакан колы.

– Значит, Андрей, слушай, запоминай и делай выводы. Любые... Лет пять или шесть тому назад здесь произошла сделка, про которую ты, возможно, знаешь. Отставной адмирал Иванов купил эту дачу. Этот вариант подыскал его пасынок, студент истфака Геннадий. Фамилию, думаю, тебе уже не надо называть. А прежними хозяевами была супружеская пара преподавателей из университета, то есть, Геннадий, видимо, знал об их планах продажи дома и участка, и прилагал все усилия к тому, чтобы дача досталась его отчиму, а вернее, самому Геннадию. Адмирал к тому времени уже был не в лучшей физической форме, мать Геннадия никогда не стремилась к дачной жизни, поэтому Геннадий получил возможность делать на этом участке все, что ему только бы взду-

малось.

А вздумалось ему вот что. Будучи человеком увлеченным – а ты знаешь, что он профессиональный историк и археолог – причем не чуждающийся археологии «черной» – Геннадий собственноручно перекопал весь участок и вырыл подвал под домом... К сожалению, мы об этом узнали слишком поздно. Если что-то здесь и было, то уже найдено. Но, судя по всему, здесь не было ничего. Геннадий тоже ошибся и сейчас он должен находиться там, где, собственно, и скрыт предмет его поисков. Возможно, Геннадий уже его нашел... А если так, он в большой опасности. Так же, как и все, кто с ним столкнулся, хотя бы косвенно. В том числе ты и те, кто тебе дорог... Сестра Кэсси, нам бы еще колы...

Я опрокинул второй стакан... В голове что-то покачивалось и плыло, словно от выкуренной после нескольких дней воздержания сигареты. Камин почти прогорел, в комнате стояло плотное тепло... Жажды уже не было, желание курить тоже ушло. Но почему-то словно бы обострились чувства – теперь я ясно видел каждую ниточку драпировки, каждую трещинку в кладке камина, слышал потрескивание пламени свечей и шорох падения угольков через колосники. И запахи... Бог ты мой, что за аромат у духов Кэсси! Где она такой нашла, он же действует прямо на основной инстинкт...

– Что он нашел? – спросил я. Звук собственного голоса доносился до меня словно со стороны. Он был не очень знакомым, словно я слушал сам себя в записи.

Виктор взглянул на часы, потом перевел взгляд на меня, на Кэсси...

– Геннадий нашел, или вот-вот найдет Золотую бабу... The Gold woman, – повторил он по-английски.

– Сокровище скифов? Или ордынских ханов? – спросил я, вспомнив прочитанный документ. Золото... Наверное, в предках у меня были безбашенные авантюристы – я редко мог спокойно слышать это слово. И редко мог спокойно смотреть на золотые ювелирные изделия, из-за чего, бывало, в школьном возрасте бывал удостоен от друзей не очень приличных шуток.

– Легенды изучай сам, – сказал Виктор. – Что касается реальности, тому, что ищет Геннадий, цены вроде как нет... А с другой – она есть, и может быть записана цифрой с десятью нулями. Вот и думай, почему я считаю, что ты в опасности. За Золотой бабой охотятся ваши бандиты... Которые уже дали тебе задание следить за нами... И фанатики, которые ничем не хуже бандитов. С нами ты будешь в безопасности... В общем, подумай... Кое-что я тебе уже сказал, сестра Кэсси расскажет еще что-нибудь, остальное ты узнаешь сам... А мне сейчас пора. До свидания, Андрей. До свидания, сестра Кэсси.

Виктор поднялся (да, крепкий, высокий и плечистый мужик, ничего не скажешь) и покинул комнату. Хлопнула дверь, на дворе глухо взвыл мощный двигатель...

– Жарко, – сказал я, хотя мне было не так уж жарко. Про-

сто нахлынули странные ощущения.

– Все хорошо, – произнесла Кэсси. Она переместилась с дивана на кресло, где только что сидел Виктор, уселась, приподняв и чуть-чуть разведя коленки (разве на такое можно НЕ смотреть?!) и налила нам еще по стаканчику... Вернее, мне уже по третьему, себе – первый, взяв из шкафчика еще один чистый. Куда делся стакан Виктора, я так и не понял... И вообще, голова реально шла кругом, то ли от полученной информации, то ли еще от чего-то... От чего?

Я выпил еще колы (Кэсси – тоже осушила полстаканчика), и решил, что от греха подальше надо сматывать удочки. Что-то со мной было не так... Вот только как я поведу машину в таком взвинченном состоянии? С чего бы я так взвинулся, черт возьми?

– Я, наверное, пойду, – неуверенно произнес я.

– Разве ты не хочешь узнать еще что-нибудь? – слышался вопрос.

– Возможно... Позже...

Я попытался встать, и мне это удалось. Абсолютно непонятное состояние: вроде ноги плохо держат, и при этом ощущение легкости, словно у шарика, накачанного гелием. Мне показалось, что если я чуть подпрыгну, то пробью головой потолок. Поэтому я сделал очень осторожный шаг, но черные стены закружились вокруг меня в оттенках красного сияния.

– Что с тобой? Тебе помочь? – спросила Кэсси.

И взяла меня за руку. Прикосновение было ударом тока, взрывом гранаты, фейерверком в животе. И, прошу прощения за натурализм, чуть ниже. Близость красивой (нет, не так – *невозможно* красивой) женщины, с ее обволакивающим ароматом, стекающим куда-то по позвоночному столбу, как по водосточной трубе, подействовала на меня действительно словно на подростка. Я не просто хотел ее, я *безумно* хотел ее, и я подумал, что если сейчас *этого* не произойдет, то я просто скончаюсь в страшных судорогах... Которые, кажется, и без того уже начались...

– Ну, ну... Подожди, все хорошо...

Кэсси всё-таки чуть отпрянула, залпом допила свой стакан и после этого сделала шаг в мою сторону и прижалась ко мне.

Все. Если у меня до этого момента еще было что-то, отдаленно напоминающее мозг человека разумного, то сейчас разум уступил место пресловутому инстинкту, который заставил меня нервно расстегивать черное платье Кэсси... которая, кстати, и сама завелась не на шутку, вот так... Красное на черном... Диван, кстати, тоже был застелен покрывалом черного цвета, и на него полетело нижнее белье Кэсси цвета рубина. Под рубиновым светом фонаря мы попытались завалиться на этот диван... Но на нем было ужасно, просто невыносимо тесно и мы рухнули на ковер... Я не знаю, сколько времени мы провели в тесном контакте, я не считал, сколько мы поменяли поз, и сколько раз Кэсси долго и протяж-

но вскрикивала. Некоторые моменты хорошо запомнились, и один – особенно: сидящая на мне сверху женщина раскачивается, мотает головой во все стороны, у нее подпрыгивают груди, и вот она вдруг на несколько секунд сбавляет темп, не прекращая, однако, двигать бедрами, и жадно припадает к пластиковой бутылке с колой... Потом буквально заставляет меня ее допить... и после этого всё сливается в одну горячую полосу долгого и даже пугающего угара, прекратить который не было просто никакой возможности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

– Ктулху фхтагн, – произнес я, глядя на весь этот разгром в каминной комнате. Возможно, я то ли хотел сказать «доброе утро» самому себе, то ли пожелать здоровья некоторым частям тела с упоминанием нового года... В данный момент это было неважно... и невозможно. Произносить членораздельные слова я был не в состоянии. Соображать – тоже. Дико хотелось пить, а еще больше – есть. Вернее, жрать. Говорят, такое состояние бывает у злоупотребляющих марихуаной, но ведь я вчера вечером не курил даже сигарет... Не до них мне было.

Столик упал и сместился в угол комнаты, куда он словно бы забился от ужаса, созерцая картины минувшего вечера. Оба кресла тоже отодвинулись к стенкам, деликатно освободив нам место для ристалища. Черная драпировка свалилась с одной из стен, открыв свету снаружи возможность проникать через оконное стекло. Кажется, в эту черную ткань мы вчера случайно завернулись, запутались в ней, так ведь зубами рвать ее начали, чтоб не мешалась... Черт возьми! Такого со мной еще не было... Поистине собачий кайф, как его называют любители особых стимуляторов... Но нет, причем тут примитивный «кайф»? У меня ж просто башню сорвало. Это был не просто секс. Черт возьми, это было больше, чем

секс. Намного больше.

На полу возле камина стоял стаканчик, на четыре пятых наполненный темной жидкостью, очевидно, выдохшейся колой. Колой, как же! Вернее, колой тоже, вот только чего там было подмешано, интересно? Экстази, «винт», кокаин или растворимые опиаты? Ясно, сам Виктор эту отраву даже не попробовал... Спойл всё мне... А Кэсси-то, Кэсси какова? Не знаю, нужно ли было ей самой по «сценарию» пить этот «афродизиак», но глотала она его явно со сладострастным удовольствием... Какая женщина... Какое нежное, ароматное и сладкое тело... Такое ощущение, что я неожиданно влюбился. С треском и вспышками. И с перманентным падением в бездонную пропасть.

Мысли шевелились плохо, но некоторые «флэшбэки» были очень яркими. И тут меня накрыло волной нежности так, что не скоро вспомнил, как самого-то зовут. Вот это да... Ни одежды Кэсси, ни ее самой в комнате не было. В доме вообще царила полная тишина, нарушаемая только тиканьем часов на полу, (упавших с каминной полки, но исправно показывавших восемь часов), да доносящимся издалека жужжанием то ли бензопилы, то ли газонокосилки. Я выплеснул остатки жидкости в камин (еще не хватало сейчас *это* допивать), нашел свою разбросанную одежду и принялся облачаться. Во всем теле разлилась неприятная слабость, хотелось просто плюхнуться в кресло и так сидеть – даже не спать, просто отдыхать и ни о чем не думать... Я вообще не

люблю наркотики и боюсь их. Слишком хорошо знаю, что они с людьми делают. Брата моей давней приятельницы только вспомнить... Да и меня когда-то тоже пытались посадить на иглу, чуть было Ктулху душу не отдал...

В шкафчике обнаружил початую бутылку виски (нет, это тоже мне нельзя, во всяком случае, сейчас) и початую же литровую бутылку «бонаквы». Черт знает, не намешали ли эмиссары-миссионеры туда чего-нибудь трэфного, но выбирать уже было сложно... Желудок сделал слабую попытку взбунтоваться, но вода абсолютно точно была нужна в этот час моему изношенному организму. Напившись, я снова подумал, а где, собственно, находится Кэсси? Я по-прежнему ее хотел, вот ведь что интересно. Я хотел ее так, как ни одну женщину до этого. У меня было желание не просто обладать ей, а раствориться в ней. *Раствориться и застыть.*

Хлопнула входная дверь, и американка вошла в комнату. Выглядела она превосходно, словно и не было этих многочасовых скачек вчера поздно вечером. Теперь она была одета в светлый брючный костюм, достаточно свободный, чтобы не вызывать неделовых мыслей, но для меня это уже не имело никакого значения. Черт его знает, что произошло вчера, и наркотики ли тому виной, но я уже чувствовал, что на этой женщине просто свихнулся... До такой степени, что убил бы сейчас ради нее кого-нибудь. Если бы она этого вдруг захотела. Или сам бы умер. Предпочтительно в страшных судорогах.

– Доброе утро, – сказала Кэсси, улыбнувшись. От этой ее улыбки сердце у меня пропустило такт (если не два), а потом понеслось вскачь...

– Ктулху фхтагн, – снова сказал я, потому что, несмотря на выпитую воду, у меня совершенно не слушались ни язык, ни губы. Досталось им вчера крепко... Впрочем, мозговые извилины слегка зашевелились, и отметили, что американский акцент у мисс Роузволл вдруг куда-то исчез. Вернее, не совсем чтобы исчез...

С ошеломляющей грацией Кэсси прошествовала к кофе-машине и включила ее. Аппарат громко зажужжал.

– Подойти сюда, – сказала она мне. – Давай поставим столик на место.

Да, это был не акцент. Скорее, та самая немного странная артикуляция, присущая тем, кто плотно связан с зарубежными церквями или с сетевыми культурами... Какое чудесное произношение, удивительно, что раньше оно мне не нравилось.

Мы поставили столик, потом Кэсси вдруг покинула комнату (я издал протестующий звук), но она быстро сказала «минуту», и действительно, вернулась очень быстро, побывав в своей спальне. А внесла она с собой блюдо с простыми пирожными, на вид безумно аппетитными... Кофейная машина издавала восхитительный аромат свежеприготовленного кофе... За такую заботу мне захотелось упасть на пол и целовать Кэсси ноги...

Но вместо продолжения сексуальной оргии мы сели за стол и принялись за кофе. Вообще-то я испытывал настолько сильный голод, что сразу же проглотил четыре пирожных зараз, лишь совсем чуть беспокоясь о том, как это выглядит со стороны. Впрочем, Кэсси по-доброму улыбалась, и уже за это я готов был притащить зубами для нее Луну с неба. С невыразимым изяществом она кушала бисквит, элегантно держа его длинными пальцами с ногтями рубинового цвета. Выглядело это еще и очень эротично, хотите – верьте, хотите – нет... После четвертого бисквита мне стало немного легче, хотя я бы с удовольствием сожрал еще пяток... Кофе слегка взбудрил мои опорно-двигательные механизмы, и я уже вполне внятно и с глубоким чувством мог сказать «спасибо».

– Пожалуйста, Андрюша...

Как она это сказала... Как сладко у меня зануло сердце... Да что это со мной творится такое?

– Если хочешь, кури. Это же твой дом, – добавила она, ставя на столик пепельницу.

Я, конечно, отдавал каким-то сегментом мозга себе отчет в том, что происходит что-то и как бы не совсем то, но мне было на это плевать. Я быстро приходил в себя – кофе и сигарета сделали свое дело, а близость любимой женщины (черт возьми, я это *действительно* так подумал, да?) не позволяла сползти в логический анализ ситуации.

– Я не американка, Андрей, – произнесла Кэсси. – Просто я уже несколько лет живу в Штатах.

– Ты русская, – сказал я утвердительно и счастливо.

– Строго говоря, нет, – улыбнулась она. – Я украинка, родом из Харькова. Моя настоящая фамилия Омельченко. Но зовут меня действительно Кассандра. Или Сандра – так меня звали в школе. Но мне это имя никогда не нравилось и, когда я уехала в Америку, то стала там называть себя Кэсси. Иногда – Саша. Ты тоже можешь так меня называть, если хочешь.

– Да, – согласно кивнул я. Впрочем, если бы она потребовала, чтобы я называл ее только Кассандрой, я бы согласился с меньшей радостью.

Кэсси улыбнулась. Неприятная, злая мысль вдруг кольнула меня:

– А Роузволл? Почему так?

– Мама вышла замуж за американца, – сказала Кэсси. – За человека по имени Джеймс Роузволл. Мы к нему и уехали. В целях натурализации и мне поменяли фамилию.

Как все просто, оказывается... Да, друзья мои, похоже, Андрей Маскаев путем долгих и многочисленных проб и ошибок наконец, отыскал себе ту женщину, единственную, которая ему была всегда нужна, и о которой он мечтал всю свою жизнь... А как же Татьяна? – словно кто-то спросил меня со стороны. А Татьяна, – ответил я почти вслух, – потому и до сих пор живет со мной лишь как гражданская сожительница, что у нас это хоть и долго уже тянется, но не очень и стабильно, верно ведь? Потому мы и не расписаны

до сих пор. Потому она и зависает на сомнительных форумах в интернете и строчит кому-то то ли СМС, то ли еще что-то, а телефон она постоянно прячет, и он закрыт сложным паролем – куда там Павлу с его «Джизэсом»...

Но еще одна мысль кольнула меня.

– А ты надолго здесь... У нас? – спросил я.

Ответом мне были улыбка и движение нежной ладони, накрывшей мою.

– Не беспокойся, – сказала Кэсси. – Я думаю, теперь все *надолго*.

Мне и этого было достаточно.

– А где Старлинг и Бэрримор? – поинтересовался я, хотя до них мне было совсем мало интереса.

– Мы им снимем квартиру, – просто сказала Кэсси. – Здесь, как ты понимаешь, скоро будет делать больше нечего... Кстати, я тоже намереваюсь снять квартиру (многозначительная улыбка). Так что наш договор можно считать почти исполненным... Я имею в виду договор об этой даче. Как мне было весело объяснять моим американским коллегам, «братьям», что такое «дача»... – и Кэсси звонко рассмеялась.

Я выдал несколько банальных фраз по этому поводу, а Кэсси слегка посерьезнела и принялась рассказывать мне то, на что вчера намекал Виктор. Каюсь, что-то, может быть, я не запомнил или понял не точно, потому что просто физически наслаждался приятным и чувственным голосом моей

Кэсси.

Да, все они – и Кэсси, и оба американца, и Виктор – представляют *Общество*, членами коего являются. «Общество солгулианского знания» – по-английски SSS. Возможно, сказала Кэсси, корни нашего Общества (да, *нашего*) действительно кроются в обрядах древних рыцарских орденов, потому что сохранились ритуалы, звания и другие средневековые атрибуты. Да, наш девиз звучит как «*solve et coagula*», и нашим символом является этот на первый взгляд странный образ, по какой-то нелепой причине ставший товарным знаком культа сатаны – культа глупого, во многом коммерческого и созданного с одной лишь целью – облегчать карманы его адептов... Солгулианское же Общество, напротив, считает нужным поддерживать своих приверженцев, в том числе и материально, за определенные заслуги, разумеется.

У нас есть отличия от масонских лож? Несомненно. Во-первых, у нас иная внешняя атрибутика. Мы не имеем над собой контролирующего органа, аналогичного «великим ложам» типа ОБЛА, ибо самодостаточны. Мы не являемся частью какой-либо другой организации и не находимся ни под чьим влиянием. В Обществе на равноправной основе находятся женщины, что среди истинных, традиционных масонов не допускается. Что еще? – среди нас могут находиться не только признающие Святую троицу, но и представители иных конфессий, любых религий и убеждений, а также атеисты и агностики. Общие, общечеловеческие цели наше-

го Общества – разумеется, глубоко либеральные (как бы это слово сейчас ни пытались демонизировать) – это мир, равенство и братство. Кроме того, каждый член Общества может постоянно подвергать анализу и проверке предлагаемое ему учение. В любой момент он волен отказаться от принципов, которые не соответствуют его убеждениям... Для тебя, как человека не вполне посвященного, но, возможно, уже сочувствующего нам (правда ведь?) пока этого достаточно. Теперь немного о частных целях... Вернее, о той частной цели, которая поставлена передо мной и перед нашей группой.

Наше Общество имеет некоторые символы, которые являются для нас, его членов, поистине сакральными, потому что принадлежат нам исторически...

...Кэсси встала с кресла (я заморожено глядел на ее фигуру, угадывая все уже знакомые мне изгибы тела), начала выкладывать на скатерть небольшие предметы. Первым на стол лег равносторонний крест, вписанный в окружность, так называемый «кельтский». Тонкий золотой кулон, не больше двух сантиметров в диаметре.

– Крест. Символ не орудия казни, но четырех сторон света и четырех квадрантов солнечного цикла. Символ устойчивости мира и его цикличности.

Затем женщина сняла с себя цепочку с пентаграммой и положила ее рядом.

– Звезда. Это символ человека разумного. Нормальный, правильный человек направлен головой вверх, к свету, к

знанию... К богу, наконец. Поэтому сатанисты перевернули звезду вверх ногами.

Кэсси раскрыла уже знакомую мне «книгу-перевертыш» на титульном листе.

– Бафомет. Символ силы, мудрости и... мужского начала. (Если бы я сейчас был расположен шутить, то сказал бы что-нибудь вроде: «ясно, почему иногда говорят, что все мужики – козлы».)

– Думаю, комментарии излишни, – продолжила Кэсси. – А теперь – вот... Роза. Это главный и самый сложный символ... Я даже не буду пытаться тебе его толковать, потому что его сущность невозможно выразить словами. Это может быть все, что угодно – душа, земля, вода, свет, воздух... Эмоции и чувства. В конце концов, секс. Всё, без чего невозможна жизнь... И ее продолжение. Поэтому изображений у нее множество. Это не столько цветок, сколько символ начала женского.

На картинке, положенной на стол, была довольно грубо изображена сидящая женщина с чем-то вроде большого глубокого блюда на коленях. Или чаши.

– Оригиналы этих символов существуют, – произнесла женщина. – Им больше лет, чем традициям христианства. Но христианство не могло пройти стороной мимо всего этого, тут за многие годы произошло очень много взаимопроникновений...

Пауза.

– По воле случая ты сейчас связал свою судьбу с нашим Обществом, – сказала Кэсси. – Не буду напоминать тебе о том ужасном инциденте, но ты случайно оказался связан с нами через кровь. А что касается вчерашнего...

– Вы меня чем-то опоили, – сказал я, удивляясь своему спокойствию, так как я отлично осознавал, что именно произошло со мной...

– Ты же не хочешь сказать, что это было плохо? – лукаво улыбнулась Кэсси. – Я ведь тебя люблю, малыш. Ты мне всегда нравился. И я счастлива, что так все совпало: что ты стал нужным не только мне, но и нам... Будь же нужным себе. Ты ведь мне веришь?..

Краем сознания я понимал, что меня банально «поймали». Я слышал о том, что сектанты и представители некоторых *обществ* хорошо умеют «ловить» нужных им людей. На кого-то действует обычное НЛП, кому-то достаточно простых убедительных слов... Для меня вот потребовалось устроить волшебную ночь под стимуляторами – знали ведь, на чем меня легче всего подловить... Я поймал себя на том, что вчера в моих силах *вполне* было отказаться от объятий Кэсси и удрать сразу же следом за Виктором, несмотря на подсыпанное в напиток... Но на сексе я сломался легко... И еще всех неофитов, как я тоже слышал, «бомбят» любовью. Теперь я тоже неофит. Но КАК мне сумели так быстро внушить мою ответную любовь, или хотя бы влюбленность?! Нет, этого быть не могло. Это невозможно. Такого ярко-

го, нежного и упоительного чувства я не помнил, наверное, класса с восьмого... Разве что, мне в какой-то момент просто заменили большую часть мозга... «Замененные» участки мозга уловили мои попытки мысленного бунта, и очень легко пресекли все проявления стихийного протеста. Да, протестовать было очень тяжело. Наслаждаться тем, как улыбается Кэсси, и быть готовым к выполнению любой ее прихоти было гораздо легче... и приятнее. Я чувствовал себя счастливым до неприличия. «Ассасин», – вспомнилось мне слово и его истинный смысл. Так называли самых счастливых людей на свете... И самых опасных. И – что важно – живущих очень недолго...

Мозг снова пресек зачатки восстания, и я опять был готов к подвигам во славу моей Прекрасной Дамы.

– Милый, – сказала Кэсси, – ты должен стать одним из нас. Я думаю, ты примерно представляешь уже, кто мы, какие мы и чего добиваемся. Ты должен мне верить, Андрей. Верь мне. Обязательно верь.

Я энергично закивал головой – конечно, разве же может быть иначе!?

– Ты уже многое знаешь о работах Геннадия Ратаева. Знаешь, кто за ним охотится. Вспомни людей, которые могли тебя убить!..

Мне не нужно было приводить аргументы. Я открыл рот, и тут же «слил» очаровательной американской украинке все, что я знал. Про журналиста Чаповалова и его «доброжелате-

лей». Про покойного Павла и про хакера Сколопендру, который должен открыть мне пароль от почтового ящика Геннадия. Про банду, состоящую из Гуцула, Лымаря, Студента и покойного Кислого, и о том, какие они ужасные и мерзкие. Затем начал рассказывать о том, какой неприглядный поступок совершили мы с Татьяной, обманув Бэрримора и проникнув в дом. Собрался было рассказать еще про Эльвиру и Курача, но почему-то меня «переклинило» на отношения с Кэсси с Виктором, и тогда Кэсси остановила мой словесный поток очень простым и милым способом: приложила свои нежные пальцы к моему рту. Думаю, излишним будет сообщать, что я немедленно поцеловал их.

– Сегодня в пять часов мы соберемся здесь, – сказала Кэсси. Прибудут «братья» из Штатов, Виктор, может быть, еще кто-то... Ты приедешь тоже. Тогда и расскажешь нам все подробнее. И если у тебя есть какие-то документы, то вообще превосходно... Мы ведь давно присматриваемся к тебе и считаем, что ты просто обязан стать одним из нас. Мы еще никогда не встречали здесь, в России, столь достойного человека, который, еще не зная о нашем Обществе, уже примерно представлял бы себе, пусть даже на интуитивном уровне, каким должен быть совершенный мир и какие совершенные люди должны жить в нем...

... Друзья, я «поплыл» так, что мало не показалось бы никому. Поплыл, словно дохлый судак по течению. Но я понял, что сегодня мне надо прибыть сюда снова. И принести

с собой ВСЕ, что я уже знаю про Геннадия, про старинную тайнопись и про конкурентов. Включая бумажные носители. И разумеется, дополнить мой рассказ... Я еще порывался выразить нежность по отношению к моей любимой, но мне мягко и вместе с тем настойчиво было рекомендовано сейчас покинуть территорию дачи, сесть в уже вызванное такси, отправиться домой и собрать все, что я должен принести на сегодняшнюю встречу.

– Андрей, ты навсегда запомнишь сегодняшний вечер, – с улыбкой сказала мне Кэсси. – Такое бывает только один раз. Это самый важный день в твоей жизни. Вот это обязательно прочти, – она протянула мне тонкую пачку принтерных распечаток. И постарайся выучить... Давай, езжай. И возвращайся.

Я в очередной раз подивился предупредительности и заботе Кэсси. В таком состоянии, как сейчас, мне самому за руль было садиться нельзя. Голова по-прежнему шла кругом, а неизвестно что нашли бы у меня в крови, если инспекторам вдруг пришло бы в голову отправить меня на экспертизу... Может быть, такое, за что права отбирают лет на двадцать. Или вообще пожизненно.

– ...У тебя такой вид, будто тебя только что в пионеры приняли, – съязвил немолодой лысый таксист, обратив внимание на мою физиономию, когда мы выехали на дорогу, ведущую в город. – Или что ты наконец-то потерял девственность.

Мне захотелось его убить...

Когда я вернулся домой, то нежные и острые эмоции меня немного отпустили, и я стал действовать четко, последовательно и планомерно, словно хорошо отлаженный механизм. Для начала я включил компьютер и распечатал все копии документов, припрятанных Эльвирой. Нашел наши с Татьяной наброски (о Татьяне долго думать я не мог, все мысли о ней вылетали из головы напрочь, словно «выщелкивались»). Проверил планшет Павла (новых писем не было) и начал звонить Сколопендре. Я знал, что пароль от личной почты Ратаева – это сейчас то, что особенно нужно *Обществу*. Моему Обществу. Сколопендра не отвечал. Вернее, не так – номер был недоступен. А это означало, что телефон, скорее всего, выключен... Меня это бесило. Впрочем, времени было еще полно, и я надеялся, что Сколопендра рано или поздно объявится. А пока я решил составить список тезисов для моего рассказа для Общества. Я решил, что если подробно напишу обо всем, что я знаю, то это мне обязательно зачтется.

Попутно я ел. Я изрядно опустошил холодильник и хлебницу, потому что организм не просто требовал, он *настаивал* на возмещении затраченных калорий. Вспомнилось слово из наркоманского сленга «свин», но замененные участки мозга опять заблокировали бунтующие ячейки памяти.

* * *

На даче меня действительно ждала вся эта компания. В каминной, где снова задрапировали стены и зажгли красные фонари и красные свечи, находились Кэсси, Ричард, Дэвид и Виктор. Они сидели вокруг столика, придвинутого к дивану: Кэсси и Виктор – на этом диване (что мне не очень нравилось), американцы – в креслах. Все, включая и женщину, были облачены в грубые «власяницы». На шее у каждого из них висело по одному из символов: у Ричарда была теперь пентаграмма, у Дэвида – крест, у Виктора – вырезанное из кости козлоподобное существо, у Кэсси – настоящий цветок розы. Когда я вошел, все «рыцари круглого стола» встали. На лицах у всех были написаны спокойствие и невозмутимость. Мне не стоило ни малейшего труда сохранять серьезность. Я верил в то, что это со мной происходит по-настоящему. Общество. Бафомет. Роза. Правда, в какой-то миг мне вдруг подумалось, что это все цирк, и сейчас все четверо радостно захохочут и начнут показывать на меня пальцами, но этого, конечно же, не случилось. Начался обряд, к которому я уже был готов. Ну, скажем так, почти готов.

– Приветствуем тебя четырехкратно от сердца, дорогой брат, – произнес Виктор.

– Четырехкратно от сердца приветствую вас, – ответил я, не задумываясь. Текст был простым, понятным и легко ложащимся в память. Дальше мне предстояло отвечать на вопросы Виктора, и это было действительно несложно.

– Что привело тебя сюда, брат? – послышался вопрос.

– Желание познания, – ответил я.

– С познания начинается восхождение к мудрости. Готов ли ты к этому, брат?

– Да, я готов.

– Что главное заключено в мудрости, брат?

– В мудрости заключена горечь печали.

– Что не приемлет мудрость, брат?

– Она не приемлет суеты и порочности...

(В памяти, правда, тут же всплыло бьющееся в оргазме тело Кэсси... Но при чем тут порочность? – спросил я себя).

– Какие мысли у тебя в рассуждении ближнего, брат?

– Чистая любовь, – ответил я так искренне, как только мог. Легкая улыбка Кэсси была мне наградой за откровенность.

Этот катехизис мы зачитывали еще минут пять. К своему стыду, я запнулся на нескольких ответах, при этом довольно простых, но подсказки Кэсси помогли мне говорить правильно.

– Веришь ли ты в силу откровения, брат?.. Имеешь ли ты сомнения в том, что есть свет, брат?.. Понимаешь ли ты тайную сущность символов, брат?.. Знаешь ли ты истинный смысл девиза «растворись и застынь», брат?

На эти вопросы мне в любом случае надлежало отвечать положительно, что я и делал, разве что иногда не так дословно, как этого требовали инструкции. Но в целом всё шло

гладко. Голова у меня, правда, немного шла кругом, то ли от спертости воздуха, то ли от легкого дыма ладана, то ли еще от чего. Может быть, последовательность вопросов и ответов была составлена именно таким образом, чтобы в конце игры в вопросы и ответы все сомнения у неопита исчезли полностью, и надо сказать, именно так со мной и произошло. Не знаю уж зачем, но Виктор затем, кроме расширенного толкования символов, уже известных мне со слов Кэсси, зачитал мне краткую лекцию, до удивления странную, о планетах Солнечной системы (он заявил, что их всего семь, но спорить с мастером было невозможно), о семи же металлах и четырех стихиях. Видимо, это тоже что-то символизировало, я невольно начал припоминать все, что знал о магии и алхимии (а знал я маловато).

... Обряд заканчивался. По знаку Виктора я приблизился к столу и положил руку на книгу. На ту самую. Слово взяла Кэсси:

– Повторяй за мной, если вдруг что-то забудешь, – произнесла она: – Я, урожденный Маскаев Андрей Николаевич...

– Я, урожденный Маскаев Андрей Николаевич, – заговорил я следом, испытывая легкий ужас от всего происходящего, – клянусь, во имя великого Сердца, соединяющего Розу и Крест, быть неизменно верным и преданным подобравшему меня Обществу; всемерно способствовать его славе и процветанию; испытывать должное уважение ко всем мастерам и подмастерьям Общества без изъятия. Клянусь хранить

тайны слов и знаков Общества, не изменять ему ни словом, ни пером, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем, ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения, и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии. Если я не сдержу этой клятвы, да постигнет меня жестокая кара от братьев коих я предал, и да покроется имя мое позором на веки вечные, и да будет презрение потомкам моим до седьмого колена.

Мне не нужно было суфлировать – текст клятвы я выучил назубок. После моего выступления Ричард и Дэвид стащили с меня тенниску и швырнули ее в камин, где тлели угли; («хорошо, хоть догадался надеть не самую новую!»), а Виктор вскрыл пакет с логотипом «EMS» и извлек оттуда точно такую же «власяницу», в какие были облачены члены Общества. Наверное, специально прислали из Штатов, – я вспомнил, как совсем недавно забирал эту посылку на почте. Власяницу я надевал сам. Это надо было делать тоже по инструкции, в строгой последовательности телодвижений. Не могу сказать, что ощущение кожи от контакта с грубой и колючей материей было из приятных!

...Когда это закончилось, я находился в странном состоянии отрешения от всего, что со мной произошло до этого дня, до этого часа. Словно действительно имел место некий водораздел, своего рода порог, через который я перешагнул... И тем самым отринул свою прежнюю жизнь, входя в

новую – важную, нужную и прекрасную... Да, и прекрасную тоже. Изящные тифельки Кэсси на ее стройных ножках не давали мне в этом усомниться ни на минуту.

Теперь за круглым столом мы сидели впятером. И не просто так сидели. По случаю принятия в Общество нового члена, хотя и бы и на низшую ступень ученика, следовало выпить. На этот раз никакого пошлого виски не было предложено. Мы пили вино, пусть тоже купленное где-то в здешнем супермаркете, но это был испанский «Приорат», возможно, настоящий, не менее чем тысячи три за бутылку. Выпито было совсем чуть, если уж говорить начистоту, но и ладно. Тем более разговор был серьезный. И даже не столько разговор, сколько мой монолог, которому все сосредоточенно внимали. Теперь я рассказал и про то, как я украл (со взломом) планшет и некоторые бумаги из офиса евангелистов, а заодно и про роль Курача во всем этом криминале. Личность Курача, как и следовало ожидать, моих новых «братьев» мало интересовала, в отличие от найденного планшета. Виктор, будучи в компании самым главным, без разговоров взял планшет, потом ввел подсказанный мной пароль «jesus» и залез в почту Павла... Да, его называли «мастером», точно как это заведено у масонов. Заокеанские эмиссары были «подмастерьями», но при этом Кэсси все же казалась чуть более авторитетной, нежели Бэрримор и Старлинг. Видимо, у званий есть еще какая-то градация, которая, признаюсь, мне была пока что неясна.

– Попробуй вызвать Сколопендру еще раз, – сказал Виктор. Я достал телефон и выбрал в меню его телефон. Нажал вызов. О! Длинный гудок!.. И сразу же короткий – чертов хакер сбросил соединение, но не успел я по этому поводу выразить развернутое мнение, как от него пришла СМС-ка. В ней была лишь последовательность из латинских букв и цифр – вероятнее всего, искомый пароль. Смотри-ка, не обманул!

– Я сделаю, брат Виктор – бесцеремонно забрав у мастера планшет, я вписал в заготовленную еще, видимо, Павлом, учетную запись, присланную комбинацию. Нажал кнопку – ну не может этого быть! – опять что-то неладное. Программа выдала красную фишку ошибки и сообщила «несуществующий пользователь либо неверный пароль».

Солгулианцы были раздосадованы – это хорошо было заметно по их застывшим лицам и позам. Застыли, не успев раствориться, – почему-то мелькнуло в голове, и тут же было прибито вместе с прочими крамольными мыслями еще даже до того, как они сформировались. Я снова набрал номер Сколопендры, но теперь его телефон, как и днем, был выключен или недоступен, что, разумеется, означает абсолютно одно и то же для вызывающего абонента.

– Плохо, – пробормотал Бэрримор. – придется опять его искать.

Я предположил, что эта славная миссия будет опять возложена на меня, но Виктор сказал:

– Мы его найдем.

В этом слове «мы» не звучало ничего хорошего для компьютерного жулика. Если уж Общество в лице мастера решило взяться, то, наверное, есть основания предполагать, что оно добьется цели, верно?

Но как бы там ни было, у меня сложилось впечатление, что вечер слегка «смазался». Члены Общества были не в духе – что уж тут говорить: наверняка все рассчитывали уже сегодня проникнуть хотя бы в почту Геннадия Ратаева с тем, разумеется, чтобы вычислить его местонахождение. Но – не получилось. Я тоже испытывал чувство досады и даже вины, словно бы в первый же день моей новой жизни не сумел оправдать доверие тех, кто оказал доверие мне, приняв в свой круг.

Расходились без особых разговоров. Бэрримор и Старлинг быстро собрались и уехали на белом «форде», я же не очень торопился – мне ведь очень хотелось пообщаться с моей любимой... Но она, будучи тоже не в самом лучшем настроении, порекомендовала мне отправляться домой. Мне как-то не очень нравилось, что Виктор вроде бы как никуда не торопится, я даже произнес вслух что-то вроде «пора ехать, наверное, не будем мешать сестре», что, наверное, было не очень гладко с точки зрения субординации. Но зато вполне дипломатично. Ученик, принятый в Общество лишь час-другой тому назад, не мог напрямую указывать мастеру, что тот должен делать – это было невозможно, немислимо.

Но... Виктор, как ни странно, внял. Он вежливо попрощался с Кэсси, церемонно кивнул мне, сказав «до свидания, брат» и отчалил на своем роскошном «бумере». Кэсси же сделала мне просто королевский подарок на прощание: она нежно и долго целовалась со мной в язык, но потом все-таки напомнила, что я должен сейчас уезжать. Хотя бы потому, что так надо для дела. Мне трудно было спорить с любимой женщиной... К тому же она пообещала в ближайшее время сделать мне куда более роскошный подарок. Так что заводил двигатель своего «хайса» я отнюдь не в подавленном настроении. Ведь отныне я являлся членом тайного Общества солгулианского знания, будучи посвященным в первую ступень, и это давало мне надежду на обретение в будущем таких возможностей и знаний, которые были бы невозможны, не случись со мной таких чудесных событий, как встреча с членами SSS и их благосклонность к моей скромной персоне.

Комментарий Михаила: «Общество солгулианского знания», куда по собственной неосторожности попал Андрей Маскаев, по форме и содержанию весьма похоже на современную масонскую ложу. Во всяком случае, моему ведомству про нее известно с девяностых годов, когда наша страна была излишне открыта и впитывала в себя весь мировой опыт без разбора – как позитивный, так и (мягко говоря) спорный. В девяносто третьем году по инициативе французов в России была созвана встреча руководителей многих тайных обществ, так или иначе исповедующих масонские

традиции, и именно с того момента началась деятельность ССС в нашей стране.

Мне трудно подтвердить или опровергнуть некоторые подробности инициации Андрея, также как и его истинную деятельность в этом Обществе. Возможно, интерес солгулианцев к Маскаеву поначалу проявлялся лишь по той причине, что Андрей был в некоторой степени «хранителем» Золотой бабы, сам того не подозревая, какое сокровище когда-то хранилось под землей, на которой в середине 20 века была построена адмиральская дача, некоторое время принадлежавшая отчиму Геннадия Ратаева.

В моих руках была книга, про которую упоминал Маскаев в своих дневниках. Главу о «прецессии» я изучил очень внимательно, а затем сделал (больше из любопытства) изложение обряда инициации в соответствии с положением планет в то лето, когда начала разворачиваться эта история. И ознакомил с ним известного в городе астролога, который был нашим нештатным консультантом. У того, надо сказать, глаза вылезли на лоб, когда он ознакомился с моими выкладками.

«Если все это правда, – сказал он, – то я не завидую тому человеку, с которым провели подобный обряд. Кто-то фактически переписал заново его звездную карму, данную ему при рождении, а такие вещи не проходят даром».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОХОТНИКИ ЗА ПРОВИДЕНИЕМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как бы я ни был поглощен осознанием того, что стал частью серьезной организации, но помнил и о том, что мою работу никто не отменял... Телефон уже с семи утра начал разрываться, и – верите, или нет – но сегодня я едва ли не впервые за всё время моей водительской карьеры сам выбирал клиентов. При этом я не забывал, конечно, то и дело набирать номер «кул-хацкера», так нагло кинувшего меня и так недалёковидно решившего поиграть в игры с Обществом...

Мне звонила Эльвира. Я понимал, что поступаю не очень хорошо по отношению к ней, но, не забывая напоминать самому себе, что она как раз поступала небезупречно, сухо общал, что ничего интересного сообщить не могу, и вообще сильно занят.

Мне звонил Лымарь. Согласно проработанной легенде, я с готовностью сообщил, что на мою дачу действительно приехал «упакованный» парень, и что он якобы интересовался сотрудничеством с американцами в деле охмурения неохва-

ченных еще слоев населения и предлагал свои услуги. О результатах переговоров мне, как я сказал Лымарю, не доложили, но есть подозрения, что стороны не достигли взаимопонимания. Лымарь беззлобно выругался и напомнил, что я должен сам сообщать ему обо всех подобных случаях, не дожидаясь пока он, Лымарь, позвонит первым. Я подумал о том, что Лымаря и его подельников рано или поздно Общество либо сдаст кому надо, либо разберется с этой мафией самостоятельно. У Виктора, надо думать, есть какие-то «подвязки» то ли в структурах, то ли еще в каких-то органах, так что я был уверен в том, что бандюки рано или поздно будут взяты к ногтю, и никаких проблем с ними в дальнейшем для нас они создавать не будут...

Конечно, больше всего я ждал звонка сами понимаете от кого. Но Кэсси молчала. И это меня обижало и заставляло нервничать. Я мог бы ей, конечно, позвонить сам... Но моя женщина очень сильно просила, чтобы я этого не делал. Ясно, что мне пришлось пообещать это.

Зато мне позвонил Виктор – замена неравноценная – я вообще-то предполагал, что это случится. Ему нужно было со мной строчно встретиться. Да, дело касалось именно этого нечистоплотного компьютерного взломщика. Нет, ехать на дачу совсем не нужно, мы оба за рулем, следовательно, можно пересечься в любом удобном для нас обоих месте. Мы обговорили это удобное место (оно оказалось не слишком далеко от моего дома) и через какое-то время почти одновре-

менно припарковались на стояночной площадке. Виктор сел ко мне в машину и показал несколько фотографий, на которых были изображены разные товарищи мужского пола.

– Узнаешь кого-нибудь?

– Да, – сказал я уверенно, потому что интеллигентное лицо Сколопендры я не мог спутать ни с чьим другим.

Виктор был доволен.

– Поехали, Андрей, – сказал мастер. – На твоей машине.

Я не спросил ни «куда», ни «зачем». Это было глупо. Я не сказал, что весь день работал и уже два часа как сильно хочу обедать. Это было невозможно. В какой-то момент, уже вращая баранку, я осознал, что с каждым часом все меньше принадлежу себе, но не успел ужаснуться. Мысль ушла, и за рулем снова сидел верный адепт SSS.

Виктор назвал адрес, и мы, выехав на окраину, двинулись по разбитой дороге между каких-то мрачных домов из серого кирпича, такого серого, что казалось, этот цвет забил собой все окружающие краски; даже деревья в этом районе казались не вполне зелеными, а солнечный свет, несмотря на ясный июньский день, вдруг потускнел, будто началось затмение.

– Он живет здесь? – спросил я.

Виктор кивнул и сказал:

– Позвони ему.

Я в очередной раз набрал номер хакера и в очередной раз услышал, что номер не может быть вызван. Об этом и доло-

жил мастеру.

– Сходи и найди какого-нибудь мальчишку. Попроси, чтобы он добрался до квартиры Сколопендры. Надо узнать, дома он или нет.

– К сожалению, я не знаю, как его зовут, – сгорая от дикого стыда, произнес я.

– Антон Самойлов, – просто произнес Виктор. Ну конечно же, Мастер на то и Мастер, чтобы знать больше простого ученика...

Надо выполнять задание. Оставив мастера в машине, я вышел наружу и осмотрелся в надежде найти нужного аборигена. Выбор был невелик: в сравнительно чистой песочнице под наблюдением пожилой неопрятной бабушки возилась девочка лет двух, около нужного подъезда на лавочке устроился, пригорюнившись, какой-то тощий дед, а возле стоящих поодаль домов сколоченных из почерневших досок сараев сидели на корточках два гопника. Они то и дело вращали головами на длинных шеях, точно два молодых стервятника; один щелкал *сэмки*, другой меланхолично перебрасывал небольшую связку ключей из ладони в ладонь.

Хакер – как правило, человек образованный и сравнительно благополучный в социальном плане, что бы нам ни рисовали романисты и киношники. Слегка посочувствовав ему, что он вынужден жить в не самом, мягко говоря, престижном «раёне», я выбрал «мальчишку». Им, разумеется, оказался дед, страдающий от вчерашнего отравления султыгой.

– Здорово, папаша, – поприветствовал я деда.

– Сынок, тоже мне, б... , нашелся, – с шутками и прибаутками заговорил мужик, и я убедился, что ему лет сорок от силы. Ясно, что «раён» его уже здорово укатал. Впрочем, мы смогли договориться быстро. Мужик открыл ключом железную дверь подъезда (такую роскошь, как домофон, сюда еще не продвинули) и скрылся внутри. Через пять минут вышел.

– Дома Самойлов, – сказал он. – Давай колобашки.

Я покосился на гопников, которые уже давно проявляли некоторый интерес к моей персоне, решил что лезть в карман за бумажником на виду у них – не очень разумно, и пригласил мужика подойти к машине. Тот расторопно обогнал меня, резонно опасаясь «кидка», но денег на бутылку под прикрытием автомобильного кузова я ему дал. Своих, правда. Общество могло бы и выдать подотчетные, подумал я вскользь, но эту мысль, как и большинство нелояльных, быстро унесло в небытие.

– Что будем делать, брат Виктор? – спросил я, не забираясь в машину. – Клиент здесь.

– Подождем, – сказал мастер.

Спорить с мастером невозможно, однако грубые дипломатические ходы даже неофитам позволительны.

– Ты можешь потерять много драгоценного времени, – заметил я.

– Резонно, – сказал Виктор. – Твои предложения?

У меня таковых не оказалось. Я прикурил сигаретку (бро-

сать надо, вяло шевельнулось в голове; в Обществе вроде не принято курить), посмотрел в сторону активно общающихся между собой гопников, и произнес негромко:

– Может, есть смысл отъехать?

– Может, есть смысл дождаться? – спросил Виктор.

Мы, похоже, «дождались». Гопники поднялись с корточек и двинулись в сторону моей «Тойоты». Черт возьми, как это все предсказуемо! Сейчас они попросят закурить, потом им не понравятся мои сигареты, придется отбиваться... Вон, кстати, палка неплохая, можно показать мастер-класс по боккэну... Виктор, надо отдать ему должное, вылез из кабины, увидев, что обстановка слегка обостряется. Гопники подошли ближе, оценивающе оглядели нас (не знаю, произвел ли на них соответствующее впечатление одетый в белоснежную рубашку и отутюженные брюки Виктор, который был, как я уже говорил, мужчиной крепким), но закурить они с ходу не стали спрашивать. К тому же первым вопрос задал Виктор:

– Рому Лабаза знаете?

Гопники переглянулись. Похоже, они знали, о ком речь.

– А чё? – спросил один из них.

– Ничё. Базар нужен.

Гопники, похоже, инстинктивно поняли, что тут не так все просто. По крайней мере, традиционный кураж отменяется.

– Какой именно? – спросил все тот же, который выглядел постарше и попотасканней, одетый в белую с красным тен-

ниску и темно-синие «треники» с трилистником и тремя полосками лампаса.

– Тут живет один чудило, – спокойно произнес Виктор. – Который неправильно поступает. Мы до него, если чё.

– Мы тут всех знаем, если чё, – ввернул второй, помоложе, чернявый тип, одетый тоже в штаны «Адидас» и полосатую, как тельняшка, маечку на бретельках. Такие в моде были еще при социализме, если не ошибаюсь.

– Самойлов из шестнадцатой квартиры нужен.

– А! Этот... Да не, Антоха ровным пацаном держится, только вот выглядит как чмо...

– У него дела далеки от наших, – добавил второй гопник. – Он жеж образованный, женился вон недавно...

– На Ольге с Затона, вроде бы? – спросил Виктор.

– Не! Не знаю такую. На Светке Белоусовой, дочке дяди Гоши – она тоже образованная... Сыну уже три года.

– Три? В садик ходит?

– Ага, от завода «Промконструкция». Жена его там работает. Ровный пацан. Не пересекаемся.

– Он не в том месте ровный, – сказал Виктор.

– А чё?

– Да ничё. Косяк за ним один имеется. Вот и приехали, чтоб помочь ему разругаться.

– А... Ну перетяните тогда сами тут с ним...

– А может, вызвать его поможете? Нам тут не климатит его ждать неизвестно сколько.

Гопники переглянулись опять.

– Seriously накосячил?

– Очень, – коротко и веско ответил Виктор. Мастер, что уж там говорить... То ли он умел работать интонацией, то ли подбирал правильную комбинацию слов, но если бы я был на месте этих ребят, то вряд ли отказал бы нам в помощи.

– Он же не знает твою машину? – спросил Виктор меня, когда парни, снабженные инструкцией, скрылись в подъезде.

– Нет, не видел ее никогда.

– Отлично... – И Виктор в нескольких словах сказал, что мы будем делать в ближайшие несколько минут...

Мне бы опять стоило подумать об Уголовном кодексе, но не в первый раз я вступаю с ним в противоречие... И, видимо, не в последний. Я молча запустил двигатель и подвел машину как можно ближе к подъезду

...Медленно текли минуты. Одна Две...

– Не купился, – скептически произнес я, обернувшись к Виктору, который сидел в салоне. Он молча пожал плечами. В этот момент и появился Самойлов. Он вышел из подъезда с озабоченным выражением на лице, а рядом с ним подпрыгивали оба гопника. По имеющейся договоренности они провели хакера почти вплотную с бортом «Тойоты» и, когда он поравнялся с приоткрытой дверью, изнутри вынырнул Виктор. Он плавным движением упер в бок Антону пистолет, весьма напоминающий «макарова» и спокойно произнес:

– В машину. Быстро. Иначе получишь пулю в живот. Я не

шучу, Сколопендра.

Мне почему-то показалось, что мастер действительно не шутит. Кажется, Сколопендра это понял тоже. Его лицо залила поистине мертвенная бледность. Он посмотрел на лицо Виктора, скрытое большими солнцезащитными очками, его тяжелый подбородок...

– Мне повторить? – тем же тоном произнес Виктор. – Ты же хочешь вернуться домой и увидеть Светлану?

Кажется, и тут мастер не ошибся. Самойлов, придерживаясь заметно вздрагивающими руками за края дверного проема, неуклюже влез в салон. Следом забрался Виктор и сказал мне:

– Поехали. Через триста метров остановись.

Я так и сделал. Когда начал маневрировать, был вынужден вертеть головой, глядя в зеркала, и Самойлов меня узнал. Он так и дернулся:

– Я же тебе все сделал! Ты, гнида криворукая! – завизжал он.

– Сидеть! – рявкнул Виктор. – Сейчас будешь сам все делать, и если не сделаешь как надо, твоя Света снова выйдет замуж. Ты понял?!

Антон притих. Я вывернул на корявое уличное покрытие и, глядя в зеркала назад, увидел обоих гопников, внимательно глядящих нам вслед. Мне эта история, конечно, очень не нравилась. Эти типы запомнили и меня, и Виктора, и мой микробус, так что в случае чего неприятностями я огребусь

по полной программе... Я съехал с обочины и, как было оговорено, вышел из кабины и перебрался в салон. Сколопендра зло смотрел на меня.

– Так, – сказал Виктор, обращаясь к нам обоим. – Поскольку вы оба ребята криминальные, то знаете понятия. Когда один не выполняет условия соглашения, другой забивает стрелку, и не выполнивший держит ответ. В этом мире ничего не меняется. Раз ты, господин Сколопендра, изволишь шифроваться, то на разборки тебя пришлось вытащить принудительно, сказав про неприятности с ребенком...

– Ничего себе «неприятности», – проскрежетал Антон. – У вас-то у самих дети есть, чтоб такое выдумывать?

– По крайней мере, с твоим сыном ничего плохого не случится. Насчет тебя – решай сам. Вот планшет... Андрей, дай его сюда... Войди в почту Гены Ратаева, чтобы можно было копировать его письма из ящика, и – свободен.

– Делов-то, – пробормотал Сколопендра. – Давай сюда... Он бодро вбил символы в поле почтовой программы и замешкался...

– Хм... – сказал он только.

– Только не говори, что опять пароль сменился, – сказал я. – Не поверю.

– А почему бы нет? – резонно ответил Антон. – Пароль можно менять хоть каждые десять минут, если человек боится, что его взломают... Но нет, здесь что-то не то...

Хакер переключился в другую программу и напечатал ка-

кие-то символы в командной строке.

– Вот и ответ вам, – сказал он особенно скрипучим тоном. – Ратаев не просто пароль сменил. Он вообще удалил свой аккаунт, свою учетную запись. Уничтожил почтовый ящик полностью, вместе с письмами, если они там были. Вы могли бы и сами все это проверить, вместо того, чтобы терять время и пугать меня. Тупо можно зайти через веб-страницу, там даже по-русски бы все открылось... Натэ, вон, читайте!

Сколопендра показал планшет, повернув его экраном к нам поочередно. Сначала – Виктору, потом – мне. Просек субординацию, вирус компьютерный...

Это все действительно походило на правду. Если Геннадий действительно побаивался тех, кто его ищет, то вполне мог таким образом перестраховаться. Ничего в этом сложного нет – удалить один ящик, тут же создать новый... Проще, чем сменить номер мобильного... Стоп. Это идея.

– Я думаю, ему можно верить, – сказал я Виктору. (Тот сделал неопределенное движение головой). Потом обратился к Антону: – Теперь вот какая вещь. Это будет посложнее. Номер мобильного телефона. Каким-нибудь образом ты мог найти его нам, «пробив» по базам? Ну, а потом, естественно, список входящих и исходящих...

– Это нереально, – сказал Антон. – Сейчас все эти базы «на улицу» не попадают. Менты сами говорят, что кто у них с этими базами работает, на том компе ни сети нету, ни дисководов. И разъемы отключены, куда можно было бы флеш-

ку воткнуть.

Хакер, видимо, на почве стресса, даже почти перестал использовать жаргон. Сейчас с нами беседовал обычный молодой человек, самый типичный представитель студенчества старших курсов, умеющий программировать и хорошо этим ремеслом зарабатывать...

– Но кто-то же этим занимается? – спросил я. – Ведь базы не сами по себе заводятся, не тараканы ведь...

– У меня нет выхода на таких людей, – сказал Антон. – И ни у кого сейчас нет. Все отсечено.

– Ты врешь, – сказал Виктор.

– Нет...

– Значит, так. Сколько будет стоить твоя работа, если ты найдешь телефонный номер Ратаева и сделаешь распечатку абонентов – кто ему звонил, и кого вызывал он сам?

– Нет таких денег. И потом – какой смысл? Если ваш клиент прячется, то и «симку» вряд ли по паспорту покупал. Пошел на базар или по объявлениям пошарил – втыкай любую и звони. Пусть потом разбираются, на чье имя номер оформлен.

И это было похоже на правду. Виктор задумался.

– Хотел я тебе сделать предложение, от которого ты бы не смог отказаться, – произнес он. – Ну да ладно. Это действительно так – если человек захочет замести свои электронные следы, он это может сделать... Зря ты этими делами занимаешься, – вдруг тон Виктора стал донельзя доверительным.

Будь на моем месте другой человек, тебе бы действительно могли и *такое* предложить.

– А что прикажете делать? – заскрипел Антон. – На наследство мы оба не рассчитываем. Ипотеку не потянем. Хорошо, хоть тут отдельно жить можно... Вот и зарабатываю. Все так.

– Хочешь выехать из трущоб?.. Понимаю. Железно не обещаю, но если вдруг удастся сделать то, что нам нужно, поможем.

– Не верю, – желчно произнес Сколопендра. – Но попробую что-нибудь найти.

– Попробуй... Ладно, Андрей, вези его обратно к подъезду...

Триста метров мы проделали молча. Оба гопника по-прежнему торчали неподалеку – им было до ужаса интересно, чем кончится для Самойлова поездка на разборки. Остановившись, я сказал хакеру:

– Только телефон не выключай так часто, если продолжим работать, о'кей?

Вместо ответа Сколопендра спросил:

– А этот Геннадий... Он так сильно вам нужен, да?

– Ты даже представить себе не можешь, насколько сильно, – спокойно произнес Виктор.

* * *

...– Но ведь эти «дни» – совсем непонятно, откуда их начинать отмерять, – сказала Кэсси и вопросительно посмотрела на меня и на Виктора. Потом – на Бэрримора.

– Я уверен, что именно отсюда, – сказал я.

– Я думал таким же образом, и также говорил об этом уже, – произнес Бэрримор.

Он сидел чуть поодаль, единолично заняв диван, и с мрачным видом терзал ноутбук. Не знаю, что уж он там искал, и с кем общался. Подозреваю, что делал запросы в интернет сообразно тем вопросам, какие возникали в процессе нашей дискуссии. Кэсси, Виктор и я сидели за круглым столом, заваленным бумагами и пытались понять, можем ли мы что-то сделать в плане поисков Ратаева и того сокровища, которое он где-то ищет или уже нашел. Старлинга с нами сейчас не было. Он вроде как опять куда-то улетел, возможно, в Москву.

– Обоснуйте, братья, вашу уверенность, – с легким вздохом произнес Виктор.

– Смотрите, – сказал я. – Здесь, прямо под нами, что-то было. Ратаева каким-то образом кто-то навел именно на это место, и он принялся копать на участке. Так сложилось, что он нашел остатки старой стены под домом. Я не специалист, но этим камням очень много лет. Может, больше сотни.

– А что здесь могло быть сотни лет назад? – удивился Виктор. – Нашему городу-то всего сто лет с небольшим.

– И что с того? – дерзнул возразить я. – Каинск, который

совсем рядом, был основан в 1722 году. А Бийск, например, почти одновременно с Санкт-Петербургом. («В 1709 году», – подал с дивана голос Бэрримор). Что именно было здесь, – я потопал ногой по полу каминной, – сейчас сказать трудно, но почему бы не предположить, что тут стоял или кордон, или острог, или даже помещичья усадьба?

– Очень старые камни, – добавил брат Ричард. – Действительно много лет. Отправили образец на анализ сейчас. Ждем результат.

– Ну ладно, и что с того? – спросил Виктор.

– Вот эти бумаги, и этот шифр, – я показал на копии, – вполне могут быть датированы восемнадцатым веком. Стиль изложения, и все такое.

– Ты разве историк по образованию? – опять задал вопрос Виктор.

– Я инженер, – сказал я. – Но это же не значит, что я читал только техническую литературу...

– Хорошо, – произнесла Кэсси. – Примем это за аксиому. Ратаев делал тут раскопки, прямо на этом участке, но ничего не нашел.

– Зато он нашел информацию о том, куда отсюда было что-то вывезено, – сказал Виктор. – Шифр! Так или иначе, текст его понятен.

**То царя Кучума однажды Андреем отъято,
Бей дважды по шесть поклонов на сердце розы,**

Сомножь предпоследнего ряда звериного мира камней

Тому, кто восемь углов земных держит.

«Gold Woman». Я уверен, что речь идет именно о «Золотой бабе». Может быть такое, что генерал Андрей Воейков отобрал это сокровище у Кучума и спрятал его здесь?.. Интересно, хана могли называть в те годы «царем»?

– «Звериный мир камней»... Что это может быть? – произнесла Кэсси, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это что-то из Книги откровений, – неуверенно сказал Бэрримор.

– В каком стихе упоминается? – спросил Виктор.

В комнате повисло молчание, нарушаемое только шелканьем клавиш ноутбука.

– Здесь есть цифры, – сообразил Бэрримор. – В каждой строке. Только что они означают?

– «Однажды» – это единица, – уверенно сказала Кэсси. Во второй строке находим «двенадцать». В четвертой – явно восьмерка. С третьей вот только неясно.

– И что это может значить? – спросил Бэрримор.

– Последовательность чисел... Брат Виктор, ты же с математикой дружишь! – сказала Кэсси.

– Да, но никакой закономерности тут нет, – сказал мастер, записав числовой ряд на лист бумаги.

– Может, она должна как-то пересекаться со второй частью шифра? – спросил я.

Один день иди на восток.

Следующие дни – на юг.

Следующие – против бега коня томского.

Последние – направо, *аже* на юг.

– И как совместить всё это, друзья мои? – с легким налетом яда спросил Виктор. Какое-то несовпадение ни по строкам, ни по смыслу.

– Ратаев это разобрал как-то, – заявил Бэрримор.

– А если нет? – спросила Кэсси. – Если он ничего не нашел, или ничего не понял из этого шифра? А если вообще это никакой не шифр, и текст не имеет скрытого смысла, что тогда?

– Если это так, то все занятие теряет смысл, – проворчал Виктор. – Но я склонен думать, что все-таки это указание каких-то координат.

– Мы тоже об этом думали, – сказала Кэсси. – В Нью-Йорке целая группа аналитиков работает над этой задачей. – Они уже назвали несколько вероятных точек на карте.

– Видел я эти карты, – произнес я. – И что с них? Дикий разброс – половина Западной Сибири и часть Южной...

Мы замолчали, пытаюсь вникнуть в тогдашние представления о расстояниях. Я, во всяком случае, вспомнил попут-

но, что Пушкин из Петербурга на Кавказ ехал целый месяц.

– Я вот еще удивлен, – сказал Бэрримор, – Один день пути, как написано в бумагах, которые нашел брат Андрей, составляет всего четыре мили – это ведь совсем не так много...

– Сколько? – спросил Виктор.

– Одна миля – это, по-вашему, тысяча шестьсот метров, – сказал Бэрримор.

– Брат Ричард, – опять не без яда в голосе обратился к нему Виктор, – объясни, на каком основании в восемнадцатом веке в России кто-то бы стал измерять расстояния в британских милях?

– А в каких тогда? Текст написан на английском языке. Значит, речь идет об американских или английских милях! – не сдавался Бэрримор.

– Но что за бред тогда с этим днем пути? – возразил Виктор. – По той же Библии, день пути составляет от двадцати пяти до тридцати километров. А в милях получается всего ничего – около шести с половиной. Это разве расстояние для путника?

– Может, это не британские мили? – спросила Кэсси.

– А какие? Морская миля – это тысяча восемьсот пятьдесят два метра, – сказал я. – Римская – точно не помню, но она тоже не особенно отличается от британской. И в России они вряд ли широко применялись.

– Римская миля – 1598 метров... По другим данным – 1478, – сообщил Бэрримор, посмотрев на экран ноутбука. –

Есть еще греческие мили, но они тоже не подходящие.

– Так есть же и русские мили, – сказал я, кое-то вспомнив. – Были в те годы у нас свои мили.

– Есть, – с легким удивлением произнес Бэрримор, пощелкав клавишами. – Есть русская миля! И она составляет, представьте себе, почти семь километров с половиной.

– Даже так? – удивился Виктор.

– Да, так... А четыре русских мили... – опять щелканье клавишей, – это будет почти ровно тридцать километров!

– Может, верст? – усомнился Виктор. – Слишком ровное число получается.

– Нет, – сказал Бэрримор, поворачивая к нам экран ноутбука.

Я тоже смог убедиться, что четыре русские мили действительно равны 29,9 километрам или 28 верстам ровно. Ну что ж, несистемные единицы и не такие чудеса выдают. Зато теперь нет никакого противоречия с библейским пешим днем.

– Тогда смотрите, – сказал я. – Если мы сопоставим строки каждого четверостишия, то получим вполне внятное описание некоего маршрута... Или его большей части. Единица – тридцать километров с небольшим округлением. Поехали: первый отрезок понятен. Второй отрезок – считаем: двенадцать умножаем на тридцать – будет триста шестьдесят на юг. С третьим, конечно, неясно – ни по расстоянию, ни по направлению. А четвертый – поворачиваем направо и движемся двести сорок километров опять в сторону юга.

– Сестра Кэсси, – прочувствованно произнес Виктор. – Брат Ричард. Мне кажется, наш новый член Общества только что разъяснил, как именно надо анализировать такие шифры.

– Если бы он еще понял, что скрывают третьи строчки...

Мне стало неловко за свою несообразительность. Мы еще часа два бились над поиском смысла в «звериных камнях» и «томском коне», но наконец сдались.

Виктор поднялся.

– Так, пора расходиться... – Брат Ричард, тебе надо сегодня же связаться с Нью-Йорком, там у них скоро рабочий день начнется... Я поехал тоже... Брат Андрей...

– Я придумаю ему поручение, – протянула Кэсси таким тоном, что сердце у меня сладко заныло... Неужели?..

– А, ну ладно. Счастливого тогда оставаться, – произнес Виктор.

Бэрримор тоже откланялся, и вскоре обе машины – белый «Форд» и синий «БМВ» – уехали со двора.

... Друзья мои, не помню, когда я был еще настолько счастлив... Потому что Кэсси действительно придумала мне «поручение»... Какая у нее была нежная и чувствительная кожа!.. Да и вообще – не доводилось мне встречать до нее более внимательных и одновременно страстных женщин... Но, в отличие от того безумного вечера, мы мебель не ломали. В бутылочке вина, возможно и было что-то подмешано, иначе чем еще можно объяснить, что утихомирились мы

лишь часа через четыре?

* * *

– Ты чего так долго не звонил? – недовольно прогундосил Лымарь.

– Знаешь чего? – спросил я, оттягивая этот сладкий момент. – Пошел ты на х...

В трубке повисла тишина, нарушаемая только легким шипением фона. Затем раздался не то рев, не то визг. Я посмотрел в зеркало заднего вида на свою ухмыляющуюся физиономию, отключил телефон, сунул его в «кобуру» и погнал машину дальше. Я возвращался в город, домой. Настроение было слишком хорошим для того, чтобы работать; клиенты, как будто чувствовали это и потому не звонили. После второй ночи, проведенной с Кэсси, я уже не сомневался в том, что эта женщина предназначена мне самой Судьбой. Я готов был плюнуть в лицо любому, кто бы в этом усомнился, и убить того, кто бы рискнул встать между нами. «Даже Виктор», – вдруг вскочила, словно прыщик, непрошенная мысль, впрочем, сразу же выдавленная без следа.

Телефон снова зазвонил. Опять Лымарь... Я сбросил вызов, не отвечая. Конечно, было наивно надеяться на то, что он перестанет меня доставать, но мне было плевать... Тут, словно услышав мои мысли, позвонила Татьяна. Так, я за чередой последних событий даже и забыл о ней. Я почему-то

не верил в то, что угрозы Лымаря в отношении Тани имеют под собой какую-то основу. Не верил, и все. Не хотел верить. И вообще, нам с Таней придется разъехаться. Ну ладно, в принципе, ничего страшного. Не в первый раз, чай. Придется, конечно, решать вопросы с дачей, с машиной... Решу. Не такое решал.

Таня подождала немного, наверное, полагая, что я чертовски занят, чтобы я мог сразу ей ответить (а она вообще мастерица звонить как раз именно в те минуты, когда мне более чем неудобно отвечать по телефону), потом снова набрала мой номер. Надо взять трубку...

– Я слушаю.

– Андрейка, привет! Я уже в аэропорту Домодедово, и скоро прилечу домой. Не забудь меня встретить где-то через пять часов. Рейс номер...

Лучше, конечно, было дожидаться, когда она придет, потом доставить ее домой и уже дома, в квартире, объяснить, почему, собственно, я собираю вещи. Но язык сам собой выдал:

– Таня, я должен тебе сказать. Я тебя, конечно, встречу, но я сейчас еду на квартиру собирать вещи. Я съезжаю.

– Маскаев! Ты что там, водку жрешь опять? – раздался резонный вопрос спустя секунд пять, пока Танька соображала, какая муха меня могла укусить.

– Нет. Мы действительно должны расстаться. Так будет лучше.

– Ты идиот, что ли?.. Нет, тебе точно пора завязывать даже с пивом! Я сейчас прилечу, и мы разберемся, что будет лучше...

– Таня. Я встретил другую женщину.

Теперь пауза длилась уже секунд десять.

– Маскаев... Ты это серьезно?

Тон у Татьяны уже был совсем другим.

– Абсолютно, – сказал я, не чувствуя ни малейшего угрызения совести. Более того, я чувствовал, что сделал правильно. Не надо тянуть с этим. Не надо устраивать сцен. Пусть Танька «переварит» эту новость, пока летит в самолете, а когда я ее встречу здесь, уже будет проще решить все дела без скандала и без нервов...

– О чем это ты?

– Повторяю, я встретил другую женщину. И полюбил ее. Мы любим друг друга. Это очень серьезно.

– Нет, у тебя точно белая горячка, – сказала Таня, еще надеясь на меньшее из зол. – Повторяю: рейс номер сто одиннадцать, жду тебя в аэропорту.

И она отключилась. Ладно. В любом случае, она уже хоть немного будет готова к подобной встрече.

...Пока Татьяна летела домой, я развернул бурную деятельность. Собрал все свои вещи первой необходимости, с тем, чтобы их потом как можно быстрее увезти, когда я сниму себе жилье, сделал несколько звонков... Вдруг позвонила Кэсси.

– Андрей, милый, мы сегодня будем вывозить все наши вещи с твоей дачи. Ты можешь приехать?

– Думаю, смогу, – сказал я. – Но не сейчас, любимая. Я ужасно занят, мне надо решить некоторые вопросы. Бытовые, скажем так.

– Позже решишь. На днях ведь мы уезжаем.

Сердце у меня камнем ухнуло вниз.

– Куда?

– Искать место, где спрятана Золотая баба, конечно.

– А... я?

– И ты тоже, конечно, глупый мальчик! Конечно, ты едешь с нами!

На душе снова стало светло и тепло. Ладно, все идет как надо...

Не успел я выйти на улицу, как заметил, что произошло неладное. Моя машина явно стояла как-то не так. Подходя ближе, я увидел, что именно с ней произошло, и почувствовал, как на лице сама собой рисуется злая гримаса. Какие-то мерзавцы спустили или прокололи мне оба передних колеса.

Времени было как раз чтобы доехать до аэропорта к прибытию самолета – рейс шел без задержек. Если я поменяю одно колесо, то еще худо-бедно успею... И то не факт – день будний, на улицах полно машин. А что мне делать сразу с двумя?.. Более детальный осмотр показал, что колеса не проколоты, и то уже хорошо. Но из них вытащены «золотники» и куда-то закинута. Нетрудно было догадаться, что кто-то

мне специально устроил эту пакость, наверняка именно для того, чтобы я задержался с выездом в аэропорт. Сукины дети!

Не успел я про них подумать, как они и объявились во плоти. Белый от злобы Лымарь и еще какой-то мерзкий типус, с плоской красной физиономией и широко расставленными бычьими глазками. Лымарь некоторое время пытался объяснить мне суть моих ошибочных действий, но я неожиданно для него (и для себя тоже, если уж на то пошло), сам разинул пасть и выдал ему все, что я думаю о нем, и о его поручениях. Не привожу здесь дословно наш диалог, он был очень грубым и не очень связным. Дружок Лымаря несколько раз порывался вклиниться в беседу, но Лымарь его осаживал, а когда тот вдруг вообразил, что пора переходить к рукоприкладному способу разрешения противоречий, Лымарь сам долбанул его в грудь. Вроде как – не лезь поперед бабки, не время еще.

– Ну ладно, ты сам напросился, – спокойно сказал Лымарь, и вдруг спокойно ретировался, прихватив с собой дружка, который недоуменно оглядывался на меня. В его бычьих глазках я видел немой вопрос: «а мочить разве не будем?» В общем, парнишка был разочарован. Я проводил взглядом обоих, а потом побрел в ближайший автомагазин, благо находился он совсем близко, а после этого взялся за ремонт колес. Как назло, у меня не было электрического компрессора, пришлось накачивать шины ножным насосом, а у

него, похоже, подсохла прокладка поршня, и качать потому пришлось долго и муторно. Татьяна, наверняка уже должна была приземлиться, а я все еще возился с этой проклятой машиной... Впрочем, на Татьяну мне было сейчас с высокой колокольни и с прибором. Кто она мне теперь? Да и была кем-то разве? Даже не жена, так – поди разбери кто...

В аэропорт между тем я все-таки поехал. Уж совсем скотиной мне не хотелось себя чувствовать, тем более что впереди меня ждала новая жизнь. Но дозвониться до Тани я никак не мог – телефон был выключен, точно как у этого гада Сколопендры, а она мне тоже не звонила. Ну, могла бы хоть для порядка сообщить, что самолет сел, и все такое... Я на всякий случай позвонил в справочное. Да, рейс прибыл без задержек, уже минут сорок как... Всех пассажиров, кого обещали, встретили, одна только Танька Черепанова словно неприкаянная, сидит в зале прилетов, смотрит на чудовищное изваяние, изображающее смерть Ермака, и ругает своего сожителя на чем свет стоит, потому что у него то ли опять алкоголизм обострился, то ли преждевременный бес в ребро треснул...

Возле «памятника» лошади Ермака Татьяны не оказалось. Не оказалось ее и по всему периметру зала прилета. Я заглянул в аэропортовские кафешки, даже съел порцию мороженого, но Таня так и не объявилась, ни лично, ни по телефону. Через час с лишним я убедил себя в том, что она села на автобус и поехала домой, не дождавшись меня, а телефон

у нее разрядился, и что сейчас она поймет это, включит его в розетку через зарядное устройство и позвонит мне, сообщив, что уже дома, и что пора разбираться, в какой последовательности я должен выносить свои вещи из ее квартиры...

Заблуждался я недолго.

Уже по дороге домой я услышал мелодию звонка. В последнее время мне стали звонить в десятки раз чаще, нежели это было еще какой-то месяц назад, и я даже поставил специальные мелодии на разных абонентов, в зависимости от их занятий и непосредственного отношения ко мне. Постоянные клиенты у меня звучали бессмертными словами «Money-money» в исполнении группы АББА, члены Общества сами собой оказались на эпической композиции о рыцарях круглого стола в стиле симфоник-метал, ну а кто звучал «Владимирским централом», думаю, не надо долго объяснять... Не глядя я взял трубку и лениво проворчал:

– Ну я ж вроде объяснил, что мне не надо больше звонить....

– Ты, короче, слушай... Твоя Танюха у нас. Либо ты сейчас приедешь, куда я скажу, и расскажешь, что там за сборища у тебя на даче с этими пиндосами, и что ты с ними там делаешь, либо сейчас придумаем твоей подружке, чтобы ей скучно не было...

Я не мог отделаться от ощущения, что Лымарь говорит вообще не о Татьяне, не о моей гражданской жене, с которой я прожил несколько отнюдь не самых плохих лет в мо-

ей жизни, а о совершенно посторонней женщине, которую я и знаю неважно, и вообще – даже «подружка» и то громко сказано... Рассказывать этому отморозку про мои дела с Обществом? Это более чем невыносимо.

– Пошел ты! – Назвав конкретный адрес, я сделал отбой и сунул трубку в карман... Какие-то странные, тревожные мысли вдруг принялись вспучиваться на ровной поверхности сознания, и по ним немедленно принялся бить кузнечный молот, загоняя вглубь... Так, кажется, я ехал домой... Только что мне эти кретины попытались сделать предложение, от которого я, по их мнению, не смог бы отказаться... До чего же бывают наивными, право, некоторые люди!

Еще один рингтон в исполнении все того же Михаила Круга. Я остановился и загнал номер Лымаря в «черный список» абонентов. Пусть теперь хоть наделает в штаны, изойдет на отходы, если попытается еще раз до меня дозвониться...

Он попытался. С другой трубки, надо полагать... Заиграла некая приятная музыка, оповещающая о том, что, скорее всего, с этим вызывающим я просто еще не успел познакомиться. Будучи уверенным на сто процентов, что это опять Лымарь, или еще кто-то из ихней банды, я сказал примерно тем же тоном:

– Хватит звонить мне! Все, баста!

– Андреееей!! – послышался знакомый женский голос, исполненный ужаса. – Я ничего не понимаю! Они посадили меня в машину и...

– Ну, теперь понял? – в трубке появился голос Лымаря. – Я не вру – Таня твоя у нас.

Что я должен был сделать? Как я уже говорил, идти на поводу у этих бандитствующих мерзавцев мне больше не хотелось. Хватит. Надоело... Таня... Что «Таня»?.. Кэсси. Сандра Омельченко. Саша Роузволл. Это имя в разных вариациях и в сочетаниями с невозможными для меня прежнего эпитетами я произносил этой ночью в те моменты, когда любовь возносила меня к неизведанным доселе вершинам счастья, полного и всеобъемлющего... И нежный серебристый смех моей женщины, ласковой и страстной, звучал для меня самой лучшей музыкой в мире... Вот за одну слезинку Кэсси я, пожалуй, убил бы Лымаря. Руками. Нет, без всяких «пожалуй». И предпочтительно ногами.

Не хочу говорить с ним и не могу говорить... И вообще нельзя ни о чем думать...

– Ты слышишь, нет?

– Мне плевать, – вежливо сказал я и отключил трубку. Вообще. Спокойно перестроился в крайний левый ряд и поддал газу – надо поскорее добраться до дому, поужинать. Мороженое в аэропорту – не самая лучшая замена ужину. А я вчера как раз сготовил отличный гуляш – в общем-то, я умею готовить, если приходится. Теперь, наверное, придется... Я почувствовал, что усмехаюсь. Впрочем, не исключено, что завтра-послезавтра вообще придется отправляться в поездку вместе с Обществом на поиски сокровища. Так что вопросы

приготовления пищи будут решаться как-то иначе, нежели в обычных бытовых условиях. Интересно, Кэсси умеет готовить?.. Да хоть бы и нет – мою любимую я готов был сам кормить. С ложечки. И на руках ее носить. Я бы всё для нее сделал. Всё.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В шесть утра я подскочил словно подброшенный пружиной. Пружиной, как же. Меня подкинула какая-то нехорошая мысль, да что там – «нехорошая», просто ужасная, если уж говорить начистоту. Какие-то секунды у меня перед глазами находилось лицо хорошенькой белокурой женщины по имени Татьяна, которую я считал фактически моей женой уже несколько лет кряду. У нее были испуганные глаза. В моем утреннем сне она кричала. Кричала от ужаса, да еще и от боли и обиды из-за моего двойного предательства. Этот ужас, видимо, мне и передался; он пронзил меня в момент пробуждения, однако, почти сразу же сменился недоумением. Я удивленно посмотрел на свои джинсы, которые зачем-то схватил со стула, глянул на часы и... снова залез под одеяло. Куда, собственно, было торопиться, да и зачем?..

Следующее сновидение было куда более приятным. Мне снилась Кэсси, то ли в коротком облегающем платье, то ли вообще без одежды. Во сне я говорил о том, как сильно и нежно люблю ее, и порывался обнять. В очередной раз ухватив руками воздух, я проснулся окончательно... Звонил телефон. Мелодией какой-то популярной турецкой песенки. Кто это?.. Эльвира... Какого черта ей нужно?

– Да, слушаю, привет, – изобразив большую сонливость,

чем она была у меня в этот момент, произнес я.

– Андрей, привет. Послушай, это очень-очень важно. Нам надо встретиться.

Видеть Эльвиру мне не хотелось. К тому же, «встретиться» – это означало тащиться в «Серватис». Как бы там ни было, я ее по-прежнему недолюбливал – она казалась мне довольно скользкой особой, с которой нужно держать ухо востро, да и вообще – ну какие у нас могут быть общие дела?

– Зачем? – спросил я так сухо, как только мог.

– Очень нужно, Андрей. Я не могу сейчас говорить, но это касается Геннадия и твоих дел с американцами.

Вот это я уж точно не был намерен обсуждать ни с кем!

– Разговор кончен, Эля. Об этом я не собираюсь с тобой разговаривать.

– Подожди. Андрей! Подожди...

Не дослушав, я нажал кнопку отбоя. Делать мне больше нечего! И вообще, дела ССС Эльвиру ну никак не должны касаться. Много чести. Даже если не принимать во внимание конфиденциальность моих отношений с Обществом.

Я попытался дозвониться до Кэсси, но ее телефон был выключен. Беспокоить членов Общества мужского пола – «братьев» – мне сейчас было ни к чему, да и неохота. Ощущая странную «потерянность», я бродил по пустой квартире, конвульсивно приводя себя в порядок и собираясь то ли работать, то ли делать что-то еще, более или менее важное, как вдруг в дверь позвонили. Это, конечно, мог быть абсо-

лютно кто угодно, принимая во внимание излишне бурную мою деятельность в последние дни, но я сейчас не боялся никого. Потому спокойно пошел открывать, даже не задав сакраментальный вопрос «кто там?»

За дверью стоял Иван Курочкин с непроницаемой мордой и по-прежнему обмотанной клешней, правда, уже только лишь в два-три слоя эластичного бинта.

– Здорово, – сказал он. – Можно зайти?

– Да заходи уж... – пригласил я, думая, какого черта он приперся, и как его побыстрее спровадить к свиньям.

– Я слышал, что ты уезжаешь, – вдруг сказал он.

О как!

– Это кто тебе такое сказал?

– Эльвира. Ей позвонил какой-то клоун сегодня с утра пораньше, сказал, что ты как бы списался с ее бывшим, и собираешься ехать к нему. Это так, что ли?

– Да вообще-то нет... – сказал я озадаченно. Почему-то я вдруг решил, что Иван не врет, а это значило, что мои намерения кем-то озвучиваются. Кем? Может, Лымарь со товарищи затеяли какую-то странную игру, поняв, что на Татьяну я уже не поведусь (сволочь ты, Маскаев, конечно, приличная), а информацию из меня выуживать все равно ведь как-то нужно...

– Так это... – замычал Курач, – Эльвира сейчас набрала мой номер и сказала, что Геннадий ей позвонил сам!

– Что?!

– Вот то-то. В числе прочего Эльвира выяснила, что ты с ним как будто бы не переписывался, и что про тебя Геннадий не знает вообще ничего.

– А что еще Геннадий говорил?

– А я откуда знаю? Он же не со мной разговаривал, а с Эльвирой. Она, кстати, пыталась до тебя достучаться, но ты ей даже и отвечать не хочешь... Она ничего не понимает, позвонила мне, говорит – подрывайся и езжай к Андрюхе... А мне так вообще делать больше нечего, кроме как по твою душу ездить... Просто сильно очень просила...

Я вытащил телефон и попробовал вызвать Эльвиру. Тот же случай, что и с Кэсси часом раньше. Ну почему женщины все такие?! Когда они крайне необходимы, то до них невозможно дозвониться!

– Иван, я поехал в клинику, – сказал я. Еще бы! Информация о появившемся Геннадии – это как раз то, что мне сейчас особенно необходимо, именно как члену Общества.

– Ну, это твое дело... Только это... Ты меня с собой не захватишь? Мне к этому костоправу опять надо – лапа болит, сил нет...

Ну неужели я буду против? Не прошло и пятнадцати минут, как мы с Курачом уже катили по направлению к «Серватису». Я пытался выяснить, что, собственно, еще сказала Эльвира, но Иван бурчал невнятно, а в конце концов начал злиться: щас, типа, приедем, сам все спросишь и все узнаешь...

Мы подкатили к клинике, где я припарковался рядом со смутно знакомым «шевроле-ланосом» и, следом за Курачом, вошел в вестибюль. Анюта за стойкой встретила нас неуверенной улыбкой, говоря, что «наверх вроде нельзя сейчас...»

– Много ты понимаешь, – басом сказал Иван. – Как это нельзя?

В этот момент мне позвонили. С незнакомого номера. Я почему-то решил, что это звонят бандюганы с очередным предложением, от которого я не смогу отказаться, и сбросил вызов. Курач тут хлопнул меня по плечу (я аж покачнулся) и, бросив мне «пошли», направился к лестнице, ведущей на второй этаж, в стационар. Естественно, я последовал за ним. Мы пошли по знакомому коридору, и я подошел было к не менее знакомой двери в палату...

– Не сюда, – сказал Курочкин. – Ее перевели в другую палату, она уже не на постельном режиме...

И двинулся в самый конец коридора, где была еще одна дверь, в торце. В прошлый мой визит я полагал, что это не палата, а что-то вроде хозблока. Курач взялся за ручку двери, приглашая меня пройти, начал толкать дверь от себя... Я успел только заметить, что внутри странно темно, но удивиться уже не сумел.

От сильного удара в спину я буквально влетел внутрь помещения, споткнулся и упал на что-то плотное и мягкое. Затем услышал негромкий ухающий звук захлопывающейся тяжелой двери. После этого под потолком вспыхнул неяр-

кий свет, и я понял, что попался. А когда обнаружил пропажу мобильного телефона, то окончательно убедился в своем незавидном положении.

Подобное помещение я уже когда-то видел воочию, когда мной занимался известный психиатр д-р Ландберг, представитель старой доброй советской карательной медицины. Как-то раз меня за многие знания и многие печали упекли в дурку, к счастью, ненадолго, но этот эпизод моей жизни я запомнил навсегда. И это было, как вы понимаете, не самое позитивное воспоминание.

Я вскочил на ноги и принялся озираться, как попавший в клетку волк. Комнатка была размером примерно как вырытый под дачей подвал – три на три метра. Только потолок повыше – тоже метра три высотой, даже с половиной, наверное. Пол и стены были обиты плотной тканью, под которой скрывался мягкий ватин или поролон. В жесткий потолок, до которого дотянуться казалось делом нереальным, был вмонтирован плоский матовый плафон, сквозь который струился тусклый электрический свет. На двери, тоже обитой мягким, изнутри не находилось ничего похожего на ручку или замок.

Разумеется, нужно было сразу же подойти к двери и попробовать ее на податливость. Можно было еще попрыгать, но я не стал этого делать, резонно полагая, что за мной наблюдают с помощью скрытой телекамеры. Орать и требовать адвоката тоже было по меньшей мере глупо. Поэтому, ощутив стены, я просто сел возле одной из них на мягкий пол и

задумался, за каким, собственно, лешим, меня решили сюда запихнуть, а главное – кто? Курач, конечно, не сам принял такое решение. Он – просто орудие чьей-то воли. Уж не Эльвиры ли? А что – лежит не в самой дешевой клинике города, деньги, значит, водятся, может, быть и рулит здесь потихоньку со своего одра? Через доктора Дамира Дзадоева или еще кого-нибудь... К тому же Курач – руки Эльвиры, это и так понятно... Но зачем Эльвире меня сюда засаживать? Если хотела поговорить, достаточно было просто принять меня у себя в палате... Значит, у нее были другие намерения? И, может быть, никакой Геннадий вовсе не объявлялся и не звонил ей?

– Эй! – завопил я, подходя к двери. – Мать вашу, откройте! Я не буду убегать! Хотели поговорить, так поговорим, что ж теперь делать?!

Звук моего голоса приглушался и скрадывался мягкой обивкой палаты для буйных. Черт возьми! Ничто не меняется в этом проклятом мире! Что в советские времена неудобных прятали в психушки, что в угар перестройки, что при развитом капитализме, не к ночи будь помянут... По разным мотивам, естественно, но мне-то от этого не легче!

Я еще поорал немного, требуя выпустить меня в туалет, и не стесняясь при этом в выражениях. Никто не пришел, видимо, не посчитали мои проблемы и угрозы серьезными. Да, но если действительно захочется, что тогда делать?

Часы у меня не исчезли, в отличие от телефона (навверняка

Курач выдернул возле ресепшена, пока мне кто-то звонил, может быть, Аня и набирала номер, кстати, почему бы нет?). Времени было уже около полудня. Наверняка Кэсси уже сто раз как проснулась, надо бы созвониться и узнать, какие планы насчет вывоза вещей с дачи и закрытия «миссии», а заодно уточнить, что там планируется насчет выезда и поисков Ратаева? Кэсси... Где же ты, любимая моя женщина?.. Как бы до тебя дозвониться? Даже не столько для того, чтобы обуждать дела Общества (хотя как же без этого?!), сколько просто для того, чтобы услышать твой голос, такой милый, такой нежный и такой сексуальный... Я действительно слишком много времени уже провел без моей Кэсси. Не испытывая ни малейшего сомнения в том, что сегодня непременно увижусь с ней, я как-то и не беспокоился особо, а вот сейчас началось что-то вроде ломки. А ну как эти сволочи вздумают меня тут держать (страшно подумать!) еще несколько дней?!

Пришлось опять поорать. Теперь я уже не стеснялся прыгать, пытаюсь достать до потолка, с тем, чтобы разбить матовый плафон светильника. Я колотил кулаками по стенам и пинал обивку двери. Я тщетно прислушивался и принюхивался к щели между дверью и косяком и не менее тщетно пытался отодрать обивку. Телекамеру я тоже никак не мог обнаружить, и это, знаете ли, особенно сильно *выбешивало*. Так как я знал, что она непременно где-то имеется и нуждается в том, чтобы быть расколоченной моими руками.

В какой-то момент я обнаружил, что мечусь по палате

словно зверь в клетке зоопарка, обходя ее по внутреннему периметру. Глянул на часы – надо же! Уже минут сорок двигаюсь в таком безостановочном ритме. По странной ассоциации я подумал о Кэсси, и о том, что она наверняка сейчас звонит и пытается понять, где я, собственно, и почему недоступен...

Кэсси... Славная милая моя женщина... Меня вдруг словно железный штырь пронзила мысль о том, что она вдруг уедет куда-то на поиски этого проклятого Ратаева, не дождавшись меня, и я больше ее не увижу... Я просто не помнил, чтобы меня когда-либо раньше посещала столь ужасная мысль... И опять заорал, требуя немедленно меня выпустить. Я орал, наверное, с час, пока не закашлялся, поняв, что охрип и больше вопить не могу. По крайней мере, без дикого напряжения. Горло уже саднило, во рту пересохло. Глаза слезились. Как я выглядел, интересно?.. Кожа горит, физиономия взмылена – надо полагать, со стороны я очень похож на психопата, выбравшегося на оперативный простор. Или на наркомана, которому сказали, что он больше не получит своей привычной дозы... Наплевать. Лишь бы Кэсси никуда не исчезла, лишь бы я успел увидеться с ней до того, как она задумает уехать... Я подошел к двери и принялся ритмично лупить кулаками по мягкой обивке. Лупил, наверное, минут двадцать. Потом понял, что лежу на полу, пытаюсь оторвать обивку от того места, где должен находиться порог, и заливаюсь злыми и отчаянными слезами, понимая

всю тщетность усилий.

Сколько я там проторчал? Вообще-то недолго. Всего лишь несколько часов, не больше четырех. Но за эти часы я прожил целую вечность в аду. Уж не знаю, то ли старые воспоминания тому виной, то ли склонность к клаустрофобии (а это да, не выношу закрытых помещений), то ли боязнь потерять Кэсси, то ли просто страх за свою шкуру – мало ли, какой будет следующая «станция» после палаты для буйных. Стыдно признаться, но про Татьяну я не вспоминал. Почти не вспоминал, так будет точнее. А если и вспоминал, то как-то уж совсем мимолетно и без малейшего беспокойства за нее, хотя отлично ведь знал, у кого в лапах она находится, и чем для нее может закончиться подобное приключение.

К исходу четвертого часа за дверью послышался приглушенный лязг, и обивка пришла в движение. Я встал наизготовку, чтобы броситься на вошедшего, кто бы там ни был, но он решил по-своему: просто толкнул меня, когда я кинулся, да так, что я вмиг опрокинулся навзничь; Курач и в обычной обстановке мог справиться со мной на ура, а тут я, видимо, сильно устал от своих бестолковых метаний по клетке. Конечно, у психопатов сил бывает нечеловечески много, но в этот момент я ими не сумел воспользоваться. Несмотря на мои вопли, Иван до обидного легко скрутил мне руки за спиной чем-то вроде ремня, а затем другим ремнем стянул и ноги, дав мне возможность лишь хаотично брыкаться. Что я и делал, извиваясь червяком на мягком полу и понося этого

дегенерата такими существительными и эпитетами, что даже и сам удивлялся, откуда только они берутся, так как я их точно раньше никогда не слышал. Дегенерат только посмеивался, глядя на меня с доброй улыбкой, а потом посерьезнел и крикнул в полутемный коридор:

– Дамы, можете заезжать.

Не успел я удивиться или как-то прокомментировать эту реплику, как «дамы» действительно заехали. Через порог перевалило инвалидное кресло и продвинулось внутрь, увязая на мягком полу. Курач нагнулся, подхватил кресло за переднюю подножку и помог вкатиться седоку.

В кресле сидела Эльвира Столярова-Мельникова-Ратаева. Она мрачно смотрела на меня, с явным презрением выпятив нижнюю губу. Лицо у нее уже было в полном порядке, без следов повреждений. Только одна нога казалась заметно толще другой.

Кресло за задние ручки толкала не кто иная, как Татьяна. У нее на лице, в отличие от Эльвиры, как раз имелись следы некоторых повреждений, совсем несущественных: слегка заплыл правый глаз, да опухла правая же щека – пустяки, в общем. Словом, и говорить-то даже не о чем.

Войдя, она бросила ручки кресла, обогнула его стороной и подбежала ко мне, внимательно глядя в мое лицо. С беспокойством, явным и, наверное, искренним. Черт, надо ж, как это ей повезло уйти от бандитов?

– Вы что с ним сделали? – зло спросила она то ли Эльвиру,

то ли Ивана, а может, обоих сразу.

– «Мы»? – переспросила Эльвира. – Мы как раз абсолютно ничего с ним не делали. Его обработали американцы. Классическое НЛП плюс какая-то химия и сексуальная магия по методу Кроули и в лучших традициях Ала-Оддина.

– «Магия»? – переспросила теперь уже Таня с глубочайшей язвительностью. – Ты это серьезно, что ли?

– Абсолютно. И это никакие не сказки. Конечно, никаких волшебных палочек не было, тут все построено на подавлении воли и внушении искусственных чувств... Единственное что, эту практику, говорят, проводят с оглядкой на астрологические показания. Считается, что в определенные моменты прохождения планет психика у людей в соответствии с их знаками становится более лабильной, и если подойти к этому делу с умом, можно научиться «зомбировать» кого угодно и заставить потом делать тоже что угодно.

Эта сучка говорила обо мне так, словно меня тут не было. Я не замедлил высказать всё, что о ней думаю.

– Ну вот, сама видишь... – Эльвира показала рукой в мою сторону, словно бы я чем-то подтвердил ее бредовые измышления.

– Что с тобой происходит, Андрей? – спросила Таня, присев рядом со мной на корточки.

– Да иди ты, – раздраженно произнес я. Видеть ее нарочито обеспокоенную физиономию мне было совсем неохота.

Татьяна замерла, привстала и отступила на шаг.

– Я ничего не понимаю, – жалобно сказала она.

– Спроси его, какую он там женщину себе нашел, – посоветовала Эльвира.

– Андрей, объясни, что произошло? – обратилась ко мне Таня.

Она слушала эту дрянь, и сама прямо у меня на глазах становилась такой же. Я назвал обеих женщин глупыми курицами и посоветовал убираться к черту. И потребовал дать мне свободу немедленно, поскольку меня ждут.

– Кто же это тебя ждет и где? – Татьяна не была бы сама собой, если бы к беспокойству не подмешала яду.

– Кто надо, тот и ждет... – недовольно проворчал я.

– Кэсси Роузволл, – произнесла Эльвира только. Без вопросительной интонации, видимо, в качестве уверенного предположения.

– Господи... Эта иностранка, что ли?.. С дачи? – непонятно у кого спросила Таня.

– Да ла-адно, нашла иностранку, – протянула Эльвира. – Эту женщину по-настоящему зовут Александра Омельченко, она была валютной проституткой в Киеве, и...

Если бы Курач не поставил свою ногу между мной и инвалидным креслом, эта дерьмовая потаскуха точно вылетела бы в коридор со второй космической скоростью. А так я только зашиб себе обе связанные ноги. Зато Ивану досталось – аж зашипел, бык траншейный! Поделом!

Я посоветовал Эльвире откусить и проглотить ее поганый

язык, при этом пожелал подавиться и сдохнуть прямо в этой клинике. И чтоб потом патологоанатом, который будет ее кромсать, особенно тщательно после всего мыл руки, во избежание отравления Эльвириным ядом, который гаже змеиного будет...

Слушал сам себя со стороны и удивлялся: где я научился так выражаться? Татьяна попыталась меня урезонить, но тут досталось и ей. А что – сама виновата, раз связалась с этой сукой.

Она отвернулась. Потом печально сказала Эльвире:

– С ним что-то не так. Он никогда таким не был...

– Я же тебе говорила. Это результат сильнейшей и очень качественной обработки. Плюс опиаты и современное НЛП.

– Ты в этом, я смотрю, разбираешься? – тон Татьяны стал совсем сухим.

– Да.

– Я знаю...

– Есть ли смысл об этом вспоминать?.. Таня, я готова заняться. Ты сама не справишься. Если его просто так отпустить, он убежит к этой Кэсси, она его использует в своих целях... Не сама, конечно, а тот, кто ей руководит. Чем это для него кончится, сама понимаешь. Ничем хорошим.

– Эта Кэсси... Я бы ей глаза выцарапала, честно, – выдохнула Татьяна.

Я опять дал несколько добрых советов обеим «дамам». Центры сдерживания у меня не работали. Мозг, словно ре-

тивный кочегар, швырял цветистые выражения на язык, как уголь на паровозный конвейер. Курач даже издал явно восхищенное восклицание.

– Лечение будет сложным, – сказала Эльвира. – Вань, тащи-ка его в первую.

– Это же для ВИПов только, – усомнился Курач.

– Делай уже, что тебе говорят, – вздохнула Эльвира.

* * *

«Терапию», которой я затем подвергся, буду вспоминать до самой смерти, наверное. Меня перетасили в одноместную палату, где привязали к кровати и оставили на произвол судьбы еще на несколько часов, до самого вечера. Ругаться и требовать свободы здесь я мог с тем же успехом, что и в палате для буйных. Дотянуться до чего-либо было невозможно – руки привязали со знанием дела. Впрочем, орать и дергаться я уже почти не мог – мне вкатили хорошую дозу успокаивающего, а уходя, вернее, уезжая, Эльвира пригрозила, что если я буду себя плохо вести, еще и снотворного дадут.

Руки, на мое счастье, мне привязали не так уж крепко. Я некоторое время озирался, изучая интерьер (надо мной было несколько полок, видимо, для реанимационной аппаратуры, или еще для чего, сейчас пустующих). Белый шкаф поодаль, слева от меня тумбочка с полуоткрытой дверцей... Что-то там лежит... Я вывернул как мог шею и приподнял голову...

Мобильный телефон! Простая трубка в темно-сером пластмассовом корпусе, каких тысячи... Вытащить правую руку из ременной петли оказалось нетрудно – я потратил минут пять-семь, вряд ли больше. Попытался освободить другую руку – нет, никак не удавалось подцепить пальцами хитроумный загиб ремня... А время шло, и в любой момент кто-нибудь мог войти. А если тут теленаблюдение? Черт с ним! Может, сейчас как раз за мной никто и не смотрит... Я повернулся на левый бок, изо всех сил вытянул руку... задел пальцами дверцу... ухватился за нее. Было очень трудно находится в таком напряжении, но я понимал, что такой шанс упускать нельзя. Хорошенько поерзав на койке, я переместился еще сантиметров на пяток к краю, и мне удалось вцепиться в край дверцы. Отлично... Теперь сжать пальцы по сильнее и подтащить тумбочку чуть ближе... Хорошо хоть легкая, современная, а не такая, как в государственных клиниках – из тяжелой древесины и крашенная не менее чем в двадцать слоев белой масляной краски...

Тумбочка подползала все ближе. Я придвинул ее почти вплоты к койке, позволил себе несколько секунд отдыха, чтобы снять напряжение в руке и, чего доброго, не промахнуться в самый критический момент.

Я не промахнулся, когда снова перевернулся на левый бок и запустил руку в тумбочку. Телефон словно сам лег мне в руку. Не спеша сняв его с внутренней полочки, я развернулся всем корпусом, снова лег на спину. Аппаратик по-прежнему

му был у меня в руке. Разглядывать мне его было особо некогда, лучше попробовать включить – а то дисплей никак не реагировал на нажатия кнопок. Телефон мигнул, система начала неторопливо загружаться... Быстрее, быстрее давай... Сердце отчаянно колотилось, словно бы я только что увидел волнующий воображение сон... Не вошел бы кто в ненужное время... Вот! Экранчик осветился зеленоватым светом, и...

Осталось только выругаться вслух: телефон предложил вставить сим-карту. Была, конечно, слабая надежда на то, что это просто «глюк» аппарата – ну там контакты «симки» окислились, или еще что-то подобное стряслось... Одной рукой я сдвинул крышку с корпуса, вытряхнул плитку аккумулятора... Н-да. Факир был пьян и фокус не удался. Сим-карты в телефоне не было, и надежда позвонить хоть кому-нибудь испарилась окончательно. Собирать телефон уже было необязательно, но я все же втолкнул аккумулятор обратно, защелкнул его крышкой и бросил на верх тумбочки. Смысла делать секрет из своей неудачной акции я не видел никакого. Ни отодвинуть назад тумбочку, ни запихнуть руку обратно в ременную петлю я не видел ни малейшего... Да и не хотелось уже делать вообще что-либо.

Часов в восемь или десять, уж точнее не скажу, Эльвира притащилась снова. С серьезным до идиотизма выражением на лице она достала распечатки и принялась зачитывать мне вслух какую-то галиматью. Я предполагал, что она, к примеру, включит мне для просмотра какую-нибудь сколочен-

ную видеопрограмму из психовирусов (плазменный экран, кстати, находился на стене как раз в очень удобном для просмотра с койки месте), но этого не случилось. Психовирусам была насыщена ее речь, по типичному сценарию: две короткие истории плюс перечень слоганов, требующих от меня внимания.

Поначалу я пытался игнорировать ее выступление. Потом начал перебивать. Потом попробовал вопить. Но вопить уже было почти невозможно – дьявольское снадобье продолжало действовать, и поэтому я сам не понял, как включился в диалог.

Минут через десять я понял, что со мной опять происходит что-то не то, и изо всех сил попытался убедить Эльвиру прекратить полоскать мне мозги. Ужасная женщина неожиданно прекратила свои invocации, и выкатилась прочь. Я отрубился почти моментально.

Спал я не пойми как. Вроде бы усталось давала о себе знать, но мозг был изрядно возбужденным, и играл удивительными образами. Странные пульсирующие сферы, которые то раздувались, то съеживались до отрицательных размеров, напоминали слонов на паучьих лапах, которых так любил изображать на своих полотнах Сальвадор Дали. Впадинки и изгибы тела Кэсси, такие соблазнительные и возбуждающие, из головы почти не уходили. Да и сама Кэсси что-то мне пыталась втолковать, с тревогой и беспокойством.

Наутро я потребовал опять, чтобы меня отпустили, так

как я чувствовал, что еще немного – и Кэсси уедет, забыв про меня. Потом потребовал завтрак, с удивлением вспомнив, что вчера как-то обошелся без обеда и ужина. После завтрака, которым меня угостили не буду уточнять как, Эльвира снова взялась за мое «лечение».

Ее реплики, которым я так или иначе был вынужден воспринимать, меня бесили. Поэтому я не мог не включиться в разговор. Я уже не бросался кашками – мне было интереснее включить интеллект, если у меня таковой еще остался, и попытаться «забить» им эту ехидную стерву, которая – надо признать – была не такой уж курицей. К обеду мы уже принялись почти нормально пикироваться, потом меня снова накормили и оставили отдыхать. Никакого телевидения, и других «внешних раздражителей» мне предоставлено не было – плазменный экран оставался темным – и на том спасибо, что называется... Вечерняя беседа с Эльвирой неожиданно обернулась мирной дискуссией, но тут на меня вдруг нахлынуло. Представьте себе, уважаемый мужчина, что вы хотите женщину. Да не просто так хотите, а хотите сильно. Теперь увеличьте это желание раз этак в десять, потом осознайте, что вы крепко привязаны к кровати, и вам никто не собирается оказывать соответствующее удовлетворение. В общем, дискуссия получилась «смазанной». Эльвира, видя мое неадекватное состояние, неожиданно начала всячески поносить Кэсси и опять заявлять, что все, что со мной было – это искусственно вызванные желания и чувства, и что

никаких взаимных чувств у американской украинки к Андрею Маскаеву нет и быть не может. Я принялся с этим спорить. Я назвал Эльвиру идиоткой и еще покруче. Она сказала «ну ладно», и, вытащив откуда-то небольшую пачку фотографий, сунула их мне: «смотри и любуйся!»

Я, если честно, обалдел. На фото была изображена Кэсси вместе с Виктором. Как бы ничего особенного, но, знаете, когда в обстановке ресторана твоя любимая женщина сидит рядом с другим мужчиной (при этом излишне близко) и сладко ему улыбается, в этом нет ничего и доброго... Эльвира, убедившись, что я хорошо рассмотрел изображение, сменила карточку – руки-то у меня по-прежнему были несвободны... На другом фото Кэсси и Виктор танцевали. Этот козел облапил женщину так, что ему ну просто необходимо было дать в морду – вот черт, я ведь еще при первом же знакомстве как почувствовал, что наедине с этим самцом женщину ну никак нельзя оставлять! Ох, добратья бы до него... Следующее фото – парочка забирается в такси. Сукин кот уже положил свою кривую лапу Кэсси значительно ниже талии... А она-то чему улыбается?!.. Очередной отпечаток – ну это уже слишком... Мне хотелось отвернуться, закрыть глаза, чтобы не видеть этой мерзости... Целуются... Еще снимки, сделанные то ли через промежуток между неплотно сдвинутыми занавесками, то ли еще сквозь какую-то щель. Опять целуются. Виктор уже с голым торсом, Кэсси в лифчике. Ну, и напоследок – кода: четыре ступни,

торчащие рядком вроде бы из-под одеяла. Неважно, из-под чего, важно, что в тесном контакте.

Я чуть с ума не сошел от ревности. Это я-то, который полагал, что подобное чувство мне незнакомо?.. Я помнил, как на заре нашего знакомства с Татьяной мы, оба уже вкусившие запретных плодов не один килограмм, пообещали в случае длительных отлучек давать друг другу относительную свободу... и я серьезно подозревал (ну, может не на все сто, конечно), что Танька этим обещанием пользовалась. Я, впрочем, поступал точно так же. И уж тут-то я был уверен на сто процентов. Хотя со временем все эти шалости и начали сходиться на нет, но раньше они и воспринимались как-то совсем иначе.

– Думаешь, это фейк? – спросила Эльвира. – Нет, это чистая работа детективного бюро «Аскольд». Ты про них, кажется, знаешь.

Я про них действительно знал, более того – как-то раз мы с Таней даже вынуждены были обратиться к ним за помощью... Кстати, как она? И где сейчас она?

– Вот еще, – продолжила Эльвира и вытащила еще две фотографии, вернее, распечатки. – Это даже в интернете можно найти – в архиве новостей девяностых годов. Про Киев я не просто так ведь сказала.

На фотографиях была изображена группа красивых девушек в очень коротких юбочках и явно злоупотребляющих косметикой. На первом снимке группа товарищей в серой

форме, немного отличающейся от российской, грузила этих девушек в «уазик» с надписью «міліція». На другом – выгружала. Поверх фото был набран заголовок, в котором говорилось что-то о «крышевании» внутренними органами Киве «ночных бабочек». Кэсси я сразу узнал. Тут она выглядела ненамного моложе, чем сейчас, да еще грива была более пышная, нежели сегодня, и цвет имела ярче нынешнего – почти морковный.

– Ну что, Андрей, есть еще сомнения? Кэсси, кстати, в городе. Никуда она пока не уехала. Может быть, и правда, тебя ждет. А может, и нет... Ну, подумай.

– Иди отсюда, – сказал я устало.

...Ночью Кэсси снова пришла ко мне. Я видел ее словно в синеватом тумане, она была напористой и холодной. Мне вдруг захотелось от нее избавиться, но она, словно суккуб, отпустить была меня не намерена. Со мной, кажется, случилось, как с подростком, которому снится подобное; под конец лицо Кэсси исказилось, превратившись в гримасу монстра, она издала звук, похожий на карканье, взмахнула черными крыльями и улетела. Я проснулся с бешено скачущим сердцем и ощущением, близким, наверное, к ужасу лунатика, пришедшего в себя ночью на кладбище.

На следующий день меня отвязали от кровати. Я больше не хотел убегать. По крайней мере, уже отдавал себе отчет, что это будет не очень умно. Кроме того, я с жуткой неловкостью думал о том, каким чмом выставился перед Таней.

Я знал, что рано или поздно мне придется хоть что-то сказать по всему этому делу, но я даже и не представлял, что говорить. Слово «стыдно» тут было неуместно. «Противно» – тоже. Хотелось то ли застрелиться, то ли просочиться в канализацию на десяток лье.

Подобное состояние было осложнено еще и тем, что куда-то ушло мое чувство к Кэсси, оставив тягостное ощущение потери и пустоты. Может быть, эту странную и на удивление сильную влюбленность и на самом деле мне внушили принудительно, но не менее принудительно из меня ее и вытащили, а подобное вмешательство в психику вряд ли проходит безболезненно.

Эльвирины душеспасительные речи меня вдохновляли плохо. На мое счастье, она не требовала отвечать. Более того, я уже не лежал привязанным как дурак в дурке, а просто валялся поверх покрывала, словно на сеансе психотерапевта. Вероятно, это «лечение» и было чем-то подобным. Я с трудом мог поверить, что еще совсем недавно страдал и ужасался от невозможности увидеть Кэсси. Теперь я испытывал похожие чувства. Но по другой причине.

– Эля, – перебил я Мельникову на полуфразе. – Где Таня?

– Ты думаешь, она после всего захочет иметь с тобой дело? После того, как ты ее отдал бандюкам? Ты же просто предал ее, Андрюха... Под действием наркотиков и психосуггестивных техник, но все же предал. Женщины этого не прощают, Андрей.

Ее слова падали мне на сердце будто капли расплавленного металла. Я понимал, что дело обстоит именно так... Что же за чертовщина действительно произошла? Как я мог так поддаться? Как они сумели все это со мной сделать?

Я произнес это вслух.

– Вот ты и столкнулся с тайным обществом или *настоящей* сектой, – сказала Эльвира. – То, что практикуют евангелисты из ДК Островского – это так, белый пояс, первый дан. Любительщина. Прикладная психология для «эйчарок» с дипломом «педушника». А вот американцы, «растворись и застынь» – асы в своем деле. Профессионалы. Кстати, думаешь, Кэсси в полной мере принадлежит себе? Вовсе нет. Да и другие, по-своему, тоже. Просто часть адептов, с более гибкой психикой, чем у тебя, рано или поздно пробиваются чуть выше по иерархической лестнице, но за свои идеалы они и убить могут. Основная же часть так и остается «расходным материалом»... Но ты не расстраивайся, все будет хорошо. Раз ты не такой гибкий, то и обратно тебя вытащить значительно проще, чем убежденного апологета-карьериста...

– Откуда ты знаешь про «растворись и застынь»? – спросил я.

– От Павла, – немедленно ответила Эльвира. – Он много их секретов знал... Много держал в своих компьютерах... Один сейчас в прокуратуре, другой... Так ты уверен, что не нашел планшет?

– Отдал я его американцам, – сознался я. – Теперь уже

другие участки мозга принялись тревожно вопить, но за их подавлением дело не стало. Мне казалось, что я правильно поступаю... Или все-таки нет?..

– Что ты им еще рассказал?

Я помолчал. Подумал.

– Слушай, мне надо увидеть Татьяну, – сказал я. – Очень надо.

Эльвира посмотрела на меня.

– Знаешь, а ведь ты сильнее, чем я ожидала, – вдруг сказала она с легкой улыбкой. – Я думала, мне придется с тобой дней пять заниматься.

Женщины знают, что и как надо говорить нам, чтобы сделать приятно. Но я ведь тоже многое повидал, и на грубую лесть не «ведусь».

– Слушай, ты где этому научилась? – спросил я.

И застал, кажется, врасплох.

– Ты же знаешь, – произнесла она после двухсекундного раздумья, – что такие вопросы не нужно задавать женщинам.

И выкатилась из палаты.

...Третья ночь прошла для меня без сновидений. Спал я крепко и странно спокойно. Наверное, мне чего-то подбросили в чай или во что я там ел-пил... Надо сказать, что кормили меня тут отнюдь не по-больничному. Я даже боялся прикинуть, в какую сумму выльется (или уже вылилось) мое содержание в этом стационаре. Теперь я не сомневался, что Эльвира, кроме своих соляриев действительно имеет

неплохую долю в других бизнесах, возможно, что и этот медицинский центр принадлежит ей, хотя бы и частично. А это значит, что возможностей и связей у нее немало. Вот же Геннадий балбес, что упустил такую женщину... Даже если принять во внимание ее несомненную стервозность (а без стервозности и женщина-то не совсем женщина, если подумать), и то ведь ясно, что на дороге такие не валяются. И возле дороги тоже. Да и вообще, искать будешь – и то не найдешь... Да, тут действительно мамочка постаралась – сколько угодно знаю таких случаев, когда родители (мамы в основном) никак не хотят дать возможность детям (сыновьям в основном) становиться взрослыми... Валентину вон тоже взять. В возрасте нашего с ней пацана я уже мог ночевать вне дома, а его, похоже, будут лет до тридцати за ручку по жизни водить...

По утрам часто в голову лезут невеселые мысли. Особенно если заняться нечем. Но я надеялся, что в это утро мне все-таки будет чем заняться.

С некоторым удивлением я обнаружил, что дверь в палату незаперта. Я выбрался в коридор, проверил все двери поблизости; «буйная» и номер два были закрыты, в остальных лежали явно клиенты-пациенты. Одна из дверей по другую сторону лестничного марша открылась, и оттуда показался доктор Дамир Дзадоев.

– А, господин Маскаев, – произнес он. – Спуститесь вниз, обратитесь на ресепшен, вам отдадут вашу одежду и вещи.

Так просто?

– А где Эльвира? – спросил я.

– Идите вниз, – последовал совет.

Я внял. Аня-регистраторша, вся из себя как обычно угловатая и неловкая при виде меня (вот тоже странно – почему?), дала мне ключ от кладовой и показала, где, собственно, это помещение находится. Я переоделся, потом снова подошел к Ане и получил документы, ключи, бумажник и телефон.

– Мне бы Эльвиру увидеть, – сказал я.

– Вам лучше уехать, – опутив глаза, сказала девушка. –
Ваша машина на парковке.

Все было действительно просто. Я вышел на улицу, вдохнул воздух свободы и загрузился в машину. Повернул ключ зажигания – двигатель с готовностью заработал.

Включил телефон. Звонков, конечно, оказалась чертова уйма. Больше половины незнакомых – страшно подумать, сколько клиентов я потерял. Шесть раз звонила Кэсси, дважды – Виктор, и один вызов был от Бэрримора. Звонил дядя Гриша и следователь из прокуратуры. Было несколько СМС, некоторые я удалил, почти не читая (от Кэсси, в частности).

От Татьяны не было ничего. Возможно, поэтому я и не поехал сразу домой. Если честно, домой было страшно ехать. Я двинул за город, в Шатуниху, убеждая себя, что хочу только издалека взглянуть на дачу. Думаю, Эльвира вряд ли была довольна моим поступком, но Эльвира для меня все-таки значила не так уж и много. Хотя, конечно, что касается

ее «терапии»... Вообще, а зачем и для чего она так серьезно возилась со мной? Или ради кого? Ради Татьяны? Что-то уж очень сомнительно. Может быть, ей нужен именно я? И именно в состоянии «неохмуренности»? А может быть, это я тогда, с Кэсси, был нормальным, а вот сейчас после занятий с Эльвирой наоборот, мозги вывернулись? Кто теперь скажет точно?

Я несколько раз останавливался и убеждал себя, что ехать сейчас на дачу – верх глупости. Я отдавал себе отчет, что встретиться сейчас с Кэсси – и все результаты «терапии» могут полететь к черту. Впрочем, уверенности особой у меня в этом не было... Но все равно продолжал двигаться в сторону Шатунихи. Машин в городе по случаю выходного дня было не так уж много, я быстро миновал городскую черту, и через несколько минут съехал с шоссе и направился к дачам.

Свой дом я все же проехал без остановки. Ворота, как я успел заметить, были заперты, металлическая табличка висела на прежнем месте... Затормозил у магазинчика имени Георгия Чингизовича Семужного. Зайти, хоть клинышек пиццы перехватить, а то с утра ведь уехал из клиники, так и не позавтракав...

В магазине, кроме все той же несимпатичной продавщицы находилась еще одна дама – наша пожилая соседка Лидия Степановна. Я не успел даже подумать о том, как бы мне поскорее убраться, как она увидела меня и, всплеснув руками от возбуждения, заговорила:

– Ой! Андрей, мы же только сейчас вас вспоминали! Ваши жильцы вчера уехали.

– Уехали? – тупо переспросил я.

– Да!.. Ой, Галина, ну я пойду, наверное, надо отдать кое-какие вещи. . .

Словом, от общения с Лидией Степановной отделаться не получилось. Я усадил ее на пассажирское место, сам повел машину в сторону наших дач. По пути выяснил, что арендаторы вчера собрали свои манатки, отдали Лидии Степановне какие-то пакеты и ключи от дома. Дозвониться до меня они вроде бы как не сумели.

– Да, с телефоном у меня были проблемы, – отговорился я как мог.

Мы прошли на участок соседки. У нее дача была как дача – ровненькие грядки со зреющей земляникой, кудрявый цветник, аккуратный малинник вдоль забора. Домик только подкачал – обветшал, почернел от времени.

Я забрал необходимые вещи, сердечно поблагодарил и закинул плотный пакет из темного полиэтилена в машину. Потом рискнул пройти на дачу.

Ну что ж, мой участок выглядел совсем иначе. После всех раскопок тут практически ничего не росло, за исключением нескольких яблоневых кустов перед домом. Земля была хорошо утоптана и укатана – все-таки сюда то и дело заезжали автомобили и ездили чуть ли не по всей территории участка. Зато дом облагородили. . . Правда, внутри уже почти ничто

не напоминало о его странных обитателях и происходивших там таинствах: черные занавесы были сняты со стен, свернуты в рулоны и уложены вдоль стен; ритуальных свеч и колдовских книг как не бывало... Осталась только кофемашина, да странный красный светильник так и висел над диваном. Бутылки с виски и вином арендаторы тоже прихватили, покидая дачу...

В маленьком конверте без надписи, который я сразу почти открыл, лежал сложенный вчетверо экземпляр договора, который Кэсси вернула мне. Итак, деловые отношения между нами завершились. Я запер дом, задвинул засовы на опустевшем гараже и воротах изнутри, закрыл и калитку. Хотел снять табличку, но она была приделана на совесть. Ладно, потом сниму...

Чей-то салатный «логан» вдруг лихо притормозил у ворот – этой машины я тут прежде не видел. Водитель обратился ко мне, читая какую-то бумагу:

– Господин Ричард Бэрримор здесь проживает?

Водителем был совсем молодой мальчишка. От фамилии «Бэрримор» он испытывал неиллюзорный восторг.

– It's me, – решил я созорничать.

Юный курьер, видимо, не очень мне поверил, но я показал ему договор, составленный на двух языках, и на ломаном русском языке попросил пройти в дом, где будет ясно, что Бэрримор – это я.

Врать, видимо, я не разучился. Поставив закорючку, я по-

лучил пакет в толстом конверте, предназначенный не мне. Что-то словно извне пыталось мне внушить, что негоже так поступать члену Общества, но «логан» уже уехал, и догонять его мне совсем было неохота.

Сев в свою машину, я заглянул в толстый пакет, который мне передала Лидия Степановна.

Там была книга в знакомом переплете. Ее завернули в другой пакет и снабдили запиской, напечатанной на принтере: «Брат Андрей, эта книга должна стать твоим постоянным спутником. Нам пора уехать, но мы ждем тебя, звони обязательно. Обрати внимание на человека, который скажет тебе «ВИЖУ ЗАРЮ ВОСТОКА НА ЧИСТОМ НЕБЕ» Ты ему ответишь «ЭТО ПРИЗНАК ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН» и будь готов выполнить его поручения». Н-да... Еще я быстро убедился, что мне передали совсем другую книгу, не ту, что я видел тогда в каминной. Она тоже имела знакомый девиз, но страницы были на русском языке. Главы о сексуально-астрологической обработке неофитов в этом издании не оказалось, да и листов явно было поменьше. Ну и ладно...

Еще один пакет, полученный от курьера, я тоже собрался было открыть, но

меня остановил звонок с мелодией песни под названием «Hold me for a while» – темы чудовищно слащавой, как мне сейчас казалось, не то что несколькими днями раньше... Кэсси. Я был не в состоянии с ней говорить. Кроме того, я действительно боялся, что «сорвусь» и побегу за ней, куда

бы она ни направила... Пришлось убрать номер мисс Роузволл в черный список. Телефоны прочих членов Общества я занес туда же. То и дело кусала не очень хорошая мысль – а как теперь, собственно, быть с членством в этой «ложе» и с данной клятвой? Да и вообще – что говорить, если они вдруг придут сами и потребуют ответа? Я решил, что подумаю об этом в другой раз, к тому же мне и без Общества предстояло нелегкое объяснение.

... Дверь открылась, и мне сказали: «ну,ходи, раз пришел». Я вошел внутрь и удостоился хлесткой и весьма чувствительной пощечины. Это меня не удивило. Было бы странно, не окажи мне Татьяна подобный знак внимания. Для симметрии она залепила мне с другой руки. Впрочем, я понимал, что мне и этого мало будет.

– Ну все, Маскаев! – сказала Таня. – Теперь я от тебя точно уйду! Меня уже в третий раз за время нашего совместного проживания хотели изнасиловать или убить из-за твоих фокусов. Меня даже били... Это очень противно и очень страшно. У меня опять бессонница. На-до-е-ло! Зачем мне жить с такой свиньей, как ты?!

Вопрос был более чем риторический. Я оставил его без ответа.

– Проходи пока. Потом будем решать, как жить дальше. Разумеется, без разбора полетов не обойдется. Я в этом не сомневался. Вполне возможно, он состоялся бы сразу после того, как я вернулся с балконного перекура, но в дверь

кто-то позвонил, и при этом достаточно настойчиво – тремя переливами подряд. Мы с Татьяной переглянулись.

– Открывай, чего уж там... – сказала она.

Я отпер дверь. На пороге стоял высокий мужчина лет сорока пяти с длинным носом и редкой курчавой шевелюрой, весь одетый в черное. Незнакомый.

– Здравствуйте, уважаемая Татьяна, – вежливо поздоровался он. – Уважаемый Андрей Николаевич, здравствуйте.

– Здравсьте, – растерявшись, словно девчонка, сказала Татьяна.

– Добрый день, – сказал я. – Вы кто?

– Я пытался вам звонить, но почему-то телефон был все время выключен, – вместо ответа на прямо поставленный вопрос сказал незнакомец. Но после этого все же представился: – Меня зовут Монин Аркадий Федорович. Я – председатель епархиальной комиссии евангелической церкви Нового Завета. Могу я с вами поговорить?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уже значительно позже я понял, что Аркадий Федорович, при всех его странностях и трансформациях, оказался именно тем человеком, который без преувеличений спас наши с Татьяной отношения. Не Эльвира им оказалась, а именно Мониин. Хотя бы потому, что он появился рядом с нами в очень нужный момент. Но даже без того, когда я его впервые увидел, то почему-то как-то сразу подумал о том, что в мою жизнь опять вторглась знаковая фигура... И ведь не ошибся.

Аркадий Мониин сидел в комнате и нервно постукивал длинными пальцами левой руки по столу. Правая почти постоянно лежала у него на коленях. То и дело прихлебывая чай, поданный Татьяной, которая настороженно внимала тому, что председатель епархиальной комиссии рассказывал про Павла. Ситуация была, по его словам, сложной, но очень, очень интересной...

– Естественно, я не могу и не должен рассказывать о внутренних делах нашей церкви, но это и не нужно, поверьте. Я расскажу только о том, что касается поступков Павла и к чему они привели.

...По словам Аркадия, руководство евангелистов в Москве начало удивляться некоторым аспектам жизни и деятельности Павла Столярова, недавно назначенного «намест-

ником» в Западной Сибири. Павел связался с некоей Эльвирой Мельниковой, женщиной неоднозначной (судя по доносам) репутации, к тому же разведенной, что не вполне вписывалось в рамки, установленные для адептов начиная с определенного уровня. То есть, подобное не запрещалось, но не одобрялось и могло послужить остановочным пунктом в карьере, а Столяров заявлял о своем намерении жениться на Мельниковой. Кроме того, Павел настойчиво обращался в *специальное* подразделение церкви с требованием найти сведения о местонахождении бывшего мужа его невесты. В Москве резонно подумали, что Столяров ищет какую-то выгоду, причем в ущерб возможной карьере, а это значит – выгода может быть большой. Монинову поручили начать расследование, поначалу оно даже было негласным. Монин принялся за дело, добросовестно посылая отчеты, но в какой-то момент вдруг решил проявить некоторую самостоятельность, а именно в тот, когда ему по запросу, сделанному (по его словам, на всякий случай) в институт, неожиданно легко выдали неопубликованную монографию Ратаева, которую тот подготовил, предваряя свою неоконченную диссертацию. Вот что писал Геннадий Ратаев – этого не было в его книжке про московских тамплиеров.

«Год 1023-й знаменателен уже тем, что именно тогда впервые была упомянута Золотая баба, по существующим до сего времени легендам – идол коми-пермяцких племен. Упоминали об этом артефакте викинги из отряда их вожа-

ка, известного как Торер-Собака, который совершал набеги на территории княжеств тогдашней Руси, где обычно получал серьезный отпор. Следовательно, мы можем говорить о том, что Золотая баба находилась на русских территориях, хотя нет никаких данных, что она была религиозным символом русичей или иных этнически близких им племен. Скорее всего, о Золотой бабе упоминали именно бывшие в плену викинги, которым со временем удалось вернуться в родные места. Потому что, если бы воины Торера имели превосходство в момент знакомства с идолом, то они непременно изъяли бы святыню и увезли в Скандинавию. По дошедшим до нас записям со слов тех викингов, они якобы видели статую, изображающую женщину с чашей на коленях и золотой короной в форме кольца на голове, украшенной двенадцатью разными изображениями. Иногда упоминалось, что женщина держит на руках младенца. Иногда – что эта женщина имеет характерные признаки беременности. Вообще различий в сведениях много – от материала, из которого выполнена статуя (есть сведения как о золоте, так и о древесине), до размеров идола. Высота статуи в разных источниках варьируется от двадцати сантиметров до двух с лишним метров.

...Теперь проследим о движении Золотой бабы по территории Руси. Что интересно, за ней следят и о ней пишут в основном европейские исследователи. В своем «Сочинении о двух Сарматиях» польский историк XVI века Матвей Меховский помещает идола за Вяткой «при проникновении

в Скифию». Под «Скифией» Меховский подразумевал Золотую Орду XIII века. У последующих авторов – немцев, итальянцев, англичан – Золотая баба находится уже вблизи нижнего или среднего течения Оби. Ниже приведены выкопировки из работ польских картографов, которые, изображая реку Обь, наносили рядом с ней изображение статуи женщины с ребёнком на руках и надписью «Złata Baba» или «Mulier Aureus». Что касается работ русских учёных, то лишь в XVIII веке мы находим редкие и разрозненные сообщения о том, что Золотая баба – это древнее божество коми, статуя которого была увезена на Обь якобы не желающими креститься язычниками. На мой взгляд, эта гипотеза не выдерживает критики...»

– Вот это самые, на мой взгляд, важные строки из неопубликованного в монографии, – сказал Монин, быстро убрав распечатки. Я подозреваю, что ни рецензент, ни редактор попросту не обратили на них внимание. Возможно, что и сам Ратаев не сразу понял, с чем столкнулся. Но он, видимо, сделал выводы... и не стал их отражать в своей работе про московских тамплиеров, которая и без того выглядит очень неоднозначной. Я прочел ее полностью, и это, знаете, тоже своего рода вызов отечественным Птолемеям от исторической науки. Пусть даже написана она, на мой взгляд, «сыровато» и местами, в свою очередь, тоже не выдерживает критики.

– Что в этих строках такого важного? – спросил я. – Ген-

надий действительно нашел Золотую бабу? Или понял, где ее искать?

– Мы и так об этом примерно знаем, – сказала Таня. – Мы даже видели место, где он пытался ее найти...

И она резко замолчала. Надо полагать, на всякий случай. Я пока что тоже видел в этом Аркадии приличного авантюриста. Он ведь тоже хорош – узнав о чем-то неординарном, не стал докладывать своему начальству. По крайней мере, его намек насчет самостоятельности прозвучал для меня именно так.

– Я не знаю, точно ли Геннадий ее нашел, – сказал Мюнх. – Возможно, нет. Возможно, он продолжает ее искать. Дело даже не в этом.

– А в чем тогда?

– Это очень опасное знание. Я опрашивал людей, знающих Павла, и по их словам, тот намекал, что столкнулся с чем-то опасным. В конце концов, вы же в курсе, что он был убит... И неизвестно кем. Я только знаю, что он поначалу хотел заниматься открытием Ратаева самостоятельно, или при каком-то участии его бывшей жены, которая то ли была, то ли нет невестой Столярова. Еще я выяснил, что буквально за день до своей смерти Павел решил передать результаты своей деятельности руководству церкви. Еще он успел сообщить мне о своем намерении разорвать отношения с Эльвирой и покаяться в своих прегрешениях. А их, по его словам, накопилось излишне много. Но он, как вы знаете, не успел

этого сделать.

«Что опасного в знании, которое открылось Ратаеву?» – подумал я, вспомнив, что сказал Павел: «американцы приехали в Сибирь для очень серьезных дел. Таких, что даже вслух говорить нельзя. То, что они ищут, способно перевернуть мир...»

Так что искал Павел? Что-то более крутое, чем просто золотой истукан... Архимедов рычаг? Откровенничать с господином Мониным мне не хотелось. Я сейчас не верил никому, в том числе (с недавних пор) и себе. Аркадий Федорович ничем не напоминал мне улыбающихся и позитивных молодых людей из ДК Островского. Он был неулыбчив и сух. В своем узком черном пиджаке поверх белой рубашки, с редкой, но длинной кудрявой шевелюрой и короткой кудрявой же бородкой а также большим носом этот брюнет куда больше походил на иудейского священника, нежели на евангелиста. Ему бы еще черную фетровую шляпу, и рядом с вами как есть ортодоксальный еврей прямо со Святой земли.

Монин, конечно, предъявил нам свои верительные грамоты, но, как говорили Ильф и Петров, «при современном развитии печатного дела на Западе» в наши дни можно напечатать не только паспорт, но и невиданный мной доселе документ, удостоверяющий членство Аркадия в В.Е.Ц.Н.З. – организации, чей авторитет, да простят меня евангелисты, не казался мне таким уж бесспорным. Видимо, Татьяна тоже без благодушного доверия относилась к нашему гостю, по-

тому что вдруг сказала:

– Аркадий Федорович, вы, наверное, как представитель христианской церкви, хорошо знаете Писание?

– Разумеется, – без малейшей заминки подтвердил Монин.

– Тогда будьте так любезны, – пропела Таня, – вспомните, что сказал Иисус в своем послании к коринфянам во второй главе?

Я обратил внимание, что Таня как раз не так давно читала именно этот раздел.

– В первом послании или во втором? – едва заметно сощурился Монин. Как бы там ни было, человеком он оказался подготовленным. Жулик, выдающий себя за образованного церковника, вряд ли смог бы так быстро сориентироваться.

– В первом, – сказала Таня.

– О мудрости, – без малейшего сомнения произнес Аркадий. – «И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете»... Верно?.. Ну так знайте тогда еще, что послание это исходило от апостола Павла, а никак не от самого Иисуса.

Таня густо покраснела. Под влиянием Эльвиры она ознакомилась с содержанием Нового завета, но не до такой степени, чтобы выучить его назубок. Зато я убедился, что если

и имею дело с проходимцем, то, по крайней мере, с тем, за кого он себя выдает. Человек, не штудировавший Библию, таких вещей знать не мог... А кто в наши дни будет штудировать Библию, кроме тех, кому это действительно нужно?

– Хорошо, – сказал я. – Считайте, что военной тайны вы мне не выдали, я думаю, что есть люди, которым она и так известна. Что вы хотите от меня?.. От нас, – поправился я, поглядев краем глаза на Татьяну (она тоже зыркнула в мою сторону искоса).

– Мне передали, что вы крайне заинтересованы в том, чтобы найти Ратаева...

– Вообще-то, – сказала Таня, – Геннадий – мой родственник. Его мама сильно беспокоится и переживает, потому что Геннадий даже ей не сказал, куда уехал. И наш интерес заключается только в родственных отношениях.

– Не только, – возразил Монин. – У меня есть к вам предложение, Андрей... А может быть, и к вам обоим, – добавил он, оценивающе поглядев на Таню. – Одному мне не справиться с этой задачей. Как вы смотрите на то, чтобы создать компанию? Команду.

– Концессию или акционерное общество «Золотая баба»? – скептически произнес я. – Увольте. Я не верю ни в эту историю, ни в эту авантюру, которую вы затеяли.

– Зачем же вы тогда собирали сведения о Павле?

– Дело в том, что я попал не в самую приятную историю по вине покойного Павла. Мне была нужна некоторая инфор-

мация. Судя по всему, ее у вас нет... К тому же сейчас у меня немного изменилась ситуация вообще. А то, что у вас есть, меня не интересует.

– Так ли вы в этом уверены?

– Абсолютно. И еще я уверен, что не представляю для вас интереса. Почему вы решили выложить мне эти сомнительные... уж извините, но я так на самом деле считаю... соображения?

– Потому что вы хотя бы косвенно уже соприкоснулись с делами Ратаева и Столярова. Потому что кому-то другому я бы не рискнул выложить эту информацию. А в одиночку мне справиться будет трудно.

С этими словами Монин поднял правую руку и продемонстрировал нам протез кисти от локтя до кончиков пальцев, весьма искусно выполненный.

– Боже мой, – тихонько сказала Таня.

– Вот и я о том же, – невесело усмехнулся Монин.

– Как насчет того, чтобы просто передать вам все материалы, связанные с этой... гипотезой? – спросил я.

– Вы думаете, что если костер и дыбу отменили, то обвинений в ереси можно будет избежать?

Звучало вполне резонно. Я, к счастью, далек от наук, как прикладных, так и фундаментальных, но тем не менее, в курсе, что существуют «священные коровы» и догмы, которые можно ниспровергать, только если на руках имеешь абсолютно бесспорные доказательства. Да и то если сам имеешь

поддержку со стороны другой школы догматиков, не менее значимой. А лучше – более.

– Скажите, Аркадий Федорович, – сказал я. – А что в Библии говорится о камнях?

– О каких именно?

– Не знаю... О каких-то «звериных».

– Не могу сообразить... В Книге Откровений такого нет.

– Ну, какое-то перечисление драгоценных камней может, имеется еще где-нибудь?

– Конечно, – ответил Монин. – В Ветхом Завете есть упоминания о камнях-талисманах колен Израилевых... Дословно я пожалуй, не помню, но если дадите мне Писание, найду.

Татьяна протянула Аркадию пухлый том. Тот уверенно пролистал несколько страниц, пробормотал:

– Так, «Исход», глава двадцать восьмая... Да, вот оно: «И вставь в него оправленные камни в четыре ряда. Рядом: рубин, топаз, изумруд, – это первый ряд. Второй ряд: карбункул, сапфир и алмаз. Третий ряд: яхонт, агат и аметист. Четвёртый ряд: хризолит, оникс и яспис. В золотых гнёздах должны быть вставлены они. Сих камней должно быть двенадцать, по числу сынов Израилевых, по именам их; на каждом, как на печати, должно быть вырезано по одному имени из числа двенадцати колен»... Это то, что вам нужно?

– Не знаю, – без особой уверенности в голосе произнес я, думая о «предпоследнем ряде» из шифровки.

– Ну, чем мог... Надеюсь, вы более не сомневаетесь в том,

что я хорошо понимаю предмет исканий Павла.

– Все же вам придется меня сильно убедить, чтобы я начал разделять вашу веру, – сказал я. – И сильно заинтересовать, если речь пойдет о том, что нужно будет «подрывать-ся» и куда-то ехать...

– Ехать придется, – сказал Аркадий.

– Куда, если не секрет? – спросила Таня.

– Вы это знаете лучше меня.

– Почему вы так думаете?

Монин помялся, потом спросил:

– А вы не могли бы немного рассказать мне о странных американцах, которые почти слово в слово позаимствовали название нашей церкви?

– Это вы тоже от Павла узнали? – спросил я.

– От него, конечно... Жаль, что с ним так случилось... Да, кстати, а с этой его странной невестой, с Эльвирой, вы хорошо знакомы?

Евангелист словно мегавирус все сильнее внедрялся в нашу и без того трещащую по швам наноячейку общества. Мне было трудно поддерживать с ним беседу. Я не хотел говорить ни про Эльвиру, ни тем более про SSS. Черт возьми, мне вообще как-то ни к чему это. Особенно теперь. Американцы снялись с якоря, вернули мне договор... пусть я и остался членом Общества. Про Кэсси я вообще пытался запретить себе думать. Бандиты, судя по всему, от меня теперь должны отстать... Остается Эльвира, которой, конечно, мы с Татья-

ной теперь хоть как остались должны... А Эльвире крайне нужен Геннадий... Зачем – это уже второй вопрос.

– Аркадий Федорович... – начал я.

– Можно просто Аркадий, – сказал Монин вежливо.

– Хорошо, Аркадий. Вы знаете, что я с большим удовольствием отказался бы от вашего предложения и больше не вспоминал бы ни об артефактах, ни о трудах Ратаева.

– Я понял. Знаете, я далек от того, чтобы злоупотреблять вашим временем и навязывать вам свои идеи. Но если вы что-то решите, дайте мне знать... Запишите мой телефон...

– Я не могу вам ничего обещать...

– Подумайте. Вы люди неверующие, а значит – прагматичные. Я – верующий, но тоже *очень* прагматичный. Если вам трудно понять духовные аспекты, подумайте о материальных. О том, что может принести обладание подобным артефактом. Я думаю, Геннадий понял это.

– И он теперь боится за свою жизнь, – тихо сказала Таня.

Аркадий посмотрел на нее, но оставил эту реплику без комментария.

* * *

Не без внутреннего сопротивления я подошел к углу стены забора, возле которого так нелепо закончил свой жизненный путь (пусть малополезный и примитивный, но все же уникальный), гопник по прозвищу Кислый.

Торчащего штыря там сейчас не было. В стене между кирпичами кладки зияло только почти ровное круглое отверстие, равное по диаметру пруту арматуры. Я подумал, что американцы раньше меня додумались замести этот след нашего невольного преступления и порадовался их предусмотрительности...

– Мне нравится, как этот дом теперь выглядит, – сказала Таня. – И участок – тоже. Он теперь совсем не похож на дачный огород.

– Гараж даже не придется расширять, – добавил я. – И вообще, тут теперь можно развернуться по полной.

– Пожалуй, это единственная польза, которую мы получили от твоих эмиссаров третьего рейха. Зато польза существенная.

Американцы силами таджиков действительно привели дом почти в идеальный порядок. До фешенебельного коттеджа ему было конечно безумно далеко, но это все равно был не садовый домик, а вполне приличное гнездо для проживания... После визита Монины у Татьяны в голове что-то щелкнуло, и она, вместо обсуждения планов развода и разъезда просто в очередной раз заявила, что таких легковверных и нестабильных личностей, вроде меня, еще поискать надо. А потом сказала, что имеет желание организовать в Шатунихе постоянную резиденцию для летнего проживания. В общем, мы направились на разведку, чтобы исследовать, насколько дача годится для подобных целей... Возможно, Татьяна ду-

мала не столько о выходных на свежем воздухе или (боже упаси!) высаживании пасленовых и крестоцветных, сколько о сохранении нашего трещащего по швам союза.

Мы пообедали и сварили кофе в оставленном нам аппарате. Общались как-то невпопад, и – думаю – не только моя странная связь с Кэсси и ее последствия тому виной. Хотя, конечно, Татьяне досталось. Она рассказала, холодно и сухо, о том, что с ней случилось. Прилетела она из командировки понятно в каком настроении, но все еще надеялась, что это у меня алкогольный психоз или еще какая-то сходная беда, требующая оперативного вмешательства и понятного внушения. Правда, заметной зависимости от спиртного у меня уже давно не наблюдалось, но Татьяна не прекращала убеждать себя в том, что я продолжаю скатываться в бытовой алкоголизм.

Но она ошибалась, будучи в неведении относительно того, что со мной происходит на самом деле. Не знали ничего и те, кто приехал встречать самолет из Москвы. Вернее, они приехали именно за Татьяной. Напугав ее старой уловкой, что держат наготове шприц с кровью ВИЧ-инфицированного, двое типов (один по описанию смахивал на Студента, другой – на Лымаря) аккуратно вывели Таню из аэропорта и усадили в авто (вроде бы в «марк-2», как без особой уверенности удалось понять Тане). Словом, прямо как в более лихие годы – с подобным обращением и опять же по моей косвенной вине Татьяна действительно уже сталкивалась

когда-то. Она, что вполне понятно, не приемлет такие дела, а потому попыталась доходчиво объяснить, что будет грозить похитителям. В ответ они поступили не менее доходчиво: несколько раз ударили по лицу и пригрозили изнасиловать втроем, включая сидевшего за рулем парня (а вот его Таня описать затруднилась).

После ухода Монины Татьяна долго и задумчиво бродила по квартире, а потом, как водится в похожих ситуациях, порекомендовала мне стелить постель на раскладушке, которая у нас волею судеб сохранилась, видимо, как раз на подобный случай. Помню, я несколько раз порывался ее выбросить, но что-то рука не поднималась, да и Татьяна почему-то была против... Словом, предмет этот пригодился еще раз. Раскладушку, с легкой руки комедиантов почти повсеместно называемую «раскривушкой», Татьяна окрестила «раскрипушкой». И было за что. Мне не спалось, и малейшее мое движение поднимало жуткий визг и скрежет пружин. Татьяна тоже не спалось. Она прокомментировала мое поведение как асоциальное и принялась рассуждать вслух, что жили бы мы попросторнее, можно было бы выставить меня в другую спальню... Таким странным путем родилась идея насчет загородной резиденции, которую я уже подумывал было снова сдать кому-то. После того, как я согласился с тем, что идея неплоха, а раскрипушка подтвердила это очередной серией диких трелей, Таня сказала:

– Иди уже сюда, Маскаев. Ты достал меня своим скрипом.

...Мы говорили в эту ночь долго. В числе прочего и о том, что узнали от Аркадия Мони́на. В числе прочего и о том, что находилось в пакете, который предназначался брату Ричарду, и который я ухитрился перехватить у курьера.

—... Я могу взять отпуск, — сказала Таня, когда мы после кофе вышли во двор и уселись в шезлонги позагорать хотя бы символически — мне оно как бы ни к чему, а Таня очень белокожа, чтобы стремиться к шоколадным оттенкам. — Могу заняться дачей вплотную.

Готов дать руку на отсечение (хотя нет, пожалуй, в положении Мони́на мне бы не хотелось оказаться), что, говоря о дачных перспективах, Татьяна думала о чем-то совершенно другом. О чем же?

— Таня, — сказал я. — Тебя смутил этот тип со своими безумными идеями насчет Золотой бабы?

Она промолчала. Судя по всему, я попал в точку.

— Тебе не кажется, что эта авантюра более чем сомнительна? И что мы с тобой уже попали в жир ногами, несмотря на то, что она даже и не началась еще толком...

— Маскаев, а сколько она может стоить? — спросила Таня.

— «Она»? Ты имеешь в виду «чаша»?

— Да, я говорю о Золотой бабе, Андрей. Она реальна. Я это чувствую. И Гена знает, где она. Только, судя по всему, он настолько далек от реалий жизни, что попросту не понимает, как ему поступить со всем этим знанием, да и боится. Если его найдут американцы во главе с Виктором, то просто забе-

рут находку себе. А его могут и убить даже... Я почти уверена, что они уже идут по следу, который ты им наметил...

– Слушай, но что толку от этой «бабы»? Ну даже если допустить невозможное, и мы ее вдруг найдем... Что с ней делать? Как там было в кино про джентльменов удачи... «Распилить, переплавить и даже продать за границу?»

– Конечно, пилить такое сокровище у меня рука не поднимется, – сказала Таня. – Да и у тебя тоже, я думаю. Но если она действительно золотая, и если нельзя будет получить за нее денег законным путем, я бы ее продала как есть. Целиком. Тому, кто заплатит больше. Я имею в виду приличную сумму. Цена, равная стоимости твоего автобуса, меня мало интересует.

– Боюсь, что мы вряд ли сможем «поднять» больше. А если Аркадий будет сопротивляться подобной реализации? Может, ему свою гордыню потешить интересно? Если его интересует только личная слава и притом больше, чем деньги? Если эта Золотая баба вообще не из золота?

– Ты заранее настроен на неудачу, Маскаев. Это неправильно. А мне кажется, тут дело пахнет неплохими деньгами...

– Смешно, – сказал я. – Раньше обычно из нас двоих именно я ввязывался в какие-то авантюрные истории. А ты всегда меня останавливала. Говорила, что мол, всех денег все равно не собрать...

– Потому что сейчас, – сказала Таня, – я чувствую, что

это реальная затея. И потом, деньги действительно нужны. Мы живем в таком мире, где только они что-то значат. Может быть, не все, но слишком многое. Я хочу детей от тебя, Маскаев, несмотря на то, что ты эгоист и мерзавец. И хочу, чтобы они не зависели от капризов моего работодателя и наличия твоей клиентуры, если говорить о текущей ситуации.

– А если все-таки ничего не выйдет, Таня? Что тогда?

– По крайней мере, мы тогда будем знать, что попытались использовать эту возможность. А просто так взять и отказаться... Мне кажется, это неправильно. Подумай сам.

Было о чем подумать... Но только не сейчас. Сейчас мне хотелось спокойно посидеть, понаслаждаться тишиной и свежим воздухом...

– Кажется, твой телефон звонит, – сказала Таня, услышав еле уловимую мелодию со стороны гаража. – Ты его там оставил, что ли?

– Ну, наверное...

– Все-таки, какое это гнусное изобретение – мобильная связь, – скорбным тоном произнесла Таня.

Я не стал возражать против этой здравой мысли, но в гараж пришлось метнуться. Звонила Эльвира.

– Как твои дела, Андрей? – участливо спросила она.

Я знал, что вынужден ей отвечать. Я чувствовал себя в долгу перед этой женщиной, хотя бы за то, что она вправила мне мозги. Татьяна ведь ей тоже за это обязана, вот ведь какое дело... По крайней мере, Эльвира с лихвой компенси-

ривала весь негатив своих прежних делишек по отношению к нам, это бесспорно.

– Спасибо, Эля. Все хорошо.

– Я рада это слышать. Как Таня?

– Вот она, рядом со мной... Дать трубку?

– Да, если нетрудно...

Теперь мне было нетрудно. Я дал телефон Татьяне, и пока женщины разговаривали, взял сигарету и походил немного по участку.

Вот ведь штука какая... Я опять, словно помимо своей воли, втягиваюсь в поиски какого-то мифа. Золотая баба. Золото. Да, я люблю золото, люблю его неповторимый солнечный блеск. У меня есть золотая цепь и пара золотых перстней, только я их не ношу. Не в тех кругах я вращаюсь, да и вообще... Но золото действительно мне спать не дает... Хотя не в золоте как таковом дело, если уж подумать хорошенько. Вот и Татьяна говорит – надо быть независимым, тогда можно строить планы и смотреть в перспективы... В какие, кстати? В строительство собственного гнезда? К строительству гнезд я не имел ни малейшей склонности. К накопительству – тоже. Вспомнил фразу из Роберта Шекли: «Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое...» Вот и я из таких, наверное. Если удастся сорвать банк, все равно ведь на месте усидеть не сумею – обязательно влезу в новую аферу... Вот только есть ли сейчас смысл пытаться

идти ва-банк? Вдруг в этом банке-то ничего и нет? А если есть? Видимо, на этот вопрос можно будет ответить только, когда я сам загляну в этот банк, но это случится не раньше, когда я вступлю в игру окончательно и бесповоротно. Пока (я это чувствовал) у меня еще есть возможность отказаться от сданных мне карт... Но меня удивляла Татьяна. Она, похоже, ощутила азарт игры, что для нее совсем не свойственно. Обычно она меня всегда пытается удержать от какой-нибудь авантюры и, по сути, не ошибается – все сомнительные дела, в которые я ввязывался, приносили мне слишком мало материальных благ и слишком много моральных издержек. Может быть, сейчас будет по-другому?

– ... Да, мы приедем, Эля! Обязательно, – услышал я слова Тани, когда выбросил окурок и вернулся к шезлонгам. – Пока, скоро увидимся.

– Поедем в больницу? – почти риторически спросил я.

– Да, а то куда же еще?

– Скоро?

– А что время тянуть?

– Просто навестить или речь опять пойдет о пропавшем муже?

– А хоть бы и так. Я думаю, что попробовать поискать его все равно надо. Хотя бы...

И Таня замолчала. Я закончил фразу про себя: «хотя бы потому, что мы с тобой Эльвире очень обязаны. Надеюсь, ты понимаешь это, Маскаев?»

...Аня за стойкой, как обычно, краснела, смущалась и ужасно переживала. Мне уже давно хотелось проверить, не влюбилась ли она в меня, чего доброго, но останавливали вроде бы чуть сгладившиеся отношения с Таней, да еще наличие такого секача, как Иван Курочкин. С ним не хотелось обострять отношения по пустякам, хотя, как сказать – пустяк ли? Вон какая ладная фигурка: при такой тонкой талии и настолько роскошные бедра – ведь просто шик!.. Я оборвал нить посторонних на этот момент мыслей, ответил невпопад на какой-то Татьянин вопрос (получив соответственное замечание), и мы зашагали наверх, под предводительством доктора Дамира Дзадоева. Врач провел нас до стационара, постучал в дверь палаты, услышал утвердительное «входите», и мы вошли. Дзадоев, впрочем, остался снаружи. Хороший доктор.

Внутри мы увидели компанию, которая нас (меня, во всяком случае) слегка шокировала набором выдающихся личностей. Конечно, Эльвиру мы тут ожидали увидеть. На той же каталке и с костылем рядом – наверное, уже встает понемногу. Ноги ее были прикрыты клетчатым пледом. В круглом кресле развалился Курач – с видом фаворита, которому позволено все, он сидел, задравши ногу на ногу и отхлебывал «ягуар» из баночки, которую держал в правой руке, по-прежнему обмотанной эластичным бинтом. Впрочем, в его присутствии здесь тоже ничего невозможного не было (я даже подумал мимолетно – а не спит ли с ним Эля периодически

ски хотя бы?)

Однако нахождение в палате господина Мони́на Аркадия Федоровича меня обескуражило. Его здесь я просто не ожидал увидеть. Таня, как она потом призналась, захотела сама себя ущипнуть. Но, при здравом рассуждении, ничего невозможного не было и в этом. Все люди, связанные одной целью, рано или поздно будут скованы одной цепью. Разве что Курач казался здесь немного лишним. Но и это можно было легко объяснить.

«Здравствуйте, мое почтенье, от Аркашки нет спасенья...» Монин встал с диванчика, протянул нам целую левую руку (Тане и мне с одинаковым жестом), которую мы с некоторым колебанием пожали поочередно. Потом уселись на тот же диван рядом с Аркадием.

– Таня, Андрей... – начала Эльвира. – Вы уж не сердитесь на меня. Я часто совершаю поступки под влиянием минутного настроения, но на этот раз я продумала все. Думаю, что здесь сейчас собрались люди, у которых во многом совпадают намерения...

– Насчет стопроцентного совпадения я бы не стал говорить, – сказал я и демонстративно устался в сторону кресла, где сидел Иван. Он и бровью не повел. Эльвира, впрочем, тоже.

– Американцы уже уехали из города, – сказала Эльвира. – Если Андрей действительно указал им направление, куда был перемещен тот предмет, который мы все тут ищем. В

этом уверен Аркадий. Он позвонил мне, и он теперь с нами. Наши с ним намерения совпадают, и мы теперь знаем больше, чем американцы.

– Американцы куда уехали? – спросил я. Скорее всего, для того, чтобы хоть что-то спросить.

– Неясно. Пока неясно, – ответил Монин.

– Если вы хотите, чтобы мы составили вам компанию в вашем прожекте, уж тогда есть смысл открыть нам всю информацию, – заметила Таня.

– Не думаю, что мы знаем всё, – сказала Эльвира. – Но если мы хотим добраться до артефакта первыми, нам придется отправить Андрея к американцам.

– Мне это совсем не нравится, Эля, – прочувствованно произнесла Таня. – Пусть я и чувствую себя твоей должницей, но не до такой уж степени...

– Вообще, Тань, – сказал я, – лучше всего нам с тобой сейчас встать и уйти, – сказал я.

– Вы этого не сможете сделать, – сказала Эльвира.

– Но почему?

Курач тем временем допил свой химический яд, поставил пустую баночку рядом с собой на пол и не спеша размотал бинт с правой руки.

– Вроде уже зажило, – пробормотал он, разминая внушительных размеров кисть... На которой красовалась татуировка – человеческий череп с крылышками. Не уголовная наколка, скорее армейская. Иван, если верить его словам,

служил на аэродроме и сгибал руками стойки шасси, судя по всему, как минимум от ТУ-95... И еще он провожал Геннадия Ратаева на поезд. В компании со Студентом и Лыма-рем...

Таня, разумеется, еще не сопоставила одно с другим. У нее мысль работала в своем направлении.

– Там эта Саша Омельченко, – сказала она. – Мне бы совсем не хотелось иметь с ней хоть какое-то дело, даже косвенно... Разумеется, смысл этой фразы был такой: «я бы очень не хотела, чтобы Андрей еще хоть раз встретился с этой потаскухой наедине».

Но на Кэсси дело не замыкалось. В один миг странный пазл сложился в понятную картину, и мне стало все ясно и понятно. Все, что с нами случилось в последнее время, за исключением дел с Обществом, так или иначе происходило пусть не с прямой подачи, но при непосредственном участии Эльвиры... И встреча Татьяны в аэропорту, и «наезды» Гуцула на меня, и... что? Смерть Павла тоже? А Эльвира как же? А ее нога?

На последний вопрос я тотчас получил простой ответ: Эльвира откинула плед, и я убедился, что никакого гипса на ее стройных ногах, обтянутых узкой юбкой-карандашом, нет и в помине. Разыграно все было как по нотам. Все ради того, чтобы закинуть меня в качестве шпиона к американцам?

– Значит, это все – твоя работа, – вздохнула Таня.

– Во многом – да. И ты должна меня благодарить хотя бы

за то, что Андрей вернулся к тебе. Думаю, мы с тобой в расчете.

– Ты это делала не ради меня, – сказала Таня.

– Неважно. Главное – результат.

– Но я действительно не собираюсь шпионить для тебя за американцами, – сказал я. – И нам действительно лучше уйти. Я все же думаю, что наши взаимные долги уплачены...

Мне показалось, что Таня колеблется... В такой ситуации? Что она еще доброго может ждать от этой женщины?

– А ведь ты действительно укантропил Кислого, – вдруг произнес Курач. – На пару с пиндосами. Спецом или чисто по неосторожности, вопрос в данном случае несущественный. Но групповуха тебе уже корячится. Без смягчающих обстоятельств типа аффекта и всякое такое. Наоборот, отягчающие есть. Кое-кто видел, как вы хоронили пацана в канаве возле Турлака. Кое у кого сейчас припрятан телефон Кислого с твоими отпечатками поверх всех остальных... Кое-кто даже нашел штырь, на который Кислый напоролся своими мозгами, и на котором оставил клочок своих волос.

– На пушку берешь, – сказал я. Без всякой уверенности, впрочем.

– Ничуть. Штырь из забора аккуратно вытасен и спрятан. На даче внимательно все обыскали, как только пиндосы свалили, и нашли, пока ты лежал здесь... Потом его без проблем можно будет вбить на место. А с телефоном вообще вышло легко. Ты вообще за телефонами приглядываешь неважно. –

Иван, судя по всему, намекнул на то, как он выудил мой аппарат возле стойки регистратуры несколько дней назад. – А у Кислого аппарат был реально чистый – он его точно купил в магазине новым... Я даже знаю, где и когда. Так что ты попал по полной, наставив на нем своих отпечатков. Тебе его положили в тумбочку, без «симки».

Вот черт! Да, телефоном они грамотно все разыграли... Немного интуитивно и с долей импровизации, но грамотно. Явно не Курочкинские мозги тут были задействованы. Так что же выходит, я на самом деле попал?

– Могу вам сказать вот что, – заговорила Эльвира с легкой улыбкой. – Бюро «Аскольд» принадлежит мне. Центр «Серватис» – тоже. Есть еще кое-что, но это уже не так существенно.

Я молчал. Таня – тоже. С одной стороны, мне хотелось задать Эльвире несколько вопросов, но не при всех. Мне было довольно противно и, признаюсь – немного страшно. Я спросил только:

– А Гуцул знает, что его банда тоже принадлежит тебе?

Конечно, я не такой тонкий специалист, чтобы создавать психовирусы из воздуха. Но заметил, что Эльвира слегка переменилась в лице, а это означало, что я тоже умею оперировать вербальными ловушками... Ты прекратила пить коньяк по утрам, фрекен Бок?

Проигнорировав мой вопрос, Эльвира продолжила:

– Я предлагаю нам всем объединиться. Вы уже, надо по-

лагать, знаете, с чем именно мы имеем дело. Знаете, что искал мой бывший муж и ваш дальний родственник (Эльвира посмотрела на нас с Таней). Я присутствовала при его исследованиях, знаю, как он был потрясен, когда обнаружил след этого сокровища буквально под нашими ногами. Теперь я почти уверена, что он знает, где оно спрятано. Наша задача, в сущности, сводится к тому, чтобы найти Геннадия и убедить его присоединиться к нам. Потому что он на самом деле не знает, что делать. Это настолько слабый и неприспособленный к жизни человек, что любые его активные действия приводят только к неприятностям. Для него самого в первую очередь.

– Лох, короче, – подал голос Курач. Эльвира гневно взглянула на него и продолжила:

– Единственное, что нам надо сделать – это добратся до Геннадия раньше американцев. За ними стоит какая-то серьезная организация, «научное общество» – всего лишь вывеска.

– Я предлагал ведь... сама знаешь что, – сказал опять Иван. – А ты что сказала? Правильно, «отказать».

– Помолчи, пожалуйста, – поморщилась Эльвира. – Нельзя их трогать. Тем более я так толком и не узнала, кто они на самом деле.

– Они – последователи нацистов, – заявил вдруг Монин. – А именно – ордена эсэсовцев. Они даже не скрывают своей символики, добавили даже еще одну руническую букву к

своему логотипу, если так можно выразиться. Следовательно – это люди опасные, за ними действительно стоят серьезные силы, и тут лучше действовать осторожно.

Я глянул на Аркадия, который за свою внешность в фашистской Германии уж точно поплатился бы как минимум длинным носом. Тоже та еще личность этот председатель комиссии во имя Иисуса. Во что ты опять влезаешь, Маскаев?

– А ты, Андрей, шел в верном направлении, – сказал Монин. – Ты и сейчас близок к нему. И твой вопрос про библейские камни меня удивил... Но я лучше тебя знаю Писание, и потому лучше понимаю, о чем идет речь.

– Третий отрезок пути?

– Именно.

– И как растолковать третьи строчки?

– Непросто! – усмехнулся Монин. – Тот, кто составлял этот код, неслабого ума мужик был!

– А почему сразу мужик? – чуть ли не хором спросили Эльвира и Татьяна. Они взглянули друг на друга и едва заметно улыбнулись – невесело так. В другой обстановке, при других обстоятельствах это наверняка вызвало бы смех.

Никто больше и не подумал смеяться. Отвечать на риторический вопрос – тоже.

– Читаем строчку, – продолжил Монин. – «Сомножь предпоследнего ряда звериного мира камней». Какие камни у нас по Книге Исхода?

– Яхонт, агат и аметист, – сказал я, вспомнив наш недав-

ний разговор. – Как их сомножить? И какие из них – звериные? Дальше об этом где-то сказано?

– В Библии нет ответа на твой вопрос... Он здесь. – И Мониин достал из прикроватной тумбочки какую-то книгу, показал мне обложку.

– «Мидраш Бемидбар Рабба», – прочел я вслух. – С ума сойти, что это еще такое? Один из протоколов сионских мудрецов?

– Почти угадал... В этой книге есть то, чего не хватает для нахождения нужного нам числа. – Аркадий нашел нужную страницу и начал читать: «У каждого князя был свой отличительный знак; у каждого было знамя, и все знамена были разного цвета, соответственно цвету камней на нагруднике Аарона.

Камнем Реувена был рубин, и знамя его было красным; и вышиты на нем были мандрагоры.

Камнем Шимона был топаз, и знамя его было зеленым; город Шхем был вышит на нем.

Камнем Леви был изумруд, и знамя его было на треть белым, на треть черным и на треть красным; вышиты на нем были Урим и Тумим.

Камень Йехуды – карбункул, и цвет знамени его – цвет небес; вышит на нем лев.

Камень Иссахара – сапфир, и знамя его черно как сурьма, вышиты на нем солнце и луна...

Камень Зевулуна – алмаз, цвет его знамени белый, ко-

рабль вышит на нем...

Камень Дана – яхонт, цвет его знамени подобен сапфиру, вышита же на нем змея...

Камень Гада – агат, и цвет его знамени ни бел и не черен, но белый и черный вместе; вышит на нем стан воинский...

Камень Нафтали – аметист, и знамя его как светлое вино неглубокого красного цвета; вышита на нем серна...

Камень Ашера – хризолит, знамя его цветом как драгоценный камень, коим украшают себя женщины; вышито на нем древо масличное...

Камень Йосефа – оникс, знамя его черного цвета; вышит на нем для обоих князей, Эфраима и Менаше, знак Египта... На знамени Эфраима – телец... на знамени Менаше буйвол...

Камень Биньямина – яспис, и цвет его знамени был сочетанием двенадцати цветов; вышит на нем был волк...

– Я понял! – сказал я. – Из всей этой кунсткамеры надо выбрать только животных... И соответствующие им номера.

– Верно. И перемножить их! – произнесла Татьяна. – Это каких именно?

Аркадий протянул мне книгу, и я пробежал список:

– Это что у нас тогда получается?.. Животных у нас не так много. Лев – номер четыре – карбункул, змея – номер семь – яхонт, серна – девять – аметист, бык – одиннадцать – оникс и волк – двенадцать – яспис... В третьем ряду два знака животных: змея и серна. Семь и девять. Шестьдесят

три... Умножаем на тридцать... Получаем...

– Тысячу восемьсот девяносто, – сказала Таня. – Немало!

– В какую только сторону?

– Против бега коня томского, – сказала Эльвира. – На гербе Томска изображена бегущая лошадь. И бежит она в левую сторону. Значит, от третьей точки прокладываем путь вправо. И куда мы уходим?

– Смотрите. – Аркадий протянул Эльвире карту. Этот человек был очень подготовленным, надо сказать!

– Аральское море! – воскликнула Эльвира. – Недалеко от города Муйнак! Все сходится! Значит, неслучайно там они все работали...

– Это ошибка, – сухо произнес Монин. – И вы все ее только что не заметили.

– Понятно, – сказала Таня. – К Муйнаку поворот на юг. Но не направо, а налево! И мы неверно истолковали самую последнюю строчку. Она, видимо, звучит так: «**Последние – право же, на юг.**»

– Нет, – усмехнулся Монин. – Это можно воспринять так, но правильное будет таким образом: «**Последние – направо, но не на юг.**»

– Тогда поворачивать надо на север, к Аральску? – спросил я.

– Нет. Совсем нет.

– И где же в таком случае ошибка?

– Яхонт – лишний камень, – сказал Аркадий. – Змея – не

зверь. Ни с точки зрения зоологии, ни с точки зрения древних иудеев. И слово «сомножить» тут явно имеет более простой смысл.

– Тогда... всего девять? Двести семьдесят километров на запад? – спросила Эльвира.

– Именно.

– А оттуда поворачиваем все-таки именно на север, да? И где наш конечный пункт?

– Здесь! – Палец Монина уперся в Кулундинскую низменность. – Там, где исчез Геннадий. Он уже знал, где искать.

Мы все некоторое время молчали.

– Но где именно? – подал голос Курач. Ему было интересно, и он наверняка уже отчетливо слышал шелест крупных купюр.

– Я скажу, – произнес я и вынул из кармана бумагу, которая должна была дойти до Бэрримора. – Но сразу говорю: по описанию это не похоже ни на Кулунду, ни на Аралкум.

– Можно ознакомиться? – вкрадчиво произнес Монин.

– Разумеется, – сказал я, – протягивая распечатку. Без особой уверенности, что поступаю правильно, впрочем.

Монин уставился на копию, снятую то ли с пергамента, то ли с папируса. Судя по начертанию малопонятных букв и стилю изложения, это вполне мог быть восемнадцатый век, если я что-то в этом понимаю. Евангелист заговорил:

– Егда вздымеша вышину... пятинадесяти дюжин саженьей сыщи камык подобозрачен главе скотины с великими

ушесами сиречь ясляка. Зри долу... насупротив... локтей... дондеже узриша в стене лаз егоже... тесниною...

Аркадий неплохо разбирался в старинных буквах. Но прочесть поврежденные части текста ему было не под силу. Больше ничего понять и более продвинутый специалист не смог бы.

– А как это будет по-современному? – спросила Эльвира.

– «Когда поднимешься на высоту... ста восьмидесяти саженьей, найди камень, похожий на голову скотины с большими ушами, а именно осла. Смотри вниз... напротив (какое-то расстояние) пока не увидишь в стене лаз, которого... узким проходом...» Как-то так... Конечно, хотелось бы посмотреть, как выглядит оригинал, возможно, удалось бы разобрать больше. Петровская эпоха, в этом нет никаких сомнений.

– Прямое указание, куда идти и где искать? – заинтересовался Курач.

– Насчет «прямое» – не уверен. Хотя, конечно, этот документ нельзя сбрасывать со счетов. С другой стороны, ты прав: сто восемьдесят саженьей – это без малого четыреста метров, а таких гор в Кулундинской низменности нет и быть не может...

– Но тут не хватает части текста, – сказал я. – Может быть, там было что-нибудь вроде: «когда поднимешься на высоту десяти метров, пройди на восток не более ста восьмидесяти саженьей».

– Почему именно на восток? – удивился Аркадий.

– Так, случайно на ум пришло... – начал было я, но телефонный звонок прервал это высказывание. Звонили мне. И звонил не кто иной, как Виктор. Мастер из Общества. Мой духовный босс.

– Придется ответить, – сказал я, нажимая кнопку с зеленой трубкой.

Все присутствующие промолчали, оставив мое решение без комментариев. В любом случае, теперь звонки солгулианцев я не мог игнорировать.

– Брат Андрей, – послышался в телефоне голос Виктора, – мы все бы хотели, чтобы ты в ближайшее время объявился и присоединился к нам. Что бы с тобой ни произошло в последние дни, ты член нашей команды. И ты должен быть с нами. Ты понимаешь это?

– Да, – сипло сказал я. – Где вы сейчас находитесь?

– В Славгороде, – ответил Виктор.

– В Славгороде, – произнес я вслух, и убедился, как понимающе переглянулись Эльвира и Аркадий. – Я приеду, как только смогу.

– Постарайся как можно скорее. Хорошо?

– Конечно, брат Виктор, – произнес я. Признаюсь, назвать его так мне сейчас было нелегко. Но дело, возможно, того стоило?

– ...Ну вот, все слышали? – спросил я, убирая телефон. – Я еду в Славгород. Они тоже вычислили третий отрезок. Ду-

маю, вы составите мне компанию?

– От этого предложения невозможно отказаться, – пропела Эльвира.

– Эльвира, – сказала вдруг Таня резко. – Ты, конечно, стерва. Я говорю тебе это открыто, и ты знаешь почему. Это не Андрей делает нам предложение, от которого нельзя отказаться. Это предлагаешь ты.

– Таня, – сказала Эльвира прямо-таки с придыханием. – Я знаю, что я делаю. Я уже многого добилась в жизни именно потому, что не позволяю эмоциям брать верх. Насчет тебя, кстати, я никаких предложений не делаю. Ты можешь вообще не участвовать.

– Это исключено. Я *уже* участвую.

– Ну что ж... Это разумно.

По-моему, Эльвира была в восторге. Это было понятно. Но и Татьяна выглядела слегка возбужденной. А это было немного странно. И вызывало у меня понятную тревогу.

– У меня только один вопрос, Эля, – продолжила Татьяна. – Как ты думаешь, что мы будем в конце концов иметь со всего этого?

– Всё, – коротко ответила Эльвира. – То, что мы ищем, это не просто материальное богатство. Хотя и оно тоже. Сможете ли вы это оценить сейчас, или нет, не знаю. Но в случае успеха (а я в нем не сомневаюсь) Андрею по крайней мере больше никогда не придется крутить руль. Если, конечно, он не вздумает купить «феррари» для удовольствия.

– Я пока еще не знаю, что мне предстоит делать, – сказал я, – ради иллюзорной возможности заполучить итальянский спорткар, который мне нужен как зайцу триппер. Так что в первую очередь я буду думать о том, как избежать вполне реального срока в российской тюрьме.

– Эти слова ты вспомнишь потом, когда будешь выбирать между новым «феррари» и новым же вертолетом «Робинсон», а потом махнешь рукой и купишь то и другое, – серьезно сказала Эльвира. – В первую очередь тебе надо подумать, что ты скажешь американцам, когда встретишься с ними.

– Кстати, да.

– Мне кажется, что будет лучше, если ты скажешь им правду. Ну или почти правду. Сообщишь, что тебя жена сдала в больницу, где ты получил психотерапевтическую помощь от профессионала... а я, кстати, психолог по специальности, да и три курса медицинской академии – это тоже хоть что-то. Всё равно Кэсси заметит, что тебя «распрограммировали».

– Надеюсь, снова этого не случится? – с плохо скрытой тревогой спросила Таня.

– Нет, – с иезуитской ухмылкой произнесла Эльвира. – Я в этом уверена. Если только... Словом, если только не случится повтор того, о чем Андрей скромно умалчивает...

– А что будете делать вы, пока я буду торчать в Славгороде? – быстро спросил я.

– Ну, предварительно мы уже знаем, что нам делать, –

произнесла Эльвира. – А теперь мы можем более детально обсудить план наших дальнейших действий... Символично, да? – вдруг сказала она, – что мы разрабатываем наш план в этом... госпитале.

Иван Курочкин только криво усмехнулся. Он не понял этой игры слов – ему она была непонятна и чужда. Также, наверное, как и его «коллегам» – Гуцулу, Лымарю и Студенту... Хотя нет, Студент-то мерзавец эрудированный, что тут говорить... Кстати, а где же сейчас обретается эта шайка? Теперь ясно, что Эльвира обращается к ним за содействием, но каким образом она может влиять на них? С помощью одних только денег? Или как-то еще?

Поскольку вопрос этот задать было некому, я промолчал, волей-неволей присоединившись к выработке тактики и стратегии. Фабрика Абсолюта принялась выдавать продукцию невиданными доселе темпами. Ктулху заворочался в первых признаках своего пробуждения и начал подергивать щупальцами, поднимая невиданной высоты цунами в Обском водохранилище.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Я уж думала, что больше тебя не увижу, – сказала Кэсси.

Ее серые без цветных линз глаза внимательно ощупывали мое лицо. Я был уверен, что выражение на нем не очень нравилось женщине и, скорее всего, неприятно удивляло ее. Наверняка я уже не выглядел так, словно меня только что приняли в пионеры, либо лишили девственности.

Вообще все четверо смотрели на меня со смесью недоверия и осуждения. Я изложил моим коллегам по Обществу свою легенду, согласно которой обратился к психиатру, поскольку почувствовал себя плохо в смысле душевном – перестал адекватно воспринимать окружающее, началась депрессия...

– Шито белыми нитками, – заявил Виктор. – Ты ведь дал клятву перед Обществом, а сам что-то замышляешь против него.

Солгулианцы расположились в единственном на тот момент хостеле города Славгорода, что в Алтайском крае, в той его части, которая зовётся Кулундой. Американцы, думая, что хостелы во всем мире представляют собой однотипное общежитие странствующих студентов, устроенное по стандартному английскому образцу, были слегка шокированы, когда убедились, что ничего английского тут нет. Да-

же неуловимый персонал – и тот вряд ли знал по-английски хоть что-нибудь, кроме названий торговых марок. Так что багаж знаний Бэрримора и Старлинга, уже понявших, что такое «дача», теперь должен был вместить и понятие «общага». Конечно, она выглядела не так люто, как притон из знаменитого фильма про ужасы Словакии, но запахи и интерьер даже мне, ко всему вроде бы привыкшему, и то казались весьма далекими от цивилизованных. Четырехместная «спальня» с крашенными в цвет электрик панелями выглядела уныло. Если вы играли в компьютерную игру «Черный оазис» и дошли до того момента, когда вашего протагониста помещают в общую камеру, то примерно представляете себе, что я увидел.

– Ваше дело, – сказал я, – верить мне или не верить. Но я считаю, что вы со мной поступили не совсем правильно. Я не люблю, когда надо мной устраивают психовирусные эксперименты.

И выразительно посмотрел на Сашу Омельченко, бывшую валютную проститутку из города Киева. Естественно, она и ухом не повела. Не такие взгляды видела.

– Тем не менее, я вернулся, – продолжил я. – И намерен продолжать искать вместе с вами Геннадия Ратаева и те сокровища, которые он добывает... Или уже добыл.

– Я тебе не верю, – отрезал Виктор.

– Я почти уверена, что тебя, как и прежде, отправили к нам, чтобы следить за нами, – произнесла Кэсси. – И расска-

зывал потом своим бандитам... Ты понимаешь, что Общество не потерпит такого... Мы не потерпим... Я не потерплю...

Речь Кэсси вроде была совершенно обычной, но даже в коротких фразах я слышал ловушки. Возможно, их там не было, а может, и были – тут поневоле параноиком станешь... Я опасался этой женщины, явно получившей образование не только в темных переулках близ Крещатика.

– Прикажете выметаться вон? – спросил я и начал подниматься, будучи уверенным в том, что меня остановят. Так и случилось.

– Не торопись, – сказал Виктор.

Я опустил свой зад обратно на стул, склёпанный явно ещё во времена развитого социализма. Такие кое-где остались еще в муниципальных поликлиниках.

– Тебе придется вернуться обратно к своим уголовным друзьям, – сказал он, – и сказать, что мы тебе поверили. Не безоговорочно, конечно. Так, чтобы это было похоже на правду... Не так, как это выглядит для нас. Ты и без того сильно заврался, уважаемый брат Андрей...

– Я не думаю, брат Виктор, что со мной надо говорить в таком тоне, – сказал я. – Вы все отлично знаете, что поступили со мной не совсем э-э-э... корректно.

– Не начинай демагогию, – поморщился Виктор. – Лучше подумай о том, каким образом ты будешь доносить нам о планах и действиях бандитов.

– Э-э-э, – снова протянул я, догадываясь, что сейчас и тут получу предложение, от которого не смогу отказаться. – Я вообще-то и так вернулся к вам. Я хочу оставаться членом Общества и действительно могу кое-что рассказать о моих делах с вашими конкурентами. Вот только как мне доказать свою лояльность, просто не могу себе представить.

Виктор нехорошо ухмыльнулся.

– Тебе не нужно что-то доказывать. Ты в любом случае наш и от нас никуда не денешься. Ты привязан к Обществу кое-чем более серьезным, нежели то, о чем мы с тобой сейчас подумали.

Я вообще-то подумал не о Кэсси, а о случае с Кислым. О его нелепой смерти во дворе дачи. Как выяснилось, Виктор тоже думал о смерти. Только другого человека и при других обстоятельствах.

– Смотри, – сказал он, протянув мне фотоаппарат и показывая на его дисплее фото металлического креста, того, который я дважды держал в руках. – Узнаёшь?

– Может быть, – сказал я, ожидая неминуемой гадости.

Виктор перекрутил аппарат на другой снимок.

– Хорошая вещь, как ты думаешь?

На втором фото был изображен тот же крест, только в разобранном виде. И он представлял собой безусловно колюще-режущий предмет. Верхние концы креста образовывали рукоятку, неудобную, конечно, но для разовой акции годящиеся. А длинный нижний конец оказался ножнами, куда

прятался тонкий клинок. Вот тебе и «неустановленное холодное оружие».

Складывать одно с другим я и раньше умел, а сейчас чувства и память у меня были обострены, потому я отлично понял, кого именно прикончили этой вещицей.

– Вот значит, зачем было нужно якобы забыть этот крест у меня в машине, – протянул я. – Эх, брат Ричард, и гнусный же номер ты со мной выкинул.

– Выкинул, – подтвердил Бэрримор. Он, видно, уже понимал многие фразеологические обороты русского языка.

– Отпечатки пальцев на кресте твои, – вставил реплику Старлинг.

– А ведь в тот момент, когда убили Артема, я был с вами, – сказал я. – Интересно, кто же тогда непосредственно расправился с парнем?

И посмотрел на Виктора. Тот выдержал мой взгляд, ничем не выдав ни подтверждения, ни отрицания того, что Артема пырнул именно он. Вообще, конечно, пырнуть мог кто угодно.

– А может быть, действительно ты, – промурлыкала Кэсси. – Мы ведь можем и забыть, что ты приезжал к нам в то утро...

Забавно, подумал я. Уж очень похожим образом меня посадила на крючок Эльвира. Впрочем, история обычно повторяется в виде фарса. Плоховато сработали американцы во главе с Виктором. Нечисто. Как я уже говорил оператив-

никам из убойного отдела, меня видели в тот недобрый для Артема час не только в магазинчике дачного поселка, но и на автозаправочной станции поблизости. Конечно, если бы нужно было запрессовать в это дело именно меня, стражи порядка вполне могли бы это сделать – в особых случаях и свидетельские показания можно потерять или сфабриковать... Оставалось надеяться, что я все-таки птица не столь высокого полета, чтобы из-за меня искусственно что-то подкручивать в полицейской машине. И самое главное – отпечатков моих пальцев на этом кресте все-таки нет. Татьяна опять (в который раз уже) меня выручила, пусть сама того не желая, когда уронила его в камин и тщательно потом вытерла, уничтожив все следы на его поверхности. Так что с нового крючка я аккуратно слез, но, что вполне понятно, не стал этого афишировать.

– Связался же я с вами, – с искренней досадой сказал я.

– Насильно тебя никто не тянул в Общество, – произнес Бэрримор и, в общем-то, резонно.

– Ну ладно. Будем считать, что мы договорились, – подвел черту Виктор. – И все-таки, я не советую тебе забывать, что ты член Общества. Обратной дороги нет. Будешь лоялен к Обществу – будет у тебя удача. Я говорю серьезно – веришь ты или не веришь, но Бафомет реален. Помни об этом. И если тебе посветит успех, не отрекайся от него... Рок-музыку любишь? Знаешь историю группы «Лед Зеппелин»?

Я вспомнил свой давнишний «бизнес». Магнитофоны,

медленно тянущие километры блестящей ленты, постоянное «буц-буц» и «бам-бам-бам» в динамиках киосков... Нет, не люблю я музыку. Даже в машине не включаю, только радио иногда, чтобы погоду послушать, да где пробки образовались.

– Пойду я, наверное, – сказал я.

«Братья» и «сестра» со мной даже не попрощались.

* * *

Потянулись нудные дни. В отличие от солгулианцев, наша мафия сняла трехкомнатную квартиру в Квартале «А» города-курорта Яровое, что находится в десяти километрах от Славгорода и располагается на берегу одноименного горько-соленого озера, где утонуть не легче, чем в Мертвом море. Летом по прибрежным улицам шастают полчища туристов, на пляжах гремит музыка, хотя сам городок достаточно приятен и тих. Пляжей на озере я обнаружил два – один назывался «Причал №22», другой – «Причал №42». Резонно было спросить – а где, собственно, остальные сорок (по меньшей мере) причалов, но на этот вопрос мне так никто и не ответил. Зато Монин рассказал мне маловразумительную легенду о том, что на дне озера якобы выложен неизвестно кем огромный крест, и что именно благодаря этому символу в этом городе всегда сплошное миролюбие и благорастворение воздушных масс; так было даже в советские годы, когда мест-

ный химический завод производил ядовитый дихлофос... Не знаю, не знаю... У Эльвиры на этот счет была другая теория – озеро настолько богато солями брома, что на этом курорте не то что на правонарушения – даже на обычный секс не особенно тянет. Не знаю, не знаю... Из-за постоянного отсутствия Татьяны и разрыва отношений с Кэсси я даже в Эльвире вдруг увидел привлекательную женщину, и мысли мои то и дело двигались в совершенно ненужном направлении... Особенно когда мы (по ее инициативе, вот даже как!) несколько раз коротали время на соленом, как вобла, пляже, болтая о не относящихся к делу пустяках, словно приятели. Вопрос про то, кем и как именно был убит Павел, я вслух не задавал – скажу честно, даже не хотел этого знать... Ясно было, что с ведома и подачи Мельниковой... которая то и дело загадочно улыбалась мне, и я был на сто процентов уверен, что если проявлю должную инициативу, то затащу Эльвиру в постель достаточно легко и естественно. Благо Таня все-таки осталась дома. Во всяком случае, по легенде... Правильно говорят, что горбатого могила исправит, думал я о себе без особого восторга...

Мы наметили с учетом возможных погрешностей при расчете около восьми точек, где хоть что-то могло подходить под описание «ослиной головы». И посетили их всем кагалом, набившимся в мой «хайс» и, разумеется, без особого толку. Никаких гор в этом степном краю не находилось, местные жители сроду не встречали светловолосого моло-

дого бородача, за исключением проницательных сизоносных мужичков, которые были уверены, что за любую информацию им положена выпивка. Про Ратаева, по словам классика, они «рассказывали много и охотно, причем все время вращались». В конце концов Ивана Курочкина оставили на время в поселке под названием Кулунда, поскольку именно здесь, по его словам, было последнее место, где видели Геннадия. Эльвира надеялась, что он хоть что-то разведает. Я на это не надеялся, о чем и сказал Мельниковой открытым текстом. Она сказала, что рассчитывает не столько на сообразительность Курача, сколько на его способности находить людей, подобных ему. Что ж, в этом был определенный резон. Как бы там ни было, с Эльвирой у нас установились вполне корректные отношения, можно даже сказать – доверительные. И в эти дни я наконец-то узнал всю предысторию последней «командировки» Геннадия в эти края. Неуловимый Джо по фамилии Ратаев получил неслабую сумму денег от Эльвиры (про это я услышал впервые) для продолжения своих поисков, крайне интересующих Мельникову, которая даже после официального разрыва отношений, инспирированного мамой Геннадия, продолжала принимать деятельное участие в прожекте своего бывшего мужа. Так что в Кулунду он уехал с полного одобрения Эльвиры. Гуцул со товарищи тоже получили хороший аванс с учетом того, что будут приглядывать за Геннадием, но подробности им были неизвестны. Немногим больше было известно Курачу, который традици-

онно пользовался большей благосклонностью Мельниковой, нежели остальные гопники. Узнал я и нелегкую историю родителей Эльвиры, да и ее самой. Отец Эли был вор. Самый настоящий. Более известный под кличкой Мельник, он провёл за решеткой большую часть жизни, но когда выходил на свободу, не чаял души в жене и дочери... Хотя жену, бывало, поколачивал; без жестокости, а так – для поддержания реноме. В местах не столь отдаленных он, не будучи особо приближенным к уголовной верхушке, тем не менее выпестовал верную ему шайку, состоящую из молодых рэкетиров образца девяностых, которые на воле, естественно, продолжали свою веселую деятельность. Эля, будучи школьницей, ни сном ни духом не ведала о подробностях деяний папаши, но стеснялась того, что он ушел на очередную отсидку и предпочитала не распространяться про отца. В один далеко не прекрасный год у мамы Эли обнаружили рак, причем весьма злобного типа. Отец про это узнал и, поняв, что до его освобождения жена просто не доживет, решил бежать. При побеге Мельник был застрелен. И если бы не помощь, в том числе материальная, получаемая Эльвирой от уголовной троицы, (которой Мельник поручил перед своим побегом в случае чего позаботиться о девушке), трудно сказать, какой была бы судьба дочери вора после похорон матери. Ей удалось избежать детского дома (Студент слепил документ, враз на два года «состаривший» Элю), а Гуцул с Лымарем осуществляли, так сказать, общее кураторство. Нельзя ска-

зять, что им это было по нраву, но перед памятью Мельника они были чисты... По крайней мере те несколько лет, пока Эльвира «вставала на ноги». Обладая жизненной сметкой и цепкой хваткой, молодая женщина подняла и раскрутила бизнес, да не один. Она привыкла к тому, что Гуцул, Лымарь и Студент всегда оказывают ей помощь, и для нее стало неприятным открытием, что уголовникам это надоело. У них постепенно стерся из памяти образ тюремного воспитателя, его дочь выросла и превратилась в приличную стерву... и теперь она была вынуждена приплачивать бандитам практически «на общих основаниях». Что не слишком способствовало дружеским отношениям.

Иван же Курочкин прибил к Эльвире с другой стороны. Он не был уголовником, не проходил и «малолетку». Он просто был однажды нанят в службу безопасности одного из предприятий Эльвиры, а потом стал кем-то вроде ее личного бодигарда. Не имея идейных разногласий с троицей бандитов, он иногда даже действовал с ними в одной «упряжке». Как, например, это происходило в случае с «командировкой» Геннадия.

Почти две недели я находился в странной роли заведомого двурушника. Эльвира внимательно выслушивала меня, когда я рассказывал ей о том, что сливали мне американцы, и говорила мне, что я должен буду сообщить Виктору. При этом и Эльвира, и Виктор догадывались, что обмениваются через меня заведомой «дезой» и я, если честно, однажды

начал побаиваться, а вдруг они, чего доброго, договорятся между собой и объединят усилия... Тогда я стану совсем не нужным что той стороне, что другой, и не просто ненужным, но еще и опасным да вредным. А поскольку и та сторона, и другая не испытывали особых комплексов при ликвидации негодных им людей, то побаивался я изрядно.

...И вот, как-то раз, когда всем уже стало ясно, что мы тут все попусту теряем время, я солгал Эльвире, что поехал в Славгород. Виктору я загодя тоже солгал, что пробуду весь вечер в Яровом. Я почти не сомневался, что никто из них не будет проверять правоту моих слов, а потому спокойно завел двигатель (бензина нажег я, конечно, дикое количество за эти дни!) и поехал в село под названием Селекционное, которое находится примерно посередине между Яровым и Славгородом, но немного в стороне от связывающей их дороги.

Таких домов, возле которого я остановился, полно в любом краю России, да и в других обломках великой империи. Частный сектор в середине двадцатого века застраивался сравнительно однотипно: приземистая многокомнатная изба с четырехскатной крышей, окна со ставнями, плюс сени или веранда, представляющие собой кладовку для тех вещей, которые в дом заносить уже неприлично, а во дворе бросать – прослывёшь неряхой. Я поставил машину вприцену к почерневшему от времени дощатому забору, вывалился из нее и подошел к калитке. Оглядевшись по сторонам

(мало ли что?), запустил руку между штакетин и нащупал шершавый металлический засов. Не очень удобно вывернув кисть руки, откинул щеколду, отворил воротину и прошел во двор. Десяток шагов – и я на крыльце. Открыл наружную дверь, миновал кессон сеней и потянул на себя дверь внутреннюю – тяжелую, обитую мощными слоями войлока с обеих сторон. Двери были не заперты и двигались на смазанных солидолом шарнирах практически беззвучно.

Интерьер внутри был тоже весь из двадцатого века: круглый стол, накрытый тюлевой скатертью, комод со следами многолетнего стояния на нем разных безделушек, да древний лупатый телевизор, уже не советского производства, но с антенной, которая наверняка помнила «горизонты» и «изумруды». Один ус антенны был отломан и валялся на комод. Рядом со стенкой, на которой висел неизменный ковер, похожий на туркменский, стоял диван с вышарканной обивкой и продавленными, лоснящимися валиками. На телевизоре громко тикал большой и круглый будильник «Севани» с механическим приводом. Словом, добро пожаловать в семидесятые, как они есть. Бабушка, сдававшая эту хату, и сама выглядела как на фото из старых фотоальбомов: кофта из тонкой шерсти, длинная юбка в цветочек и темный платок на голове.

В картину быта тех лет как-то не очень вписывались спящая на диване молодая женщина и ноутбук, стоящий с открытой крышкой рядом с ней на полу. Я невольно залюбо-

вался. Не ноутбуком, естественно. Женщина лежала на спине, закинув правую руку под голову, покрытую длинными светлыми волосами. Левая рука ее покоилась на голом животе, который мерно вздымался в такт дыханию вместе с грудью, тоже голой. На матово-белой коже у спящей из одежды были только трусики, не совсем стринги, правда, но – уверен – такие у нас в семидесятые еще не могли быть в свободном доступе. По идеологическим соображениям – ибо план Даллеса и всё такое.

Я снял с комода «ус» антенны, оканчивающийся пластмассовой шишечкой и, ухватив его словно удочку, принялся водить наконечником по нежному животику, едва касаясь атласной кожи. Спящая блондинка забеспокоилась, завозилась, попыталась во сне смахнуть рукой источник щекочущего раздражения, промахнулась раз, другой, после чего открыла глаза и увидела мою наглую физиономию.

– Маскаев, ты совершенно бессовестный тип!

– Абсолютно согласен, – сказал я. И, бросив антенну на стол, выволок из-под него гнуптоклеенный стул, который и оседлал задом наперед, положив подбородок на спинку и принявшись поедать Татьяну глазами. Красивая она у меня, черт возьми! Куда там Кассандре с Эльвирой...

– А ты совершенно бесстыжая, – продолжил я. – И очень неосторожная. Дверь незаперта, лежишь, изволите видеть, голая. Вот придут степные кочевники и украдут тебя.

– Я их не боюсь, – фыркнула Таня. – После всех бандюг,

с кем я вынуждена была встречаться по твоей милости, печенеги, знаешь ли, только за счастье будут... Брось мне мою рубашку...

– Так жара ведь такая...

– Я стесняюсь...

– Кого? Меня?!

– Ты имей в виду, Андрюха, – грозно произнесла Татьяна, – я тебе никак простить не могу твои фокусы с этой шалавой... Дай рубашку, говорю!

– На! – я кинул Тане блузку. Она накинула ее на себя, пропустив руки в короткие рукава, но застегивать не стала. По-моему, так даже выглядело еще эротичнее.

– Устроил же ты мне отпуск, Маскаев, – сказала Татьяна. – Я тут на стенку лезу от одиночества и жду каждый день, не случилось ли что с тобой опять...

– Вижу, какое у тебя одиночество – сказал я, углядев на экране ноутбука оранжево-белое оформление «Одноклассников». – С кем ты там общаешься? Опять с лемурийками?

Таня слегка покраснела, подняла ноутбук с пола и закрыла все окна браузера. Но потом все-таки сказала мягко:

– С лемурами.

Слово было произнесено через звук «я» и с французским прононсом. Минут пять мы немного пикировались на тему «лямур-тужур», потом начали хохотать. Но хохотали недолго, потому что у Татьяны нашлось-таки что мне сообщить:

– Вчера звонила Вера Павловна. Геннадий объявился –

рискнул позвонить. Как бы там ни было, все же она мать, а он сын. Рано или поздно дал бы о себе знать.

Если честно, то и я сам так думал. Но все же сказал:

– Как же ты так умудрилась влезть в доверие к пожилой женщине?

– А как ты думаешь? Пришлось излишне эмоционально полить грязью Эльвиру в беседе с ней... Не могу сказать, что мне это было приятно.

– Он не сказал матери, где находится?

– Не знаю... Но Вера Павловна спросила, не знаю ли я, где находится деревня или поселок под названием «Вранки»...

– Как ты сказала?!

– «Вранки»...

Провалиться мне, если я не слышал где-то и от кого-то это или очень похожее название! Уж не американцы ли называли это исковерканное слово? Точно! Помнится, Бэрримор как-то предлагал мне поискать какие-то «Варанки», пока Кэсси его не одернула. Значит, солгулианцы нарыли в Шатунихе что-то еще, кроме дырки от бублика...

– С ударением на первый слог? – уточнил я.

– Да, она сказала именно так.

– Значит, Геннадий произнес это название вслух... Не нашла, где это находится?

– Нет... Всю ночь насиловала компьютер, но без толку. Есть похожие названия, но очень далеко отсюда. Белоруссия, Забайкалье... Хотя, кто его знает, этого Геннадия, где

он сейчас. Уверена, что поблизости его давно нет... И кстати, здесь нет и того, что мы все ищем. Ни Золотой бабы, ни Золотой чаши. Тут есть ошибка...

– Погоди. Но ведь и сам Монин считает, что надо искать где-то здесь, в местах, где скитался Кучум после разгрома...

– Кучум после разгрома не имел сокровищ. И вообще какого-либо богатства и авторитета. К тому же, а почему мы решили, что надо идти по следам Кучума? Если у него что-то и было, то, согласно запискам, казаки забрали себе всё...

– Но погоди, а ошибка-то в чем именно заключается?

– Я еще раз перечитала все записи. С этим «томским конем» мы лихо облажались. Пообщалась на форумах, смотри, что нашла!

Таня подняла ноутбук, открыла изображение герба с бегущей лошадью на зеленом фоне.

– Герб Томска? – спросил я.

– Ага. В какую сторону бежит лошадь?

– В левую...

– Вот тут-то ты и попал пальцем в небо. Лошадь бежит вправо!

– Но я же сам вижу... Погоди, это зеркальное изображение, что ли?

– Не совсем. Это геральдический парадокс. В геральдике «право» и «лево» определяются со стороны того, кто несет щит с гербом... а щит, как известно, держали за тыльную сторону. То есть, когда мы смотрим на герб, то правая его

сторона у нас получается слева, и наоборот!

– Черт! Чего только не узнаешь на старости лет... Ты знаешь, я, конечно, всегда говорил, что ты умница... Но вот почему тогда Монин тоже считает, что надо искать тут? Неужели он не обратил на это внимание?

– А если Монин водит всех за нос? Если он знает что-то такое, чего не знает больше никто, и тратит свое время здесь, пока не убедит всех, что поиски бессмысленны. А когда он в этом убедится, то...

– Что тогда?

– Тогда он подождет еще немного, Эльвира и Виктор вернутся ни с чем, а он...

– Будет искать дальше? С одной рукой, весь из себя больной и без помощников?

– Определенно будет. В крайнем случае он опять обратится к тебе. Тебя он не боится, в отличие от банды и секты.

– Но он же сам нашел Эльвиру и предложил ей объединиться!

– Это такой иезуитский ход, Маскаев! Он знал, что Павел ввел Эльвиру в курс дела, а потому решил не оставлять ее без присмотра. Заодно он вытянул у нее массу полезной информации. Видишь, что получается? Он тут едва ли не главный крестonosец, если ты мне рассказываешь все как есть...

Надо же! А ведь если подумать, здоровое зерно в рассуждениях Татьяны есть! Разве только...

– Разве только он уже не предложил объединиться амери-

канцам против Эльвиры, – сказал я.

– Не-а, – уверенно произнесла Таня. – Не пойдет он на это. Он терпеть их не может. Словно еврей эсэсовцев. А в этом Обществе точно что-то нацистское есть... Маскаев, будь осторожен! В наши дни за принадлежность к нацистам загреметь едва ли не проще, чем при коммунистах!

– Естественно, я не собираюсь на каждом углу болтать о том, что являюсь членом Общества... Достаточно того, что об этом ты знаешь... И Эльвира с бандитами.

– Я думаю, и о нашем открытии надо пока промолчать... Насчет «томского коня».

– Это верно. Кому надо, те и сами рано или поздно найдут ошибку. А пока у всех глаз замылен этой Кулундой, тем более что и Геннадий уехал сюда и исчез где-то здесь... А где тогда на самом деле находится сокровище? Как это узнать?

– Я попыталась как могла проложить новый маршрут по карте, – сказала Таня, – и уперлась в Горный Алтай. Район Кош-Агача. Наш первоначальный вариант расшифровки той строчки был самым верным: **«Последние – направо, или же на юг»**.

– По крайней мере, это больше подходит под описание! Но пока действительно, лучше никому не напоминать о нем... Пока не наступит нужный момент, конечно.

– Андрик, будь осторожен... – сказала Таня.

– Что ж ты так за меня беспокоишься? Сама же говоришь, что мерзавец и раздолбай...

– Ты хочешь сказать, что это не так?.. – Таня грациозно повела плечами, сбрасывая блузку. – Здесь действительно очень жарко, не замечаешь?

В общем, вернулся я в Квартал «А» только утром. Как, впрочем, и планировал.

* * *

– Вспоминай теперь, – мрачно потребовала Эльвира от Курача, – куда все-таки поехал тогда Гена? Кто его встретил в Славгороде?

– Не в Славгороде, а на станции Кулунда, – проворчал Иван. – Мы тогда проводили Ратаева до поезда. Я остался. И Лымарь остался. Студент и Гуцул поехали с ним. Приехали в Кулунду, кажется, на следующий день, пятого... Или шестого... Не помню. Короче, как раз между ноябрьскими праздниками – новым, забыл, как он называется, и старым... А встречал их Нариман...

– Это который из Казахстана? Друг Гуцула?

– Ну да, пацан из Павлодара, я ж говорил... Занимался раньше тачками, запчастями и всякой мелочугой.

– Куда он потом делся? Почему ты его до сих пор не нашел?

– Не знаю я... Никого тут не осталось из знакомых, сама же видишь...

– В Павлодар не желаешь съездить? – спросила меня Эль-

вира. – Это не так далеко отсюда.

– Город большой. Кого я там буду искать и где?

Эльвира чертыхнулась. Дела действительно шли из рук вон плохо. Парню из Казахстана шайка Гуцула перепоручила задание приглядывать за Геннадием, но Нариман, как водится среди веселых ребят, забил на это дело как не приносящее бабла, а Геннадий тем временем куда-то исчез. А без него все наши так называемые поиски выглядели занятием идиотским. Эльвира, похоже, и сама это понимала. Монин держался непроницаемо. Курач, похоже, вообще плохо понимал, что мы тут делаем и чего ищем, помимо собственно Геннадия. Он был уверен, что придется заниматься черной археологией (а это занятие для него было делом не новым), но до этого так и не дошло, и Иван был в некоторой растерянности. Впрочем, ему было ясно, что без Геннадия пока что делать особо нечего, а большего этому пехотинцу знать и не полагалось.

Эльвира, как женщина прагматичная, должна была понимать, что затеяла авантюру. И она это понимала. Но она еще и надеялась въехать в рай на плечах американцев. За которыми, как оказалось, приглядываю не только я. Вернувшись утром в Яровое, я столкнулся с выходящим из нашего подъезда Студентом, к которому у меня были некоторые претензии... Он болтал по мобильнику, сообщая кому-то, что выезжает сейчас в хостел Славгорода. Не похож он был сейчас ни на хулигана, ни на перекупщика. Свободные джинсы, яр-

кая тенниска, рюкзачок со смайликом... Как есть учащийся вуза.

Надеясь, что он приглядывает именно за солгулианцами, а не за мной, я поднялся в нашу квартиру, где встретил и вернувшегося из Кулунды Курача. Мы пожали друг другу клешни, словно друзья – я даже и забыл, что нас, собственно говоря, держит далеко не дружба, а совсем наоборот... Этакый стокгольмский синдром, алтайская разновидность.

Выслушав рассказ Ивана, стало ясно, что имели мы следующее: Геннадий (и карауливший его контрабандист) бесследно исчез, а куда – о том степь хранит молчание.

– А если ты не найдешь этого Наримана? – прямо спросил Монин.

Аркадий выглядел неважно. Местный климат и здешняя вода действовали на него плохо. Его грызла какая-то болезнь, из-за которой он не мог принимать некоторую пищу, при этом то и дело глотал таблетки. Жару он переносил тяжело. Поездки по степным дорогам под палящим июньским солнцем в машине с неработающим кондиционером выматывали его до предела. Естественно, на озеро с нами он не ходил. Зато совершенно добровольно взялся за процесс приготовления пищи для всей нашей хунты, ловко управляясь с газовой плитой и кухонной утварью с помощью всего одной левой руки. Поначалу мы удивлялись, но через день привыкли. И пока Иван рыскал по Кулунде, пока мы с Эльвирой плескались в горькой прохладной воде и жарились потом ле-

жа на солнце (то и дело даже чуть касаясь друг друга), Мотин хозяйничал в квартире – а что ему было делать на раскаленных улицах?

– Я найду его, – уверенно произнес Курач. – В Павлодаре искать бесполезно, зато в Щербактах есть его дружок, звать Анвар Муратов... Там у них база была, для переброски товаров через границу.

– Какая там граница, в наши-то дни, – пробормотала Эльвира.

– Ну да, – согласился Иван. Пока таможня была, Нариману было чем тут заниматься, а сейчас какой смысл...

– Уехал, наверное, на другую границу, и Геннадия с собой прихватил. Может, приобщил его к своему занятию... – предположил я.

– Ерунду не говори, – поморщилась Эльвира. – Генка на такое не способен. Он и работать-то за деньги никогда не умел, а уж подниматься на таких делах – тут другие мозги иметь надо. И даже не столько мозги, сколько примативность.

– Жизнь всему научит, – веско сказал Курач. – Ты себя вспомни...

– Заткнись, – сказала Эльвира, и громила стушевался, к моему некоторому удивлению. Как бы я ни относился к Эльвире, какой бы стервой она ни была, но женщина она сильная. Даже немного жаль, что у меня с ней ничего общего нет... Разве что золотишко мы оба одинаково сильно любим

– вон она опять играет со своей цепкой, и так ее между пальчиками пропустит, и этак... Прямо эротический акт.

– И вообще, – продолжила она. – Андрей, Иван... Давайте-ка съездите туда.

– Прямо сейчас? – возмутился Курач. – Я ж только с дороги...

– Да, прямо сейчас, – настойчиво сказала Эльвира. – Туда ехать-то часа три. К вечеру всяко вернетесь.

– ... Извините, – вдруг сказал Монин. Он прижал протез к желудку, тяжело поднялся с кресла и, согнувшись, побрел нетвердой походкой в сторону туалета, не забыв деликатно закрыть за собой дверь.

– Доходяга, – негромко, с презрительным сочувствием пробормотал Курач.

Мне бы тоже надо было что-нибудь съмитировать. А под это дело сообщить Обществу о наших планах. И, конечно, Татьяне – я обещал ей сообщать обо всем как можно подробнее и слово свое держал... Почти. Про наши с Эльвирой вылазки на пляж я решил не упоминать – какой смысл про них рассказывать?

Забегая вперед, скажу, что наша поездка в Щербакты не имела ровным счетом никакого смысла. Дорога оказалась в меру хорошей, село оказалось в меру глухим, его населяли обрусевшие казахи и оказахившиеся русские. Не нашли мы там ни Геннадия, ни Наримана. Зато нашли Анвара. Он оказался, что называется, «не при делах», Наримана и Геннадия

не видел с Нового года, с криминалом давно завязал, а на что живет – а не пох ли вам, ребята, я вообще вас впервые в жизни вижу...

Когда мы вернулись уже в девятом часу вечера, дверь открыл старый знакомый по кличке Студент.

– А! – сказал он. – Кое-как вас дождались тут... Прикиньте, нашелся наш археолог!

– Да ну?! – поразился Курач. – И где он?

– Вон в комнате... Пришлось попрессовать немного, ну да ничего, зато он такого понарасказывал...

Две мысли одна за другой мелькнули у меня в голове. Первая – как бы посмотреть на этого Геннадия, из-за которого тут такая катавасия закрутилась. Вторая – а не сделать ли мне ноги от греха подальше, не оказалось бы так, что я тут больше не нужен совсем...

Третью мысль, еще толком не оформившуюся, мне не довелось додумать. Сильнейший удар в затылок сбил меня с ног. Пол в квартире оказался твердым. Видимо, они действительно решили, что я им не нужен...

* * *

Холодные серебряные лезвия прошлись по лицу и шее сверху вниз. Одежда моментально промокла от холодной жидкости... Странно, кровь же не должна быть холодной...

Но это была вовсе не кровь. Меня окатили холодной во-

дой, чтобы я обрел способность воспринимать окружающее с возможностью обратной связи – желательно положительной.

Изображение расплывалось и двоилось. Глядеть с пола было, что называется, «не с руки»... «Несруки»... Кто это такие – «несруки»? Смешное слово... Наверное, эти мерзавцы и есть они самые, можно же их назвать?

– Ну вот, вроде все очухались и все в сборе, – сказал чей-то знакомый голос.

– Не все, – возразил кто-то. – Сектант исчез.

– Фигли этот однорукый сделать сможет...

– Зато он знает все... Если ему сказать, что вторую руку отпилим, все сразу выложит...

– Так, остальные все тут... Ну-ка...

Когда меня усадили в кресло, обстановка прояснилась. И была она совсем уж ни в какие ворота не лезущей. Студент, Лымарь и Гуцул, как оказалось, сговорились за спиной Эльвиры, и теперь решили выяснить, на каком основании и за чем их держат в этой интересной игре за болванов. Трое членов сопредельной шайки, а именно сама Эльвира, Курач и примкнувший к ним Андрей Маскаев оказались выведенными из строя и упакованными... Вообще меня в последнее время слишком уж часто стали лишать подвижности, и это – честно признаюсь – бесило. Кажется, я совсем потерял хватку. И «чуйку». И примативность. Это тоже расстраивало.

Однако Эльвиру никто пока даже пальцем не тронул. И связан был только Иван, валяющийся на полу – видимо, его

сочли самым опасным. Сама же «бандерша» гневно глядела на окружающих ее мужчин, словно на обезьян, которые до глубины души оскорбляют ее своими примативными выходками.

– Эля, – проникновенно говорил Гуцул, – объясни нам всем, что тут происходит. Мы всегда были рады тебе помочь, еще по старой памяти, да и отец твой завещал нам быть друзьями... Но я не понимаю, по какой такой женской логике ты тупо кидаешь меня и Лымаря, которые столько для тебя сделали? Студента ты вообще ни во что не ставишь, он кто – мальчик на побегушках, что ли?

Студент криво усмехнулся при этих словах, прикурил сигарету. Он заметно нервничал, в отличие от Гуцула с Лымарем. Последний, кстати, держал в руке пистолет и явно был не прочь пустить его в ход. На ствол пистолета была навинчена толстая трубка, по всей видимости, импровизированный глушитель.

Эльвира молчала. Напряжение в комнате было таким, что воздух прямо потрескивал.

– Что мы ищем, Эля? – продолжил Гуцул. – Что это за сериал с твоим бывшим? Зимой мы должны были его кормить и обхаживать. Теперь мы его должны искать, когда он сделал ноги. Послушай, мы тут парни деловые, многое видели, и я посчитал, сколько ты бабла впалила за эти полгода. Это приличные деньги, но мы же не на работу к тебе устроились, в отличие от этого... – Гуцул скосился в сторону Ку-

рача. Нам гораздо прикольнее было свои дела мутить, но ты совсем обнаглела. С одной стороны ты начинаешь истерить, когда Студент говорит, что ему впредь дальше заниматься ерундой, а с другой – не желаешь объяснить, что мы ищем, что мы будем иметь, когда найдем Гену... Ну, найдем мы его. И что – опять караулить придется и ждать, пока он соизволит закончить свои исследования?

Гуцул выдал эту косноязычную, хотя вполне доступную тираду, и Эльвира все же ответила:

– Если бы вы приглядывали за Геннадием сами, а не переложили это дело на каких-то сомнительных казахов, мы бы сейчас все уже имели по личному самолету...

– Что мы ищем, Эльвира?! – загремел уже Лымарь. – Что? Что это такое, ради чего нам приходится под статьей ходить и вообще... Золото? Сколько его, этого золота? Где оно?

– Я еще раз говорю: не упустили бы вы Геннадия зимой...

– Мы его посменно караулили до конца января. И что? Он ни черта не делал, только жрал и читал какие-то книги...

– Причем выбор этих книг был совершенно непонятным, – подал голос Студент. – Его интересовала то химия, то астрономия. То астрология. Потом он начинал читать беллетристику. Я проверял все книги, какие он брал в библиотеке – все бессистемно и непонятно. К тому же он...

– Ладно! – перебил Гуцул. – Харэ вату катать. В общем, так, красота моя... Мы с пацанами решили, что нам тоже надо знать всю правду. Студент считает, что твой бывший

знает, где находится какое-то невероятное сокровище. Золото Колчака или что-то в этом роде. Ты нам скажешь все как есть... Ну и почему тут эти пиндосы одновременно что-то вынюхивают. И только знаешь что?.. Не ври. Все равно ведь разберемся, где правда, а где фуфло...

Я видел, что Иван, которого так и оставили валяться на полу, едва заметно шевелит пальцами рук, пытаюсь добратся до узлов капронового троса, которым его скрутили. Не знаю уж, чем думали ребята из этой веселой команды, но Курач вряд ли способен простить подобное обращение.

– Эй, вы! – подал я голос. – Монин тоже все знает. И даже больше.

Гуцул, Студент и Лымарь уставились на меня. Потом переглянулись.

– А куда он делся, ты знаешь? – вкрадчиво поинтересовался Лымарь.

– Я думаю, могу найти...

– Кретин, – еле слышно выдохнула Эльвира. Не знаю уж, в чей адрес... Да и наплевать, если честно, было мне сейчас на ее мнение.

– Ну, говори! – потребовал Лымарь.

– Он в Славгороде, – сказал я.

– Где?

– Он там, с этими американцами, сказал я уверенно, начав растирать запястья. – Точно знаю, что они заодно...

– Врать ты тоже здоров, – проворчал Студент.

– А погоди... Почему врать-то сразу? – заинтересовался Гуцул.

– Ну не видел я там ни разу его...

– Правильно, – сказал я. – Он все время здесь был, с нами. А по телефону общался с американцами и сливал им информацию про нас... Они ж и с меня требовали осведомлений, и когда я приносил им дезу, они сразу же меня раскусывали... Ну, чем еще доказать-то?

– Я вообще фигею с этих дел... – сказал Лымарь. – Никто ничего не знает, зато все друг друга уверяют, что тема стоящая... И все друг другу информацию сливают втихушку. Причем почти всегда фуфло... Ты вот сам-то хоть что-нибудь знаешь?

– Да, конечно... – сказал я, краем глаза глядя на Курача и потихоньку убеждаясь, что он уже почти освободил руки. – Мы только что с Казахстана, там есть такой Анвар, он нам передал бумаги Геннадия. Сейчас пока ехали, читали, так все правильно – тут двадцать кладов Колчака собрать можно, и все равно Геннадий больше нашел. Блокнот и карты вон они, у Курача в заднем кармане...

Для Ивана это было к лучшему, что к нему склонился именно Лымарь, а не Гуцул. Но не для Лымаря. Потому что в эту же секунду Иван, издав глухой рык, выбросил вперед и вверх свои руки, которыми он когда-то сгибал стойки шасси. Через какой-то миг что-то неприятно хрустнуло, и Лымарь начал медленно заваливаться на пол. Его пистолет в ту же

секунду оказался в руке у Курача, и ствол глушителя был направлен на Гуцула. Гуцул застыл истуканом, и в этот момент я услышал металлический щелчок у себя за спиной.

Кое-что я, конечно, умею. Ближний бой на кольях – это у меня сильная сторона еще со школьных времен. Впоследствии я некоторое время даже занимался боккэнгом, но сейчас ни меча, ни даже хорошей палки под рукой не было. Однако прямой проникающий удар правой я провел очень грамотно, затем, когда Студент отшатнулся и, пытаясь поймать равновесие, взмахнул руками, снова открываясь для ударов, я снова свистнул ему прямо в физиономию, только уже с левой. На мое счастье, Студент оказался не самым сложным противником, несмотря даже на выхваченный из кармана нож. Работать ножом этот эрудированный урка просто не умел.

Курач меня спас от нападения сзади. Гуцул находился ближе ко мне, чем к Ивану и, видя, как я начинаю проявлять ненужную, по его мнению, активность, уже был готов кидаться на меня сзади, когда Курач выстрелил в прямо в физиономию Гуцулу. Пистолет дал осечку, но Иван споро сориентировался и попытался вогнать глушитель Гуцулу прямо в глотку. Возможно, он даже сломал противнику пару зубов, но, что важнее, дал себе полсекунды форы, потому что удар краями металлического цилиндра по нёбу и гландам – это очень больно.

В это же самое время я бился со Студентом, который

всеми силами пытался сопротивляться. Этого типа я бил с особым чувством, сами понимаете почему. Но он был живуч, резв и яростен. Мне удалось выбить из его руки нож. Я несколько раз достал его физиономию. Впрочем, мне тоже досталось крепко, но я оказался сильнее и ловчее. А может, и злее. Я скоро сбил этого типа с ног и хорошенько пнул ему несколько раз в солнечное сплетение, чтобы слегка успокоить. Поэтому подробности схватки между двумя терминаторами остались для меня немного «за кадром», но то, что я увидел, и без того произвело впечатление как античная битва.

Удары обоих громил, как правило, достигали цели. Гуцул выбил пистолет из руки Курача почти сразу же после несостоявшегося выстрела, и начался настоящий бокс в супертяжелом весе. Огромные угловатые кулаки сразу же вдребезги разбили обе физиономии. Сила соприкосновения, наверное, была не меньше, чем у кузнечного молота, бьющего по наковальне. Мне казалось, что я слышу грохот как от падающих одна на другую бетонных плит. Думаю, одно такое попадание вмиг отправило бы меня в нокаут, но этим титанам подобный бой был не в диковину. Эльвира, кажется, подумала о том, чтобы влезть в это рубливо, по крайней мере, она дернулась на своем кресле. Но это было даже не смешно. Тут и мне было делать нечего... Но я-то не Эльвира.

Я подобрал пистолет, быстро передернул затвор, выбросив несработавший патрон, дослал следующий и прицелил-

ся. Я отлично понимал, что из этой схватки в живых останется только один человек, и им должен был остаться... А кто, собственно, из них двоих для меня предпочтительнее? Остаюсь победителем Гуцул, то с помощью Студента он окончательно запрессует Эльвиру, а вместе с ней и меня... Но статус-кво и так для меня означал нечто вроде крепостного права...

Наверное, лучшим выходом было бы прямо сейчас уложить весь этот зверинец. Добить контрольным Студента, убрать обоих терминаторов, а затем – что? Застрелить Эльвиру? Хотя я и прозвал ее для себя «killer queen», но стрелять в женщин я не умею. Для этого надо иметь душевные качества совершенно непохожие на таковые, имеющиеся у Андрея Маскаева, которому, что греха таить, доводилось стрелять в людей...

Тем временем Курач решил за меня. Гуцул пропустил крайне неприятный удар под подбородок, и пока он всплескивал руками, Иван отвесил противнику чудовищной силы пинок в пах. Твою ж дивизию! Мне даже послышался хруст... Словом, Гуцул перестал представлять для Курочкина опасность, чем тот и воспользовался. С разворота в три четверти он буквально вбил свой левый кулак Гуцулу в висок... И этот хруст мне уже не послышался... Он был реален. Гуцул кулем повалился на пол. Курач, тяжело дыша, смотрел вниз, потом перевел налитые кровью глаза на залитом кровью лице в мою сторону.

– Да-а-а, – ТОЛЬКО и сказал он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Если через тысячу-другую лет в кулундинской степи вдруг начнут работать археологи, исследующие условно культурный пласт второго Миллениума, то, возможно, какой-нибудь кандидат наук и отметит в своей диссертации, что жители древнего Алтая тех времен имели обыкновение хоронить своих усопших сограждан без золота и драгоценных камней...

Когда мы с Бэрримором неосторожно отправили на тот свет Кислого, в правоохранительные органы обращаться никто не стал... В сегодняшней ситуации дело обстояло примерно таким же образом; ни Эльвира, ни Курач, ни я даже не заикнулись о возможности вызова милиции. Несмотря на грохот драки, мы произвели не так уж много шума. Не больше, чем пьяная компания этажом ниже, во всяком случае. Но последствия стычки были более чем неприятными – два трупа это вам не фунт изюма.

Студенту повезло больше, чем его приятелям. Я его, конечно, немного украсил, да ему еще потом добавил Курач, когда тот очухался. После этого он «раскололся» и выложил нам всё как есть.

...Гуцул и его друзья на самом деле были не в восторге от того, что Эльвира использует их практически втемную. Счи-

тая деньги, которые они получали то за сопровождение Геннадия, то за его охрану, то еще за некоторые деликатные поручения типа похищения Татьяны и «наезда» на меня, они сложили одно с другим и подумали, что дело, которое «мутит» Эльвира, чрезвычайно выгодное. А когда Студент ознакомился с моими распечатками и как мог растолковал их Гуцулу и Лымарю, «братаны» задумались конкретно. Они почти убедились в том, что Эльвира (и странные американцы параллельно с нею) ищут ханские сокровища, стоимость которых должна быть запредельной. После нашего отъезда в Кулунду Эльвира поручила Студенту выехать следом за нами и приглядывать за американцами независимо от меня. Но она не знала, что вместе со Студентом в алтайскую степь выдвинулись и оба-два его кореша. Несколько дней они строили коварные планы, каким образом выкачать из Эльвиры информацию с тем, чтобы потом ею воспользоваться, как вдруг неожиданно на ловца и зверь выбежал.

– Этот однорукий доходяга, – рассказывал Студент, пока мы вшестером, включая двух молчунов, ехали на похороны, – подошел ко мне, когда я выходил от вас из подъезда, схватил меня за рюкзак, задержал и с ходу предложил объединиться против Эльвиры. По его словам, он понял, что она мухлюет и собирается его, калеку, кинуть, как только он станет ненужным.

Я хотел было вмешаться и сказать, что сам до сих пор не понимаю, на кой черт мы держали этого прохвоста рядом с

собой. Но, быстро подумав, прикусил язык. В моей ситуации было лучше поменьше болтать, побольше слушать. Я и так не понимал многого. Например, того, почему Эльвира держит меня рядом с собой. Поэтому я продолжал крутить баранку, гнать машину по неровной грунтовке через степь и молиться, чтобы за нами не погнались стражи порядка... Сиденье рядом со мной пустовало. Вся бригада, живая и мертвая, находилась в салоне позади меня.

– Он что – караулил тебя там? – спросил Курач.

– Нет. Он вроде бы как возвращался из магазина. Узнал меня, поздоровался, мы разговорились. Он злился, что вы припахали его как кухарку, выманили всю информацию и заставили бегать за продуктами...

Курач сказал вслух, что он думает о Монине. Эльвира потребовала придержать язык. Не любила она грубостей, вот ведь какая женщина...

– Он предложил нам взять Эльвиру в оборот и выведать у нее все планы насчет того, что она собирается делать. Потому что, по его словам, получается какая-то ерунда: она знает всё, но вместо конкретных дел гоняет нас на поиски каких-то странных мест, где мы должны копать... Притом неизвестно что. Тогда как настоящее сокровище находится совсем в другом месте. И он подозревает, в каком именно.

– В каком именно, он сказал? – ледяным тоном спросила Эльвира.

– Нет. Но я все равно это узнал...

– У него?

– Не то что бы «у» него, но «от» него – почти точно.

– Говори!

– И что мне будет, если я скажу?

– Ты еще торговаться будешь? – возмутилась Эльвира. –

Тебя вообще надо закопать рядом с твоими дружками... Скажешь – останешься в живых. Тебе все равно одному с поисками не справиться.

– Пока мы с ним терли на скамейке за эти дела, – сказал Студент, – я тянул у него блокнот. Потом он поднялся в подъезд, а я быстренько перефотал страницы. Там как раз были те же знаки и схемы, какие мы забрали вон у него (в салонном зеркале я видел, что Студент ткнул пальцем в мою сторону), и потом я перепроверил все расчеты...

– А блокнот? Монин же мог догадаться, что ты его у него спер, – предположила Эльвира.

– Я его тут же бросил под скамейку у подъезда и свалил, – объяснил Студент. – Сам стою за углом, палю – вдруг увижу чего. И точно – доходяга вернулся через пять минут, позырил вокруг, потом вижу – нашел блокнот... Все пучком.

Я помнил этот случай, когда Монин действительно при-тащил какую-то снедь из магазина и вдруг как ошалелый ки-нулся обратно на улицу... Вон как оно было-то на самом де-ле...

– Что было у Монина в блокноте?

– Данные по какому-то условному месту, – сказал Сту-

дент, – которое искал Геннадий. Какие-то цифры в долларах, совершенно невообразимые. И какие-то пометки в окрестностях города...

– Славгорода?

– Нет. Аральска.

– Что-о?! – воскликнула Эльвира. Я в этот момент сам едва не выпустил баранку из рук.

– Да, судя по всему, вы в своих расчетах что-то напутали, а Монин перепроверил, и нашел ошибку...

– Значит, все-таки Арал, только с другой стороны... И как вы думали закончить вашу идиотскую затею?

– Ну ты же знаешь, сама жепустила нас троих... Потом должен был появиться Монин... Мы бы тогда выработали общий план. Нам троим нужно было убедить тебя в том, что мы имеем полное основание работать в одной команде...

– Нас уже и без того слишком много, – веско заметил Курач.

– Верно. Гуцул предложил грохнуть Монина. После. Он же все равно ни о чем...

– Наверное, и меня тоже, да? – ядовито поинтересовался Курач. – И Андрюху, ага? Мы ведь с ним тоже «ни о чем», если с вашей точки зрения судить, верно?

Студент промолчал. Я подумал, что не просто так он молчит... Наверняка и мне, и Ивану не было мест в новом плане, придуманном братвой... Две трети которой сейчас едут с нами в горизонтальном положении. А ведь на их месте долж-

ны быть Маскаев с Курочкиным. Но каков Монин! И куда же он делся, интересно бы знать?

– Андрюха, хорош, наверное... – негромко сказал Курач. – Уже достаточно далеко забрались.

Фары высветили несколько скоплений небольших деревьев среди заросшего травой поля. Я съехал с грунтовки и двинул прямо по траве к одному из этих «оазисов». Не доежая до деревьев, остановил машину и погасил фары. Открыл заднюю дверь. С глуховатым металлическим звоном по полу салона наружу потянулись лопаты. Вслед за ними с мерзким *мягким* звуком вывалились два тяжелых (особенно один) мешка.

Работали мы молча. Все три представителя мужского пола – Курач, Студент и я – копали безымянную могилу. Земля мягко проминалась под штыками лопат и отбрасывалась в стороны. Я в очередной раз подумал о том, что сколько раз клялся (после армии в особенности) не брать в руки лопату, и сколько раз за последние две недели эту клятву нарушал. Ну не люблю я копать, что ты будешь делать... Грузчиком и то лучше работать, чем землекопом... (подумал человек с высшим образованием). Мне хотелось хихикать, несмотря на зловещий лязг лопат и наличие двух бездыханных тел у кромки ямы... История продолжалась. Одного типа я недавно уже похоронил (правда, не очень глубоко), теперь вот, еще двоих из той же компании. Только этих надо зарыть как следует.

На дне ямы было черным-черно. Мы опасались зажигать мощные фонари, и пользовались маленькими светодиодными лампочками. В этом прыгающем мертвенном сиянии лица Курача и Студента выглядели как физиономии свежеспешенных. Думаю, моя не сильно отличалась от их. Мы трудились часа три. Земля, к счастью, была довольно мягкой, но при этом очень сырой и тяжелой. Так что запарились мы здорово – я, во всяком случае, точно. Да и Студент тяжело дышал под конец. Только Курачу все было нипочем...

Мы вылезли из ямы и приготовились сбрасывать полипропиленовые мешки вниз. Ненадолго задержались, напились воды из пластиковых бутылок.

– Можете покурить, – сказала Эльвира. Сама она была свободна от этой гадкой привычки. В ночном полумраке мы уселись на корточки и достали сигареты. При вспышках зажигалок я видел, что Эльвира сидит в проеме боковой двери... И как-то странно сидит, можете мне поверить... Как-то не так. Но, естественно, я не проронил ни слова. Наше ночное занятие не очень располагало к душевным беседам. Студент нервничал, мое состояние было близким к депрессии. Только Курач был абсолютно спокоен. Грохнул двух типов практически голыми руками всего несколько часов тому назад, и как ни в чем не бывало. Привычка? Нервы?

– Покурили? – спросила Эльвира и зажгла неяркий фонарик, такой же светодиод, как у всех. Его луч падал в нашу сторону.

– Да вроде бы, – ответил Курач.

– Ну что, Игорь... Теперь можешь вставать на колени и начинать молиться, – сказала Эльвира.

Я даже не понял, к кому она обращается. Студент, правда, понял. Особенно когда увидел, что Эльвира направляет на него давешний пистолет Лымаря с той же трубой глушителя на стволе. Игорем звали, надо полагать его, и я узнал об этом только сейчас. Еще одно бесполезное знание... Студент, однако, не стал сгибать конечности и производить инвокации. Он посмотрел на оружие в руке женщины и спокойно произнес:

– Так я и знал. Меня это почему-то не удивляет.

Это меня тоже не удивляло. Единственно, я предполагал, что Студенту свернет шею Курач. Меня удивляло другое – поведение Студента. Не такое, как в эту секунду, а в последние пару часов. Примерно так, как удивляли люди, оставшиеся на «Титанике», которые знали, что им не удастся спастись... Меня удивляла история нацистской верхушки, которая уже зимой сорок пятого знала, что ей капут, и все равно продолжала как-то существовать и действовать до самого Нюрнберга. Все они понимали, что толстый полярный лис уже подкрался, но при этом продолжали что-то делать, с кем-то общаться, куда-то ходить, вместо того, чтобы всей толпой свалить куда-нибудь в Аргентину... Студент, кстати, тоже вполне мог успеть смыться. Почему он этого не сделал? Почему он копал эту яму вместе с нами?.. Меня уж давно

только бы и видели здесь.

Эльвиру, видимо, тоже заинтересовало это. Не убирая оружие, она задала ему похожий вопрос.

– А мне особо некуда сейчас топать, – сказал Игорь. – Я привык работать вместе с пацанами... Они, кстати, гораздо лучше помнили твоего отца. Я ведь его толком и не знал даже. Когда он скорефанился с Гуцулом и Лымарем, мне еще год надо было на малолетке чалиться – я ведь намного моложе их. И не знаю точно, почему пацаны подписались тебе помогать. Не знаю, почему потом хотели перестать. Претензий вроде ни у кого не было... Особенно у меня. Хотя ни твой отец, ни ты сама меня никогда не интересовали. Теперь слушай сюда. Крупняк – это не мое. И по мелочи мне тоже не климатит. Но ксивами, по которым я умею работать, сейчас заниматься стало душняк – кругом электроника, компьютерные базы и биометрия. Да и от блатной жизни я тупо устал. Я знаю, что ты собираешься взять Золотую бабу – а эта штука стоит огромных денег. Я в теме. Гуцул и Лымарь правильные пацаны, но они ничего не понимали. Таких денег их мозги не могли вместить. Чем круче мы поднимали, тем просто дороже были кабаки и девки. Удалось бы снять сто лямов баксов – Гуцул с Лымарем и эти деньги спустили бы на те же кабаки и девок. Просто это были бы самые дорогие кабаки и девки в мире.

– Но ведь это же вполне понятно, – уверенно заявил Курач. – Если удастся хапнуть жирный кусок, на что его еще

тратить-то?

– Ты считаешь, что мог бы найти деньгам иное применение? – поинтересовалась Эльвира, не обращая внимания на слова Ивана.

– Конечно.

– Какое именно?

Студент пожал плечами.

– А тебе не все ли равно?

Эльвира подняла пистолет.

Над ночной степью повисла глубокая тишина. Лишь где-то вдалеке стрекотали ночные насекомые, да на пределе слышимости доносился шум одинокого двигателя. Все молчали и не шевелились, даже Курач замер, словно языческий идол.

И ствол пистолета пошел вниз.

– Валите мешки в яму, – распорядилась Эльвира. – Скоро рассвет. Надо успеть замаскировать здесь все.

* * *

Когда я проснулся, негромкие голоса с кухни дали мне понять, что Эльвира и Игорь что-то обсуждают. Курач еще похрапывал. Часы показывали около десяти утра, но я чувствовал себя усталым и невыспавшимся. И все же через какое-то время присоединился к обсуждению.

– Мы тут как раз изучаем, где ты мог ошибиться, – сказала Эльвира. – И никак не можем понять, почему Монин

вместо девяти дней пути все-таки считает правильным число шестьдесят три. Третий отрезок упирается в восточный берег высохшего Большого Арала, но вместо Муйнака потом мы поворачиваем к Аральску...

У меня были мысли относительно всего этого, а если говорить честно, то это были даже и не мои идеи, а Татьянины, но есть ли смысл делиться ими с Эльвирой и этим проходимцем? Грамотно он вчера свою шкуру сохранил... Интересно, застрелила бы его Эльвира или нет, если бы он говорил чуть менее убедительно? Если бы он оказался по своему развитию на уровне такого же дикаря, как Иван Курочкин и «пацаны», закопанные нами вчера в алтайской степи?

Внешне, конечно, он не выглядел интеллигентом ни на йоту. Пресловутые тюремные «университеты» накладывают определенный отпечаток на всех. Правда, иные студенты из нормальных, обычных университетов зачастую выглядят так же. Но при этом Игорь сам, по своей воле тянулся к знаниям – библиотеку на «малолетке» он проштудировал с толком. Именно он заметил мне, что я зря посчитал невежественным безвестного англоязычного географа – под словом «Vulgaria» в той записке он подразумевал отнюдь не современное государство на Балканах, а древнее Поволжье, называемое, как ни странно, Булгарией... Чуть позже я узнал, что в личных планах Игоря, которыми он поделился с Эльвирой, было получение высшего образования и плюс (если повезет) аспирантура. Человек хотел круто изменить свою

жизнь и, похоже, Эльвира ему поверила. При этом, конечно, ее мало интересовали моральные принципы Студента, а их он менять как раз не особо и стремился. Вот такая своеобразная личность влилась в нашу компанию взамен исчезнувшего Монины.

Игорь был склонен верить Монину. Эльвира – тоже. Я – нет. Мне казалось, что Аркадий создал «дезу» намеренно, и так же намеренно подставил Студенту карман своего жилета, в котором он обычно ходил в магазин. Аральск явно был направлением подложным.

– Ты когда собираешься к американцам? – поинтересовалась у меня Эльвира. – Надо им слить информацию про Монины. А заодно и про новые обстоятельства.

– Куда их стоит направить?

– Да в тот же Муйнак, например, тем более, там все равно что-то ищут... В принципе все одно – на запад отсюда, примерно в одну сторону и на одно расстояние... Ты ведь наверняка рассказал Кэсси про то, чем и где занимается бывший научный руководитель Геннадия?

Да, Кэсси я поставил об этом в известность, как ни обидно такое сознавать...

– Давайте еще раз пробежим эту карту, – сказал я, уводя тему в более конкретное русло. – Надо убедительно обосновать направление на Муйнак. Как это лучше сделать?

– Да легко, – сказал Игорь, шагая измерителем по карте, точно как Папанов в «Бриллиантовой руке». Это что у нас

тогда получается? Через Рубцовск, по степям через Караганду и Байконур, на запад, к побережью Аральского моря... Тысяча восемьсот девяносто километров, потом резко на юг, еще двести сорок... Ну, не совсем рядом с городом, но в пределах пары часов езды... Там дороги-то есть, интересно?

Краем глаза я наблюдал за Эльвирой. «Киллер-квин» прислушивалась внимательно к словам Игоря. Прихлопнет она при случае этого Студента, подумал я. Руками Курача, скорее всего.

– Знаете, я думаю, не нужно излишне подробно давать обоснование этому числу, – сказала Эльвира. – Достаточно того, что американцы тоже наверняка рассматривали версию с Аралом. Подтверждение в виде распечатки из монинского блокнота им можно отдать. И черт с ними. Хотят – пусть едут в Аралкум. Не хотят – пусть торчат здесь или вообще убираются к себе в Штаты. Мне они надоели.

– У них за главного Виктор Баранов, – сказал Студент. – А этот тип упертый. Его уже вышибли из Москвы в свое время, отобрали бизнес, даже сажали, а он снова на плаву оказался. С кем-то договорился и купил обанкротившийся аэропорт на аукционе, который, вообще-то не для него был устроен... Думал, что ему дадут застроить территорию, а фиг там – Москва землю не отдает, и теперь у него положение то еще. Деньги вложены, и даже не потеряны, но не работают. И вернуть их вроде бы реально, но для этого надо еще больше денег, а столько даже у него нету...

– Да знают все эту историю, – махнула рукой Эльвира. – Не о нем речь... Андрей, ты не тяни, стогняй в Славгород и попробуй закинуть эту информацию Виктору. И не надо ничего придумывать, ты им скажешь чистую правду. И про Монины, как он случайно помог нам, и про то, как он исчез, видимо, решив самостоятельно добраться до золота...

– И про вчерашний замес рассказывать, конечно, не надо, – донесся голос проснувшегося Курача. Он стоял в проеме двери и зевал во всю пасть.

Эльвира без приязни посмотрела на Ивана. Не знаю, что она думала про него, но чем дальше, тем все сильнее я полагал, что из всего нынешнего окружения «киллер-квин» наиболее терпимо относится ко мне. Может, она действительно чувствовала что-то вроде вины за историю с Татьяной, к примеру. А может, между нами что-то произошло? «Терапия», конечно, не секс, но процесс вполне интимный и меняющий суть отношений. Хотя, конечно, с этой женщиной ничего нельзя знать определенно. Она опасна и непредсказуема. И, если честно, я не очень горел желанием держаться рядом с ней...

– Про это я рассказывать точно не буду, – заверил я всех троих.

...О Баранове я что-то тоже слышал. Начинал он, как и многие удачливые бизнесмены в лихие девяностые, с темных делишек. Мотаться в Китай или гонять машины из Владивостока, подобно мне, он не захотел... И, возможно, правиль-

но сделал. Потому что сейчас такие как я, вернулись к тому же, с чего начинали, а кто был без особых комплексов, тот ворочал заводами и пароходами... Правда, Баранова действительно судьба здорово била и ломала, даже враз лишила почти всего состояния и посадила за решетку, да и вообще – богатые тоже плачут... Обычно, конечно, крокодильими слезами. Жаль мне его не было – денег у него все равно поболее осталось, чем у меня можно найти. С таким капиталом я вряд ли начал бы в авантюры кидаться: купил бы пару квартир в Москве, да сдавал их, а сам забрал бы Таньку, да уехал в Гоа или куда там сейчас все российские бездельники наострились... Правда, через месяц взвыл бы от тоски и скуки – уверен на сто процентов.

– Значит, Аркадий Монин просто так взял и неожиданно исчез? – Виктор недоверчиво буравил меня своими осьминожьими глазами.

– Именно, – сказал я.

– Он точно не заметил, что его блокнот изучили посторонние? – спросила Кэсси с меньшим недоверием.

– Студент уверяет, что не заметил.

– Да этому уголовнику тоже верить, – скептически проскрипел Виктор, сам-то схлопотавший срок однажды.

И все-таки солгулианцы, все четверо, похоже, проглотили эту дезу. Они вполне предсказуемо сопоставили нынешнее место работы бывшего научного руководителя Геннадия, который и сейчас, видимо, где-то там копал черепа, с инфор-

мацией, выловленной Студентом. Меня это тоже устраивало.

– Я всегда говорил, что не здесь правильный ориентир, – заявил Бэрримор.

Какие были основания у Ричарда так считать, я не знал. Может, это ему так подсказали магические практики? Но, наверное, они не всегда срабатывают – вон, перекопали же американцы впустую весь участок в Шатунихе.

– Я еду с вами, – сказал я утвердительно.

– Конечно, – произнесла Кэсси. – Завтра.

– Не надо тянуть время, – сказал Старлинг. – В этом городе есть аэропорт?

– Не знаю, – ответил Виктор. – Раньше, может, и был...

– А почему сейчас нет?

– Да кому сейчас нужны маленькие аэропорты? – со знанием дела сказал Баранов. – У людей все равно нет денег, чтобы летать.

– Но ведь большие аэропорты у вас есть, – не сдавался брат Дэвид.

– Ну так в больших городах и жизнь другая... И люди тоже другие. Самолетами летают бизнесмены. И туристы за границу... Тоже бизнесмены в своем большинстве. Остальным-то зачем летать и куда? Пусть дома сидят, работают...

– У нас в Юконе по всем Северным территориям и Аляске летают... И не только бизнесмены, – сказал брат Ричард.

– Да в Штатах и на Западе и Юге много мест, куда даже «грейхаунд» не ходит... – добавил брат Дэвид. – Только

небольшие самолеты добираются. Все, даже реднеки летают постоянно.

Виктор пожал плечами. Что будешь делать с этими американцами – ну тупые ведь... Не хотят понимать, что авиация – это транспорт для уважаемых людей из больших городов, а вовсе не для каких-то никому не интересных крестьян из глухих деревень, которых и на карте-то не найти...

– Ладно, в любом случае туда надо как-то добираться, – сказала Кэсси. – На автобусах ведь можно хоть куда доехать.

– Конечно, это не «грейхаунд», но ездить можно, – согласился Виктор. – А может, на твоём транспорте поедём? – обратился он ко мне.

– До Арала? Да ни в коем случае! Он туда не доедет, – сказал я с непритворным ужасом, потому что враз представил себе жару июльских солончаков при отсутствии кондиционера. – Надо менять масло, стойки, колодки... Да и вообще, ушатали мне машину с этими гонками по степям.

В этом была доля правды – машина действительно в последние дни погоняла прилично и нуждалась в хорошем профилактическом техобслуживании.

– Андрей, отвези Кэсси на автовокзал, – сказал Виктор. – Изучите заодно расписание прямо на месте. Я давно убедился, что чем дальше от больших городов, тем непредсказуемее работа транспорта...

Ехать было всего несколько минут. Но мы почти ни слова не сказали друг другу. Да и на самом автовокзале не так мно-

го и общались, все больше по делу – даты, время, стыковочные пункты... Я вспоминал, что раньше действительно, над местными степями (да и не только над ними) каждый день поднимались сотни Ан-2 и десятки Ан-24. Разве было плохо летать студентам хоть на каждые выходные домой в районы области? Разве было плохо летать бабкам из деревни в город пусть не каждые выходные, но раз в месяц, чтобы поглядеть на внуков? Большие самолеты, конечно, нужны... Хотя странно, если подумать: кругом прогресс и всякие нанотехнологии, а «немагистральный» транспорт становится все менее доступным, словно кто-то преследует цель все большего отчуждения людей в провинции. Бангкок и Прага сейчас стали ближе, чем какое-нибудь Колпашево или Северное...

– Поезжай пока, наплети там своим что-нибудь, – сказала Кэсси. – Я сама доберусь до хостела... Они, кстати, собираются брать тебя с собой?

– Хороший вопрос.

– Я знаю, – слегка улыбнулась Сандра Омельченко. – Тогда до завтра?

– Пока... – сказал я, открывая дверь машины.

– Андрей...

– Что?

– Ты же не сердись на меня, верно?

– Нет, – сказал я с вымученной улыбкой, похожей, наверное, на гримасу. – Ладно, я поехал.

И тронул машину. Выворачивая на дорогу, посмотрел в

зеркало и увидел красивую рыжеволосую женщину, смотрящую мне вслед. Я помянул черта и погнал в Яровое. Надо было действительно разобраться, как и куда я поеду... И вообще, надо было что-то делать. Надо было переламывать эту ситуацию, похожую не то на кафкианский «Замок», не то на «Улитку на склоне» Стругацких.

... Квартира оказалась запертой. В прохладном подъезде было тихо. Входные двери не хлопали, ни музыки, ни грохота не было сейчас слышно. Возможно, большая часть квартир сдана отдыхающим, которые торчали на озере или отдыхали еще каким-то образом... Отдыхающие меня как раз и не интересовали. Мне было интересно, куда подевались Эльвира, Игорь и Иван, причем все втроем. Не на пляж же потащились? Двадцать второй или сорок второй... А впрочем, почему бы нет? Это вполне допустимо, хотя и объясняется сложно.

Я прогулялся до кафе на сорок втором причале, где пообедал в одиночестве и без суеты. Неспешно и основательно. Очень хотелось выпить попутно чего-нибудь покрепче, но ключ от машины в кармане бриджей напоминал, что этого делать никак нельзя... Прогулявшись пешком до сорок второго и вернувшись затем к временному обиталищу, я понял, что там по-прежнему никого нет. Было более чем удивительно, что молчит мой телефон. Я набрал номер Эльвиры. Абонент недоступен... Вот еще новости... Позвонил Курачу, а затем и Студенту. И когда протокол джи-эс-эм дал мне по-

нять, что оба абонента находятся вне зоны досягаемости, я понял, что оказался ненужным этой компании...

В Яровом мне было «ловить» больше нечего. С очень странным ощущением то ли потери, то ли обиды, я отправился в Славгород... И там оказалось примерно то, что я и предполагал: четверка солгулианцев не далее как час тому назад спешно снялась с якоря и покинула странный хостел, не оставив мне ни ответа, ни привета. Ну что ж, не очень-то и хотелось.

Куда ни кинь, выходило, что поиски сокровищ то ли древних язычников, то ли средневековых татар должны продолжаться дальше без меня. Наверное, оно и к лучшему. Мне эта история не нравилась с самого начала. Да я, если честно, не верил в нее. Ну, скажем так, не проникся. Выкурив сигаретку и постаравшись избавиться от чувства разочарования, я сел в авто и отправился в Селекционный за Татьяной. Пора было возвращаться домой... В конце концов, впечатлений мы набрались надолго. Я уж точно.

...Поставив, как обычно, «Тойоту» впритирку к забору, я прошел по дворику к дому и попробовал потянуть на себя тяжелую мохнатую дверь. Она не поддавалась – видно, Татьяна решила на всякий случай запирается. Мало ли, вдруг и правда кочевники...

Я попинал в глухой войлок обивки, и меня услышали. Дверь приотворилась на длину цепочки, и Таня осторожно выглянула в сени. Такие меры, наверное, можно было пред-

принимать, чтобы печенегии не смогли вот так сразу ворваться в дом.

Моя гражданская жена открыла дверь, впуская меня внутрь, и я сразу же понял по виду Татьяны: что-то случилось.

– Ты чего такая загадочная? – спросил я.

Таня была удивительно серьезна. Она не шутила, не подкалывала меня, не кидалась мне на шею и не колотила меня кулачками (а она порой это делает весьма чувствительно – когда есть за что... то есть, часто). И была одета в блузку с юбкой – будто на городской улице среди людей. Хозяйка хаты, что ли, пришла?

– Кто здесь? – спросил я.

– Заходи, увидишь, – сказала Таня.

Я прошел в комнату. Да, это явно была не хозяйка дома. Я даже близко не угадал. Но этого человека совсем не ожидал тут увидеть.

– Добрый день, – сухо поздоровался я.

И услышал ответное приветствие.

* * *

...Когда Аркадий Монин произвел свой момент истины, над алтайской степью уже опустилась теплая июльская ночь. В комнате горел неяркий ночник, старая утварь хаты казалась еще более старой, чем была на самом деле, и мне време-

нами даже чудилось, что на дворе сейчас восемнадцатый век, изба освещается восковыми свечами, а автомобили и интернет еще не придуманы... Да и без них неплохо, если подумать.

– Геннадий, что называется, увлекся, и потерял осторожность? – спросил я риторически

– Именно. Если человек проявляет ненужную строптивость, то появляются очень большие проблемы. Ратаев не просто так ездил в Узбекистан, я вот что скажу. В Ташкенте еще недавно находились самые лучшие и интересные архивы документов – именно туда они вывозились во времена Великой Отечественной. Там и оставались до распада Советского Союза. А потом узбекам стало на эти архивы наплевать, а официально возвращать их в Россию никому в девяностые годы было не нужно, и тогда за ними потянулись авантюристы. За небольшие, в общем-то, деньги кое-кто находил даже неопубликованные стихи Маяковского, написанные поэтом собственноручно. Ратаев и его руководитель Кунцев тоже покопались в ташкентских закромах изрядно. Профессор нашел для себя свою «золотую жилу» – сейчас он разрабатывает ее на дне высохшего Аральского моря. Ратаев нашел другое. А именно – записки князя Гагарина, генерал-губернатора Сибири. Шифр, который мы все так увлеченно разбирали, тоже придуман князем. Гагарин держал в руках Золотую бабу. Причем на территории вашей дачи, только в те годы, конечно.

– С трудом верю! – сказал я. – Что Гагарин забыл в Шатунихе?

Аркадий достал свою толстую записную книжку и заговорил дальше, очевидно, пересказывая текст в небольшом изложении:

– После учреждения губерний в 1708 году князь Матвей Гагарин был назначен губернатором Сибирской губернии, хотя официальное звание губернатора было присвоено ему 6 марта 1711 года. В середине того же года Гагарин выехал в Сибирь.

В числе прочего, Матвей Гагарин представил Петру проект строительства Иртышской линии военных укреплений от Тобольска до Яркенда – джунгарского города у озера Зайсан. Мол, джунгары часто нападают на новые русские поселения, угоняют скот, сжигают посевы хлебов, запасы сена, а то и целые деревни. При этом взимают дань с подданных России – барабинских татар.

Петр, как известно, одобрил сей дерзкий прожект, и с 1713 по 1717 силами сибирских казаков на Иртыше заложили Ямышевскую и Железинскую крепости, а на Оби – Белоярскую крепость и Чаусский острог, на радость местным купцам, чьими силами строился приличный по меркам того времени торговый град Колывань. А недалеко от впадения Чауса в Обь, близ живописного чистого яра, возвели особняк, удивлявший всех размахом заказчика. Современники описывали резиденцию князя так: «Построил себе дворец

неслыханной роскоши, всюду бриллианты, сапфиры, серебрянная посуда, серебрянные подковы у лошадей, потолок – не потолок, а стеклянный аквариум, рыбы там плавают».

– Но ведь князь Гагарин в район Чауса приезжал всего пару раз, да и то буквально на несколько дней. Зачем ему такая роскошь?

– Мы не можем сейчас даже представить, *сколько* у него было денег. Он владел состоянием, сопоставимым с казной всей Российской империи. На него работала вся Сибирь с ее золотом, серебром, пушниной, медью и солью. А также с китайским шелком, с китайским же фарфором и еще черт знает с чем. Для такого человека построить дворец с гигантским аквариумом на диком берегу Оби было раз плюнуть.

– А как содержать его во время отсутствия хозяина?

– Да запросто. На то был управляющий, был дворецкий и плюс куча челяди, которая обслуживала резиденцию с тем учетом, что князь в любой момент мог свалиться как снег на голову и велеть запрягать выезд или устраивать прием в честь кого-нибудь из своих колыванских приятелей... Он же князь, не забывай – это практически тот же принц или герцог. Да еще с кучей денег. Хотя мы и говорим сейчас о диком расслоении между богатыми и бедными, но тогдашнего величия приближенных к императорам великих держав, наш ум просто не в состоянии сегодня вместить...

Монин спрятал книжку и сказал:

– Стена, ушедшая под землю на вашем дачном участке

– остатки этой резиденции. Именно там Гагарин и прятал Золотую бабу. Зачем – теперь трудно сказать с уверенностью. Может, он действительно был великим стяжателем. Может, хотел прославиться как человек, отыскавший подобную вещь. Но из Шатунихи незадолго до своего ареста он увез Золотую бабу на территорию нынешней республики Алтай, а вовсе не Кулунды или – тем более! – Приаралья. Куда сейчас рванули американцы... Не без моей помощи, прошу заметить!

Монин даже захихикал, если не ошибаюсь, впервые на моей памяти. Неприятный он все-таки тип...

– Зачем вы пришли сюда? – спросил я.

– Ну, я же объяснил Татьяне...

– Объясните мне, – сказал я. – Для меня ведь это неизвестно пока что.

Вместо ответа Монин продемонстрировал мне протез своей руки.

– Видите?... Куда я с этой культяпкой... Я, конечно, не настолько слаб здоровьем, как это иногда изображал для Эльвиры, но с одной рукой я Золотую бабу не смогу заполучить...

– Погоди... – сказал я. – Что значит «заполучить»? Вы что же, не на церковь сейчас работаете?

– А вы как думаете? – осклабился Монин. – Меня, как и вас, интересуется только материальная составляющая артефакта. Ратаев хотел прославиться или уж не знаю что сде-

лать – это его право и его проблемы. Покойный Столяров вообще плохо понимал, что делает. Солгулианцы преследуют свои мистические цели. Баранов, конечно, материалист, но он давно с ними, и я думаю, что он уже свихнулся.

– А Эльвира? – спросила Таня.

– С Эльвирой мне не по пути, сами понимаете.

– Почему? – удивился я.

– Э, так вы, похоже, не все еще знаете... – протянул Монин. – Помните Артема Буканцева? Да, того, которого убили в собственной машине?

– Я думаю, что сама Эльвира его и шлепнула, – сказал я. – И Павла, видимо, тоже она.

Монин покачал головой.

– Ничего подобного. Эльвира не занимается уголовщиной. На нее работают уголовники, это правда – вы и сами видели. Работают плохо. Тоже видели. Так вот, Эльвира и Артем – это одна шайка. Вначале Эльвира играла руководящую и направляющую роль при Ратаеве, будучи его женой. У нее ничего не вышло. Это вы тоже знаете. Потом, когда Геннадий исчез, его начали искать. В том числе через нашу организацию. И с помощью Павла, который оказался излишне эмоциональным и неуправляемым. Тоже ничего не вышло.

– Кто же убил Артема и Павла?

– Павла – шайка Гуцула, – уверенно заявил Монин. – Чтобы не успел поделиться информацией с церковью, поскольку его не вовремя начали одолевать муки совести... Но потом

появился ты, – Аркадий обратился в мою сторону. – Пока ты был нужен, то находился в полной безопасности. Потом американцы прикончили Артема и, вполне возможно, собрались повесить его смерть на тебя. Хотя, вероятно, это им и не особенно нужно было. А теперь, после твоего демарша, я даже удивляюсь, почему ты еще жив.

Татьяна сделала движение всем телом, но промолчала.

– Но с другой стороны, наши дела обстоят как нельзя лучше, – продолжил Монин. – И Эльвира, и Баранов направлены по ложному следу, а мы, зная теперь точно, где находится Ратаев, отправимся туда... И Золотая баба будет наша.

Я услышал Татьянин вздох. Да, она действительно *хотела* заниматься этим делом. Рассчитывала ли она на куш? Думала о мирской славе? Или просто заразилась золотой лихорадкой?

– И все-таки, Аркадий, – я решил напомнить о некоторых недосказанных моментах. – Изложите ваш план. Мне по-прежнему не все ясно.

– Завтра утром мы выедем в Горно-Алтайск... Нет, лучше в Бийск. Нам не помешает хотя бы символически расквартироваться. Тоже снимем домик, как и вы здесь... И выедем оттуда в горы, за Чемал... Машина у тебя очень проходимая, мне понравилась...

Похоже, жариться в железном ящике, раскаленном от алтайского солнца в июле, мне придется еще долго, подумал я. Может, и правда, что-то нам посветит, чем черт не шутит...

– Деревень там немного – всего три. Правда, названия «Вранки» мы с Татьяной так и не обнаружили. Но я уверен, что там было либо что-то переименовано, либо «Вранки» – это название неофициальное. Так или иначе, Ратаев находится там. В этом я почти уверен.

– Можно глупый вопрос? – сказал я.

– Да сколько угодно.

– Почему вы все – и вы, и Эльвира, и Баранов – так уверены, что Ратаев сидит где-то в глухом лабазе, держит в зубах Золотую бабу и ждет не дождется, когда к нему придут, чтобы его отобрать? Почему он не попытается сам ее как-то «реализовать» – дурацкое слово в данной ситуации, но другого я не подберу. Почему бы Геннадию не заявить о своей находке, если он настолько «ботаник», что не может распорядиться ей материально? Пусть хотя бы прославится...

Монин сморщился, и показался мне совсем старым.

– Ратаев – фанатик, – глухо и, как мне показалось, без особой охоты, произнес Аркадий.

– От кого же он фанатеет? – спросила Таня.

– После того, как мы все благополучно пережили две тысячи двенадцатый год, никто уже больше не верит в Апокалипсис или конец света по майя или лемурийцам (я даже вздрогнул). Вы знаете о легендах города Бийска?

...Городские легенды... Я не то что бы верил в них, но без особого отторжения воспринимал современные сказки о «ночном народце», обитающем в подземельях Лондона, о

вампирах, терроризирующих окраины Бухареста или о Големе, пугающем прохожих на ночных улицах Праги. Но в более близкие мифологемы по времени и расстоянию верить я не мог. Вроде того троллейбуса из Новосибирска, который управлялся живым мертвецом и поздними вечерами подбирал загулявших горожан... А они потом навсегда исчезали. Впрочем, Бийск – город очень старый. Говорят, даже с катакомбами. Еще петровских времен. Что еще я знаю про Бийск?.. В школьные годы, помню, когда мы учились курить, более старшие и опытные товарищи не рекомендовали покупать папиросы бийской фабрики. Когда-то на въезде в город находилась стела, где советского периода герб, изображающий слияние рек, перед названием города подозрительно напоминал букву «У» Жизнеутверждающий топоним, ничего не скажешь... Вспомнилась еще одна игра слов, уже не такая мрачная, была вынесена в заголовок какого-то скандального материала еще во времена бумажных газет: «Лес Бийский».

– Что в Бийске может быть удивительного?

– Верить в это, конечно, трудно, но есть сведения о том, что место, где построен Бийск, особенное. Чуть ли не средоточие всего земного зла.

– Прямо Черная жемчужина из франшизы про Джека Воробья, – усмехнулась Таня.

Вместо ответа Монин снова вытащил свою пухлую книжку.

– Вот несколько цитат, взятых из разных мест... «Соглас-

но сказаниям алтайских старообрядцев, последняя апокалиптическая битва между силами добра и зла состоится не где-нибудь, а в междуречье Бии и Катуня, издавна захваченном темными силами. Произойдет это, когда Золотая чаша, олицетворяющая добро, вернется, пройдя долгий земной путь, и ее наполнит священная вода...» Дальше... «До похода Ермака в районе слияния Бии и Катуня располагалось святилище древнего идола. Казаки его так и называли «Золотая баба». Сохранились даже документы, что якобы сам Ермак собирался захватить Золотую бабу, но охрана у идола была очень хорошей. Ханские воины успели перепрятать сокровище... И вот еще, просто для информации... «Место рождения Оби или слияния Бии и Катуня считают священным местом, которое, однако, постоянно находится под стражей нечисти. С древнетюркского «Катунь» или, вернее, «Катын» означает «госпожа, хозяйка», а Бия или вернее «Бий» значит «мужчина, хозяин». Слияние мужского и женского начал дает священную воду».

– И Геннадий во все это верил?

– Фанатично и истово. Потому я и уверен, что Золотая баба где-то недалеко от Бийска. И что Ратаев, взявший на себя роль ее хранителя, тоже близко. Либо в самом Бийске, либо там, где ее спрятал Гагарин.

– Логично подумать, что так же рассуждают Эльвира и Баранов.

– Поэтому время тянуть нельзя. Когда они поймут, что мы

их одурачили с Узбекистаном, то помчатся в Бийск...

– Еще такой момент, Аркадий... – сообразил я. – А когда оно состоится? Это апокалиптическое побоище? Дата уже вычислена?

– А вот это, – помедлив, произнес Монин, – знает только Геннадий Ратаев.

* * *

«Средоточие всего мирового зла» таковым не казалось. Бийск выглядел не более демоническим, чем любой другой подобный город – не большой и не совсем уж маленький, довольно старый, но при этом отнюдь не «дряхлый» – если вы понимаете, о чем я. По ухоженным аллеям передвигались славные на вид молодые люди, и даже на окраинах не было видно явных скоплений алкогопников. Зомби по улицам не шлялись, оборотни ночами не завывали, и даже квартира, которую мы сняли, оказалась без привидений. И без крыс. Зато с комарами, которых не брали ни фумигаторы, ни электрические завесы. Поэтому, чтобы по ночам спалось лучше, в алкоголизм начал потихоньку сползать я: мне по-прежнему не очень нравились все эти поиски, я даже не надеялся когда-нибудь увидеть Золотую бабу или хотя бы Геннадия Ратаева – последнего рыцаря Круглого стола... Из-за этого Татьяна и Аркадий чуть ли не хором прочитали мне лекцию о том, что из-за моего демонстративного неверия наши по-

иски так затягиваются...

Аркадий мне был не более приятен, чем любой из череды заинтересованных лиц, прошедших со мной по дороге этих поисков. Бийск мне казался ничем не лучше Славгорода. Более того, я и сейчас был уверен в том, что где-то допущена еще одна ошибка, и «код Гагарина» в очередной раз понят нами неверно...

Князь Матвей Гагарин... Основатель города Омска, строитель Волго-Дона... Губернатор Сибири. Человек странной и трагической судьбы. Один из богатейших людей России, обласканный лично Петром Великим, а затем повешенный им же, будучи обвинен в коррупции, контрабанде, сепаратизме... «Многие историки Сибири давали не только положительную оценку деяниям Матвея Петровича на посту Сибирского губернатора, но и сожалели о несправедливости тех обвинений, которые ему были предъявлены сенатом», – прочел я на одном из многочисленных сайтов, посвященных истории государства Российского. В наши дни не надо отрывать от компьютера, чтобы узнать о том, что приговор Гагарину вынесла сенатская комиссия под председательством не кого иного, как Александра Меншикова, про которого и сам государь-император говаривал: «моя правая рука, верная, да вороватая». И признано уже историками, что Александр Данилович отличался несатытым стяжательством, был замечен в присвоении казённых средств, и что не вступайся за него сам Петр, штрафами светлейший князь вряд ли от-

делался бы. Так что неизвестно, кто был большой вор при дворе российском – сибирский губернатор или же столичный фаворит, чей основной капитал складывался из отнятых под самыми разными предлогами земель да вотчин; да, не брезговал Александр Данилович «отжиманием» у наследников выморочного имущества. А ведь Гагарин был не из бедных, и немало бы нашлось желающих ошипать такого жирного гуся... Впрочем, Меншиков и сам, как известно, кончил плохо.

А как начинал Гагарин?

При губернаторе возросли сборы налогов, набирались рекруты, развивались дипломатические отношения с восточными странами. Гагарин неоднократно посылал Петру I разнообразные подарки: китайский фарфор, ткани, драгоценные камни, более 2000 кедровых деревьев для царского сада, скифское золото. При Гагарине начались раскопки курганов по Западной Сибири. В 1716 и последующем годах губернатор издал приказ о сдаче в казну золотых и серебряных вещей, найденных при раскопках. И тогда же послал царю 96 крупных золотых изделий и 20 мелких золотых вещей общим весом более 22 килограммов из раскопанных курганов. Но сколько килограммов презренного металла прилипло к рукам князя Матвея?

11 января 1719 года Гагарина уволили от должности губернатора с приказом держать его под караулом. В Сибирь был отправлен майор Лихарев с поручением собрать сведе-

ния о злоупотреблениях Гагарина.

Нужен был показательный процесс. По ряду причин лучшей фигуры для такой расправы, нежели князь Матвей, было не найти. Главным мотивом, видимо, стало то, что Гагарин покусился на семью монарха. Супругу Петра, Екатерину, он, по сути, просто купил – регулярными подношениями алмазов, рубинов и прочих драгоценных камней. А попутно князь Матвей «прикупил» и окружение императрицы...

Арест самого Гагарина провели по всем канонам спецопераций: царь попросил его приехать в Москву, чтобы быть одним из судей по делу царевича Алексея. И князя взяли сразу по приезду. Правда, Петр I не рискнул открытым текстом заявить, что карает Гагарина именно за коррупцию – сподвижники этого не поняли бы. Так что список прегрешений князя Матвея состоял из 15 пунктов. Самым страшным было обвинение в государственной измене: князь Гагарин якобы рассчитывал поднять бунт в Сибири, провозгласив ее независимость и объявив себя ее государем.

Но «сепаратизм» шел вторым пунктом – в первую очередь князя Матвея обвинили в угнетении крестьян незаконными поборами и налогами. Были пункты и о незаконных поборах с купцов, присвоении себе товаров и «редкостных вещей».

Одной из таких вещей как раз и была Золотая баба, когда-то утерянная армией Воейкова и найденная годы спустя в Алтайском крае возле нынешнего Белоярска, при строительстве крепости на Оби. Найдена князем Гагариным и

спрятана в Шатунихе, в стене своей резиденции, недалеко от города Н. В промежутке между двумя арестами князь перепрятал великую драгоценность из Шатунихи в горы Алтая, о чем и сделал свою хитрую запись. Но уже не воспользовался ею – был повешен, ибо то ли отказался, то ли не смог назвать местоположение ценнейшей находки...

Комментарий Михаила: Аркадий развернул бурную деятельность по поиску деревни, в которой могли жить выходцы из Западной Европы – не потомки недавних военнопленных или вынужденных переселенцев, а давнишние, приехавшие на Алтай во времена Ермака и сибирских ханов. К этому же занятию путем настойчивых убеждений он «пристроил» и Андрея с Татьяной. Если я правильно понял, они получили разрешение ознакомиться не только с документами местного архива, но и попасть в запасники музея (этим занималась в основном Татьяна). Аркадий и Андрей собирали сведения чуть ли не самыми средневековыми методами – толкаясь на вещевом рынке, а также донимая торговцев знаменитым алтайским медом и другой полезной продукцией. Где именно они смогли вновь услышать название «Вранки», осталось невыясненным. Ясно было одно – название это не вполне официальное, потому что во всех современных документах данный населенный пункт значился как «совхоз Горный», ныне закрытый и обанкроченный. Впрочем, информация была довольно противоречивой: по одним данным, там уже давно не осталось ни одного жите-

ля, в связи с чем были ликвидированы почта и клуб; согласно другим – там совхоз был реорганизован в фермерское хозяйство, только управлялось оно гражданами иностранного государства. Возможно, в центральной части России подобные чудеса немыслимы, но в Восточной Сибири – где-нибудь в Туве или Бурятии – такое случается. А республика Алтай – тоже весьма своеобразный регион, особенно его юг, где, собственно, и обнаружился следы этой деревни. Населенной – обратите внимание – людьми с совершенно не по-русски звучащими фамилиями. Туда и выехали однажды утром Андрей, Татьяна и Аркадий Монин, заразивший моих друзей своей одержимостью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По федеральной трассе М-52, более известной как Чуйский тракт, я уже имел удовольствие путешествовать, когда мы с Татьяной неожиданно решили отдохнуть и врезаться автопробегом до Чемала на моих тогдашних «жигулях». За стеклами теперешней «тойоты» сейчас, как и тогда, мелькали знакомые названия населенных пунктов, перевалов и водопадов: Чике-Таман, Катгу-Ярык, Ширлак, Акташ, Улаган, Балыктуюль... Чем дальше на юг, тем меньше русских слов в топонимике, и тем суровее местное население. Некоторые деревушки республики Алтай мало чем отличаются от нашего (кстати, о топонимике) Турлака: местное мужское население зачастую там делится на три категории: отсидел, скоро сядет или мент позорный... Чем дальше на юг, тем круче горы и хуже дорога. Сам тракт – это вполне достойное шоссе, федеральная трасса как-никак, но выезд в долину ледника Ак-Тру вымотал меня до предела. Татьяна держалась молодцом. Аркадий позеленел, но помалкивал... Навстречу нам раза три попались «лифтованные» внедорожники с торчащими выше крыш шноркелями; экипажи этих машин либо недоуменно глядели на мою «Антилопу», либо восторженно вопили и размахивали руками, высовываясь в окна... а в руках они иной раз держали бутылки и, скорее всего, далеко не

с минералкой. Туристы освоили Горный Алтай практически до самой границы с Монголией, и не факт, что это пошло на пользу его природе: неопрятные кучи мусора вдоль дорог, исписанные корявыми буквами скалы, обвешанные ленточками деревья наобум лазаря... Слышал про одного деятеля, который вырубил в скале камень килограммов на сто с изображенным на нем античным петроглифом и увез восвояси в багажнике своего «лексуса». Власти до сих пор не могут решить, как быть с этим товарищем: то ли взыскать штраф, то ли просто обязать вернуть артефакт туда, где взял. А пока суд да дело, камень тот лежит у мужика в садике перед коттеджем, и ясно, что обратно в горы он вряд ли когда вернется.

Впрочем, на туристов местным еще и молиться надо: кто еще повезет в глушь деньги? Кого еще можно будет по тихой грусти обокрасть или каким-то образом облапошить?

Справедливости ради, агрессивно или мошеннически настроенных алтайцев я так и не встретил, ни в тот раз, ни в этот. Наш автобус не вызывал у местных нехорошего интереса... впрочем, и хорошего тоже. И на том спасибо.

– Судя по навигатору, дорога уже должна была закончиться, – сказала Таня, когда я продирался через торчащие камни очередного перевала и спускался в живописную низину, на дне которой серебрился очередной ручей быстрой воды. Первые ручьи после Ак-Тру мы пересекали с опаской: выходили из машины, мерили глубину импровизированным футштоком, и только после приличествующих шаманских пля-

сок я осторожно направлял «хайса» в поток. Перед четвертым ручьем мы остановились, но из машины выходить не стали. Пятый я преодолел без остановки – ощущение было такое, будто колеса только едва коснулись воды. Зато шестой ручей, на вид самый безобидный, неожиданно оказался быстрее и глубже предыдущих; он едва не снес «тойоту», залил водой моторный отсек. Машина заглохла, когда передние колеса оказались на берегу, и я считал, что нам крупно повезло: все-таки мы сумели покинуть автобус, выпрыгивая на сушу, да и троса хватило, чтобы вытащить машину лебедкой из воды целиком, зацепив конец за растущие поблизости деревья.

Пока залитые моторные узлы сохли на теплом июльском ветерке, Аркадий взмолился об отдыхе. Таня кстати вспомнила, что надо бы поужинать, раз мы решили днем обойтись без обеда. Сказано – сделано. Мы раскочегарили газовую печку и организовали простую, но сравнительно вкусную, трапезу. Под коньячок, прошу отметить. Водителю (то есть, мне) было тоже отмерено граммов сто, поскольку все мы резонно надеялись, что уж сюда точно не заберутся даже самые рьяные инспектора ДПС.

Туристов тоже больше не было видно. Дорога превратилась в малопонятный намек на нее, каждый новый перевал выглядел как копия предыдущего, то же можно сказать и о низинах. Красоты Горного Алтая, конечно, неопишутемы, но чем дальше, тем меньше было новизны в зрительных ощу-

щениях.

– Аркадий, – позвал я, когда мы закончили с трапезой и развалились на пледах, уложенных так, чтобы под ними оказалось поменьше острых камней. Если быть точным, «развалилась» Таня, удобно уложив затылок мне на брюхо. У меня под головой и плечами была всего лишь сумка. Монин просто сел полулежа чуть поодаль, опершись спиной на круглый валун.

– Да, – отозвался он.

– Можно деликатный вопрос?

– Ну, задавай.

– Как ты потерял руку?

Я ощутил, как едва заметно шелохнулось Танино тело. Видимо, ее тоже занимали подробности происшествия, в результате которого Монин стал калекой.

Наверное, евангелист не ожидал такого вопроса. Он озадаченно промолчал.

– Это сложная история, – сказал он сипло после некоторого раздумья. – И я не очень люблю ее вспоминать.

– Но ты связался с церковью из-за этой истории или нет?

– Андрей, это так важно для тебя?

Все было ясно: не лезь с ненужными вопросами и не устраивай примитивных ловушек. Я огорченно закурил, но тут Татьяна, завозившись и надавив головой мне на желудок с ужином, повернулась на бок и спросила:

– А вообще, Аркадий, а чем ты занимался в жизни? Еван-

гелист – это ведь не профессия. Это, скорее, призвание. Потом, про нас с Андреем ты знаешь все. По крайней мере, очень многое. Мы про тебя – почти ничего.

– Я верю в господа нашего Иисуса Христа, – сказал Мотин сухо. – И верю в то, что он направляет меня в моих намерениях.

– Мы знаем о твоих намерениях, – продолжала Таня. – Ты сам о них рассказал. И знаем, что ты рассчитываешь в первую очередь просто пожить, извини за цинизм. Как-то это сообразуется с твоей верой?

– Вполне нормально, – сказал Аркадий. – Слово «пожить» мне не очень нравится. Но еще меньше мне нравятся мои перспективы. Имея только одну руку, я лишен многих возможностей. У меня на самом деле не лучшее в мире здоровье. У меня нет востребованной профессии, а моя работа в церкви при всех ее благих аспектах не дает надежды на спокойную старость. Я не знаю, даст ли бог мне возможность решить хотя бы часть моих проблем... Но если я ничего не буду делать, то ничего не буду иметь. Помните эту притчу про молитвы о выигрыше в лотерею?.. Так вот, я не только молюсь. Я еще и приобретаю лотерейные билеты. Думаю, вы ребята умные и все понимаете. И я не хочу больше возвращаться к этому вопросу.

Очень корректно, довольно ясно и отчасти правдоподобно. Я не успел сформулировать еще один вопрос, который вертелся у меня на языке, и который теперь нельзя было за-

давать просто так, «в лоб», как вдруг послышался шум мощного мотора. Со стороны, где, вероятно, находился пункт нашего назначения, шла большая машина, ревя, словно динозавр в джунглях. Я испытал нечто вроде ощущения deja-vю, когда в низину вывалился древний «ЗИЛ-157», еще в пятидесятые получивший прозвище «трумэн»: нечасто в наши дни встретишь подобный раритет!

Кабина грузовика, крашенная когда-то в радикальный зеленый цвет, сейчас полиняла до рыжеватой грунтовки. Дверь с водительской стороны явно заменили на «неродную» – ярко-желтого цвета с эмблемой «Аэрофлота» – оставшейся неизменной с советских времен, в виде серпа и молота со стилизованными крылышками. Борта кузова, груженного коричневато-серыми дерюжными мешками, определенно не раз подвергались переделкам и укреплениям. Что касается госномера, то «старорежимные» белые цифры и буквы на черном фоне красноречиво говорили о том, что выдан он был в те времена, когда еще никто не думал о разделении страны на федерально-автомобильные «регионы».

Я уже давно поднялся и, когда грузовик приблизился, замахал руками в надежде, что седоки остановятся и дадут нам толковые рекомендации, куда дальше ехать... и есть ли вообще смысл в дальнейшем движении.

«Трумэн» остановился. Со стороны пассажира открылась дверь, и на меня уставилось лицо типично азиатской национальности: черноволосое и узкоглазое. И довольно округлое.

Молодой мужчина, одетый в толстовку и линялые джинсы, куда больше походил на казаха, чем на алтайца.

– Здравствуйте, – обратился я к мужчине, подойдя чуть ближе. – Не подскажите, далеко ли до деревни?

– Здайавствуйта, – послышался ответ в сопровождении подобия улыбки. – Деевена наплав цитыри час ехать.

Нет, это был не казах. Знакомый еще по моим коммерческим вояжам в Маньчжурию акцент выдавал в парне китайца. Водитель, кажется, тоже был из «хунхузов».

– Спасибо, – сказал я и тоже с легкой улыбкой. Но тут китаец вмиг стал серьезным и поинтересовался, какого, собственно, лешего мы забыли в деревне?

Разумеется, сказал он это несколько иными словами, но тон его мне совсем не понравился.

– К друзьям едем, – сердито сказал я. И снова сказал спасибо, уже со значением, типа: разговор окончен.

– В деевене нет ваша дузья, – огорошил меня китаец.

– Как это «нет»? – спросил я тем же тоном. – Если нас приглашали.

Тут заговорил водитель. По-китайски я не понимаю абсолютно ничего, и это вызывало легкую досаду. По крайней мере, в текущий момент.

– Это наша деевена, – перевел пассажир мне. – Не руски. Нет ваша дузья.

Ну что ж, китайская деревня на русской земле – это в наши дни дело обычное...

– Там что – только одна деревня?

– Да, да. Одна, – подтвердил странный житель Поднебесной.

– Как называется? – спросил подошедший Монин.

– Называется? – переспросил китаец, явно включивший «тумблер».

– У деревни какое название? – не сдавался Монин.

Китаец с явной неохотой произнес что-то похожее на «валенки».

Мы с Мониным переглянулись.

– ВрАнки? – с надеждой спросил Монин.

– ВалАнки, – с расстановкой произнес китаец.

– ВрАнки, – сказал я. И покосился на Аркадия – ну что, кажется, нашлась «сонная лощина»?

– Все правильно, – подтвердил Монин китайцу. – Спасибо.

И вернулся к нашему бивуаку, где на пледе сидела Татьяна, с заинтересованным видом наблюдавшая за нашей беседой. Я тоже прекратил разговор и отошел от грузовика.

Китаец с недовольным видом захлопнул дверь кабины, что-то заговорил, обращаясь к водителю. «ЗИЛ» тронулся в направлении Чуйского тракта, и скоро стихли даже малейшие отзвуки воя двигателя.

– Кажется, мы нашли это место, – спокойно сказал Монин.

– Поехали, – сказал я, обращаясь ко всем. – Четыре часа им ехать на этом динозавре, значит, мы долетим меньше, чем

за три.

– Неизвестно, какая дальше дорога, – проворчал Аркадий.

– Сяду за руль? – спросила Таня. – Отдохнуть не желаешь?

– Желаю, – сказал я, бросив ключ Татьяне. Она ловко его поймала и запрыгнула на водительское место. Повернула ключ – двигатель немедленно завелся. Правда, некоторое время «троил», но вскоре заработал нормально, словно и не попадал в воду. Конечно, хвати он воды воздухозаборником и наша экспедиция могла закончиться прямо сейчас... но кто-то словно бы решил, что шоу должно продолжаться.

...Пейзаж изменился – сказывалась близость Чуйской степи. Дорога уже шла не через сплошные утесы и валуны, начали встречаться холмики, покрытые веселой зеленью, издали производящей впечатление нереально мягкого и нежного на ощупь плюша, сквозь который продирались торчащие там и тут голые камни. Глядя на эти красоты, освещаемые заходящим солнцем, я умудрился задремать, а проснулся от того, что Татьяна прибавила скорости. Водит она не слишком уверенно, но зато вполне предсказуемо и спокойно. Ее вполне можно выпускать и на городские улицы, только сама она этого не хочет – уж очень ее раздражают другие участники дорожного движения, ну и пробки – это уж само собой.

– Если здесь не слышали ни о каком Ратаеве, то это будет последнее место, куда я еду в рамках проекта «Золотая баба», – сообщил я, когда из-за гряды скал показалась ажурная конструкция – ветряк с многолопастной крыльчаткой, кото-

рая из-за полного безветрия сейчас не вращалась. Под ветряком располагались несколько маленьких одноэтажных домишек – вот моя деревня...

Мои спутники промолчали. Таня вела машину строго по направлению к деревне, постепенно приближающейся к нам. Затерянный за далекими горами населенный пункт находился в центре круглой долины, окруженной не очень высокими холмами, частью – гладко-зелеными, частью – скалистыми. Да и среди лужаек на склонах там и тут торчали грубые темные наросты. Рядом с деревней синело небольшое озеро, от которого к деревне через явно возделанное поле тянулись нитки арыков – точно так, как это принято в среднеазиатских кишлаках и аулах, жителям которых повезло поселиться рядом с пресным водоемом. Никаких линий электропередач вдоль дороги, по которой мы каким-то образом проехали, не было и в помине, ветряк не шевелился, а это означало, что яркий свет ламп питается здесь от какого-то иного автономного источника – вероятнее всего, от мощной дизельной электростанции. На поле виднелось несколько десятков согнутых человеческих силуэтов.

– Тупиковая ветвь развития цивилизации, – произнес я, понимая, что сейчас нам предстоит знакомство с аборигенами. Среди которых друзей у нас действительно нет, и к тому же, нас тут на самом деле никто не ждет.

Рядом с остатками дороги на двух металлических столбиках висел ржавый щит с указателем:

Совхоз ГОРНЫЙ
Малая Чуйская долина
ВРАНКИ

Я, если честно, уже особо и не верил, что мы найдем эту деревню... Дорога вела вдоль околицы. Мы с Аркадием прилипли к окнам, пытаюсь понять, куда нас черт занес. Вроде бы самые обычные дома-избушки, деревянные штакетники... Какой-то амбар, сооружение, похожее на гараж... Пахло сеном и навозом. Деревня как деревня... Вот только...

– Смотри, тут все по-китайски, – сказала Татьяна, углядев какую-то вывеску над воротами одного из участков. Точно – желтые затейливые иероглифы на красном фоне что-то говорили посвященным, каковыми мы, к сожалению, не являлись.

Слабо наезженная, но довольно ровная дорога уводила влево, к центру населенного пункта. Таня притормозила.

– Поворачиваем? – спросила она.

– Без вариантов, – ответил я.

Мы въехали в промежуток между домами. Пока нам еще не встретился ни один человек. Впрочем, это могло быть вполне объяснимо – жители наверняка заняты сельскохозяйственным трудом... Через минуту, выкатившись в самый центр населенного пункта, мы оказались на деревенской площади. Таня остановила машину.

– Мы точно в Китае, – пробормотал Монин.

Слева от нас находилась сравнительно высокая деревянная двухэтажная постройка с крышей, напоминающей четырехскатную пагоду. Резные перила крыльца были выполнены в виде грубых крашенных в сине-зеленый цвет драконов, разевавших на нас отвратительные деревянные пасти. Над крыльцом едва заметно колыхалось полотнище красного цвета, на котором белыми иероглифами было написано нечто, опять-таки недоступное нашему пониманию. Направо находилось одноэтажное здание, на вид довольно старое и, похоже, сложенное из шлакоблоков – кладка проглядывала сквозь осыпающуюся штукатурку. Над центральной дверью виднелась выщербленная рельефная надпись, представляющая собой слово «клуб», а рядом с ней на застекленном стенде с металлическими буквами «афиша» красовалась реклама чего-то китайского. Возможно, фильма, если тут их еще кому-то показывают. А может, еще чего-нибудь. Возле клубной афиши стоял столб с большим плафоном, а в нем виднелась ртутная лампа, по всей видимости, давно прохудившаяся. Перед пагодой попирал колесами землю сравнительно свежего выпуска «мицубиси-паджеро», а к драконовым перилам прислонился велосипед. Возле двери клуба, колесом почти касаясь его крыльца, стоял обшарпанный мотоцикл «урал» с люлькой.

В доме-пагоде открылась дверь, и наружу вышел седой узкоглазый мужчина в светло-серой рубашке с короткими ру-

кавами и мягких брюках. Он долго и с явным удивлением смотрел на наш экипаж.

– Выйти, поздороваться? – спросила Таня. Мы молчали. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке, примерно как если приходишь в кинозал и обнаруживаешь, что на твоём месте уже сидит человек с точно таким же билетом, что и у тебя. Только он пришел раньше...

Между тем выяснилось, что деревня вовсе не безлюдна. Следом за нами, оказывается, бежали несколько детишек – тоже несомненно китайской внешности. Из дверей клуба вышли двое – молодые, крепкие, коротко стриженные в камуфлированных комбинезонах. Азиатские варианты Курача и Гуцула.

– Оккупанты, – проворчала Таня.

– Ну, одна деревня на район – это не оккупанты, – благодушно сказал я. – Как хотите, а я пошел знакомиться.

– Будь осторожен, – сказали мне Таня и Аркадий, почти хором. Я сдвинул боковую дверь автобуса и вышел на пыльную поверхность деревенской площади. Оценив обстановку, двинулся к пагоде. И тут загалдели детишки. Галдели они по-своему, но в их воплях прослушивались знакомые слова. «Русские», «работа», «картошка»... Черт возьми, кажется, так...

– Добрый вечер, – поздоровался я, ступив на крыльцо и отсчитав ногами семь ступеней, прежде чем оказался на широком дощатом помосте перед входом в здание.

– Добрый вечер, – вполне внятно ответил пожилой.

– Скажите, вы, наверное, тут старший?.. Мы ищем вот этого человека. – Я вынул и показал китайцу фото Геннадия Ратаева.

Азиат, по-моему, даже не взглянул на него.

– Зачем вы сюда приехали? – спросил он совершенно равнодушно и прямо-таки с механической интонацией. – Вас сюда не приглашали.

– Я же сказал: мы ищем человека.

Китаец смотрел куда-то мимо меня, я резко обернулся и увидел, что один из громил в камуфляже приближается к нам, да не один, а в сопровождении маленького человечка неопределенного возраста, вероятнее всего, представителя какой-нибудь алтайской народности. Мужчины тоже преодолели ступеньки крыльца и поднялись к нам.

– Дядя Кота, – звонко вдруг выкрикнул один из китайчат, толпящихся внизу, – они к нам на картошку работать приехали, да?

«Дядя Кота» не обратил на мальчишку никакого внимания. Он подошел ко мне, без видимого удовольствия оглядел мою персону и осведомился:

– Вы кто такие?

От алтайца разило ядерной смесью картофельного самогона и сырого лука.

– Добрый вечер, – не без яда сказал я.

– ЗдрОво, – несколько озадаченно произнес «дядя Ко-

та».

– Мне нужно встретиться с одним человеком, – сказал я. – Он живет в этой деревне.

– Он работает? – спросил алтаец.

– Возможно... Не знаю, – честно ответил я. – Он археолог. «Дядя Кота», кажется, понемногу начал сползать в когнитивный диссонанс.

– Да у нас тут из ваших только те, кто работает... Алкашня в основном. Ну и залетных кто привозит – тоже в основном пьянь всякую.

Я пока тоже ничего не понимал.

Тут заговорил пожилой китаец, обращаясь по-своему к «Дяде Коте». Тот отрицательно замотал головой и выдал седому какую-то фразу. Седой тоже выразил лицом легкое недоумение. Он потерял к нам всякий интерес, величественно повернулся и скрылся в своей «усадебке», бросив последний взгляд на Аркадия, который тоже вылез из машины, бережно придерживая протез.

Походило на то, что мы действительно приперлись сюда ни селу ни городу.

– Чжэн Айлунь – наш хозяин, – объяснил алтаец, – спрашивает, человека, которого вы ищете, кто-то привез сюда? И вообще, вы сами привезли сюда работников? От кого? Если нет, вам тут вообще нечего делать. Ваши сюда не ездят, только людей привозят для работы.

– На сезонные работы, что ли, устраивают?

– Да на какие сезонные, – скривился «дядя Кота». – Тут ведь так заведено: раз привезли, значит – насовсем.

До меня наконец дошло.

– Бомжей, что ли привозят?

– И их тоже...

– Так это типа «совхоз» такой, для людей без документов?.. Знаю про такие...

– Ну, не то что бы «совхоз», – усмехнулся «дядя Кота». – Скорее поместье.

Китайцу в камуфляже тоже стало скучно. Он спустился со ступенек на землю, шугнул детишек и закурил, поглядывая то на нас с алтайцем, то на стоящую посреди площади «тойоту».

В общем, становилось ясно. Мы приехали прямиком в неокрепостнический строй. Этот Чжэн, скорее всего, скупил целиком деревню, возможно, не сразу, а постепенно, как это сейчас заведено. Сначала по дешевке приобрел пустующие дома, которые мало-помалу заселил соотечественниками, которые принялись выносить мозг местным. Затем потряс пачкой денег, и купил дома, заселенные мелкими люмпенами – алкоголиками либо родственниками сидельцев. А остальным жителям предложил либо работать на них, либо убираться к дьяволу. Такие варианты мне тоже были известны. Правда, китайцы таким образом «осваивают» больше Приамурье и Забайкалье, но вот и до Алтая, значит, добрались... Картошечка, лучок... Медок. Вон пчелок-то сколько

вокруг...

– А сами по себе к вам приезжают? – спросил я.

– Это как? – насторожился алтаец.

– Ну так, что не принудительно кого-то привозят, а человек, допустим, сам пришел. Погорелец, к примеру, без документов, которому податься совсем некуда...

– А! Понял. Были такие. Два нарика приползли однажды. Без документов. Завязать решили. Их тут бабы молоком отпаивали. Один все равно сдох от ломки, а второй – ничего, выжил, третий год уже тут работает... Уже и дом строить начал, вообще корни пустил. С китайкой живет – это вообще редкость. Среди местных такого точно не было... Ну они почти все алкаши. Летом им бухать не дают, а зимой они отрываются. Потом, как водится, то один помрет, то другой. А бабы остаются. Весной пополнение привозят. Из тех, кто еще хоть немного на людей похож, бывает, к вдовам местным перебираются. Одна уже шестерых поменяла... – Алтаец противно захихикал.

– А этого здесь не было? – показал я «дяде Коте» все то же фото.

Знает алтаец Геннадия! По крайней мере видел – не сумел с лицом совладать. Но все-таки почему-то решил соврать:

– Нет. Не знаю такого. Не было его у нас... Короче так. Вам тут делать нечего. Здесь китайцы по-своему все держат. Я тут с ментами договариваюсь и с вашими, кто людей привозит. Ты, я смотрю, от этой темы далек, да оно и правильно.

Тут и без тебя есть кому дела мутить. Поэтому будет лучше, если вы сейчас уедете. Тем более с вами девка. Ей тут вообще лучше нос из машины не высовывать.

«Девка», похоже, умирала от любопытства. Китайчата, судя по всему, тоже.

– Ты-то сам из этой деревни? – решил спросить я мужичка под конец. – Наш археолог говорил, эту деревню потомки ссыльных шведов якобы основали. Фамилии европейские за это говорят, понимаешь?

– Да как тебе сказать... – пожал плечами алтаец. – У нас тут до войны, дед говорил, треть деревни носила фамилию Дюгонь. Сейчас из нас, Дюгоней, человек пять всего осталось. Саважи были еще, раньше три семьи Саважей тут жили, сейчас никого нет – померли все. Участкового нашего Даль фамилия, как артиста того – Олег Даль... У него и отец был мент, и дед, наверное, тоже. А так все мы местные, русские... – «Дядя Кота» о чем-то вдруг задумался, потом сказал грустно: – Скоро во Вранках ни одного русского из старожилов не останется, сопьются все, помрут или уедут... Некоторые, правда, возвращаются.

Тут полагающий себя русским «Дядя Кота» по фамилии Дюгонь с внешностью алтайца резко оборвал сам себя и еще раз порекомендовал мне не терять тут времени, ничего не вынюхивать и постараться не задерживаться во Вранках на ночь.

– ...Блин, это ж работорговля какая-то! – возмутилась Та-

тьяна, когда я передал ей рассказ алтайца, и от негодования стукнула кулачком по рулю. – Потом приедем, надо будет про этих китайцев сообщить куда следует. И в блогах написать.

– Да тут наверняка все схвачено, – резонно произнес Аркадий. – Участковый в теме, а кто над ним стоит, тот наверняка с этим Чжэном водку пьет и в баньку ходит. А Дюгонь – так, вынужденный коллаборационист...

Я всегда уважал людей, умевших выговорить это слово без запинок и ошибок. Но не стал комментировать, а обратился к Тане:

– Слушай, давай я сяду за руль, потому что хочу аккуратно проползти между вон теми скалами. Мы спрячем там машину, а ночью я аккуратно схожу на разведку и попытаюсь найти Геннадия.

Таня с готовностью остановила автобус (мы уже отъезжали от деревни), я вышел наружу и собрался было пройти на место водителя; Татьяна тоже выпрыгнула на землю.

В этот момент из-за угла ближайшего дома прямо под колеса кинулись трое – видимо, они прятались впритирку к забору. Невероятно грязные и оборванные с черными руками и рельефными морщинами на небритых лицах – определить возраст было абсолютно невозможно.

– Ребятки, голубчики! – зашамкал один из оборванцев. – Заберите нас с собой, христом-богом молю!

– Китайцы совсем оскотинели, – добавил другой. – Рабо-

тать задарма заставляют и бьют, суки!

– Участковый паспорта у всей деревни забрал якобы на замену еще позатем летом, – пояснил третий. – И все, пиндец: мы тут теперь на своей земле как в чужой тюрьке.

– Давайте, уедем скорее! – довершил серию реплик второй. – И вы мотайте отсюда, пока можете, а то и вас тут припашут так, что мигнуть не успеете...

Знаете, я слегка струхнул от последних слов. Мне уже приходилось работать на вооруженных людей под принуждением и, скажу вам, большего унижения для цивилизованного белого человека трудно придумать... Несколько секунд я колебался, пытаюсь принять хоть какое-то решение, успел только переглянуться с Татьяной и услышать крик Монины: «давайте быстро отсюда, все!», и тут послышался треск мотоциклетного двигателя, и к нам быстро подлетел тот самый «урал» с люлькой. Управлял мотоциклом гражданин Дюгонь, а в люльке сидел камуфлированный китаец. Не успел экипаж затормозить, как китаец, вооруженный длинным хлыстом, выскочил из люльки, и вопя что-то вроде «лабота, суволаць, бегом поле!», принялся лупить этим хлыстом оборванцев почему зря. На нас он даже внимания не обратил.

Я почти насильно затолкнул Татьяну в автобус. «Дядя Кота» подскочил ко мне и с досадой заговорил:

– Я же сказал тебе: не ваше это дело, мотайте отсюда! Зачем было останавливаться?

Не говоря ни слова, я вскочил в кабину и дал газ. Дверь

захлопнулась почти что сама собой. В зеркале заднего вида хорошо было видно, что неприятный алтаец так и стоит на дороге и смотрит нам вслед. Китаец в камуфляже шел следом за тремя оборванцами, которые понуро брели в сторону поля и арыков.

– Черт знает, что тут творится, – выдохнула Таня. – А ведь когда-то наоборот было: китайцы нанимались за еду к европейцам... Их еще почему-то «кули» называли.

– Тяга человечества к рабовладению неискоренима, – проговорил Монин.

Солнце скрылось за горами, и низину быстро заполнили тяжелые чернильные тени. Пока еще хоть что-то можно было разглядеть, я, не включая фар, вел машину вдоль цепи утесов недалеко от дороги. Найдя первое более-менее подходящее ущелье, я остановился, прошел вглубь и, убедившись, насколько это было возможно, что среди скал можно спрятать автобус, осторожно завел машину в укрытие. Сделал я это как нельзя вовремя. Уже через десять минут над нами сгустилась непроглядная тьма, а зажигать фары было нельзя. При свете тусклых фонариков мы обсудили увиденное и попытались решить, каким именно образом мне найти Геннадия, потому что мы все были склонны верить тому, что он прячется в этой деревне... Или его, может быть, удерживают тут насильно.

– В третий раз с этим «дядей» лучше не встречаться, – резонно проговорил Аркадий. – Он заподозрит, что мы либо

шпионим за ним, либо хотим поломать китайцам налаженный бизнес.

– За такой бизнес их бы депортировать без штанов восво-
яси, – мечтательно произнесла Таня.

– Поздно, – проскрипел Монин. – Сама же знаешь: это
теперь в порядке вещей. Кроме того, я считаю, что тут бес-
смысленно что-то ломать. Ну выгонят китайцев. Этих. При-
дут другие. А даже если и не придут, этим выродившимся
потомкам рыцарей и отловленным алкоголикам ты, что ли,
предложишь работу? Ты их будешь кормить? Не будешь ты
этого делать. А если и попытаешься, они же тебя сами и съе-
дят, или поменяют на водку.

– Почему они так много пьют, в этих деревнях? – спросила
Таня и почему-то посмотрела на меня.

– А что им еще делать? – сказал я.

– Ну раньше ведь такого не было.

– Да ладно, «не было»... Было.

– Ну, все равно, не так! – не сдавалась Таня.

– Может, и не так, – поддакнул Монин.

– Ну, пусть не так. Но все равно, пили. Раньше с чем было
сравнивать? Деревенские еще и над нами, городскими, по-
смеивались: вы, типа, в своих муравейниках в дикой тесноте
живете, как дураки тратите по два-три часа, чтобы на рабо-
ту добраться, потом магазины штурмуете, в которых ниче-
го нет. Такая же тоска зеленая, как и в деревне, только без
чистого воздуха. Да и то деревенская молодежь в столицы

убегала – кто через высшее образование, кто еще каким-нибудь способом... Девки через замуж. Но раньше пропаганды красивой жизни не было, да и на самом деле – уровень убогости везде был примерно одинаков. А теперь они видят по телевизору, что в городах все блестит и сверкает, кругом шикарные тачки, девушки с бритыми ножками, клубы ночные с сексом без обязательств и прочий техно-хаус. А в деревне что? Только навоз в коровнике и деревянный туалет на улице в тридцатиградусный мороз и, что самое противное – никаких перспектив к улучшению нет, хоть ты по двадцать часов в день этот навоз ворочай. Кто может, те убегают в город, остальные пьют горькую – потому что родители словно якоря держат или возраст уж не тот... И в итоге вообще всего лишаются. Грустно все это, но довольно логично. Конечно, всем хочется туда, где блеск и разврат – это нормальное и естественное желание любого молодого организма. И не только молодого... И еще скажи мне, что это не так!

– Аскетизм нынче не в почете, – вместо Тани сказал Монин. – Содом и Гоморра как субъект пропаганды, что еще говорить?

– Ты еще план Даллеса вспомни, – сказал я.

– К черту Даллеса, – произнесла Таня. – Надо думать о том, как найти Геннадия... И как это сделать максимально безопасно. Я, наверное, пойду с тобой... Не наверное, а точно.

– Ты с ума сошла, – искренне сказал я. – Тогда мы точно

«спалимся».

Татьяну переубедить трудно. Но можно. Или нет, надо так сказать: Татьяну переубедить можно. Но сделать это очень, очень трудно. Я это смог сделать... Словом, где-то в час ночи после короткого и не очень спокойного сна я был готов к рейду. Вооружился я только универсальными пассатижами (китайского производства), маленьким светодиодным фонариком (того же производства) и зажигалкой (сами уже догадались, да?) И добрым складным ножом, но уже отечественным (вероятно). Все документы, какие у меня были, я оставил на хранение Тане – чем черт не шутит? Попадаться в чьи-нибудь лапы я не собирался, но в случае чего, наличие документов меня вряд ли спасло бы, а лишиться «бумажек», без которых и пешком-то не уйти далеко, не говоря уж о том, чтобы вести машину, мне не хотелось даже теоретически. Из вещей «общего пользования» я прихватил еще пачку сигарет.

– А вдруг тебя схватят? – с тревогой спросила Таня.

Могла бы и промолчать, конечно...

– Ну и что? – спросил я прямо как д'Артаньян. – Вы же вытащите меня, верно?

– Удачи, – сказал Аркадий.

– I'll be back, – процитировал я уже совсем другого персонажа.

Мы с Таней обнялись (как же без этого?), и я без лишних слов ушел в крошечную тьму, ориентируясь только на два

красных огонька на верхушке ветряка, на пять-шесть белых огоньков внизу под ним, да на тихий гул дизеля.

Где тут можно искать человека, который прячется от цивилизации и которого нам не хотят показывать? Вот ведь еще вопрос – а точно ли он здесь? Может, внезапно собрался и уехал куда глаза глядят? А Алтай большой... Хочешь – спрячься в Монголии – там в наши дни границу было бы кому охранять... Хочешь – езжай на Аю и тусуйся с кришнаитами. Никто тебя там среди оголтелых туристов искать не будет... И еще – мы ведь думали об этом не раз – что делать, если Геннадий не будет безумно раз встрече с кем-то из нас и поведет себя как-то иначе, чем это пристало «ботану»? Жизнь-то его слегка обтерла, мало ли, каким он стал сейчас? Как говорится, глупо искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет, но еще глупее искать в такой же комнате ядовитую змею, особенно если она там есть...

Ноги постоянно цеплялись за угловатые камни – словно бы их кто-то специально накидал прямо на моем пути. А может, камни по ночам сами выкапываются из-под земли и ползут по ее поверхности причудливым зигзагом; кто знает, что творится у меня прямо под ногами, когда не видно ни зги, а фонарик включать нельзя ни в коем случае...

На фоне усыпанного звездами ночного неба опора ветряка казалась высотой с хорошую городскую телебашню; сооружение выглядело немного зловещим. Многочисленные угловатые лопасти замерли в ожидании ветра. «Ноги» ветря-

ка, по-инженерному называемые «поясами», были огорожены высоким и плотным забором, правда, заметно покосившимся. Гудение дизеля доносилось из-за этого же забора, но пока я шел к деревне, генератор остановили, и над долиной повисли мертвая тишина и чернильная тьма. Приблизиться к электростанции не было особой необходимости, и я пошел по направлению к полю, где под июльским ночным небом призрачно серебрились наполненные водой арыки.

Со стороны деревни пахло навозом животных... И, возможно, людскими нечистотами. К кромке поля примыкали несколько длинных сооружений, может, коровники. Может, бараки...

До меня донесся собачий брех. Вот черт! Про лучших друзей человека я ведь совсем забыл! Наивно было бы полагать, что китайцы тут обходятся без собак. Имея в соседях практически подневольных батраков, которые вряд ли испытывают к эксплуататорам нежные чувства, наверняка есть необходимость в верноподданных сторожах... Которых в случае чего и на ужин подать можно, если вдруг не окажется вариантов...

Две-три собаки, затеявшие ночной концерт, прекратили гавкать через пару минут, когда одна из них вдруг тихонько взвизгнула и заткнулась – наверное, хозяину надоело слушать бестолковый лай, и он угостил животное тумаком. Над деревней вновь воцарилась тишина. Я осторожно пробрался ближе к постройкам. Справа точно находился коровник.

Слева...

Со стороны длинного дома скрипнула невидимая дверь, и наружу кто-то выволокся. Послышался зевок, надсадный кашель, перешедший в звуки, предательски выдающие серьезный метеоризм. Едва заметный на фоне темной стены силуэт слегка расставил ноги и принялся справлять малую нужду, судя по всему, прямо на тропинке. Еще раз выдал серию разнообразных звуков и отправился обратно в дом. Хлопнула та же дверь, скрывая обитателя барака в недрах жилища.

Нет, как хотите, но я не мог поверить, что образованный человек, аспирант-историк, который мог стать кандидатом наук, будет ночевать в подобном хлеву. Я бы на его месте лучше бы в правое сооружение отправился – к настоящей скотине. Хотя... кто знает, что с людьми в наше время могут делать? Та же «магия» по методу Кроули, наркотики, насилие... Но если так, то окажется ли Геннадий нам полезным после подобной обработки?

И все же – куда тогда идти? Шляться по дворам деревни, рискуя нарваться на крупного волкодава и его узкоглазого (впрочем, разрез глаз тут не главное) хозяина?

Можно было, конечно, пошнырять вокруг «ратуши» с крышей в форме соплеменной пагоды, но это я в любом случае собирался сделать. А пока я думал немного подождать и чего-нибудь все же дожждаться. И дождался.

Из барака выползли сразу двое. Они тоже справили нужду в непосредственной близости от тропинки, ведущей к полю,

затем уселись не то на бревно, не то на низкую лавочку у стены сооружения. Вспыхнула зажженная спичка, один из сидящих с шумом прикурил и затянулся. Натужно закашлялся – ну это уж как водится. Курить надо бросать, – в очередной раз шевельнулась вялая мысль.

– Давай в «цыганка» по две затяжки, – предложил второй.

Первый безмолвно согласился. Пара мужичков за минуту расправилась с сигаретой (а может, вообще с окурком), и один из них сказал с философским спокойствием:

– Хорошо... Но мало.

– Пошли спать, Мороз... Ты-то прохаживал вчера полдня, а я вкалывал как папа Карло за двоих...

– Но зато меня поймали и плетей всыпали, – произнес тот, кого называли Морозом. – Теперь спина и жопа болят, сил нет... Какое спать... Леха-то барнаульский свалил... Так и не поймали, и сам не вернулся... Лафа ему сейчас, наверное...

– Если добрался куда. Может, и лафа. Че зимой-то с ним будет? Ни кола, ни двора, – скептически отозвался Воха. – Сдохнет где-нибудь на теплотрассе... Где бы еще закурить найти?

Тут и решил нарисоваться я.

– Здорово, мужики, – произнес я, выходя из темноты.

Лиц этих мужиков я не видел. Они не видели и моего. Но сразу поняли, что к ним подошел чужак.

– Здоровее видали, – выдал Воха традиционное привет-

ствие.

– Ты чьих будешь? – выпоротый плетью Мороз произнес еще одну бессмертную фразу.

– Своих собственных... – ответил я. – Закурим? – И, не дожидаясь ответа, протянул батракам по сигаретке.

– Ух ты... – почти хором произнесли мужички, выхватили сигареты и зажали их своими наверняка нездоровыми ртами. С треском вспыхнула спичка, освещая обросшие, морщинистые и рано постаревшие физиономии. Воха откусил и выплюнул фильтр. «Так лучше», – сообщил он.

Я прикурил, отвернувшись, потом присел на корточки рядом. Мы курили, одинаково держа сигареты – прятали огоньки в кулаке. Так курят подростки, некоторые уголовники и (подумал я вдруг) плохие разведчики...

– Мороз, это ты хотел сегодня свалить? – спросил я.

– А, так это ты приезжал?... Думал, вы уехали... Да, валить надо отсюда.

– Куда ты свалишь-то? – спросил Воха. – У тебя ж как у Лехи с Барнаула ни черта нет...

– Давно тут? – спросил я.

– Я – третий год, – сказал Воха. – А Мороз еще и двух месяцев не проторчал, а уже валить думает... Того не понимает, что свалит, а все равно рано или поздно поймают и отправят еще куда-нибудь... На урановый рудник, например...

Мы разговорились. Я облегчил пачку еще на пару сигарет, и узнал кое-что об истории этих двух батраков, а по сути –

современных крепостных, если не сказать – рабов.

Воха, он же Владимир, был родом из Красноярского края. Образования – ноль, за плечами только армия и курсы бульдозеристов. Жил в таком поселке, где тоже считалось, что если не сидел, то вроде как школу жизни и не проходил даже. Сидеть не хотелось. Отвечать на вопросы типа «все пьют, почему ты не пьешь?» – тоже. Уехал в Красноярск, устроился на работу, снял жилье, нашел хорошую вахту. Поначалу хорошую. Потом – как водится: хозяин вошел во вкус красивой жизни, стал урезать зарплату, ввел гибкую систему штрафов, сократил период отдыха между вахтами и отменил компенсацию цены билета на проезд к месту работы. Хоть увольняйся. Дома – куча непогашенных кредитов и растущая стоимость аренды. Распробовал спиртное – втянулся. Нашел работу в городе, переехал из квартиры в комнату. Сожительница, как водится, вынесла мозг, назвала неудачником и вынудила расстаться. Потребление алкоголя резко увеличилось. Новый хозяин, будучи человеком прагматичным, набрал на работу таджиков и уволил русских. Владимир, к этому моменту окончательно превратившийся в Воху, даже и не заметил, как запился окончательно, и что у него просто-напросто нет денег. Вообще. Решил вернуться в родной поселок, как это ни было противно и стыдно. Приехал: родители умерли, брат продал дом совершенно незнакомым людям, а сам отхватил срок по пьяному делу. Работы не было. Оказался среди бродяг. После очередной зачистки города от бомжей оч-

нулся, когда его куда-то везли в цельнометаллическом фургоне среди десятка таких же как он, похмельных оборванцев. Привезли сюда, в деревню Вранки. Дали лопату, показали нары и сказали, что будут кормить хорошо. Не соврали. Но ни капли алкоголя (это, видимо, и к лучшему) и никаких денег на руки. Документы давно потерял (а может, украли или отобрали). Перспективы понятны, но лучшего все равно уже не найти.

Мороз был просто Мороз из Омска. Образование – среднее. Техникум электронной промышленности. Армия. После армии – как водится: гулянки, пьянки, девочки. Мучительные воспоминания по утрам: почему разбита морда и ободраны костяшки пальцев? Получил условный срок. Увольнение с работы со стажем три месяца. Даже не за судимость, а просто завод приказал долго жить. С судимостью и без опыта никуда не брали. Собрал все деньги, какие есть, мотанул в Китай. Игрушки и тряпки. Дело пошло. Мучительные воспоминания по утрам: каким образом эта женщина оказалась рядом в постели и вообще, кто она такая? Открыл два киоска. Собрал еще денег, мотанул в Эмираты. Электроника «Кенвуд», «Техникс» и «Пионер». Дело пошло. Мучительных воспоминаний по утрам уже не было – не до того стало, да и женился. Открыл магазин. Собрал еще денег... Тут – очередной кризис, внезапно введенные новые таможенные правила и повышенные налоги. Закрыв магазин. Собрал все деньги, какие есть, мотанул в Японию за авто-

мобилиями. Пока паром с «тойотами» и «хондами» шел по морю, Россия ввела заградительные пошлины. Волосы стали седыми за два дня – тогда его и прозвали «Морозом». Жена, как водится, вынесла мозг, назвала неудачником и подала на развод. Выкручивался с долгами как мог. В итоге получил срок, уже не условный, ладно хоть небольшой. Кличка «Мороз» в зоне пристыла намертво. Вышел с чистой совестью и пустыми карманами. Имущества – никакого. Жилья – никакого. Из опыта работы – только неудачный бизнес. Две судимости. О честной работе не могло быть и речи, разве только за еду. Сколотил бригаду сельскохозяйственных рабочих. Был жестоко «кинут» нанимателем, которому после беседы недолго думая выпустил кишки. Скрылся среди бродяг. При очередной зачистке города от бомжей был «распределен» сюда, во Вранки. Дали лопату, показали нары и сказали, что будут кормить хорошо. Соврали – кормят много, но невкусно и однообразно. Ни капли алкоголя (да и нафиг не надо) и никаких денег на руки. Документов давно никаких нет. Перспективы не устраивают – лучше уж на большую дорогу. Дважды пытался уйти, оба раза ловили, возвращали обратно и пороли. Как минимум трем обитателям деревни придется лишиться кишок, но просто время еще не пришло...

Сидел я рядом на корточках, поддакивал, кивал головой, а про себя думал – это надо же, а ведь я иногда думаю, что это мне не везет в жизни... Тут историй таких вокруг, надо

думать – вагон и маленькая тележка. А я все иногда думаю: куда исчезают «неудачники»? Почему в девяностые от бомжей на вокзалах было не протолкнуться, а сейчас – где они? Меньше их не должно ведь становиться...

– Слушай, Мороз, – сказал я. – Раз твой товарищ хочет тут остаться, пусть остается...

– Да не хочу я... – проскрипел Воха. – Просто везде одно и то же...

– Я понял... Так вот, а тебя, если хочешь, до Маймы я могу увезти. Там уже твое дело, куда дальше.

– До Маймы... Это хорошо. До Барнаула было бы лучше, конечно...

– Мне вряд ли понадобится ехать в Барнаул. До Бийска разве что.

– До Бийска – совсем хорошо. Не задаром же?

Мороз был понимающим человеком.

– Я ищу вот этого человека, – сказал я и протянул мужичкам фото. Чиркнула спичка.

– Первый раз вижу, – разочарованно сказал Мороз.

– Дай-ка... – Воха взял снимок, так и сяк покрутил его, прикрыл согнутыми пальцами аспирантскую бородку...

– Да это же этот... Медитатор...

– Кто? – не понял я.

– Сидит часами медитирует у Чжэна во флигеле. Там он живет уже черт знает сколько... Ну ты же его видел, Морозьяка!

– Не помню, может и видел...

– Только он бороду сбрил, – добавил Воха. – Белобрысый такой, сутулый.

– Давно он здесь? – спросил я. – Как тут оказался?

– По зиме приехал с молодым парнем каким-то. Костя Дюгонь сразу было подлез – куда типа новенького определим – в коровник, наверное? Дак ему Чжэн сказал не лезть не в свое дело. Потом скрылись, что-то перетирали, а после этого вроде как видели – прижился белобрысый у Чжэна. Живет во флигеле, индийские тантры-мантры на майфуне слушает, дрова во дворе рубит. В общем, я так думаю, что он тоже где-то накосячил, и его тут прячут, только он не та птица, чтоб к нам на кильдым отпраплять...

Несмотря на то, что информация шла от словоохотливого Вохи, Мороз вклинился в разговор и напомнил, что я вроде как обещал его увезти с собой подальше от злобных китайцев, которые заставляют убирать навоз, окучивать картошку, а самое главное – дерут плетями.

– Я еще подымусь, – уверенно говорил Мороз. – У меня опять будут деньги, много денег... Я эту деревню танком пройду. С огнеметами.

Что было делать? Опасного типа теперь просто так со счетов не скинуть, а может, он пригодится? Я сказал:

– Пошли, заберем с собой вашего «медитатора». Все вместе и уедем.

– Во как? – слегка даже закручинился Воха. – Прямо сей-

час?

– А что? – спросил Мороз. – Хотя бы и прямо сейчас. Выкурим еще по сигаретке и пойдем.

Решительный мужичок... И расчетливый. Все ж бизнесами занимался. А то, что неудачи были – так это ведь не потому что сглупил, а потому что правила игры поменяли без предупреждения. Как это у нас принято.

Теперь он затеял еще одну игру. И я почему-то посочувствовал китайцам, которым когда-нибудь придется втянуться в нее... Не прошло и получаса, а мы уже тихо шли по тихим неосвященным проулкам. Мороз плохо знал деревню, но представлял примерно, где находится центр. Это знал и я, но вдвоем шагать нам было проще. И быстрее. Воха идти с нами отказался, но я сильно не расстраивался по этому поводу.

«Ратуша» все же была освещена. Над крыльцом висели две тусклых красных лампочки, выхватывая из темноты дверной проем. Ртутный фонарь на столбе действительно не работал, в противном случае я бы увидел его свет еще со стороны нашей стоянки, где прятался мой экипаж. Впрочем, двести двадцать вольт в деревне наверняка были только при ветре или работающем дизеле...

Окна флигеля были черны, как и все другие окна в здешних домах. Ночь была не такой уж темной, да и закончиться она должна уже вот-вот, мне казалось, что с каждой минутой становится все светлее. Надо поторапливаться...

– Смотри, дверь, – шепнул Мороз, показывая пальцем на торец флигеля, выходящий во внутренний дворик «ратуши». – Этот мужик наверняка через нее выходит.

Во дворик через забор (хотя бы и низенький) лезть было боязно – а ну как кинется псина?

– Лезь, – сказал я Морозу.

– А че это я?

– А то, – сказал я. – Если меня слотошат, то ты точно никуда не уедешь. А если слотошат тебя, то в худшем случае просто выпорют еще раз.

Мороз матюкнулся – видно, он понимал, что я прав. Он не стал больше спорить, а сравнительно ловко преодолел препятствие, с шумом подскочил к двери и внятно позвал меня:

– Давай сюда, тут незаперто.

Если бы во дворе была собака, Мороз уже наверняка бы лишился существенной части штанов, а может, и задницы. Но во дворе было тихо. Я последовал за своим стихийным сообщником, и мы через пару секунд пробрались внутрь флигеля. Я рискнул зажечь фонарик.

Комната, в которой мы оказались, была самой что ни на есть обыкновенной комнатой. Свет диода мало что проявлял в этой темноте, но стол, пару стульев и кровать я сумел хорошо разглядеть. На кровати кто-то лежал и сладко похрапывал – и то дело: три часа ночи, как-никак.

Я приблизился к спящему и осветил его физиономию – безбородый блондин, довольно молодой, наверное, это и

есть Гена Ратаев, историк-археолог и Татьянин дальний родственник...

– Гена, – тихо позвал я. – Гена, проснись. Разговор есть.

Блондин всхрипнул и заморгал, попытался заслониться ладонью от света фонарика.

– Кто тут? – спросил он хриплым со сна голосом. – Чего надо?

Поневоле задумаешься, «чего надо»...

– Привет тебе от Тани Черепановой, – сказал я.

– От кого? – не сразу даже и понял лежащий.

– Ты должен знать. Это твоя двоюродная сестра.

– А... Понял... А ты кто такой?

Тоже подумать надо, как ответить на этот простой вопрос.

– Я – тот человек, у которого проблемы из-за твоих научных работ, – сказал я довольно определенно. Вряд ли Ратаев меня не понял.

Несколько секунд он молчал.

– Чего ты хочешь?

– Знать, где спрятан известный тебе артефакт.

Геннадий негромко захихикал. Признаться, не ожидал такой реакции.

– Чего смешного я сказал?

– На самом деле ничего. Просто ты уже далеко не первый, кто задает мне этот вопрос... Ответ будет прежний – не знаю... Кстати, а откуда Танька узнала, что я нахожусь здесь?

– Это не она. Это я узнал.

– Интересно, это как?

– Долго объяснять...

Ситуация становилась идиотской. Я нашел человека, которого искал не только я сам, но и мои «благожелатели», и вот теперь нашел его и не знаю, что делать... Тут еще и Мороз добавил:

– Так, ну ладно. Валить-то надо отсюда.

– Одевайся, – сказал я Геннадию. Я чувствовал странную скуку, если не сказать – легкую депрессию. Я просто не представлял себе, что я делаю и зачем. Словно меня что-то двигало извне.

– С какого это перепугу? Мне и здесь неплохо.

– Что значит с какого? Тут неподалеку Татьяна нас ждет...

Мама твоя с ума сходит, не знает, жив ты или нет.

Я чувствовал, что говорю что-то не то, но что должен был говорить, представлял плохо.

– С матушкой мне встречаться совсем не хочется, – заявил Геннадий. – Она не за меня беспокоится, а из-за себя страдает... Татьяна мне вообще не интересна... Слушай, иди отсюда, а? Я не случайно забрался в эту глушь, потому что вы все мне надоели...

Вместо «мне надоели» этот интеллигентный человек произнес несколько иные слова, произнес без запинки, и не понять их смысл было невозможно. Учитывая, что именно являлось предметом интереса для многих знакомых Геннадия, я его хорошо понимал.

– Помогите нам найти эту штуку, – настаивал я. – Мы уже близко к ней. И знаем, что она где-то рядом.

– Вы ее не найдете. Со мной или без меня – неважно. Ее уже искали здесь... И без толку.

– Кто?

Геннадий уже не лежал. Он сидел на кровати и, по всей видимости, был готов к активным действиям. В случае чего. При свете фонарика мне было видно, что археолог находится в неплохой физической форме – подтянут, жилист и мускулист. Не рохля рыхлая – жизнь в бегах заставила, видимо, напряжиться. Еще немного, и поднимет тревогу. В любом случае – не бить же его по голове, не тащить на себе к автобусу...

– Тебе еще от одного человека привет. От Аркадия Мони-на, – сказал я. Евангелист посоветовал мне назвать его имя и внешность только в том случае, если Геннадий наотрез откажется куда-либо идти со мной.

– Я не знаю такого...

– Высокий, чернявый. Без правой руки. Не знаешь такого?

– Без руки, говоришь?! Вот как? Он сказал, что его так зовут, да?

– Именно...

– Ну, понятно... Значит, он прячется. Знаю я его, конечно.

– А кто он?

– Долго рассказывать... В общем, то, о чем мы с тобой го-

ворим, искали уже давно и безуспешно. Думаю, ты уже и это знаешь. И я это искал, и другие искали... Знаешь, как? Довели вот этого человека до ручки – били его и пытали больше недели, чтобы он дал отрубить себе правую руку. И с помощью этой руки начали поиски – якобы она их вела как навигатор...

– «Рука славы», – пробормотал Мороз. Кажется, ему стало интересно.

– Вроде того, – сказал Геннадий.

– Насколько я слышал, эта штука употребляется для проникновения в помещения. Якобы позволяет открывать двери, делает взломщика невидимым и усыпляет хозяев.

– Точно. А еще ведет себя как лоза при поиске кладов. Только тут есть одна тонкость – руку надо взять у человека, который с ней расстанется добровольно. По-другому, считается, не получится. Правда, тогда у них тоже не получилось...

– Ты знаешь, как звали этих людей?

– Нет, – сказал Геннадий.

Я подумал, что он врет.

– Где ты его встречал, если не секрет?

Геннадий оживился, похоже, личность Монины его сильно интересовала.

– Да в нескольких километрах отсюда... Вместе с Татьяной. Ждет нас с нетерпением...

– Не может быть... Каким образом вы пересеклись? Да и

кто ты такой вообще?

– Слишком много вопросов, – сказал я. – Хочешь узнать, пошли с нами...

Геннадий, кажется, уже был готов сорваться, но что-то еще не давало ему покоя.

– Ладно. Но как твое имя?

– Андрей Маскаев. – Я по-прежнему был настроен говорить правду. До тех пор, пока это мне не вредило.

– А Татьяну ты откуда знаешь?

– Она моя жена, – сказал я. – Уже больше десяти лет.

– Вот как?.. А с Эльвирой ты не знаком, случайно?

Тут нужно было соблюдать осторожность, но я решил ответить как есть:

– Да, знаком, и даже встречался несколько раз...

– Ну, и?

– И ничего. Она не знает, где сейчас я, и что делаю, если ты об этом.

Кажется, Ратаева это устроило.

– А это кто? – Показал он на Мороза, вставая с кровати и протягивая руку к джинсам.

– Это наш проводник, – сказал я, не вдаваясь в подробности.

– Э, нет, – просек ситуацию Ратаев. – Он же из бараков. Пусть идет обратно, зачем он нам?

Вообще-то резонно. По крайней мере, теперь. Я попытался быстро сообразить, как бы отправить «проводника» туда,

откуда он взялся, но сам Мороз считал, что так делать не надо.

– Мы уходим вместе, – сказал он. – Вы решайте свои дела, они меня не касаются. Но до Бийска я еду с вами.

Геннадий промолчал и принялся одеваться. Я тоже решил, что нет смысла развивать эту бесполезную дискуссию. Тем более что вторжение во флигель произошло без лишнего шума, и меня это радовало.

– Как он? – спрашивал Ратаев, одеваясь.

– В каком смысле? – спросил я.

– Ну, что он рассказывает?

– Да ничего. Угрюмый он человек... Да и здоровье не очень.

– Это точно. Тогда ему, конечно, жестоко досталось...

Я поежился, представив себе, что пришлось перенести Монику. Черт, это до какого же состояния надо довести человека, чтобы он сам сказал – хрен с вами, рубите руку!? Будешь тут угрюмым...

– Что ж он сам сюда не пошел?

– Куда ему? Он не доползет сюда ночью. Потом, мы же днем приезжали... А никакой уверенности в том, что мы найдем тебя, у нас не было.

– Да, это в его теперешнем стиле...

Судя по всему, Ратаев неплохо знал нашего угрюмого калеку.

... В предрассветных сумерках навстречу нам вышли две

призрачные фигуры. Алтаец и китаец. Какого черта, интересно, они шляются по деревне в то время, когда все добрые люди должны спать?!

– Эй, это что тут за дела такие? – Константин Дюгонь зажег фонарик и выругался: – Ништо себе компания!

– Костя! – подал голос Геннадий. – Этот человек приехал от моих друзей. Мне надо уйти с ним. Все в порядке.

– Ну ты знаешь, что делаешь, да? Чжэн в курсе?

– Нет, пусть спит. Я ему завтра позвоню.

– Вот тоже на мою голову... – Дюгонь некоторое время светил фонариком мне в лицо, потом сказал: – Ладно, валите оба. Только вот этот... – свет фонаря упал на физиономию Мороза, – останется здесь... Ясно?.. Сам пойдешь или тебе помочь?

Мороз с воем бросился на Дюгоня. Схватил его за горло, повалил, начал душить. Китаец в камуфляже гортанно заорал, кинулся на помощь Константину, принялся отдирать пальцы «батрака» от шеи потомка рыцарей.

Мы с Геннадием решили сохранять нейтралитет. Это была не наша разборка. Помогать Дюгоню было глупо. Морозу – и говорить нечего. И вообще, как мне казалось, события развивались в правильном направлении. Китаец нанес Морозу несколько сокрушительных ударов в область затылка, Мороз отцепился от Дюгоня, извернулся и изо всех сил пнул китайца в пах. Азиат ловко увернулся от коварного ботинка, но пока справлялся с потерей равновесия, Мороз вскочил

и рванул через ближайший забор. Китаец сделал движение, словно намереваясь кинуться за ним, но быстро понял, что это бессмысленно.

Дюгонь, грязно матерясь, поднимался с земли и отряхивал штаны.

– Как чувствовал, что ты мне тут устроишь кордебалет, – прорычал он, обращаясь ко мне.

– Ты же мне соврал, что не знаешь про Геннадия, – пожал я плечами.

– Меня предупреждали, что его могут искать всякие проходимцы, – сказал Дюгонь. – Походу ты все-таки один из них... Слышь, Гена, а ты этому позвонил... Как его... Который тебя сюда привез?

– Нет... Ночь же. Спит, наверное, – растерянно ответил Ратаев.

– Ну ты и ботан, – с чувством произнес Константин. – Звони ему прямо сейчас.

– Так он же с одноруким приехал, – сказал Геннадий.

– Одонолуки? – заговорил вдруг китаец. – Бил чеовек в машине без она лука.

– Ну, вот... – уверенно сказал Геннадий, но за телефоном все же полез.

Обстановка стала накаляться. Я не знал, кому он собирается звонить, и о чем пойдет разговор, но почему-то готов был предположить, что Геннадию скажут ни с кем не ходить, разобраться в моей личности как следует, а лучше всего –

сдать китайцам в утиль.

– Нет сигнала, – разочарованно сказал Ратаев, глядя на дисплей аппарата.

– Тут это бывает, – произнес Дюгонь. – Обычно за пять-семь минут восстанавливается.

Он сумел бросить зерно сомнения в мозг археолога. Геннадий теребил мобильник, и мне трудно было подгонять молодого человека. Моя торопливость могла вызвать еще больше подозрений. Но что было делать?

– Хей! – вдруг воскликнул китаец. И, добавив на своем языке энергичную фразу, показал пальцем в сторону ветряка. «Ноги» опоры снизу были окрашены в оранжево-красный цвет, я почти сразу понял, что там что-то горит.

Но это поняли и остальные. Дюгонь заревел белугой. Из его отрывистых выкриков можно было догадаться: он был уверен, что электростанцию подпалил сбежавший батрак. А что в этом, собственно, удивительного? Еще в пятом классе средней школы нашему поколению внушали, что рабский труд невыгоден, ибо раб всегда вредитель хозяину. Почти в такой же степени, как наемный менеджер по продажам своему работодателю.

– Ну нам-то что с этого? – задал я вопрос, обращаясь к Геннадию. – Пошли? Там твой однорукий товарищ уже беспокоится.

Ратаев колебался, как та прослойка, о которой нам тоже рассказывали в школе. Тем временем у китайца на поясе

ожила рация, он поднял аппарат к уху, о чем-то заговорил. Дюгонь понял, о чем, обратился к камуфляжнику на китайском, а потом и ко мне:

– Пойдемте-ка с нами. Не нравится мне все это.

А тут и у китайца, как выяснилось, не только рация в наличии, но и пистолетик.

Идти куда-либо, кроме стоянки моей машины, мне идти не хотелось, но я сделал вид, что ничего не боюсь.

– Ну, пошли.

И мы быстро двинулись по дорожке, освещаемой фонарями, в сторону пожара. Кое-где из калиток высовывались местные жители – в темноте было трудно различить не только их разрез глаз, но и пол.

Под ветряком действительно горела генераторная. Рядом суеилось несколько человек, в пляшущем свете фонарей было видно – сплошь узкоглазых. Под их ногами валялись опростанные огнетушители. Небольшую толпу осветили фары «паджеро» – к месту происшествия подкатил сам Чжэн. Хозяин на неплохом русском языке высказал все, что думает о Дюгоне, а потом принялся орать по-китайски. Суматоха, в общем, продолжалась, про нас с Геннадием, похоже, забыли... Мы переглянулись и понемногу, шаг за шагом, принялись отходить в темноту, подальше от стихающего пожара. Наступил момент, когда стало возможно развернуться и пойти хорошим прогулочным шагом прочь... И тут раздался голос:

– Эге, про меня-то не забывайте!

Из темноты вышел Мороз: от него ощутимо несло соляркой. Спрашивать, не он ли поджег электростанцию, было глупо, я только сказал:

– Быстро идем с нами!

И меньше чем через минуту мы покинули странную деревню.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Быстро светало. С каждой минутой я все отчетливее мог разглядеть лица моих спутников – напряженные и серьезные.

– Можно теперь попробовать позвонить, – сказал Ратаев. – Чтобы Аркадий был в курсе. Может, они бы подъехали ближе и забрали нас прямо здесь...

– Это было бы очень даже неплохо, – согласился Мороз.

– Ну, если Татьяне только, – сказал я. – Сам посуди, Аркадий-то с одной рукой в любом случае машину не поведет.

– Это конечно, – согласился Геннадий. – А Артем почему не с вами?

– Буканцев? – вспомнил я фамилию странного молодого человека, убийцей которого неуклюже пытались сделать меня. – Не знаю... Так-то он водитель, наверное, опытный. Машина у него зверь, конечно...

– Да, кажется, японская. Черная такая...

Похоже, Геннадий неважно разбирался в автомобилях, если «бэчер» с турбиной для него всего лишь «японская, черная» машина. Ну и ладно. Главное, пока я у него схожу за своего. Потом, конечно, Аркадий расставит необходимые акценты, но это уже будет несущественно. Главное, у меня наконец появился шанс хоть как-то закончить эту глупую и

утомительную эпопею...

– То есть, ты ждал определенного времени? – спросил я.

– Конечно. Я ждал Аркадия и Артема, но они должны были выйти на меня не так скоро. Наверное, что-то случилось. Так-то у нас в запасе еще больше месяца.

«Больше месяца»... До чего?

Сообразительности у меня хватило, чтобы понять – если задам вопрос в лоб, то сразу же выйду у Гены из доверия... Я попытался позвонить Тане, но телефон не ловил сеть по-прежнему.

Между тем над Малой Чуйской долиной рассвело окончательно. Я оглянулся на Вранки. Пожара уже давно не было видно, но из-под ветряка еще стелился шлейф черного дыма.

– Зря оглядываешься – проворчал Геннадий.

– Не думаю, что остолбенею из-за этого, – усмехнулся я. –

Но мне кажется, надо прибавить шагу.

– Мы-то с тобой какое отношение имеем ко всему этому? – спокойно спросил Ратаев. – Мне, конечно, было бы не очень вежливо уходить, даже не попрощавшись с Чжэном, но мне, если уж на то пошло, он не друг и даже не приятель...

– Тем более, – сказал я. – Не тот случай, чтобы комплексовать.

Мы продолжили наш путь к скалам, я время от времени оглядывался, потому что ощущал тревогу всей своей спиной, если так можно выразиться. И ведь не обмануло меня

предчувствие! Раз я обернулся и увидел, как со стороны дымящейся деревни к нам приближается какой-то пылящий по степи предмет. Сердце у меня екнуло. Это ведь тот самый «паджеро» Чжэна!

– Вашу мать! – выругался Мороз, который тоже увидел машину.

– Бежим! – крикнул я и дал ходу, уверенный, что Геннадий тоже перейдет на бег. Что касается Мороза, то он припустил вперед еще раньше, чем я это произнес. Зато странный археолог только заморгал, поглядев сначала в сторону погони (а я не сомневался, что это погоня), а потом на меня. Шагу он, правда, прибавил, но уж как-то не очень охотно. Видимо, он все еще переживал, что не попрощался с барином-китайцем, и не ждал от преследователей большой гадости. В отличие от меня. А весь мой накопленный жизненный опыт говорил за то, что если к тебе на большой скорости приближаются малознакомые или неизвестные личности, то ты их чаще всего интересуешь либо как источник ценностей – денег или информации, либо как объект мести или удовлетворения амбиций. В общем, драпать надо, если к тебе бегут. Захотят пообщаться – в наши дни можно просто позвонить... Кстати, а что, если они дозвонились до друзей Ратаева, и те им сказали: «держите Милославского», то есть, меня?.. Впрочем, наш однорукий евангелист, похоже, на самом деле относится к друзьям Ратаева. По крайней мере, не к врагам. К врагам бы Геннадий вряд ли пошел доброволь-

но... Хотя мог бы и пошустрее шевелить поршнями!

Что касается Мороза, то он убежал далеко вперед, поскольку хорошо понимал, что с ним теперь церемониться не будут – может, даже и убьют.

Я на полсекунды остановился, схватил Геннадия за руку и потащил за собой. Археолог не сопротивлялся, но и не извъялял особого желания быстро бежать. Возможно, он предполагал, что нам все равно не уйти от внедорожника... И, боюсь, он был абсолютно прав.

И в этот момент от близких уже скал отделился другой автомобиль. Моя «тойота»! Микроавтобус, пыля ничуть не хуже джипа, мчался навстречу нам. По-прежнему держа Гену за руку, я ускорил бег. Теперь встреча с преследователями уже не казалась мне неизбежной.

Водитель «паджеро», по всей видимости, решил в свою очередь, что его шансы на встречу с нами падают с невероятной быстротой, и добавил газу по-настоящему. Я уже слышал рычание мощного двигателя, но его быстро перекрыл шум мотора «хайса». В машине, как мне казалось, находился всего один человек – и это была Татьяна, держащая руль!

Через несколько секунд приблизившийся автобус совершил крутой поворот фордевинд, подставив нам левый борт с уже сдвинутой пассажирской дверью. Да, внутри больше никого не было... Один за другим Мороз, я и Гена запрыгнули в салон, я захлопнул дверь, и Татьяна без лишних слов рванула по кочкам и камням к дороге. «Только бы выдержали

колеса!» – мелькнула мысль.

Колеса выдержали. Через минуту мы вырулили на грунтовую дорогу, и Таня повернула влево, к проходу между скал. «Мицубиси», как и следовало ожидать, не отставал. Более того, расстояние между нами слегка уменьшилось.

– Дай я сяду за руль! – крикнул я. – Ты не убежишь от них!

– Убегу! – крикнула упрямыца. – Потом, ты не знаешь, где нам подобрать Аркадия. Не закрывай дверь.

– А почему он не с тобой?

– Он почувствовал себя плохо, чтобы ехать по бездорожью, и согласился собрать вещи и выйти к дороге...

И это было в стиле Аркадия... Я все-таки настоял на том, что пересею на место водителя, когда наш спутник окажется в машине, и Таня, на мое счастье, поняла, что сейчас не тот случай, когда надо тупо стоять на своем... Тошная длинная фигура в черном уже появилась впереди. Монин сильно сутулился под тяжестью рюкзака, лицо его было заматано платком от пыли. Таня не менее лихо, чем минуту назад рядом с нами, притормозила возле Монины, я схватил его за левую руку и втащил в машину. Сам выпрыгнул наружу, подскочил к водительской двери и забрался на сиденье. Татьяна как раз переползала на место пассажира. Мы потеряли не более пяти секунд. Я рванул с места, вспоминая, что машина уже давно нуждается в серьезном уходе. А может, уже и ремонте.

...Позже я думал, правильно ли мы делали, стараясь убе-

жать от преследователей. Даже когда Геннадий сказал «неизвестно, что было бы лучше», я не перестал размышлять об этом.

Поскольку я находился за рулем, то не видел всех нюансов сцены, разыгравшейся в салоне. Многое увидела Татьяна. И она была просто в шоке. Пока я как мог быстро вращал рулем, стараясь проскочить узкий извилистый проход среди скал, Геннадий помахал рукой своей родственнице и принялся разглядывать «евангелиста», которого должен был знать даже лучше, нежели Татьяну. Лицо его вытянулось от изумления. Он явно не мог понять, что за человек сидел рядом с ним в машине. Ратаев переводил взгляд с пластмассового протеза на лицо человека в шляпе, частично прикрытое платком и, кажется, начинал понимать: что-то пошло не так.

– Ты кто? – спросил он.

Поскольку вразумительного ответа не было, Ратаев качнулся к спинке моего сиденья:

– Ты куда меня привел? Кто этот человек? – закричал он, будучи в состоянии, близком к ужасу.

Я пока что ничего не понимал. Мне-то казалось, что все идет как надо, и что я устраиваю встречу Гены и Аркадия по их обоюдному удовольствию... На секунду я вообразил, что у археолога случился некий бзик. Мне было совсем не до его душевных терзаний, я напряженно следил за петляющей и ныряющей дорогой, а также в любой момент ожидал того, что меня вот-вот догонит внедорожник с неведомыми

мне преследователями. Хотя гражданин Дюгонь и гражданин Чжэн вполне могли находиться среди членов экипажа «паджеро».

Мороз тоже ничего не понимал. Но ему, наверное, было плевать на взаимоотношения между Ратаевым и Мониным. Он больше беспокоился о том, чтобы удрать как можно дальше. «Гони, гони, дорогой!» – громко шептал бывший бизнесмен и убийца.

Геннадий, поняв, что мне не до него, кажется, прикинул возможность открыть дверь и выскочить на ходу из машины (что было весьма опрометчиво, принимая во внимание острые камни и скалы по обочинам). Однорукий человек быстро пресек эти поползновения. Уцелевшей рукой он схватил Ратаева за грудки и буквально впечатал его в одно из сидений. Геннадий, изловчившись, сорвал с лица «евангелиста» платок и заорал, окончательно убедившись в том, что его обвели вокруг пальца:

– Ты не Аркадий!!!

Для «евангелиста» это было не открытие. Он еще раз действием показал Геннадию, что надо сидеть спокойно, но археолог не унимался. Ратаев изо всех сил пнул своего соперника в голень, а когда тот, охнув, свалился на пол машины, вновь подскочил к двери и начал ее отодвигать. Лже-Аркадий вскочил и ударил Геннадия наотмашь протезом. Геннадий, который был вовсе не таким уж тюфяком, врезал «евангелисту» сначала с левой, потом с правой и, принимая во

внимание свое физическое преимущество, кажется, вознамерился быстро справиться с тощим калекой.

И тут произошло дикое и странное. Я этот момент пропустил, но Татьяна сказала, что такое зрелище она будет помнить всю жизнь. «Евангелист» поднял протез перед собой, левой рукой высоко закатал правый рукав и начал делать быстрые вращательные движения. Протез раскрылся пополам, словно бы раскололся вертикально. В какой-то момент Таня ожидала увидеть что-нибудь вроде клешни Терминатора, с проводами и плунжерами внутри, но все оказалось куда проще, хотя тоже достаточно шокирующе. Протез вовсе не был таковым – правая рука «евангелиста» пряталась в пластиковом футляре, который плотно облегал совершенно целую и здоровую конечность, выглядевшую абсолютно по-человечески. В этот момент Геннадий понял окончательно, что попался на жесточайший развод. Вдобавок наш загадочный спутник нанес ему весьма ощутимую затрещину, снова усадил в одно из кресел и живо прикрутил археолога к нему капроновым тросом, который очень удачно оказался в салоне автомобиля и уж наверняка неслучайно.

Я между тем продолжал гнать машину – а что мне еще оставалось делать? Как бы ни звали нашего долговязого демона, я хорошо знал, что нас догоняют создания не менее опасные, нежели этот лже-евангелист, пусть даже и со всеми конечностями в наличии.

– Что происходит, объясните мне кто-нибудь?! – жалобно

воскликнула Таня.

– Сукины дети! – зарычал Геннадий. – Таня, ну ты-то какого черта с ними заодно?

Я сделал особенно крутой поворот, Ратаев, наверное, прикусил язык. Татьяна молчала – а сказать ей, видимо, было нечего. Она действительно находилась почти что в шоке.

В зеркале заднего вида по-прежнему хорошо был виден догоняющий меня «паджеро». Несмотря на то, что я выжимал из «хайса» всех лошадей, не слишком уж мощному микроавтобусу, да с пятью людьми на борту, да с каким-никаким, а грузом, вряд ли удалось бы уйти от погони... Врачный человек в черном тоже то и дело поглядывал назад, и он тоже не ожидал ничего хорошего от момента, когда джип нас настигнет. Да и Мороз заметно нервничал.

Нас жестко подкинуло на кочке. Лже-калека ударился головой о потолок автомобиля и выругался. Расстояние между нашими машинами неуклонно сокращалось. Джип, скачущий в клубах пыли, поднятой автобусом, находился уже метрах в семидесяти от заднего борта моей машины. Дорога вела к вершине небольшого перевала, и двигатель натужно выл на подъеме. Джипу было легче. Сколько бы в нем ни сидело человек, а с нагрузкой на мотор «хайса» все равно не сравнить.

Долговязый вновь выругался – он снова проверил свой мобильник и опять убедился, что связи тут нет. Мой соловый теребила Татьяна, но он, похоже, отказал напрочь.

Из всех портативных средств коммуникации работал только прикрепленный к лобовику навигатор, и указывал он лишь на то, что мы движемся по бездорожью, до ближайшей трассы – километров тридцать, а до населенного пункта – еще три раза по столько же. Хотя это враки – до китайской деревни отсюда уже было километров десять... Но толку-то от этой информации!

«Хайс» тем временем добрался до вершины перевала и побежал резвее. Я включил четвертую, довел скорость до семидесяти и воткнул пятую. Дорога, петляющая между зелеными холмами и торчащими в разных местах скалами

стала постепенно уходить под уклон, но качество грунтового покрытия по-прежнему оставляло желать много лучшего. Прыгая козлом, машина неслась все быстрее – стрелка спидометра перешла цифру «100». «Паджеро» не отставал. Если для меня подобная гонка была экстримом на грани возможного, то для водителя джипа – лишь легкой щекоткой ганглиев.

– Почему они не стреляют? – вдруг спросил долговязый.

Я промолчал. Если в конце уклона будет слишком крутой поворот, или глубокая колдобина, стрелять будет вообще ни к чему. Преследователи это наверняка прикидывали... Но мне не хотелось и думать о таком варианте. Я рассчитывал на другой исход, и только поэтому продолжал гнать вперед. Но еще и потому, наверное, что резонно предполагал, ведь если я остановлю машину и добровольно сдамся, после всего мне

вряд ли дадут уйти просто так. И Татьяне достанется опять более чем жестко. Да, черт возьми, мне было очень не по себе. Так что, наверное, я не останавливался еще и потому, что просто тупо тянул время...

Впереди вдруг показался едущий в нашу сторону автомобиль... Разъехаться на этой дороге было весьма сложно, и я стал напряженно вглядываться, намереваясь проскочить рядом с встречной машиной. Это был неуклюжий, но проходимый и крепкий УАЗ темно-синего цвета, в просторечии именуемый «буханкой». Его водитель, кажется, сообразил, что дорогу должен уступить именно он, сошел с трассы и дал мне проехать... По всем законам логики, он должен был пропустить и «паджеро», но, как я убедился чуть позже, глядя по зеркалам, шофер УАЗа вдруг резко вывернул на дорогу, повернул правым бортом к приближающемуся «мицубиси» и остановился, перегородив путь... Не знаю, кто был нашим ангелом-хранителем, но «буханку» принесло нам на выручку как нельзя вовремя.

Полагая, что в разборки на дороге, которые должны неизбежно начаться спустя считанные секунды, мне уж точно вмешиваться нет необходимости, я позволил себе немного расслабиться... Мои пассажиры молчали. Таня и Геннадий плохо понимали, что происходит, а двурукий двурушник-«евангелист» не имел ни малейшего желания ничего никому объяснять. В такой обстановке прошло минут десять или чуть больше, когда дорога стала улучшаться и появились

признаки близкой трассы в виде компактных кучек мусора по обочинам. В этот момент заднее правое колесо не выдержало издержек местной грунтовки и испустило дух. На наше счастье, я двигался уже не слишком быстро, чтобы «хайс», чего доброго, перевернулся на каком-нибудь каменистом выраже. Сбросив газ, я осторожно съехал на обочину, надеясь, что она окажется достаточно плотной и плоской, чтобы без проблем поднять машину домкратом.

– Лошадь ногу подвернула, – сообщил я попутчикам. – Всех прошу покинуть дилижанс. Можно курить, но внимательно следите, чтоб не появились индейцы.

Идиотские слова, но в те минуты думать я уже просто не мог.

Зато Геннадий не потерял ни сообразительности, ни резвости. Когда «Аркадий» вывел его из машины (для чего нашего историка-археолога пришлось развязать), он с разворота засветил хорошим прямым ударом долговязому прямо в нос, и пока тот собирал искры, рванул с места в карьер через колючие кусты куда-то в сторону от дороги. «Монин» в очередной раз злобно выругался и помчался за ним. Мы с Татьяной даже и не подумали двигаться с места. Это было не наше дело.

Так я все еще полагал в тот момент.

Метрах в пяти от дороги послышался шум и треск, несколько приглушенных воплей. Татьяна потребовала сигарету. Это было лучше, нежели бы она потребовала от меня

каких-либо объяснений. Мы молча закурили, и я принялся не спеша вытаскивать из салона запаску. Мороз тоже стрельнул у меня курево; он был спокоен и тоже не видел никакого резона кидаться в погоню по кустам.

В эту секунду из кустов вышли Геннадий и «Монин». Последний держал в руке пистолет, и, видимо, оружие оказалось основным аргументом в споре относительно свободы передвижения... Н-да, таких вывертов я от этого псевдоинвалида вообще не мог ожидать! Сравнительно мирный служащий церкви вмиг превратился в бандита и, надо сказать, эта роль «Аркадию» была очень к лицу.

– Попробуешь еще раз свалить – прострелю колено, – холодно пообещал «евангелист». – Садись сюда и жди. Сейчас водитель поменяет колесо, и поедет дальше.

– Таня! – проникновенно заговорил Геннадий. – Хоть ты мне можешь объяснить, что тут происходит, черт возьми!

Она по-прежнему молчала. Вместо нее заговорил я.

– Ты знаешь, – сказал я Геннадию, крутя ручку домкрат, – я сам вообще ничего не понимаю. Будет лучше, если ты нам расскажешь, какую тему ты замутил. Что за история с вашей дачей, чем ты занимался на своих раскопках, почему ты решил скрыться и почему за тобой охотятся представители разных и очень странных контор?

Ратаев печально взглянул на меня.

– Когда ты рассказал об одноруком человеке, – произнес он, – я был уверен, что ты действительно привез с собой Ар-

кадия. Потому что – ну кто еще мог быть без руки и знать при этом обо мне?

Археолога оборвал «Монин»:

– Помолчи.

Долговязый к чему-то прислушивался. Его тощая сухая фигура вызывала у меня вполне понятные опасения. «Аркадий» был вооружен – а это в любом случае означало агрессию. И то, что он выдавал себя за другого человека, искусно имитируя инвалидность – тоже о чем-то говорило. Неуютно мне было находиться рядом с этим типом, и чем дальше, тем больше.

Стало ясно, к чему он прислушивался. Со стороны деревни послышался шум двигателя, и появился давешний УАЗ, так вовремя заблокировавший дорогу перед преследующим нас «паджеро». Автомобиль остановился рядом с нами... и я уже воспринял как должное появление славной четверки солгулианцев – трех американских и одного нашего. Управлял «буханкой» Виктор Баранов. Не знаю уж, каким именно образом эта компания убедила экипаж «мицубиси» прекратить преследование, но я и от моих старых знакомых не ожидал ничего доброго.

Виктор протянул мне руку первому.

– Грязная, – ответил я.

В любом случае я как раз откручивал лопнувшее колесо – далеко не самая стерильная работа на свете.

Тогда он поздоровался с долговязым, назвав его Валери-

ем. Видно было, что наличие обеих здоровых рук у человека, который ранее притворялся калекой и назывался совершенно другим именем, его нисколько не удивило.

Сестра Кэсси с видом легкого торжества оглядывала присутствующих. Татьяне она подарила добрую улыбку. Таня отвернулась с негодованием, которое наверняка привело Кэсси в восторг... Постояла она и возле меня, но я как раз был очень занят – навешивал запаску.

– Ну что ж, дело сделано, – негромко произнес Виктор. – Теперь мы все в сборе. Садимся, поехали... Ты, – обратился он к Морозу, с ними?

Мороз кивнул с радостным видом.

– Тогда тоже садись в машину...

Мороз подчинился. Следом за ним в «буханку» погрузились Бэрримор и Старлинг. Туда же нацелился и Геннадий, доброжелательно подталкиваемый Валерием.

Кэсси замешкалась.

– Володя, – обратилась она к Баранову. – А что с нашими друзьями делать?

– А ведь верно, – произнес Виктор.

Недолго думая, он потребовал у меня телефон. Недолго думая, я послал его по понятному адресу.

– И что с ним прикажешь делать? – неожиданно для меня растерялся Баранов. Он, наверное, не ожидал от меня – новообращенного члена Ордена подобного неуважения к «мастеру».

– Почему опять я должна думать? – риторически спросила женщина.

– Валер, – негромко крикнул Баранов. – Выходите вместе с Ратаевым. Поедете в «тойоте»... А телефон Андрея возьми себе.

Валерия не нужно было убеждать. Он вышел и напомнил мне, что, в отличие от меня, вооружен. И заявил, что мне все равно звонить будет некому, а чтобы я не навредил никому, в том числе и себе, будет лучше, если на время мобильник побудет у Валерия.

Не скажу, что я умею красиво проигрывать, но телефон, что вполне понятно, мне пришлось отдать. Я постарался оправдать свое малодушие тем, что мобильник, кажется, действительно вышел из строя. Валерий спрятал его в своем кармане, а затем вместе с Геннадием забрался в салон «хайса».

– Таня, залезай ко мне в машину, – сказал затем Баранов.

– Еще чего, – проворчала Таня.

– Залезай, – подтвердил Валерий, высовываясь из двери «хайса». – Не вынуждай применять меры.

Таня подумала и со спокойным видом начала забираться в УАЗ.

– Вот и хорошо, – четко произнесла Кэсси. – Нам есть о чем поговорить.

Сказала она это явно для меня. Посмотрев в мою сторону, она тоже скрылась в салоне «буханки».

– Езжай за мной, – обратился ко мне Виктор.

– Куда ехать? – спросил я. – Далеко?

– Увидишь, – коротко сказал Баранов, залезая за руль УАЗа и заводя двигатель.

Геннадий издал нервный смешок, когда я тронул машину следом за «буханкой», увозящей Татьяну. Валерий молчал.

– Не вижу ничего смешного, – сказал я.

– Да уж... Не ожидал я от моих родственников такой свиньи, – произнес археолог. – Неужели неясно было: если я не желаю выходить на связь ни с кем, значит, у меня есть на этот счет определенные основания? Или вас тоже моя бывшая сумела уговорить?

А кстати, подумал я, Эльвира-то и не приехала встречать своего экс-супруга. Чем же она занята сейчас?

Гадать можно было сколько угодно. Мне не хотелось рассказывать Геннадию о том, каким затейливым лабиринтом обернулось знакомство Татьяны с Эльвирой и моя встреча с американскими эмиссарами.

– Ты лучше скажи мне, почему именно мы оказались обреченными быть здесь и ехать черт знает куда... Я на самом деле думал, что тебя нужно выручать...

– Спасибо, – ядовито произнес археолог. – Во-первых, вы меня уже выручили – вон сам видишь, в какой компании едем. Во-вторых, китайцы нам просто так не оставят этот погром, который вы устроили в их деревне.

Хотел было я высказать, что думаю насчет китайских по-

мещичьих деревень на русской земле, но промолчал. Зато повторил вопрос насчет того, почему наши дороги неожиданно пересеклись – я действительно не мог сложить этот пазл.

– Про нашу дачу я думаю, ты уже все понял, – сказал археолог.

– Мы нашли остатки стены и нишу в ней. А также твои записки.

Геннадий помолчал немного и начал рассказывать.

– Той стене в нашем подвале около трехсот лет, и она является частью давно разрушенного дома, довольно большой усадьбы. Это была приобская резиденция генерал-губернатора Сибири Матвея Гагарина. Того самого, что был повешен Петром I Великим перед зданием коллегий и оставленным висеть в проволочном каркасе, пока из него на мостовую не посыпались кости. Официальная история говорит, что князь Гагарин воровал. Причем с размахом. И зарвался так, что был вынужден предстать пред очи государя-императора и держать нелегкий ответ. Официальная история однако, также говорит, что сибирский генерал-губернатор был совсем не такой уж дурак, чтобы понимать, что воровать, имея своим шефом столь грозного царя – совсем уж неумное занятие... Так вот, я был уверен, что князь Гагарин нашел... эту вещь... и не сумел удержать свою находку в тайне. Я также думаю, что императорские следователи умели убеждать. Не исключено, что князь Гагарин сдался, когда ему по-

казали, как работает челюстная груша или утробная кошка. Вот только царские посланцы вернулись ни с чем – тайник в Шатунихе был пуст. Гагарин перевез свою находку сюда, в Кош-Агач, а заодно и зашифровал ее местонахождение... Кстати, это место я определил весьма условно. Полагаю, что и вы не добрались до него, иначе бы не стали искать меня, верно?

– Заткнись, – проскрипел Валерий.

– И даже не подумаю, – отмахнулся Геннадий.

– И все-таки лучше бы тебе замолчать.

– А что ты мне сделаешь?

– Спрошу, кто из вас теперь будет ключом, – загадочно произнес Валерий.

Не знаю, понял ли его Геннадий, но он замолчал, оставив меня в неведении.

... Дорога между тем вывела нас к Чуйскому тракту. УАЗ выкарабкался на шоссе. Валерий вынул телефон и переговорил, как я понял, с Виктором. Задав несколько вопросов относительно дальнейшего маршрута, убедился, что все идет по плану, и убрал мобильник в карман.

– Дай мне поговорить с Татьяной, – сказал я.

– Зачем?

– Надо. Хочу узнать, что с ней все в порядке.

Валерий несколько секунд думал, стоит ли предоставлять мне подобную возможность, но потом решил, что ничего страшного не произойдет. Он снова вынул свою трубку, по-

звонил Виктору и попросил позвать Таню. Я подумал, что она отказалась поначалу говорить, поскольку Валерий был вынужден уточнить, что вызываю ее я. Потом он протянул мне телефон.

– Танюш, как у тебя дела? – спросил я, держа руль одной рукой.

– Нормально, – безучастным тоном ответила она.

– Точно?

– Да. Абсолютно.

Комментарий Михаила: здесь и далее пропущена цепочка событий. Скорее всего, они не столь существенны. Где-то по дороге произошла встреча с Эльвирой, Курачом и Студентом, которые присоединились к «экспедиции», сделавшей остановку на одной из дальних турбаз на Катунь. Зато группу покинули Дэвид и Кэсси, причем с собой они забрали Татьяну. Андрей ни разу не упомянул про обстоятельства, при которых произошло очередное расставание; новая «потеря лица» – не лучший повод, чтобы описывать подробности того эпизода. Которые – повторяю – не кажутся мне такими уж существенными.

* * *

Место для турбазы «Верх-Чемальская» было выбрано просто ужасно. Для туристов, предпочитающих комфорт – так называемых «матрасников» – оно не предполагало ни

малейшей необходимой для отдыха инфраструктуры: ни тебе поющих под «минусовки» девочек, ни ларьков с пивом и узбекской кухней. Да и находилась она уж очень далеко от основных тусовочных точек. Для тех же, кому нужен экстрим – ну зачем им, скажите, пожалуйста, деревянные летние домики с топчанами, за ночлег в которых нужно платить, и далеко не сто рублей в сутки? Особенно если есть палатка, которую хоть и тащили на себе, но зато бесплатно... Только вот ставить ее в пределах этой турбазы было глупо. Несмотря на близость Катуня и сравнительную живописность скал, здешний пейзаж был не самым привлекательным для Алтая. Спуститься к реке отсюда было невозможно, а в случае дождя вогнутая котловина, где как раз и установили десятка два похожих на ульи домиков, превращалась в хлюпающее болото. Словом, турбаза выглядела доживающей последний сезон, в домике администрации, похожем на миниатюрный замок с башенкой, находились только поддатый сторож и два каких-то подозрительных алтайца, тоже поддатых. За некоторую сумму денег сторож дал нам ключи от двухэтажного ВИП-домика с большим холлом, а еще за некоторую сумму пообещал, что никто из башни нас не побеспокоит, разумеется, кроме случая, если с нами вдруг захочет пообщаться кто-нибудь из внезапно прибывших посторонних лиц.

Итак, наша интернациональная экспедиция состояла сейчас из девяти человек: солгулианцев Виктора, Валерия и Ричарда; криминальной тройцы в составе Эльвиры, Ивана

Курочкина и Игоря по кличке Студент; плюс прибывшегося к нам Мороза, и меня. Ни Кэсси, на Дэвида, ни Татьяны с нами не было по той простой причине, что американцы сейчас караулили мою гражданскую жену где-то в Бийске, по всей видимости, в съемной квартире. Я не ожидал ничего доброго от тесного общения Тани с бывшей проституткой из Киева, ставшей членом более чем одиозной организации, да еще владеющей приемами «сексуальной магии» по методике то ли Алистера Кроули, то ли воспитателя ассасинов...

Сидя на деревянном крыльце, я покуривал и глядел на красиво окрашенные заходящим солнцем верхушки сосен, забравшихся на склоны гор. Тишина нарушалась едва слышным плеском быстрой Катуня, невидимой отсюда, да еще бормотанием солгулианских мафиози, пытавшихся окончательно разобраться с шифром, принудив Гену Ратаева к работе. Меня пока что вежливо отодвинули от дальнейших работ над поиском артефакта, Мороза в тему никто не посвящал, так что мы с ним бездельничали. Вне круга «посвященных» находились и Курач со Студентом – они приглядывали за общей обстановкой на базе, а заодно и за нами с Морозом. На беглого раба у членов Общества были какие-то планы, поэтому ему купили необходимый минимум личных вещей, сводили в баню и переодели в чистую одежду. Ну и к трапезе допустили. Бывшего подневольного это на сегодняшний день вполне устроило, он наслаждался ничегонеделаньем, валяясь на голом матрасе, брошенном на пол тер-

расы – он, в отличие от меня, находился в сравнительно комфортном расположении духа. Мне, конечно, надо было по доброму уже давно находиться где угодно, но только не здесь и не в этой компании... Где, в какой момент я мог выйти из своего шизофренического трипа? В клинике, когда меня Эльвира «откачала» от последствий НЛП? После первой встречи с лже-Аркадием? В Славгороде, когда мы все выжидали неизвестно чего? Нет, это даже тогда было уже поздно. Мне нельзя было вообще связываться ни с американскими мистиками, ни с бандитами Эльвиры... которые в конце концов договорились и составили одну шайку – чего я и опасался. Связанные одной целью непременно будут скованы одной цепью. Что же касается меня – то ведь это не я связался с ними, а они со мной.

Но отвязываться было нельзя. Во-первых, Татьяна. Этого не было сказано вслух, но по прямым намекам господина Баранова было ясно: у них есть хороший способ давления на меня... У меня даже возникла мысль, что «раскодированием» в клинике Эльвира занялась еще и потому, что мне действительно после ночи с Кэсси стало в какой-то момент плевать на Татьяну... а это, в свою очередь, не очень вписывалось в планы уголовников, поскольку, садясь на один крючок, я соскакивал с другого... А у членов Общества и на меня по-прежнему были планы, хотя, казалось бы, я (как это ни противно сознавать) уже давно должен был стать отработанным материалом. К отработанным я бы отнес еще и археоло-

га-историка, который сумел найти след чертовски дорогого и ценного предмета... Видимо, кто-то, прочитав его труды или блоги (которые сейчас были потерты), сложил два и два, и за Ратаевым начался пристальный надзор и все такое. А когда он (пусть даже с помощью отчима) купил дачу, построенную на месте тайной резиденции князя Гагарина, его обложили уже более чем плотно. Гене, как, в общем-то, нормальному человеку, это не сильно понравилось, и он счел за лучшее исчезнуть. Через кого его искать? Коллеги по науке отпали. Мама – тоже. Прочие родственники?.. Почему бы нет? Вон и дачкой они той самой очень кстати теперь владеют, может, есть смысл в ней покопаться, вдруг Ратаев не все там нашел? А пока суд да дело, обрабатываем чету Маскаев-Черепанова. Татьяна все-таки родственница, если Ратаев ее увидит, то, по крайней мере, не сразу поймет, что ее умело использовали. А вот Андрей... К нему, конечно, надо подвести человека, которого Ратаев знал ранее и который, видимо, был ему другом... Особые приметы? Длинный, тощий, однорукий. Зовут Аркадием. Много знает. Не доверяет Эльвире и американцам, открылся Андрею... Который и заявился однажды ночью с приветом от однорукого Аркадия и с требованием срочной встречи... Вот скажи мне, Андрей Маскаев: ты бы «повелся» на такое? Возможно – ведь настолько изощренно была придумана эта история...

На крыльцо вышел Геннадий.

– Не желаешь поучаствовать в дискуссии? – спросил он. –

Мафия вроде пришла к консенсусу, изучив все документы. Твоя расшифровка им вообще показалась адекватной – хвалят тебя. Она, кстати, один в один с моей, так что тебе спасибо, так бы им пришлось из меня информацию вытаскивать. Не думаю, что мне бы это понравилось.

– Тогда зачем ты им вообще понадобился, если так?

– Думаю, что если артефакта вдруг не окажется в указанном месте, нам с тобой придется включать мозги еще раз... Так что без нас они, может и обойдутся, а может, и нет. Впрочем, есть у меня еще одно подозрение, но я надеюсь, что в этот раз обойдется без подобного идиотизма, как в прошлый раз...

– Какой прошлый раз?

– Эта компания уже не впервые пытается заняться поисками... Но тогда обошлось без меня. Пострадал, как я уже говорил, Аркадий Монин. Не Валерий, а тот, который настоящий. И я знаю, как именно он пострадал. Естественно, я был вынужден спрятаться достаточно далеко, чтобы не повторить его судьбу, понимаешь?.. Потому они и затеяли такую комбинацию. Им нужно было найти меня и вытащить меня из Вранков. Дюгонь мне подробно описал этого типа – ну он не совсем, конечно, двойник Аркадия, но ведь он сказал, что у человека нет руки – вот тут я и потерял бдительность. И Танину внешность он достаточно внятно обрисовал... Конечно, это все могло быть действительно хорошо разыгранной комбинацией, но ведь ты рассказал мне все

ключевые моменты и даже назвал имя, которое знал только Аркадий... А это, кстати, плохо. Наверное, Аркадия нет в живых.

Ну да, подумал я, не зря же «Монин» выходил и красовался перед китайцами и Костей Дюгонем, демонстрируя свой «протез». Не знаю точно, кто именно курировал содержание Гены в пагоде китайского барина, но ему действительно могли сообщить, что приезжала компания каких-то странных людей, среди которых был и тощий однорукий верзила...

Так оно и получилось.

– Что с Артемом Буканцевым? – спросил Геннадий. Что ж, он имел право спросить это.

И я рассказал то, что знал о его трагической судьбе. Конечно, свою неприглядную роль я попытался существенно умалить, что потребовало некоторых усилий для приглушения писка последних остатков совести.

– Ну, что ж, еще раз спасибо тебе, родственник, – беззлобно сказал Геннадий. – Завтра или послезавтра величайшее сокровище христианского мира попадет в руки американских иллюминатов, и никому неизвестно, чем это все закончится...

– При чем тут христианский мир? – не понял я. – Мы же имеем дело с идолом язычников... Хотя мне и ее жалко... Увезут теперь Золотую бабу за океан, да?

– Золотую бабу? – повторил Геннадий без эмоций.

– Золотую бабу. Культовый объект древних сибиряков и

уральцев. Так мне объяснял Аркадий... Валерий. Я читал твои работы, потом, Павел Столяров тоже намекал на это. Да я и сам понимаю, что такое Золотая баба... Или... Погоди. Они разве что-то другое ищут?

– Черт возьми! Так ты, выходит, так до сих пор и не понял, с ЧЕМ именно все мы тут имеем дело? Хотя да, Золотой бабой ЭТО тоже называют.

– Что «это»?

– А ты думал, из-за простого куска золота этот американский «институт» будет затевать настолько сложную и многоходовую комбинацию?

– Ну это же не простой кусок золота?

Геннадий посмотрел на меня, потом вздохнул и легко махнул рукой:

– А, теперь уже все равно. Все равно ты бы это рано или поздно узнал.

– О чем именно? Или о ком?

И Геннадий объяснил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Комментарий Михаила: Геннадий Ратаев, скорее всего, изложил Андрею содержание своих материалов, которые не дошли до публикации, но зато попали мне в руки. В свою очередь, попробую изложить их вкратце.

Чтобы понять, с чем мы имеем дело, для начала еще раз можно немного вспомнить о тех, про кого с легкой руки Голливуда и американских издательств сегодня узнали все домохозяйки и менеджеры в мире – о тамплиерах. Церковно-военный орден тамплиеров, или же «храмовников», или же Рыцарей Христа и Храма Соломона, был, основан в 1119 году в Палестине небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Орден очень быстро разбогател, заняв обширные земельные владения как в созданных крестоносцами государствах на территории Ближнего Востока, так и державах Европы. Папа римский наделил Орден широкими церковными и юридическими привилегиями, и монархи, на землях которых проживали тамплиеры, были вынуждены сильно уважать рыцарей. Тем более что орден выполнял в этих государствах функции финансовых министерств.

Орден активно вел строительные работы. И на Востоке, и на Западе рыцари строили дороги, храмы, замки и всякую

фортификацию. А также занимались поисками сокровищ на мусульманских территориях и, естественно, их принудительным изъятием.

Именно тамплиеры, почти сразу после основания ордена (а может быть, даже и до!), нашли то, что получило название «Святой Грааль» – по легенде, это – хрустальный, золотой, а может и деревянный кубок, в который была собрана кровь распятого Иисуса... Кстати, мне понравилась трактовка Спилберга. Имею в виду тот эпизод, когда главный герой из всех представленных роскошных кубков выбирает скромную деревянную чашу работы плотника. Конечно, чем в действительности является Святой Грааль, сегодня не знает никто. Возможно, он вовсе никогда не содержал кровь Иисуса. Возможно, он вообще не был хрустальным, золотым или деревянным, да и вообще кубком, и каким бы то ни было другим сосудом. Есть распространенная с подачи опять-таки Голливуда гипотеза, что Грааль – это человек, а точнее – женищина, а еще точнее – Мария Магдалина, но это не более чем догадки, причем уже современных как бы «исследователей». Лучшие все-таки исходить из того, что Грааль – предмет неодушевленный. Во всяком случае, не живое млекопитающее. И тамплиеры хранили Грааль в замке Моссельвас, расположенном на семи холмах – в том самом замке, о котором упоминал Геннадий в своей монографии... И надо сказать, его теория показалась правдоподобной не только мне, но и моему руководству в Москве.

Излишне, надо сказать, правдоподобной.

А потом в один далеко не прекрасный день «безбожные Москву пожгоша и воеводу Филиппа Няньку убиша». Того Филиппа из Нанси, который был назначен хранителем величайшей ценности тамплиеров, вывезенной ими из Западной Европы в надежде, что в «Моссельвасе» она будет сохраннее. По крайней мере, об этом говорится в летописях. Но храмовники жестоко просчитались. Сберегаемая в Москве христианская святыня досталась завоевателю Руси Батью. Святой Грааль попал в руки басурман, и следы его затерялись на огромных степных территориях к юго-востоку от русских княжеств. Кто-то из историков высказал подозрение, что храмовники были репрессированы папой римским Климентом V в числе прочего и за утерю Грааля. Хотя это и не афишировалось.

Ну, а потом пришедшие в Москву на место храмовников розенкрейцеры взялись за дело более чем основательно. Они «инвестировали» немало тамплиерских денег в развитие Москвы, имея при этом определенный гешифт, но одна из их ключевых целей – это, конечно, поиски Грааля. Спустя несколько лет после прибытия восемнадцати галер из Франции московская община собрала отряд пилигримов по меньшей мере в тысячу пятьсот человек (а это очень много для тех времен), который двинулся на юго-восток.

Как писал в свое время Эдвард Уайт, посвятивший свою жизнь изучению феномена Грааля, «розенкрейцеры удали-

лись в Азию». Как ни странно, эта его «Азия» по описанию удивительно напоминала Крым, а именно – местечко под названием Эски-Кермен.

В Крыму совсем недавно тоже искали Грааль. В двадцатые годы прошлого века по этой теме там работала группа сотрудников секретного отдела НКВД во главе с Александром Барченко, считавшимся (неофициально, естественно) едва ли не единственным советским специалистом в области оккультных наук. Барченко не суждено было найти Грааль, потому что Золотая Колыбель давно покинула пределы Крыма (если вообще была там) – я в этом уверен. Барченко расстреляли в тридцать восьмом. По причине той неудачи, или по какой-то иной, сейчас сказать невозможно. Хотя, есть сведения, к сожалению, ничем не подтвержденные, что если бы ему дали возможность поисков в Сибири, то они могли бы стать более успешными.

Во время Великой отечественной за поиски Святой Чаши в Крыму взялись оккупанты. Руководил поисками группенфюрер СС Отто Олендорф, глава группы «Рыцарей Грааля» – личного детища Генриха Гиммлера, несомненного и – я бы сказал – махровейшего, иллюмината. Археологи-нацисты прочесали все катакомбы и мечети, пещеры и мавзолеи, руины и мазары. Христианские храмы они, естественно, тоже проверяли. После таких «проверок», как правило, оставались только груды камней. Но Олендорф тоже потерпел фиаско. В отличие от Барченко, он получил иную на-

граду – Железный крест. Для генерала – не бог весть какая регалия. В какой-то мере даже оскорбительная. Железными крестами обычно награждали простых солдат.

После войны Отто Олендорф попал в руки американцев. Нюрнбергский трибунал приговорил эсэсовца к повешению, как виновника гибели тысяч евреев на оккупированных территориях. Но с исполнением приговора произошла странная заминка. Если других истребителей евреев в конце сороковых вешали одного за другим, то с Олендорфом тянули по меньшей мере четыре года. И то, нет никаких сомнений, что казнь, последовавшая в пятьдесят первом, была фиктивной. Я видел фото этого человека, каким он был в сороковых, и его же снимок в конце шестидесятых, когда он стал известен под именем Юджин Смокфилд. Первый президент «Общества солгулианского знания», по-английски – СССР. Американские эмиссары, приехавшие сюда в поисках Грааля, конечно, не имели никакого отношения к некоторым убеждениям основателя их общества. Дэвид Старлинг, например, будучи типичным американским евреем, не мог быть нацистом по определению. Но то, что эти люди были фанатично уверены в своем мистическом предназначении – в этом нет никакого сомнения. Кроме всего прочего, они – иллюминаты, даже если никогда и не произносили это слово ни вслух, ни про себя. Вот в этом они схожи с «Рыцарем Грааля» Олендорфом и его зловещим шефом.

Вернемся опять в далекое прошлое. В 1579 дружина ка-

заков (более 540 человек), под начальством Ермака Тимофеевича и других казачьих атаманов, была приглашена уральскими купцами Строгановыми для защиты от набегов со стороны сибирского хана Кизима или Касима – так исторически звучит точнее; Кучум – это русское народное искажение. История жесткого противостояния Ермака и Кучума известна хорошо... По крайней мере, ее официальная версия. Останавливаться на ней не было бы никакого смысла, если бы не ряд некоторых фактов.

В дружины Ермака вливались «самые широкие слои населения». Языковой, этнический и расовый состав разношерстного воинства был чрезвычайно многоцветным. У Геннадия Ратаева есть сведения (которые тоже не дошли до публикации, поскольку были объявлены вздорными) что среди многочисленных «татар» встречались узбеки, якуты и китайцы, а среди многочисленных «немцев» – литовцы, шведы и поляки. А также странные «франки» или «вранки», уже в те годы внешне больше похожие не на европейцев, а на татар, чьи предки пришли на Урал с берегов реки Ахтубы. Той самой реки, на которой сравнительно недавно располагалась столица Золотой Орды – город Сарай-Бату... Дворец Батыея.

Каким образом в названии этого малочисленного племени сменилась первая буква, неясно. Единственно, не надо забывать, что буква и звук «Ф» никогда не были на Руси в почете, как чисто иноземные. Еще возможно, наследники рыцарей,

чья кровь давно перемешалась с кровью ордынских язычников, вообще забыли язык отцов, но потомки «франков» задачу свою помнили. Этому не помешали стычки сибирских и среднеазиатских ханов во времена «Великой замятни», в результате которых похищенная из Москвы святыня покинула Сарай-Бату и была увезена предшественниками Кучума в совсем уж глухие места. На реку Обь. Ну, а за татарами неотступно шли и потомки пилигримов.

«Вранки» принимали самое активное участие в битвах за Сибирь, которые не прекращались и после гибели Ермака в августе 1585 года. Спустя тринадцать лет по указу царя Бориса Годунова было собрано войско числом примерно в тысячу человек, которое возглавил генерал Андрей Воейков. В отряде Воейкова находились соратники погибшего Ермака, в том числе и те самые «вранки». 20 августа Воейков атаковал укрепленный ханский стан у места впадения реки Ирмень в Обь, в котором находилось около пятисот ханских воинов. В результате череды атак стан был взят приступом, часть войска Кучума была перебита, часть – сброшена в Обь. В плен взяли младших сыновей хана (старшие погибли), жен из его гарема, нескольких приближенных особ, и полторы сотни воинов. В этом сражении русским воинам досталось практически все состояние злополучного хана. Сам Кучум превратился, как стали говорить позже, в политический труп, а вскоре и в обычный. Сибирское ханство прекратило свое существование.

Что произошло при дележе трофеев, о том история умалчивает. Ничего похожего на великую святыню Воейков с собой в Москву не привез, а о «вранках» больше никогда и никто не видел и не слышал... Единственная память об этом племени сохранилась в названии деревни Вранки. Название деревни имеет прямое отношение к тем, кто изымал сокровища тамплиеров и помогал Ермаку продвигаться в Сибирь... На кого их потомки стали похожи сейчас – члены «экспедиции» видели воочию. Алтаец по фамилии Дюгонь, видимо, еще из сравнительно благополучных.

Есть сведения, что последний раз святыню якобы видели в тридцатых годах в тайном святилище потомков татарских ханов в Ордынском, недалеко от места последнего сражения за Сибирь с Кучумом. По другой информации, более правдоподобной, Святой Грааль добрался до Горного Алтая. Ратаев более склонялся ко второму варианту, и потому не просто так скрывался именно здесь, недалеко от Кош-Агача, куда сокровища и переместила экспедиция князя Гагарина, над чьей головой уже сгустились страшные тучи. Занятно, что, описывая район поисков, Маскаев то и дело, намеренно или нет – неясно, путается в географических названиях, о реках ли идет речь, или же о населенных пунктах. За исключением, может быть, только города Бийска.

– ...Район слияния Бии и Катуня – это место, которое было определено рыцарями Храма как предстоящий Армагед-

дон. Символ всех символов мира, главное сокровище человеческой цивилизации, должен быть доставлен сюда, в самое Сердце страны Розы.

... Голова у меня, и без того, очумевшая от череды последних событий, окончательно пошла кругом. К спящему в Оби Ктулху и барабинской фабрике Абсолюта добавился еще и крестовый поход на Алтай. Мне захотелось хихикнуть, но я сдержался. А еще мне очень захотелось домой.

– Послушай, – сказал я. – А кто первым сообразил, что Золотая баба – это и есть Святой Грааль?

– Все тот же Матвей Меховский, – сказал Ратаев. – Но он только намекал. Он и так слишком часто балансировал на грани ереси, чтобы излагать свои выводы прямо. Но, описывая Золотую бабу, он никогда не говорил о ней как об идоле русских или коми-пермяцких народов, и называл ее «Siberian Pharaoh». В те годы польского ученого, в числе прочего, осмелившегося посягнуть на авторитет Птолемея как непогрешимого картографа, критиковали многие европейские исследователи, которые тоже составляли карты территории нынешней России, и были вынуждены раз за разом убеждаться в правоте поляка. Они также наносили на свои работы слова «Aureus Mulier», сопровождая их символическим изображением цветка розы. Такие карты составляли специалисты, руководимые Франческо да Колло, дипломатом австрийского двора, которому было дано недвусмысленное поручение опровергать выводы Меховского. Как извест-

но, да Колло со своим заданием не справился по причинам совершенно объективным.

– А про Крым откуда информация?

Геннадий вынул свой смартфон, нашел в нем текст и процитировал его мне:

– «В преддверии XIII века в христианской Европе исчезли вообще все упоминания о Святом Граале, и Священную Чашу многие посчитали утерянной для грешного человечества. Зато именно тогда, хотя бы и ненадолго, изображения золотой чаши стали появляться на фресках татарских храмов. Эту чашу обычно изображали на коленях женщины, часто еще и держащей на руках младенца. Сама чаша иногда выглядела не столько чашей, сколько чем-то вроде переносной люльки.

В легендах крымских татар Золотая Колыбель хранится в горной пещере и жители каждого региона полуострова считали, что Золотая Колыбель находится именно у них, в их священной горе. У волжских и сибирских татар тоже найдется немало подобных быличек».

– Это тоже из твоих трудов? – поинтересовался я.

– Нет. Это цитата из открытого источника, который еще в Советском Союзе издавался огромными тиражами. Только его никто не читал...

Наш кортеж остановился на въезде в долину.

– Этого еще не хватало, – проворчал Баранов.

Цивилизация дотянула свои жадные щупальца и до этих

мест, по всем признакам, еще год-два тому назад глухих и безлюдных. Теперь едва заметные следы колес были перегорожены стальным сетчатым забором, который огораживал приличных размеров полигон. Запертые ворота были увешаны табличками с грозными предостережениями: «Запретная зона», «Въезд по пропускам», а рядом с ними висел информационный щит, оповещающий, что «Ландшафтные работы ведет строительное управление №24 Республики Алтай».

На запретной территории находился жилой вагончик, несколько единиц дорожной техники, самосвал МАЗ на спущенных скатах... Людей тут видно не было. Но если их не видно, это не значит, что их тут нет.

– Что это все значит? – озадаченно спросила Эльвира, когда наш кортеж остановился, и все участники крестового похода вылезли наружу из обеих машин.

Вопрос, судя по всему, был адресован Геннадию. Но Геннадий ничего не говорил. Рядом с ним, зацепившись своим плечом за его плечо, демонстративно прошелся Курач, которому на этом промежутке дороги было доверено вести УАЗ. Он громко хрустел сжимаемыми в кулаки пальцами – здорово засиделся, ему, наверное, очень хотелось заехать кому-нибудь в физиономию... Почему бы не Ратаеву? – неприязнь тупого человека к образованному была видна, что называется, невооруженным глазом.

– Если я правильно понимаю, за этой горой течет Башкаус? – слышался чей-то голос.

Я повернулся в сторону говорящего. Это был Мороз, прикуривающий сигаретку. Чистый, гладко выбритый, в веселой рубашке с короткими рукавами, он уже совсем не походил на того голодного бомжа-раба, с которым я встретился в деревне Вранки буквально пару дней назад.

– Ну конечно. Карту никто не отменял, навигатор не обманешь, – заявил Курач.

– Год назад я читал о том, что на Башкаусе начинают строить очередную ГЭС, – сказал Мороз. – Чебдарскую ГЭС. Плотина должна будет перегородить Башкаус у перевала Чебдар... а это как раз то место, где мы находимся...

– Угробят Горный Алтай скоро, – произнес Студент достаточно равнодушно. – Это значит, зальет долину Большого Улагана?

– Видимо, да, – наконец подал голос Геннадий.

Виктор переглянулся с Эльвирой.

– Но нам надо туда, наверх... – Баранов показал пальцем в грубую шкуру горы, возвышающейся сразу за дальним пролетом стального периметра.

– Ехать туда невозможно, – сказал я.

– Значит, мы пойдем пешком, – был дан ответ.

Автомобили мы отогнали немного в сторону от дороги, насколько это было возможно в данном месте. Между стальным забором и скалистыми стенами было порядочно свободного места – у въезда в долину оно было метра три-четыре... В дальнейшем оно сужалось до расстояния, едва доста-

точного для того, чтобы мог протиснуться один человек... Ощущение фатальной неизбежности чего-то такого, чему я не мог найти названия, не отпускало меня ни на минуту, пока мы проталкивались между стальным забором и каменной стеной, пока карабкались по крутой тропе к гребню и когда, наконец, добрались до плоской вершины, откуда хорошо была видна расстилающаяся под нами долина Большого Улагана.

– То, что мы ищем, находится на этом склоне, – показал рукой вниз Баранов.

Склон довольно круто спускающейся к долине гряды был чертовски велик по площади. Я бы сказал – огромен. И испещрен многочисленными трещинами и зловещими дырами, в которых наверняка гнездились какие-нибудь твари.

– Да здесь пяти лет не хватит, чтобы все обойти, – проворчал Студент. – Где там искать вашу «ослиную голову»?

– Это верно, – согласился Баранов. – Но мы не будем обшаривать каждый квадратный метр. Есть, говорят, способ выйти на нужное место в течение нескольких часов...

– Ваши предшественники мучили Аркадия в течение пяти или шести дней, – тихо сказал Геннадий. – Пока он не согласился, чтобы ему отрезали руку.

– Да, я знаю про «руку славы», – сказал Мороз. – Ты еще в деревне про это намекал.

– Вот тут примерно то же самое. Группа мистиков и мракобесов провела ритуал по методу, предложенному Алисте-

ром Кроули, если не ошибаюсь... В средние века считалось, что «рука славы» – это отрезанная и подготовленная потом с помощью особых магических действий правая рука повешенного убийцы. Убийца при этом должен быть повешенным. Руку ему отрезали предпочтительно прямо на виселице, выпускали из нее кровь, высушивали и пропитывали воском, а в пальцы продергивали фитили. Считалось, что горящие свечи или пальцы имели силу замораживать людей на ходу и лишать их дара речи. Или не давать проснуться. Словом, своего рода воровской инструмент.

– А в нашем случае? Зачем это все было нужно?

– Если рука принадлежит человеку, который расстался с ней добровольно, то конечность обладает якобы расширенным набором свойств. «Прокачанная» такая рука, в общем. И она не просто помогает вора́м усыплять хозяев имущества, а сама ищет спрятанные ценности. Указывает на них каким-то образом.

– Да неужели? – продолжал спрашивать Мороз. – И это помогло?

– Как видишь, конечно, нет. Это все вздор и средневековое невежество.

– Ну, естественно, – произнес Баранов. – Хотя бы уже потому, что поиски проводили уж очень далеко от реального места нахождения...

Я заметил, что никто из участников «крестового похода» так ни разу не произнес слов «Святой Грааль». Боялись го-

ворить о нем прямо?

– Аркадия сделали инвалидом твои друзья, – сказал Геннадий Баранову. – Такие как ты, и из вашего же сообщества.

– О чем это он? – спросил вдруг Бэрримор.

Ратаев не удосужился объяснить. Вместо этого он спросил:

– Ну так каким образом вы намерены отыскать Грааль здесь?

Слово было произнесено. Вначале было слово и слово было два байта. Всего лишь единица информации, в отрыве от любого массива не имеющая никакого значения. Но и сейчас ничего не произошло. Не снизошел с небес громовой голос, не качнулась земля, и не хлынул из скал поток воды.

– Через две недели, – произнес Виктор, – ты сам его достанешь и вынесешь.

– Это зачем? С какой целью?

– Как с какой? По вашим же приметам, очень скоро, летом этого года должна состояться великая битва. Та, которую называют Армагеддоном. И состоится она сравнительно недалеко отсюда. При слиянии двух рек, а именно – Бии и Катуня. В самом центре России – страны Розы, как раз в том месте, где заложили Бийск... Ты ведь знаешь, для чего он был заложен и кем, верно, уважаемый тамплиер?

– А мне следует назвать тебя иллюминатом? Другом Люцифера?

– Да брось. Древние названия – пустой звук. Умершие тра-

диции – не более чем размахивание руками. Нет больше тамплиеров – остались только клоуны, вообразившие себя носителями раннехристианской мудрости наподобие тебя, или Артема и Аркадия. Да и розенкрейцеров больше нет – остались только их спившиеся правнуки вроде Дюгоня, да «реконструкторы» из многочисленных клубов любителей старины, где на деревянных мечах рубятся по субботам менеджеры и водители... Иллюминатов тоже нет. Мир материалов, и лучше всего это известно духовным руководителям, объявившим себя святыми, непорочными и непогрешимыми, а на деле – погрязшими в роскоши, жадными до денег и власти сластолюбцами... Которые указывают якобы истинно возможный путь своим овцам с промытыми мозгами.

– Пропаганда, – спокойно сказал Ратаев. – Надеюсь, ты не считаешь меня или себя «овцой»?

– Конечно, нет, – осклабился Баранов. – Кроме овец и свиней есть ведь и другие персонажи на любой ферме животных... Я – свинья, и не скрываю этого. Курач – пес. А вот ты – уж не обижайся – как есть конь Боксер. Это, кстати, мой любимый персонаж из той сказки.

– А кем ты тогда видишь его? – Ратаев показал подбородком в мою сторону. – Или мою бывшую?

В сторону Эльвиры Геннадий даже не посмотрел. Она ответила ему тем же.

– Это уже начинается софистика, плавно переходящая в неконтролируемую демагогию, – отрезал Баранов. – В об-

щем, мы возвращаемся на базу. Там сидим и ждем дня «икс». В этот прекрасный момент Геннадий, ведомый интуицией, инсайтом или – я думаю, это будет вернее – точным знанием, идет на этот перевал, находит артефакт и несет его к Бийску. При этом – заметьте – мы все его оберегаем, следим, чтобы он не сломал себе ногу или не потерял руку... Даже помогаем ему доставить сокровище к месту Армагеддона... Билеты на лучшие места в партере у всех нас уже куплены. Мы садимся и смотрим, как силы добра бьются с силами зла, дожидаемся победы добра – она же неизбежна?.. Потом аплодируем, а после того, как будет опущен занавес, говорим Геннадию спасибо и забираем артефакт с собой, поскольку свою задачу он выполнил. Разумеется, Геннадий будет вознагражден за свои старания... Я полагаю, ни у кого возражений нет против этого здравого плана?

План, на мой взгляд, выглядел настолько же здраво, насколько и шизофренически. Если, конечно, он базировался на верных вводных. Геннадий тоже не стал спорить, хотя и бросил почти равнодушно одно только слово:

– Кошунство.

– А зачем нам лишние? – вдруг раздался чей-то голос.

Это спросил Иван Курочкин. Стоя поблизости от Эльвиры, он попытался даже приобнять свою патронессу (та быстро сделала шаг в сторону). Виктор серьезно спросил:

– Это ты про кого?

– Да вон про него, к примеру.

И показал на меня.

– Он не лишний, – заявил Виктор. – Во-первых, он член *моей* команды, как бы там ни было,

(эх ты, мать честная, а я-то об этом уже и забыл совсем!)

а во-вторых, это не тебе решать, кто тут лишний. Знаешь, в чем разница между командой и экипажем?.. Вот то-то.

Курач, давно усвоивший, что Виктор Баранов уж точно входит в команду, в отличие от него, Ивана, при этих словах скривился и заткнулся. А я сделал себе еще одну зарубку на память. Хотя этого типа, скручивающего руками стойки самолетных шасси, я и раньше опасался, но открыто он еще не выступал против меня. Зачем он это сделал? По собственной глупости или кто надоумил?

Мы отправились в обратный путь. Спуск с гряды был еще менее легким, чем подъем. Кроме того, возле запретной зоны нас уже ждали какие-то две угрюмые личности мужского пола в штатском. Одна из них, безошибочно определившая в Баранове начальника партии, подошла к нему и, не поздоровавшись, поинтересовалась, какого дьявола, собственно, мы тут потеряли, в опасной зоне?

– Да мы с турбазы неподалеку... – изо всех сил изображая туриста, начал «лепить» Баранов.

– Опять с этой базы, – с досадой произнес угрюмый. – Что вас-то всех тянет на этот перевал? Вызовем сейчас вертолет, и вас всех прямиком в ФСБ отправят...

– Ну зачем же в ФСБ? – промурлыкала Эльвира. – Мы же ничего не нарушаем, на территорию не заходим... И даже забора не касались – вдруг он под напряжением?

Игра в глупую красавицу Эльвире удалась. Угрюмый даже слегка осклабился и посоветовал впредь держаться отсюда подальше.

– Да конечно, мы больше сюда не будем ходить, раз нельзя! – стала горячо заверять Эльвира. – А скажите... что тут такого, опасного?

– Я же говорю – опасная зона. Здесь будет подрыв и затопление... Строго говоря, затопление произойдет по ту сторону гор, но сильный камнепад начнется и по эту... Здесь может быть все завалено камнями.

– Но ведь это же будет нескоро? – спросил вдруг Геннадий.

– Скоро, – возразил штатский. – Надеюсь, к этому времени вы свалите отсюда, а то надоело вас уже гонять... – угрюмый стал совсем благодушным. И на том спасибо.

– Ладно, Сергеич, – пошли, – обратился к нему его товарищ. – Это ж не алтайцы, которые тут воду мутят...

– Кстати, вы их тут не видели? – спросил Баранова мужчина, непохожий на фээсбэшника. И описал двух типов, весьма похожих на тех, кто пил водку в «сторожевой башне» нашей турбазы.

– Да вроде нет, – более чем равнодушно пожал плечами Виктор. – Да и похожи они все друг на друга.

* * *

... По возвращении «домой» все участники пешей прогулки расползлись для отдыха. Все, кроме Эльвиры. Потому что она подошла ко мне и сказала просто, но и не ожидая возражения:

– Пойдем. Поговорить надо.

Возразить было можно. Но нужно ли?

– Ты знаешь, чем закончится наша экспедиция? – спросила Эльвира, когда мы незаметно (так я полагал) отошли от скопления пустых домиков и спрятались возле штабеля посеревших и покوروبленных досок на краю базы.

– Я ничего хорошего от нее не жду, – сказал я честно. – Во-первых, я не верю в то, что мы что-то найдем... Во-вторых, даже если и найдем что-то ценное, его между всеми заинтересованными лицами поделить будет невозможно. Поэтому, это ясно всем, кроме разве что Геннадия, который действительно не вполне отдает себе отчет о происходящем, да еще Иван, который... Уж извини, но тоже не вполне адекватен.

– Чего это ты извиняешься?

У меня были некоторые подозрения на предмет отношений между Мельниковой и Курочкиным, но я их озвучивать не стал. «Киллер-квин» женщина умная, сама поймет... Она поняла.

– Мне он, знаешь ли, не друг и не родственник. Более того, во всей этой компании остался только один человек, которому я могу доверять. Это ты. Но только до определенной степени, и в этом твоей вины нет.

– Спасибо за откровенность, но если ты хочешь от меня правды, то я скажу так: в этой компании нет ни одного человека, которому мог бы доверять я. В том числе и тебе.

– Иного трудно было ожидать, – спокойно заметила Эльвира. – Но подумай сам: почему ты еще жив и для чего вообще нужен здесь?

– Я уже думал об этом, и пока не нахожу вразумительного ответа, – честно сказал я. – Разве что солгулианцы по-прежнему держат меня за своего, и считают, что я по-прежнему предан им...

– Так вот, что я тебе скажу. Это именно так и есть. Судя по всему, что я вижу и слышу, и что смогла узнать от тебя, вся эта сексуальная мишура, которой тебя обматывала Кэсси – камуфляж. Обман и маскировка. Подброшенный нам кусок, в который мы должны были вцепиться и плясать от радости. Не зря ведь я так легко смогла снять с тебя эти кодировки... и меня это всегда беспокоило – ну как так? Думаю, не только я смогла бы с этим справиться. Конечно, рано или поздно тебя бы пришлось все равно раскодировать, иначе никакого смысла не было бы в использовании Татьяны – а они ее продолжают использовать, ты ведь с этим не будешь спорить?.. Но самое главное, в тебе сидит еще одна программа,

понимаешь? В какой-то момент ты услышишь какой-то набор слов или увидишь некий предмет, и превратишься в робота. В то, что не очень правильно называют «зомби». Если Гена не полностью еще сошел с ума и знает хотя бы часть правды, то «Институт солгулианского знания» находится под эгидой ЦРУ. А программа «МК-Ультра», также как и фокусы Кроули – это как раз то, чем ЦРУ давно занимается и притом с большим успехом.

Знаете, я в этот момент ощутил нешуточное беспокойство. В ЦРУ я почему-то верил куда больше, чем в магию.

– Сейчас про «коварные происки» не особенно и слышно даже, – сказал я просто, чтобы чего-нибудь сказать.

– А чему ты удивляешься? Сейчас не те времена. Это при социализме у нас публиковали в любой периодике про ужасы спецслужб США, а теперь, когда наша периодика контролируется ими, зачем они будут про себя неприглядную правду распространять?

– Остается читать «вики ликс»?

– Не о том речь... Андрей, речь о том, чтобы остаться в живых. Мне и тебе как минимум. На остальных мне, по большому счету, плевать – говорю как есть.

– Верю. После того, как ты руками Курача отправила на тот свет свою банду, в этом я не могу сомневаться. Павла еще можно вспомнить...

– Ладно тебе, – поморщилась Эльвира. – Ты сам умеешь стрелять в людей... Поэтому я и задаю вопрос – в кого ты

начнешь стрелять, когда в тебе включится эта программа? Может быть, ты пустишь под склон машину с пассажирами? А что – если солгулианцы, допустим, сядут в УАЗ, а все остальные – с тобой в твою «тойоту», то все закончится очень просто и без криминала – мало ли случаев, когда человек не справляется с управлением?

Ничего фантастического в этой версии не было. Я попытался продумать возможные задания, которые получил под гипнозом, пока отвлекался на женские прелести... и ощутил знакомый мыслительный протест – какой-то участок мозга словно бы запрещал мне думать об этом, и не просто запрещал, а словно забивал молотом ростки мыслей, направленных на распознавание козней SSS. Я непроизвольно схватился за лоб, сжал виски ладонями. Черт знает что!

– Нам надо предотвратить это. Возможно, даже придется... ну, сам понимаешь...

– Если ты говоришь о том, что наша компания нуждается в прореживании, то тут спорить трудно. Но не забывай о том, что стоит мне сделать что-то не то, как в Бийске могут сделать что-то не то с Татьяной.

– Слушай, у вас уже не те отношения, что были, когда мы познакомились... Не перебивай, пожалуйста. Согласись, ваш развод – всего лишь дело времени. Хотя вы оба и пытаетесь делать вид, что ничего не случилось, может даже, продолжаете вместе спать, но между вами теперь всегда будет стоять Кэсси... Лежать, вернее.

– Ты помнишь, что я уже был женат один раз? – спросил я. (Эльвира кивнула). – Если сейчас я буду знать точно, что в результате каких-то моих действий случится так, что моей бывшей оторвут голову, то я постараюсь избежать этих действий.

– Понятно, – Эльвира слегка прищурилась. – Совесть заест? Грех на душу брать не хочется? Страх на тему «как я буду жить с этим дальше?»

– Предлагаешь смотреть на все это проще?

– Я предлагаю... – Эльвира вдруг замолчала и тут заговорила громким шепотом: – Быстро снимай штаны!

– Ты чего?.. – я действительно офонарел, особенно, когда Эльвира резко приспустила свои брюки и повалилась навзничь.

– Снимай штаны, – прошипела она, – и ложись рядом... а лучше на меня. Сюда идут!

Голова у этой женщины росла на нужном месте. А слух был развит как у кошки. Едва я сделал, как она потребовала, как услышал шум одежды по высокой траве, а еще через минуту за штабель заглянула мужская физиономия – то был Виктор Баранов, решивший вдруг вместо отдыха прогуляться по территории турбазы и проверить, все ли отдыхающие правильно соблюдают санаторный режим.

– Чтоб тебе лопнуть! – вполне закономерно сказала Эльвира. – Это обязательно было нужно, да?

Баранов не стал ни извиняться, ни как-то комментировать

то, что он увидел. Не выказывая каких-то эмоций, он сделал вид, что ничего особенного не обнаружил, и скрылся за штабелем. Обратно он шел, уже не стараясь шагать так же тихо, как он делал, пока шел в нашу сторону. А мы так и остались лежать, причем мои ноги почти полностью накрывали ноги Эльвиры, а мое лицо находилось в двух сантиметрах от ее лица. В общем, моя репутация морально неустойчивого человека подтвердилась в очередной раз... и я подумал, а что будет, если я сейчас возьму и поцелую эту женщину-убийцу?

...Она не уклонилась, и не проявила пассивность. Ответила. Без страсти, почти равнодушно. Ее поцелуй был деловитым, если так можно сказать. И немного отстраненным. Второй раз был бы для меня ошибкой. По крайней мере, прямо сейчас... и я это понял.

Я поднялся и начал надевать брюки. Эльвира тоже спокойно принялась приводить себя в порядок. Я достал сигареты и, прикурив, произнес:

– Я вот что подумал...

Эльвира предостерегающе приложила к своим губам палец, после чего громко произнесла:

– Ну что, поломал кайф, и доволен? Чего стоишь, ждешь? Дубля не будет!

Баранов, оказывается, никуда не ушел. Я быстро заглянул за доски – ну точно! Вот он, стоит тут, прислонившись спиной к штабелю.

– Ну и что ты хотел узнать? – спросил я с досадой, которую

мне очень несложно было изобразить.

– Не люблю, когда рака за камень заводят, – недовольно отозвался Виктор и пошел прочь. Теперь уже по-настоящему.

– ...Так что ты хотел сказать? – спросила Эльвира.

– А, – небрежно сказал я. – Ничего особенного.

– Ну-ну, – усмехнулась Эльвира.

Укромное место мы покинули молча. Ясно было обоим – мы ни до чего не сможем договориться.

– Ситуация прямо по Кафке, – спокойно сказала дочь Мельника, когда мы подошли к гостевому дому.

– Она с самого начала была такой, – согласился я.

Через некоторое время, убедившись, что никто из нашей экспедиции более не интересуется моей персоной, я понемногу переместился к «сторожевой башне». Убедившись, что нахожусь в мертвой зоне по отношению к дому, подобрался к одному из окон жилища сторожа и дважды стукнул в стекло. Физиономия деда тут же появилась по ту сторону прозрачной преграды. Я как мог на пальцах объяснил, что нам надо увидеться снаружи. Сторож понял, и через минуту я услышал скрип двери и глухой низкочастотный топот.

– Чего хотел?

– Твои друзья здесь?

– А твои?

– Не друзья они мне.

– Вот даже как?.. Ладно, постой пока тут...

Второй умный человек за такой короткий промежуток времени... Если не третий (считая Баранова). Или это я катастрофически глупею, причем с каждым днем все сильнее? Да, наверное, воздух Горного Алтая на разных людей и действует по-разному.

– Иди сюда, – послышался голос.

Я прошел внутрь помещения, в котором пахло кедром, табаком и копченой рыбой. Оба алтайца сидели за столом, центр которого, как водится, обозначала початая бутылка водки. Распластанная тушка хариуса и соленые помидоры прилагались.

– Выпьешь? – спросил один из алтайцев, берясь за бутылку.

– Меня спросят, с кем пил, – ответил я, хотя, конечно, не без некоторой внутренней борьбы.

– Спросят, – согласился алтаец, оставляя бутылку на месте. – Борис, – представился он.

– Семен, – назвался второй.

Я произнес свое имя, и поочередно пожал руки обоим аборигенам. Что характерно – сторож не представился, а просто уступил мне место у стола, переместившись на драный диван у окна. Свой стакан с водкой, впрочем, он прихватил с собой... да и прикончил почти сразу. Затем развалился на диване, развернув какую-то аляповатую газету.

– Рассказывай, – проговорил Борис, прикуривая папиросу.

Я тоже закурил и принялся за рассказ. Естественно, я многое сократил и опустил. Но оставил главную суть: в зоне за-топления, в пещере или ущелье, схоронен некий невероятно ценный предмет – сокровище и святыня в одном флаконе.

– Ты хочешь захватить его себе? – прямо спросил Борис.

– Нет, – ответил я. – Мне хочется, чтобы он остался тут навсегда.

Алтайцы переглянулись.

– Не совсем понимаю тебя, – честно произнес Борис.

– Эта штука никому не нужна, – сказал я. – Во-первых, это просто миф. Легенда, которую не нужно проверять и исследовать. Во-вторых, он излишне ценен. Вернее, скажем так, цены просто не имеет. Мужики, помните историю с плато Укок и вскрытием древних могил? Кто-то с этого обогатился... думаю, не особенно, кто-то защитил диссертацию... думаю, малоинтересную... И для этого нужно было таскать мертвую женщину по всей Сибири на потеху студентам и праздношатающимся. Так вот, здесь примерно та же история. Только последствия могут быть в сотни раз хуже.

– Я тебя понял, – сказал Семен. – Но мы и сами обо всем этом знаем.

– Вот только поверить тебе сложно, – вздохнул Борис. – Вы же, из России, все такие – кроме чемодана баксов ни о чем больше думать не можете. При этом доберетесь вы до этого чемодана, и чего с него поймете? Ну, купите крутую тачку, крутой дом и крутой самолет. Жене подарите остров

на Карибах и отправите ее туда, чтоб мозг не выносила. А сами так и будете продолжать пить горькую, потому что душа ваша уже давно потеряна... и купить новую никаких баксов не хватит.

– Не надо только этих душеспасительных бесед, – сказал я. – Ты не священник, а я вообще атеист. Есть у меня душа или давно уже нет, речь не об этом. Чемодан баксов мне бы не был лишним, но сейчас и не в нем тоже дело. И вообще, от этого чемодана мне только ручка светит, в лучшем случае.

– «Так не доставайся же никому», – пробормотал Борис.

– «Вынь у меня один глаз», – тем же тоном произнес Семен.

– Можете и так это оценивать, – пожал я плечами.

– Ну, по крайней мере, честно, – сказал Борис.

– Хотя ты ведь что-то недоговариваешь, – утвердительно проговорил Семен.

– Не без этого, – согласился я.

– Ну, тогда достаточно, – Семен разлил по чуть водки. – Ближе к телу, как говорили Ильф и Петров.

– Я прогуляюсь, – вдруг сказал Борис, поднялся и вышел. Я примерно понял, зачем, но продолжил разговор с Семеном.

– Это вас гоняют с полигона? – спросил я.

– Допустим.

– Я видел этот полигон. Почти прямо под нами находится мощный заряд, который скоро будет взорван. Он создаст

плотину, которая закроет путь реке... Ну и понятно, что будет дальше. Алтай нуждается в собственном электричестве, следовательно, здесь будет построена еще одна ГЭС.

– Продолжай, – Семен чиркнул спичкой, прикуривая. – Хотя это и так все знают.

Вернулся Борис. Алтайцы быстро переглянулись, и эту передачу информации я увидел. Возможно, даже правильно понял.

– Заряд ядерный, – сказал я. – Видел на полигоне цистерну с аргоном. И еще кое-что. В некоторых технологиях я разбираюсь неплохо.

– Это серьезное заявление, – произнес Борис. – Хотя слухи ходили и об этом...

– Скорее всего, он небольшой, – сказал я. – Две-три, ну, может быть, пять килотонн. И то вряд ли. Но обычная, бризантная взрывчатка, эту гору не сдвинет.

– Взрыва быть не должно, – сказал Борис. – Мы здесь, чтобы не допустить перекрытия реки и создания ГЭС. Электричество нам хотят сделать слишком дорогой ценой.

– Выше по течению, – заметил Семен, – находится приличных размеров ртутное месторождение...

– Наше богатство и наше проклятие, – вставил Борис.

– Вот именно. Киноварь начнет размываться и поступать в реку. Ниже от плотины есть несколько поселков... А через день пути – Катунь.

– Хотя и не только в ртути дело...

Алтайцы переглянулись и покачали головами. Они тоже не собирались рассказывать мне всего.

– Юго-восточный склон, – сказал я. – Тот, который за полигоном. Если его обрушить, то подъем плотины не сможет закрыть реке путь. Она просто пойдет по новому руслу – юго-восточному. В крайнем случае, заполнит котловину.

– Как ты его обрушишь? – спросил Семен. – Для этого нужно либо украсть заряд, либо самим сделать такой же мощный. Это нереально.

– Абсолютно, – сказал Борис.

– А если заряд сработает не так, как надо? – спросил я. – Если в результате взрыва произойдет не сдвиг массива, а всего лишь частичное обрушение одного из склонов?

– Для этого надо изначально сделать неверный расчет. Неправильно расположить заряд, да и вообще не в том месте. Намудрить с проектной мощностью взрыва. А сколько там перекрестных проверок и заинтересованных фирм! Собственно Росэнерго. Росатом. А значит, никуда без военных и ФСБ...

– Поговорку про семь няnek помните?

– Помним, – сказал Семен. – А еще мы помним про лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Тогда где же тут представители всех этих ведомств?

– Подрыв намечен на ближайшие недели. Турбазу ведь тут построили не просто так. Здесь сроду никого не было, кроме военных и проектировщиков из разных контор. Сейчас пер-

вый год как тут пусто, потому что все уже сделано. Все ждут низкой воды... Вот тогда и бабахнут.

– Если жизнь не внесет коррективы, – заметил я. – Слышали же, что в Москве опять творится?

– Там всегда что-нибудь творится, – сказал Борис.

– Но когда речь идет о деньгах, все начинают работать на удивление слаженно, – заметил Семен.

– А военные? У них же нет денежного интереса...

– Зато у какого-нибудь генерала не проходит стояк в штанах от самой мысли, что ему удастся взорвать сверхмощную бомбу... Нет, это не все так просто: неверно рассчитать, неправильно расположить... Проще уж внести некоторые коррективы... и пусть тогда разбираются, почему река не по тому руслу пошла...

– Погодите, я что-то не понял, – сказал я. – Это вы о чем?

– Сейчас еще довольно высокая вода, – пояснил Семен, – пока идет таяние ледников в горах. Река идет по летнему руслу, заполняя временный рукав, который становится более полноводным, чем основной, как будто не уместается в обычное – тут такая особенность...

– И летнее русло как раз огибает юго-восточный склон, образуя каньон, – сказал Борис.

– И если допустить, что плотину попытаться поднять сейчас...

– То получится так, что основная масса воды, вместо того, чтобы наполнять котловину...

– Устремится по летнему руслу. Но для этого нужно, чтобы с гор действительно хлынул поток... А предпосылок к этому пока не было.

– А если они появятся?

– Тогда вода размочит водохранилище, не дав ему сформироваться. И не даст никакой возможности для работ по дальнейшему укреплению дамбы. Вернее, это все можно будет сделать, но только через несколько лет...

– Если на это дадут деньги...

– Военные такие дела не за деньги делают...

– Зато ни один инженер пальцем не пошевелит, если...

... Алтайцы словно бы забыли про меня, завязав давнишний полу-спор, полу-диспут на предмет судьбы горного района, в котором сейчас находились мы, а под нашими ногами ждал своей минуты заряд, и вполне вероятно, что ядерный. Мирный атом, понимаешь... Я в свое время читал про гидротехническое строительство, более того, в студенческие годы даже сдавал экзамен по этому предмету, а что касается новых ГЭС в Горном Алтае, то эту тему в последние годы если и озвучивали, то только в блогах самых непримиримых «зеленых». Про постройку новой плотины путем подрыва ядерного боеприпаса как-то поднялся истошный взвизг в интернете, но очень быстро погас. И то верно – в Москве слишком много всего творится, есть на что обратить внимание; кому какое дело до ядерного взрыва, да еще мощностью всего лишь где-то в одну пятую от Хиросимы...

– Послушайте! – сказал я обоим. – А как вы собирались против взрыва выступить?

Борис и Семен разом смолкли, на лицах у них появилось совершенно иное выражение, чем было до этого – серьезное и страшное. Какое-то фанатичное.

– Мы собирались остаться на территории котловины, между турбазой и полигоном, – пояснил Борис.

– Нас должно набраться человек двести, – сказал Семен. – Ожидается даже, что прилетит частный вертолет с людьми. Будем вести онлайн-репортаж.

– Вы думаете, это поможет? – спросил я. – Спутниковый канал забьют помехами – вот и не будет никакого вам репортажа. Двести человек? На верную смерть придут раз в десять меньше... А может, и того не наберется. Потом скажут, что сами виноваты, раз табличку со словами «запретная зона» увидеть были не в состоянии.

– Все равно, – глухо произнес Борис. – Если этого не делать, произвол остановить невозможно.

– Так хоть есть какой-то шанс... – добавил Семен. – Может, они все-таки одумаются.

...Нет, друзья, фанатизм – страшная штука. Я сейчас понял, у кого уже видел похожее выражение лиц – у сектантов. У моих американских «друзей». У ребят из ДК Островского. Или у тех, кто тащил когда-то Татьяну на собрания разного рода странных культов, включая коммерческие.

– Альтернатива у нас имеется? – спросил Борис.

– Ты сам-то веришь, что духи смогут сбросит воду с вершин в большом объеме и за один момент?

– А ты? Ты же сын шаманки! Кому как не тебе в это нужно поверить?

– Придется поверить, – сказал Семен. – И по-настоящему. Потому что Андрей действительно прав. Пикетчиков убьют, и делу это никак не поможет. Значит, надо исходить из того, что взрыв произойдет.

– И из того, что ледники начнут таять быстрее, чем обычно.

Семен налил водки, и оба алтайца звякнули стаканами, обменявшись многозначительными взглядами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Тум... тум... тум...»

«Тум... тум... тум...»

«Тум... тум... тум...»

«Тум... тум... тум...»

«Тум... тум... тум...»

Гулкие удары снаружи разбудили меня, вытащив из странного сна, в котором то ли Кэсси, то ли Эльвира зло упрекала меня в несоблюдении каких-то договоренностей, а я пытался спорить и тоже довольно зло. Моя оппонентка сердито топала ножкой по полу, от чего я и проснулся. Однако звук никакого отношения к топоту не имел – он скорее походил на... На удары в барабан, не иначе.

Я выбрался наружу из комнаты в домике, сталкиваясь с другими участниками нашей экспедиции. Кто-то на ходу закуривал, озаряя вспышками зажигалок мрачные, невыспавшиеся лица.

– Камлают, – вдруг тихо сказал Ратаев.

– Что? – спросил Мороз.

– Шаманят, – сказал археолог чуть более понятно. – За-клинают духов.

– Черт знает что... – пробормотал кто-то. – Зачем?

Вместо ответа Геннадий двинулся в сторону полигона, от-

куда и доносились звуки ударов в барабан. Или в бубен, возможно. Отблеск небольшого пламени озарял скалы и деревья. Я пошел следом за Геннадием, тоже закурив. Кажется, за нами направились еще двое. Остальные не сочли нужным бродить по камням среди ночи – светящиеся стрелки часов показывали почти ровно два.

Звуки бубна и зарево костра становились все ближе. Минут через десять мы остановились возле небольшой поляны в сотне метров от ворот полигона. Там, недалеко от скалы, горел костер, испускающий довольно едкий дым, поскольку в огонь были подброшены сырые ветки, издающие свист и щелчки, слышимые на расстоянии метров пятнадцати: примерно на такой дистанции остановились Геннадий, Эльвира, Мороз и я. У костра сидели шестеро мужчин, но не вокруг него и даже не полукругом, а ближе к вертикальной стене скалы, почти прислоняясь к ней спинами, на разном расстоянии от медленного пламени. Двоих я узнал – то были Борис и Семен.

Седьмой, с бубном и колотушкой, ритмично покачивался по другую сторону костра. В такт ударам бубна он слегка подергивался и издавал негромкие гортанные рычащие звуки. Обряд выглядел гротескно и почему-то вызывал грустные мысли: местные жители пытаются с помощью мертвых языческих богов повлиять на обстоятельства непреодолимой силы, как пишут на мертвом бюрократическом языке... Шаман не был похож на расхожий образ говорящего с духами

длинноволосого колдуна в аляповатом костюме и головном уборе с перьями, что иной раз делало такого шамана и самого похожим на птицу. Человек с бубном был совершенно лысым, хотя его голову на уровне лба сразу над бровями и опоясывала не то узкая бандана, не то толстый шнур. При свете пламени я хорошо мог разглядеть, что одет был шаман в простую белую толстовку, немного напоминающую солдатскую ночную рубашку и простые штаны-треники. Обувь отсутствовала – и то правда: камлающий шаман в кроссовках – это уже по меньшей мере фестиваль «Живая вода». Конечно, чукчи или алеуты вызывают у себя там в ледяных пустынях духов, будучи обутыми в торбаса или унты, да и зима на Алтае неласкова, однако сейчас даже здесь, в горах, стояли весьма теплые ночи.

Переминавшийся с ноги на ногу шаман вдруг резко заколотил в шаман и завопил (впрочем, негромко) на одной ноте: «а-а-а-а-а-а-а-а-а!!». Потом слегка согнулся и, ходя узкими кругами вблизи костра, затянул то ли песню, то ли молитву, то ли просто набор слов в духе «что вижу, о том и пою», по-видимому, на местном наречии.

Борис вдруг встал и быстро подошел к нам.

– Не надо тут находиться, – сказал он вполне настойчиво. – Ничего для вас интересного тут нет. Это наши дела, и к вашим они никакого отношения не имеют.

И тут же повернулся и направился на свое место недалеко от костра.

Спорить было бессмысленно. Но соглашаться и уходить вот так сразу казалось неловко. Неожиданно поляну у скалы осветили фары появившегося откуда-то автомобиля. ГАЗ-66 – древний армейский грузовик-вездеход, прозванный «шишигой». И с военными в кабине – по крайней мере двое в камуфляже сидели там. Один из них, ехавший пассажиром, выскочил наружу и подошел к алтайцам:

– Убедительно прошу вас всех погасить костер и сесть в машину.

«Сесть в машину» – это означало залезть в тентованный кузов грузовика, который повезет тебя в кутузку. Понятно, что желающих совершить увлекательную ночную поездку, по горным дорогам, да еще в таком зловещем экипаже как-то сразу и не нашлось. Не факт, что вообще кто-либо добровольно полез бы в кузов, но офицер (наверное, что-то вроде старшего лейтенанта – в ночном свете звездочки на полевой форме пересчитывать было бесполезно) повторил приглашение. Не знаю, правильно ли я поступил, но решил подойти чуть ближе к костру, шаману и военному человеку. Одновременно со мной двинулся и Мороз.

– А вы кто такие? – с досадой спросил мужчина в камуфляже. Пожалуй, все-таки кадровый военный. Солдат запаса, отдавший когда-то два года почетного долга стране, армейского офицера почти всегда сумеет опознать, даже если и служит он совсем другому императору и существенно изменившимся идеалам.

– Да живем мы тут, – нахально сказала Эльвира. – Этнографию изучаем местную. Вот, шамана пригласили выступить, показать, как духов вызывают.

Армейский надулся, но тут неожиданно заговорил Мороз:

– Да бросьте, командир... Ничего же событийного не происходит, а нам просто интересно.

Как ни странно, офицер неожиданно прекратил разговор, не стал более приставать к алтайцам с требованиями ехать с ними, вместо этого обратился к нам с невнятной просьбой «приглядывать и не давать ходить куда не надо». Видимо, ему совсем не нравилось данное кем-то поручение. Поручение, не приказ. Приказы выполняют... А поручения можно обсуждать. Так что он залез в кабину «шишиги» и машина, натужно загудев двигателем, развернулась и покатила куда-то в сторону едва заметной дороги, ведущей по кромке турбазы.

– Ладно, пошли, – сказала Эльвира. – Может, это и интересно, но делать тут действительно абсолютно нечего.

Я чуть придержал Геннадия и спросил, что ему известно о подобных обрядах. Почему-то зрелище меня встревожило – оно показалось мне слишком серьезным, словно бы шаман что-то слышал о происходящем здесь. Ну и плюс разговоры в «сторожевой башне». Геннадий тоже был взволнован.

– Я, конечно, не верю ни в духов, ни в богов, ни в демонов, – сказал археолог. – Но помнишь эту сомнительную эпопею с мумией «принцессы Укока»? Якобы местные также

обратились к шаманам, а те, в свою очередь, к горным духам, которые слегка потрясли землю. С тем, чтобы люди убоялись и вернули тело женщины на место захоронения.

Как интересно, я ведь только вчера сам вспоминал про эту историю...

– Но его так и не вернули туда? – спросил я.

– Да. Мумия сейчас лежит в музее Горно-Алтайска. Нашли, так сказать, компромиссное решение. А собирались в Питер увозить, в Эрмитаж. Я не знаю точно, кто и как принимал решение, но то, что местные шаманы устраивали похожие шоу и исполняли похожие песнопения – это точно... Я ведь не только узбекский язык знаю, но немного понимаю и местные говоры... И эту инвокацию уже слышал.

*Иди к чёрным горам! – повелел мне Ульгэй,
и я пошёл к ним.*

*Но меня сбросили со склона,
толкнувши в спину.*

*То был дух нехороший кёрмёс —
не брат творца, а его тёмный слуга —
он сам стал ветром и улетел ниже,
туда, где под чёрными горами,
на которых живет Уткучы,
растекается море огня.*

Но разве шаману страшно пекло?

Но разве у шамана есть тело из жил и костей,

*которые обтянуты крепкой кожей
цвета дерева с корою ободранной?*

*Вынырнул я из огненной пучины,
словно рыба из реки или озера.*

И поплыл в железной лодке по золотым волнам...

– Это заклинание на землетрясение, ни больше, ни меньше.

– Но ты же не веришь в это?

– Азиаты говорят – не важно, веришь ты или нет. Главное – оно работает.

Я вспомнил про одну из своих прежних подруг, которая хорошо понимала азиатский менталитет. Она говорила примерно такими же словами. Кто знает, что на самом деле происходит между небом и землей? В конце концов духи, боги и всякие козлобородые бафометы существуют лишь только потому, что в них кто-то верит.

Ночь прошла беспокойно. Шаманский бубен стих через полчаса, а под утро послышался рев мощных двигателей, и стало ясно, что по дороге вокруг турбазы движутся несколько дизельных грузовиков. Скорее всего, КАМАЗов – зарубежные машины, вроде бы, еще не приняты на вооружение в отечественной армии. А после рассвета шум воздушных винтов со стороны полигона дал нам понять, что вооруженные силы активизировали свои действия. Неужели у них там действительно готовится ядерный взрыв?

Утром я неожиданно обнаружил исчезновение УАЗа и Виктора. Сопоставив одно с другим, пришел к выводу, что мастер поехал за пополнением каких-нибудь припасов. Неясно только, зачем он решил это делать ночью и самостоятельно. После традиционно символического завтрака с подачи Геннадия произошел общий сбор. Ратаев, несмотря на свое негативное отношение к экспедиции и к ее целям, заявил, что надо форсировать поиски, если мы хотим успеть завладеть артефактом. На резонный вопрос Ричарда прозвучал чуть менее резонный ответ: события становятся непредсказуемыми. Не знаю, понял ли американец, но спорить он не стал. В этот момент на территорию въехал УАЗ, из которого вывалился Виктор. Судя по его виду, он провел за рулем не самого комфортабельного экипажа приличное время. Тем не менее, он сразу же согласился с Геннадием и настоятельно предложил снова прогуляться к запретной зоне. А там, сказал, видно будет.

Но сегодня нам не дали даже приблизиться к воротам. Солдаты в камуфлированной форме, едва завидев нашу компанию, начали громко галдеть и отчаянно жестикулировать. На шум вышел какой-то майор. Быстро сориентировавшись, он подошел к нам и произнес:

– Если вам не будет так трудно, развернитесь, пожалуйста, в обратном направлении и потрудитесь оказаться как минимум за десять километров от запретной зоны, иначе ваши родственники будут носить траур.

Конечно, речь офицера звучала несколько дольше – раза в три примерно, и воспроизвести ее совершенно невозможно, потому что из староцензурных слов в его тираде были только предлоги типа «в», «к» и «на». Тем не менее она произвела на нас сильное впечатление, и даже американец отлично понял, что задерживаться не имеет смысла. И даже не только именно здесь.

– Валите вообще отсюда как можно дальше, – последовало напутствие. Мы закрываем турбазу.

– В каком смысле «закрываете»?

– Этот объект принадлежит нам, – любезно сообщил майор. – И закроем мы его как хотим. Минут через двадцать врежем парой-тройкой НУРСов, например.

Несмотря на то, что вместо «врежем» офицер произнес несколько иное слово, тонкий намек на толстые обстоятельства был нами воспринят вполне адекватно. Участники «крестового похода» обратно шли раза в два быстрее, чем направлялись к полигону. Молча и нервно мы начали грузить наш скарб в оба микроавтобуса. Я, правда, успел поймать момент, пока Баранов в чем-то убеждал дико тупящего Курача, и забежал в «сторожевую башню». Обоих аборигенов там не оказалось, зато охранник имелся в наличии – трезвый и подозрительный. Я на всякий случай изложил ему в нескольких словах ситуацию. Он отнесся скептически к возможности падения реактивных снарядов на территории базы, пусть даже и принадлежащей местной комендатуре, но

все-таки прихватил рюкзак и двустволку, внезапно решив прогуляться по близлежащим долинам и взгорьям.

Что касается нас, то две наших машины отъехали километров на пять и, когда кто-то заметил приятного вида полянку, идущий впереди УАЗ включил поворотник и съехал с дороги. Я последовал примеру флагамена.

– Говори, что знаешь, – потребовал Баранов у Ратаева. Начальник экспедиции теперь подозревал не столько меня, сколько Геннадия. Возможно, он знал, что я в любой момент могу перестать принадлежать самому себе и выполнить записанную программу. Возможно, он даже знал, какую именно.

– Ничего я не знаю, – заявил Ратаев. – Все видят то же самое, что и я. Военные засуетились, а почему... Это не ко мне вопрос.

– Что у нас со связью? Эля? Звонила этим...? Я вроде слышал.

Эльвира и Геннадий ехали в УАЗе, а я вез американца и Курочкина. Должно быть, здоровое разделение пассажиров. По крайней мере, такой расклад почти исключал возможность (или хотя бы исполнение) заговора на ходу.

– Звонила. Нет информации. Единственное, у них в офисе говорят, что подрыв массива должен произойти раньше намеченного срока.

– Это может означать что угодно, – проворчал Баранов. – Ну ладно. Гена, снизу мы сможем подняться к верхним ска-

лам? И самое главное – успеем ли? Мне не нравится это форсирование.

– Если полигон был устроен для подрыва ядерного заряда, то снизу нам никто не даст даже к подножию подойти, – сказал я.

– Я не верю в ядерный заряд, – заявил Баранов. – Скорее всего, там будет обычный взрыв. «Мирный атом» слишком опасен и непредсказуем. Да он ведь и запрещен к тому же всеми международными соглашениями!

– Нашим по барабану международные соглашения, пока у нас есть газ для Европы, – заметила Эльвира.

– Все равно. Атомная бомба не выдержит никакой критики, – поддержал Баранова Ричард. – Соединенные Штаты никому не позволят подобный произвол.

Эльвира поморщилась от этих слов. Я тоже.

... Чтобы обогнуть выход ледника и нагромождение скал неподалеку от основного русла, нам пришлось потратить почти сутки. Зато мы действительно сумели выйти к склону обреченной горы... Где-то в ее недрах ждет своего часа заряд чудовищной мощности, которому надлежит свернуть часть склона и обрушить его в русло. Разумеется, с нами никто не собирался (да и попросту не мог) делиться информацией, но находиться в нескольких шагах от будущего эпицентра событий было не очень уютно. Особенно если заряд действительно ядерный. Хотя, сработай устройство сейчас, нашей экспедиции стало бы абсолютно безразличным его физиче-

ское устройство, потому что когда на тебя падает скала, то без разницы, какой именно бомбой ее сдвинули с места.

Гора снизу выглядела куда более зловещей и неприступной, чем когда мы смотрели на ее склон сверху, со стороны полигона. Все устали, были злы и издерганы, кроме, пожалуй, Ивана Курочкина и Эльвиры. Ей, кстати, Баранов и рискнул дать поручение подняться на склон в числе первых и начать поиски любой подозрительной пещеры, расщелины или еще какой-нибудь крысиной норы. А по возможности – и обследовать оную. И сам отправился вместе с ней и Валерием, решив не откладывать до завтра первую разведку, несмотря на то, что близился вечер. Валерий больше не жаловался ни на желудок, ни на колени, ни (что вполне понятно), на отсутствие конечностей. Немолодой, но легкий, гибкий и длинноногий, он словно паук, начал карабкаться по скальным выступам, и вскоре стало ясно, что он понемногу отрывается от Баранова и Эльвиры. Оставшиеся члены экспедиции занялись отдыхом, перекуром, а заодно вялотекущими приготовлениями к ужину и ночлегу. Я, кроме того, заменил еще одну шину, на этот раз на переднем правом колесе. Еще одна такая «прогулка» – и машина дальше не поедет – резина скатов просто «горела» при движении по здешним каменистым заменителям горных дорог.

...Когда спустились сумерки, с горы спустились и наши разведчики. Три луча ярких светодиодных фонаря, укрепленных у них на лбах, освещали им дорогу вниз, приплясы-

вая на камнях.

– Ничего особенного, – сказал Валерий.

... И этой ночью нам не дали толком выспаться. Вершина горы вдруг осветилась несколькими вспышками, а затем до нас донесся грохот, словно отдаленной канонады.

Все вскочили, вылезли из машин и палаток, принялись напряженно всматриваться в темное небо, озаряемое едва заметным оранжевым сиянием со стороны полигона.

– Турбаза, – сказал Валерий одно только слово.

– Зачем это было нужно? – поразился Геннадий.

Члены экспедиции сочли вопрос риторическим. Ричард вполголоса пробормотал «Джизэс Крайст», совсем как в те дни, когда мы только познакомились... Утром именно он, вместе с Курачом и Геной Ратаевым, полез в гору. В следующей тройке неминуемо должны были оказаться Студент, Мороз и я. Виктор явно пытался решать загадку о волке, козле и капусте, меняя одного из субъектов пищевой цепочки на такого персонажа, при наличии которого вряд ли произошли бы форс-мажорные обстоятельства...

И все-таки, когда вторая тройка вернулась (она бродила по склону втрое дольше вчерашних разведчиков), произошел легкий конфликт. Видимо, Гена, говоря языком интернетов, «затроллил» тупого Курочкина так, что довел его до состояния полного бешенства. Иван рычал и брызгал слюнями, рассказывая о «приколах» Геннадия, по сути, забавных и дерзких, но до оскорблений, конечно же, Ратаев не дошел.

Члены экспедиции развеселились и принялись вспоминать анекдоты, разные случаи из жизни, так что даже Курач перестал злиться, да и американец втянулся в общую беседу... Словно бы действительно начался стихийный вечер юмора среди простых туристов, а не странных личностей, одержимых малопонятной для меня целью.

Ко мне подошел Геннадий, когда я прикуривал, наклонился с сигаретой к моему уху и тихо сказал:

– Я нашел.

Мне стоило некоторых трудов не выдать себя – но спасибо покеру: лицом владеть я, кажется, научился.

– Где? – вместе с дымом выдохнул я вопрос.

– К югу от основной тропы... Высота примерно пятьсот метров. Увидишь камень, действительно похожий на морду осла или зайца – ушастого зверя, словом...

– Нам придется идти на север...

– Это твои проблемы... Но надо взять так, чтобы никто не...

Кажется, наш диалог привлек внимание Баранова, и мы замолчали. Хорошенькое дельце! Взять так, чтобы никто не обратил внимания, не помешал и не отобрал... Чего он думает, этот Геннадий!

Я сердито затягивался сигаретой: какого черта! Каждый в этой компании имеет виды именно на меня, хотя и каждый по-своему. Почему случилось так, что я стал ключевой фигурой в этой погоне за Святым Граалем, хотя меньше дру-

гих верил в него?! Мне по-прежнему сильнее всего хотелось плюнуть на всю эту «экспедицию» и свалить домой...

Эльвира нервно нажимала на кнопки телефона, отойдя в сторону. Студент, подобно мне и Морозу, курил в гордом одиночестве... Баранов... Этот тип зорко следил за всеми сразу и за каждым в отдельности. Человек бизнеса, что еще сказать?..

– У нас осталось двое суток, – вдруг сказала Эльвира, обращаясь к Баранову, но при этом не собиравшаяся делать секрета. – Есть информация, что взрыв произойдет скорее всего, в первой половине дня. Следовательно, завтра мы должны найти Грааль. Край – послезавтра. Дольше оставаться тут нельзя. И если мы не найдем Грааль сейчас, нам его будет нелегко найти потом.

– Если мы вообще сможем его найти, – сказал вдруг Ричард.

Признаюсь, я был бы только рад тому, что его никто не найдет. К этому я и стремился, когда пошел на переговоры с алтайцами. Но со мной вряд ли бы согласился хоть кто-то из присутствующих.

– Завтра Грааль будет у нас в руках, – заявил Баранов.

– На чем основана эта уверенность? – спросила Эльвира.

– Есть один способ, – усмехнулся Валерий. – Завтра проверим, насколько он хорошо работает.

– Я уже видел, как работает этот способ, – кислым тоном произнес Геннадий. – Ничего у вас не выйдет. Да и времени

сегодня у вас нет, в отличие от того раза.

– Утро вечера мудренее, – заявил Баранов.

– Баба девки ядренее, – вдруг добавил Мороз.

– Я не понял, – озадаченно произнес Ричард. – Хотя был уверен, что знаю все русские пословицы.

Студент перешел на ломаный английский язык и как мог, объяснил солгулианцу смысл данной сентенции. Ричард усмехнулся – суть он уловил... Ничего они не тупые – зря по телевизору так говорят...

Завтрашний день начался с сюрприза. Баранов сказал, что в очередную разведку направится вновь он сам, и настоял на том, чтобы с ним выдвинулись я, Эльвира и Валерий. Ни Студенту, ни Морозу честь участия в непосредственном поиске не была оказана. Мороз, кажется, не расстроился. Его вполне устраивала жизнь в экспедиции – он теперь ничего не делал, по сравнению с недавней каторгой у китайцев и, похоже, рассчитывал еще и на неплохую поживу. Его никто не разубеждал, а я так вообще был уверен, что Мороз по окончании поисков останется здесь навсегда.

«Легкий подъем», обещанный нам Барановым, оказался для меня тем еще испытанием. Несмотря на то, что я полагал, будто нахожусь вполне в приличной форме, первые же триста метров выжали из меня процентов девяносто жизненной энергии. Валерий по-прежнему изображал человека-паука, да и Эльвира достаточно ловко преодолевала препятствия горной кручи, показывая нам хорошее владение от-

лично сложенным телом. Мне и Баранову, как людям, привыкшим употреблять легкие наркотики в больших количествах, было намного тяжелее, хотя и Валерий тоже иной раз не брезговал табаком. Не знаю, как уж ему так легко давался весь этот альпинизм, но я сейчас чувствовал каждую выкуренную сигарету в легких и каждую выпитую рюмку в печени. Баранов тоже пыхтел и отдувался.

Щелей и всяких трещин в морщинистой поверхности склона имелось прилично. Правда, пока не попадалось ни одной, в какую бы мог забраться человек, не говоря уже о том, чтобы там что-то искать. Вполне возможно, что таких пещер тут и нет, и что там что-то нашел Геннадий – скорее исключительный случай, чем закономерность.

Спустя часа полтора я выдохся окончательно и потребовал перекур. Впрочем, о сигаретах думать было тошно, но в отдыхе я нуждался незамедлительно. Виктор тоже запыхался, его физиономия горела нездоровым малиновым отливом. Выглядел он старше своих лет, и уж совсем не напоминал того респектабельного господина, каким я его запомнил в тот памятный вечер, когда меня обратили в солгулианскую веру... И еще во что-то.

Несмотря на то, что неисследованным оставался весь северный и часть центрального склона, Баранов примерно на высоте семисот метров вдруг указал направление на юг. Как ни странно, другие спутники словно были готовы к подобному повороту событий.

Следующий привал Баранов объявил неожиданно скоро.

– Кажется, здесь, – сказал Валерий, оглядывая окрестности.

Вот так сюрприз! Буквально над моей головой торчал продолговатый камень, выступающий из поверхности склона. Он на самом деле походил на какого-то ушастого монстра... Геннадий, значит, либо рассказал не только мне одному об ориентирах. Или, может, нас подслушали? С помощью какого-нибудь гаджета, незаметно вставленного мне в воротник одежды руками Эльвиры, пока я решил проверить, хорошо ли она целуется? Я захлопал руками по одежде и обнаружил короткую шпильку странной конструкции с защелкой и полукруглым утолщением на одном конце. Вот сволочи!

Эльвира, кстати, сама обратила внимание на этот камень, приостановилась, для устойчивости широко расставив стройные ножки, обтянутые плотными брюками и ткнула пальцем в голову ушастой скотины.

– Где-то здесь, – звонко выкрикнула она, повернувшись в сторону Виктора и меня. – Давайте начинать!

Вряд ли она обращалась ко мне.

Валерий скинул маленький рюкзачок, аккуратно положил его на плоский камень, расстегнул замок... Осторожно вынул из него небольшой продолговатый пакет – сравнительно невеликого веса, как мне показалось.

...В пакете, который развернул Валерий под пристальным взглядом остальных членов разведгруппы, лежало именно

то, что я боялся увидеть, поскольку эта тема уже не раз и не два мелькала в наших беседах.

Она была серовато-белого цвета, с едва заметным оттенком желтизны, словно обтянутая пергаментом (если я правильно представляю себе, как он выглядит). Но пергаментом сморщенным, как будто «рифленным». Хватательный кластер представлял собой пять искривленных суставчатых отростков на тонкой кисти – выглядело это примерно так же злое и неприятно, как отмершая личинка ксеноморфа в стадии лицевата.

Кости кисти и пальцев казались неестественно тонкими, но самым страшным было то, что на ногтях, слишком длинных и изящных для мужских, имелись заметные следы розового лака, уже облупившегося.

– Это женская рука! – вырвалось у меня.

– Спасибо, кэп, – насмешливо сказала Эльвира.

– А тебе какая разница? – равнодушно спросил Баранов.

– Она... чья?

– Да какое дело до этого? – с досадой отмахнулся Валерий.

... Розовый лак, слишком светлый для брюнеток. Тонкое запястье, настолько тонкое, что пришлось уменьшать на пять звеньев и без того короткий позолоченный браслет часов, тех, что я когда-то дарил Татьяне...

– Вы что с ней сделали, уроды?

Я не верил, что могу испытывать такой ужас. Горный склон покачнулся под моими ногами. Нечеловеческие рыла

трех ксеноморфов тупо пырились на меня своими остекленевшими буркалами. Моя рука сама собой выбросила сжатый кулак в ближайшую инсектоидную харю. Послышался треск хитина и следом за ним окрестности огласили вопли инопланетного Хищника. Паукообразное членистоногое отлетело в сторону и покатилося по склону вниз, нелепо размахивая коленчатыми конечностями.

Конечно, с Виктором мне было бы справиться чуть сложнее, если бы дело обстояло немного иначе. Ведь сама мысль о том, чтобы ударить Мастера, плохо укладывалась у меня в мозг, несмотря на работу Эльвиры. Неважно даже, что он ударил первым. Вы знаете, за Татьяну я бы его убил. И я уже намеревался это сделать. Неважно, что и как происходило между ею и мной, неважно, кто становился или ложился между нами, но есть вещи, которые мужчины не прощают. Не должны и не могут. Несмотря ни на что.

Его мистический статус окончательно стал для меня пустым звуком, и я ударил. Адекватно, прямым в верхнюю челюсть. Правда, расстояние было великоватым, и кулак достиг его физиономии уже на излете. От его хука слева я удачно уклонился, но и мой очередной удар не достиг цели. Если бы не появившееся в кадре лицо Эльвиры, на миг заслонившее фигуру Баранова, следующим ударом я должен был сбить его с ног. А там...

– СТО ПЯТЬ. СОРОК ОДИН. ШЕСТЬСОТ ЧЕТЫРЕ. ОДИННАДЦАТЬ, – отчетливо и с расстановкой произнесла

Мельникова, глядя мне прямо в глаза.

Эльвира, конечно, экземпляр еще тот – настоящая королева ксеноморфов. Именно такой она и казалась мне в ту секунду. Пока не произнесла «ДЦАТЬ». После этого мир изменился. И больше уже никогда не становился прежним.

И насекомоподобные люди навсегда остались для меня такими. Вскарабкавшийся обратно Валерий с белесыми от ярости паучьими глазами готов бы накинуться на меня, но его остановил Виктор. Ему уже не нужно было меня бояться.

У меня внутри все переворачивалось, когда я взял отрубленную кисть руки, лежавшую на камне. Воображение услужливо рисовало мне картины, каким образом эта рука была получена... И насколько ужасны были эти картины, вряд ли надо долго объяснять. Но вот странно: только что эта рука была мертвой, высушенной, сморщенной... Однако стоило лишь мне взять ее в свои руки, как кожа разгладилась, а мертвенная бледность пергамента стала темнеть. Вены на наружной стороне ладони набухли, ногти порозовели... Разве что лак на них как был облупившимся, таковым и остался. Но самое страшное и непостижимое было в том, что пальцы вдруг дрогнули и зашевелились.

Зашевелились и волосы у меня на затылке. Особенно после того, как я понял, что рука каким-то образом вдруг стала частью меня, неким моим продолжением... Судорожно задержавшись, страшный обрубок словно бы потянул меня вперед и вверх, как раз к этому камню в виде ушастой головы.

Вот когда сработала программа, заложенная солгулианцами! Все ясно – обе эти банды уже давно спелись между собой, и договорились, какую роль отвести мне в этом деле. Неизвестно, правда, как все это делается «технически», но результат оказался впечатляющим. Ноги шли по крутому склону сами, аккуратно ступая между коварных камней. Словно бы мое тело было автомобилем, и в него вдруг залез новый водитель, передвинул меня на пассажирское сиденье, а сам взялся за руль и поставил ноги на педали... Ладно хоть, не выбросил вообще из машины на асфальт... Ох и попал же ты, Андрей Маскаев – никогда ты так не попадал, всегда был сам себе хозяин, и только сейчас оказался не волен владеть своими поступками. Ну что же, связался с Сатаной – добро пожаловать в Пандемониум...

Баранов тихо подозвал Валерия, который подошел, чиркнул зажигалкой и поднес пламя свечи поочередно к каждому из пальцев отрубленной руки, которая, как мне казалось, уже окончательно приросла к моей. Загорелись фитили, торчащие из-под ногтей, и не просто так загорелись, а с потрескиванием и искрами. Клянусь вам – я сам чисто физически ощутил жгучую и дергающую боль под своими ногтями. Рука дернулась и потащила меня словно в глухую каменную стену. Лишь когда я приник к камням почти вплотную, сумел увидеть вертикальную трещину, куда меня и потянула страшная рука. Вход в пещеру обнаружился чуть левее самой каменной головы, которая вблизи оказалась огромной –

порядка четырех метров в поперечнике... Не уши вот только имела эта башка, а настоящие рога – словно бы сам Бафомет охранял место, где спрятана божественная реликвия. Не зря, наверное, некоторые полагают, что где находится бог – ищи рядом дьявола, он всегда где-то поблизости для равновесия... Щель, к которой меня тянула рука, была почти незаметной среди вертикальных каменных ребер, покрытых чахлой растительностью; пройдешь в одном шаге и не заметишь. Лаз оказался очень невысоким – не более полутора метров, и довольно узким – протиснуться взрослому человеку весьма проблематично.

Но толстяков в нашей разведгруппе не было. Я пролез внутрь, поеживаясь от неприятного мусора, падающего мне за шиворот (возможно, вместе с пауками). Уже в двух шагах от щели в пещере царила непроглядная тьма, но ужасная рука дергала и тянула меня дальше. Я сопротивлялся как мог, и тут появившийся рядом со мной Баранов без лишних слов зажег фонарь, освещая низкие своды и шершавые стены. В пещерах, которые я видел ранее (в основном, в кино), даже высокогорных, повсюду растут живописные сталактиты и сталагмиты. Здесь ничего подобного не было – пещера была совершенно сухой, и каменных сосулеч нигде не свисало и не торчало. Однако воняло здесь здорово. И дикое нагромождение булыжников под ногами, и лабиринт камней никак не давали возможности легко двигаться далее. Булыжники казались скользкими и противными, словно бы покрыты-

ми дерьмом... А в сущности, так оно и было – под потолком висели целые грозди спящих летучих мышей, которым надо же было куда-то гадить... Рука задергалась сильнее и потянула резче – куда-то вглубь и немного вниз между грубыми каменными колоннами, поддерживающими низкий свод, весь усеянный летучими мышами. Сзади чертыхнулась Эльвира – видимо, поскользнулась на загаженных камнях. Валерий зло шикнул на нее, в ответ получил добрый совет заткнуться. Рука продолжала меня тянуть, по-прежнему болезненно и целеустремленно, я покорно шел за ней, ни на секунду не забывая, кому она принадлежала прежде... Как бы я хотел сейчас остановиться, развернуться и... Да, и Эльвиру тоже – коль скоро она была причастна к этому чудовищному злодеянию. Таня... Что же я такого неладного наделал в этой жизни, раз так вышло с тобой?..

Через пять минут непрерывного протискивания по тараканьим щелям я вдруг оказался в сравнительно широком пространстве. Свет от фонаря идущего в сантиметре за мной Баранова упал внутрь этого расширения и запрыгал по удаленным стенам и по полу, сравнительно ровному. Здесь был сравнительно чистый воздух, зловоние осталось позади. Но то, что я увидел, выглядело более чем удивительно.

Представьте себе «комнату» размером примерно с капитальный гаражный бокс, пригодный для одного легкового автомобиля; но только потолок у этого «бокса» по высоте достаточен для лондонского двухэтажного автобуса. Стены

здесь были несколько ровнее, чем в извилистом и тесном «коридоре», но в первую очередь мое внимание привлекла самая дальняя из стен – там лежали три человека. Двое валялись на полу, а один – полулежал или даже сидел, безвольно прислонившись спиной к стене. Это были не истлевшие скелеты или мумии, которым бы нашлось место на страницах Буссенара или Хаггарда; это были не паладины, кого бы поместил в подобную пещеру Спилберг... Здесь мы увидели наших современников, одетых точно так же, как и мы – в походно-полевую форму для гражданских туристов, собравшихся в поход по нецивилизованной местности: плотные хлопчатобумажные куртки и брюки да крепкие берцы, очень похожие на армейские. Но к военной службе вряд ли эти люди имели хоть какое-то отношение, особенно тот, кто сидел у стены: у этого человека был пустой правый рукав. Он был немолод и очень худ; вероятно, высок, хотя в такой позе трудно определить рост. Этот человек, по всей видимости, спал: когда я подошел ближе, то мне показалось, что он дышит, точно так же, как и другие двое. Обрубок руки с горящими пальцами дергался у меня в руке, толкаясь таким образом, будто бы хотел сказать: «все, мы пришли, стой на месте!»

– Слушай, а ведь рецепты твоих америкашек-то действуют! – вдруг восхищенно сказал Валерий. – Эти-то спят беспробудным сном.

– «Рука славы», – пробормотала Эльвира. – Я до послед-

него не была уверена, что эта штука сработает...

«Сука!» – хотел я произнести. – «Какая же это «рука славы», к черту?! Это рука Тани, рука моей любимой женщины, с которой мне даже страшно подумать, что вы сделали...»

Баранов не разделял восторга прочих членов похода и вообще, казался очень сильно озадаченным.

– Погодите. А эти-то как сюда забрались и что они тут делают? Наконец, где то, что мы ищем? Где Грааль?!

А вот это точно. Ничего похожего на статую, чашу или вообще какую-либо культурно-историческую ценность в пещере я не видел. Надо думать, не видели и мои спутники. Три ярких фонарика тщательно ощупывали своими лучами стены, пол и потолок этого небольшого зала, но тщетно – кроме людей, спящих, бодрствующих (а также одного, находящегося в сумеречном состоянии), тут ничего и никого не было.

– Они его забрали, – вдруг произнесла Эльвира.

– Кто «они»?!! – заревел буйволом Виктор. – Эти?

Он ткнул пальцем в лежащих.

– Нет, – сказала Эльвира. – Генка забрал... Он договорился с Курачом и этим святошей-америкосом...

– Черт!!! Дерьмо!

В ярости Баранов швырнул наземь свой фонарь и изрыгнул несколько слов, которые как нельзя лучше отражали его расстроенные чувства. Эльвира шумно дышала, как-то совсем не в стиле окружающей обстановки, Валерий застыл слегка наклоненным столбом. Я тоже стоял истуканом, фи-

тили под ногтями «руки славы» постепенно догорали...

– Внимание! – вдруг загремело со стороны входного лабиринта. – Немедленно всем выйти из пещеры по одному!

Голос был приглушен, но почему-то казался знакомым.

– Это же Мороз! – прошипел Валерий. – Он-то каким боком...

– Это ты его притащил, – зарычал Баранов. – Зачем вы привезли этого мутного типа из деревни? Надо было пристрелить его по дороге, и все дела...

– Нельзя было... Генка еще не знал, что я – не Монин. А когда узнал, тут и ты приехал с толпой...

– Повторяю! – загремело снаружи. Видимо, говорящий забрался довольно глубоко в извилины коридора.

Вблизи меня послышался характерный щелчок.

– Смотри внимательно; кто бы ни вошел – стреляй в грудь, – тихо пробормотал Баранов.

Я толком ничего не видел, поскольку не мог повернуться, но тут ситуация снова поменялась. Однорукий худой верзила (возможно, это и был настоящий Аркадий Монин – трудно придумать иное совпадение) неожиданно открыл глаза – их белки тускло блеснули в отсветах фонарей. А двое лежащих вдруг резко и беззвучно подскочили; они, кстати, тоже были вооружены.

– Бросьте оружие! – рявкнул один из поднявшихся. – Оба! И Руки за голову.

Судя по всему, ни Виктор, ни Валерий не подчинились.

Они смотрели в противоположную сторону, откуда доносился голос Мороза, и потому были захвачены врасплох. В пещере оглушительно загремели выстрелы – со скоростью четыре в секунду. Из-за особенностей акустики в замкнутом помещении мне показалось, что в уши мне с обеих сторон вбивают толстые гвозди. По меньшей мере две пули попали в каменные стены и отрикошетили со зловещим жужжанием.

Завизжала Эльвира, что-то углядев за моей спиной. Несмотря на звон и боль в ушах от выстрелов, этот визг я услышал вполне отчетливо.

– Оба готовы, – пробормотал один из незнакомцев.

– А это кто? – спросил второй, поднимая пистолет на уровень моей груди.

– Это проводник, не трогайте его, – вдруг вмешался долговязый Монин (если это действительно был он).

– Тогда какого черта он тупо стоит так? – удивился второй и, опустив пистолет, подошел ко мне. – Что за дерьмо у него в руке?

«Сам ты дерьмо», – хотел сказать я.

– Еще кто-то лишился руки из-за дикого суеверия, – произнес долговязый.

– Как бы там ни было, они действительно решили, что мы спим, – произнес второй, выбивая у меня из руки «руку славы», фитили у которой погасли, распространяя дымок с отвратительным запахом горящей плоти. Бедная Танина рука упала на каменистый пол... Сволочи, ей же больно...

– Ты можешь сделать, чтобы он сдвинулся с места? – спросил однорукий у Эльвиры. У той стучали зубы от страха, но она, кажется, сумела ответить утвердительно.

– Так делай тогда! – заорал первый стрелок.

– ДЕВЯТНАДЦАТЬ, ТРИСТА СОРОК ЧЕТЫРЕ, СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ, ДВАДЦАТЬ ДВА, – прерывающимся голосом произнесла Мельникова. Я еще никогда не видел ее такой напуганной.

Но в этот момент я вдруг ощутил, что незванный «водитель» моего тела мгновенно испарился, и я тут же смог занять свое законное место. Пошевелил руками, повернул голову... Тело слушалось. Мир вновь повернулся ко мне своей привычной стороной.

Виктор и Валерий лежали возле щели, ведущей в коридор. Вернее, их трупы – неизвестные стрелки били без промаха, чего нельзя сказать об оппонентах. Соревнование любителей и профессионалов закончилось убедительной победой последних... Счастье Эльвиры, что она была без оружия... А почему, кстати?

Я присел, зашарил по камням ладонями, надеясь нащупать руку. Вот она... Она снова была высохшей и сморщенной, полностью лишенной живой влаги.

– Да брось ты это... – почти добродушно сказал второй стрелок.

Я отшатнулся на шаг, прижимая поднятую руку к груди.

– Ну, как знаешь... Ладно. Мадам, ваш выход первый.

Вперед!

Покачиваясь и спотыкаясь, Эльвира протиснулась в щель коридора.

– Теперь ты, проводник.

Ясно, это относилось ко мне. Я двинулся по знакомому лабиринту, навстречу зловонию и отблескам солнечного света, поначалу тусклым, затем все более яростным. Впереди судорожно металась тень – то пробиралась к выходу Эльвира, то и дело поскользываясь на камнях.

Снаружи ее уже ждали. Мороз, вооруженный пистолетом. Он корректно предложил женщине самой сдать оружие, буде такое имеется (такого не имелось). Тем не менее он заставил ее встать лицом к стене склона, упереться в него руками и расставить ноги. Жестом опытного оперативника провел руками по бокам, бедрам и подмышкам.

Тут вышли и остальные трое. Жмурясь от солнечного света, они принялись надевать темные очки. Однорукому пришлось чуть труднее, но и он справился быстро с этой процедурой.

– Эти двое там остались, как я понял? – спросил Мороз.

– Там остались, – подтвердил первый стрелок. – Монин подтвердил: это те самые люди, которые тогда...

– Позже, – отрезал Мороз. – Значит так. Сейчас спускаемся вниз, там уже ждут нас.

– Все? – коротко переспросил второй.

– Да, – ответил Мороз. – Спускаемся все.

Спецслужба. ФСБ или еще что-то подобное, понял я. Если спецслужба оставляет свидетелей в живых, то это значит, что они им еще для чего-то нужны.

Спускаться вниз, к лагерю, было тяжелее, чем подниматься. Хуже всех пришлось однорукому – у этого гражданина действительно не хватало одной конечности. В других обстоятельствах меня бы просто распирало от любопытства – что в действительности случилось с настоящим Мониным когда-то, где он потерял свою руку, и чего он тут делает сейчас. Но не сейчас и не здесь. В рюкзаке Валерия, который я прихватил с собой, лежала другая страшная рука со следами лака на ногтях, и она занимала все мои мысли.

– ...Что там такое, черт возьми? – заревел первый стрелок, когда мы достигли почти самого подножия склона.

Похоже, в этот день все у всех что-то пошло не так. Бивуак был пуст. УАЗ исчез, а вместе с ним исчезли и все люди, которые должны были находиться в лагере – Ричард, Курач, Студент и Геннадий.

Бешено ругаясь, оба стрелка быстрыми шагами промеряли площадку брошенного лагеря с остатками еще дымящегося костра, и подошли к моей машине. Открыли дверь салона...

Два мычащих обмотанных веревками тюка валялись в салоне микроавтобуса (вообще за короткое время моего владения этой машиной подобных грузов в ней побывало немало). Я, Монин и Эльвира под наблюдением Мороза спокой-

но наблюдали, как коллеги последнего вытаскивали наружу обоих связанных. Американец... Ну ладно, этот не такой уж боец, хотя человек вполне себе резкий, буде когда понадобится. А второй... Иван Курочкин, умеющий завязывать узлом самолетные стойки шасси. Специально обученные люди некоторое время смотрели на них, потом один, как мне показалось, потянулся за пистолетом.

– Тут есть гражданин иностранного государства, – вдруг пришло мне в голову проинформировать вслух всех заинтересованных лиц. – А именно – Соединенных Штатов.

– Какая разница? – произнес Мороз. – В первую очередь все вы – преступная группа, пытающаяся завладеть достоянием Российской Федерации. – Кто-то из вас виноват меньше, кто-то больше... Вот этого гражданина, – он ткнул пальцем в американца, – уже хоть сейчас можно сажать лет на шесть... Но, думаю, его просто депортируют... А вот с этим – он показал на Курача, – пока неясно. Вроде бы, он простой представитель «группы поддержки», обслуга... Верно, гражданка Мельникова?

– Верно, – спокойно сказала Эльвира, хотя ее и потряхивало. – А что касается человека, которого назвали «проводником», он тоже не при делах. Его вынудили оказаться здесь...

– Об этом у вас еще будет возможность рассказать, – заявил Мороз. – Вам, если уж на то пошло, срок поболее можно будет потребовать, а депортация вам не светит. Сейчас ваше дальнейшее положение зависит только от вас самих,

понимаете? Насколько вы охотно и добровольно станете сотрудничать с нами, настолько вам будет проще объяснять, что вы тут делали и каким образом оказались связаны с Геннадием Ратаевым... Может быть, даже, имя Виктора Баранова вообще не будет упомянуто... Если вам это ясно, давайте работать вместе.

К этому моменту из ртов Ивана и Ричарда извлекли кляпы, но развязывать их не торопились. Усадив обоих спинами к борту моей машины, Мороз потребовал объяснений. Курач охотно и добровольно выложил всё.

...Когда Маскаев, Баранов, Эльвира и Валерий отправились на склон, он, Курач, заметил, что Гена и Студент с чего-то вздумали пошутиться. Ну, этого он им запретить не мог, просто решил подойти ближе и послушать. Но они «просекли», что Курочкин нарезает все более сужающиеся круги, и потому притихли сразу же. От американца толку никакого не было, он не обращал особого внимания на подозрительное поведение археолога и парня, который и раньше-то не пользовался особым авторитетом в шайке Гуцула, поскольку строил из себя сильно умного. Потом они обнаружили, что исчез Мороз, и это встревожило Курача особенно сильно – мало ли, чего можно ожидать от типа, который оказался в их компании вообще случайно. Иван попытался связаться по мобильнику с Эльвирой или Виктором, но тщетно – устойчивой сети здесь по-прежнему не было, а рация исчезла – видимо, ее прихватил с собой Мороз (естественно,

так оно и оказалось). И естественно, Курач поднял тревогу и указал оставшимся в лагере членам экспедиции на этот вопиющий факт. Гена, по его словам, начал опять нарываться и напрашиваться: ядовитый археолог издевался и глумился, говоря, что вот мол, хорош сторож – бомжа укараулить не в состоянии, да и рацию проворонил. Американец что-то лопотал не по теме, порываясь рвануть на склон следом за ушедшими на очередную разведку... В общем, начался конфликт. Курочкин попытался вразумить Ратаева (Ричард уточнил, что Иван с озверевшей рожей гонялся за Геннадием по лагерю и изрыгал такие фразы, что американец почти ничего не понимал), а пока он этим занимался, Студент потихоньку долбанул Ричарда чем-то по черепу. А после этого, сказал Иван, он кинулся ему, Курачу то есть, под ноги, и когда титан рухнул на камни, эти два мерзавца вырубил и его, Ивана. Очнулся он на полу салона «тойоты», причем рядом валялся спокойный американец. Вопить и освободиться Иван пытался долго, но тщетно. Вскоре Ричард тоже пришел в себя, они начали друг другу помогать развязаться, а тут подоспели и вы... С очень интересными новостями и не менее интересным предложением.

Не менее интересными были и перспективы. Нужно было срочно кидаться в погоню за Геннадием и Студентом, которые, в отличие от Мороза, прихватили с собой не рацию, а все телефоны, которые нашли в лагере. Курач был вооружен, насколько я себе это представлял, и, по-видимому, пушку у

него Гена и Игорь забрали тоже. Однако о том, что при нем находился пистолет, Иван решил за лучшее умолчать. Иногда он все-таки соображал.

Ратаев и Студент соображали не хуже. Прежде чем забрать УАЗ, они позаботились о том, чтобы мы не могли организовать адекватную погоню: оба передних колеса у «тойоты» были продырявлены, а аккумулятор извлечен из своего места и брошен на камни. Затем по нему нанесли несколько ударов топором – из трещин вытек почти весь электролит. Грааль мне был совершенно до лампочки, но за порчу моего автомобиля я мог бы стереть в порошок. Хотя в эти минуты я думал почти исключительно лишь о Татьяне – что с ней сделали, а также кто именно, и как до них добраться. Думаю, топор мне бы очень пригодился при встрече.

– А теперь, гражданин Курочкин, – сказал Мороз, – напрягите мозги и подумайте: мог ли Геннадий или Студент уже найти... э-э-э... драгоценную вещь и скрыться с нею?

Курочкин напряг мозг и сказал, что да, наверное, мог, но этого же никто не знает...

– Теперь вопрос к вам, уважаемый Аркадий Федорович: кто-нибудь из этих людей присутствовал в тот момент, когда вам... Тогда, в Узбекистане?

– Нет, ни один из них. Только те, двое, в пещере... Всех остальных я вижу впервые, – произнес однорукий Монин.

Мороз внимательно и как-то почти сочувственно посмотрел на участников поредевшей экспедиции. Затем вынул

свою рацию и сказал что-то вроде: «да, высылайте немедленно».

– Что с ними делать, Васильич? – спросил один из «специально обученных».

Мороз пожал плечами.

– Как обычно, – сказал он.

Если у кого-то и были сомнения в намерениях наших гостей, то не у меня. Я метнулся в сторону вчерашней трещины, по дну которой змеилась тропинка, и, пригнувшись, пополз на карачках кверху. Сваливать быстро при первых признаках шухера я научился давно, еще будучи школьником, когда жил в Казани.

Черт возьми! Два выстрела я услышал через секунду. Затем кто-то метнулся следом за мной, ужом скользнув в щель. Это Эльвира! Черт с ней, мне не до нее... Еще выстрел. И чей-то истошный вопль – наверное, для кого-то крестовый поход закончился. Я, как мог быстро, перебирал всеми конечностями, карабкаясь по дну расщелины, обдирая в кровь пальцы рук и ударяясь о каменные выступы локтями и коленями. Вот и камень, за которым та самая нора, куда мы заглянули. Слушая новые выстрелы, я буквально пролетел в эту дыру и как таракан, полез вглубь, ползя в кромешную тьму... ориентируясь только на везение.

– Андрей... – донеслось до меня. – Помоги... Пожалуйста.

Эльвира. Сука и королева-убийца. Что мне было делать?

Впоследствии я уверял себя, что остановился и каким-то непонятным образом развернулся под прямым углом в ужасной тесноте лишь для того, чтобы потом допросить Мельникову, кто и что мог сделать с Татьяной. В общем, я высунулся наружу, протянул руку подпрыгивающей женщине и втянул ее в нору. Видимо, вовремя, потому что снизу кто-то заорал: «Где они?!» Наши доброжелатели, видимо, не видели ни малейшего смысла оставлять в живых хоть одного члена «преступной группы».

Может, у кого-то этот денек действительно не задался, но мне повезло еще раз. Я каким-то чудом нашел правильный поворот, и буквально вывалился из тесной щели в пространство, где сквозь едва заметные отверстия пробивался солнечный свет. Следом за мной в полуосвещенной нише оказалась и Эльвира. Она опять была напугана – еще бы! Эта женщина видела смерть, но в нее еще не стреляли ни разу, так что ничего удивительного не было в том, что у нее зубы выбивали мелкую дробь. Скажу честно, мне тоже было страшно. Такого поворота событий я не ожидал.

Снаружи донесся низкий гул турбин, перемежающийся звонким хлопаньем лопастей воздушного винта, меняющего шаг – судя по всему, где-то возле склона снижался вертолет. Скорее всего, Ми-8. Возможно, один из тех, что барражировали недавно возле полигона наверху. Из-за шума снаружи я не сразу услышал шорох и мат поблизости – кто-то из преследователей полз следом... Если он увидит падающий лу-

чик света, то наверняка полезет следом, и мы тут окажемся перед ним прямо как на сковородке... Я огляделся. Стены корявые, но без укрытий. И я сделал единственное, что могло дать хоть как-то шанс: подошел к отверстию, из которого только что выползли мы с Эльвирой, и закрыл его своим телом... Черт возьми, но меня одного было мало... Я схватил Эльвиру за руку, дернул ее на себя, едва слышно прошипел «тихо», и прижал к камням рядом с собой. Сука и убийца была женщиной умной – она сразу поняла, что я решил, и зачем это сделал. Зубы у нее по-прежнему стучали, ее тело сотрясала мелкая дрожь, но она стояла рядом со мной, навалившись спиной на отверстие в каменной стене, прислушиваясь к тому, как совсем рядом кто-то ругается и копошится...

Кажется, кто-то кого-то позвал... Ругань и шорохи стали удаляться. Мы с Эльвирой перевели дыхание, но пока что так и стояли бок о бок, загораживая проем.

... Минут через десять падающие лучи солнца в наше убежище вдруг замерцали – кто-то, по всей видимости, двигался снаружи, перекрывая свет. Я оторвался от стены, стараясь ступать как можно тише, подобрался к едва заметным отверстиям.

– И там никого, Васильич... – донесся до меня чей-то разочарованный голос.

– Зато эти готовы, – сказал другой.

– Ладно, черт с ними, – произнес Мороз. – Давайте быст-

ро в вертолет. Через несколько часов тут будет, как говорят пиндосы, «hell and high water».

– Что-что, Васильич? – переспросил «специально обученный».

– Да проехали... Говорю, кто бы тут ни остался, уже и так по любому трупы.

– Автобус ихний точно не поедет?

– Без колес?.. Ты издеваешься. А пешком отсюда им не успеть уйти. Все, летим, думаю, этих мы быстро догоним...

– Это о чем он? – спросила Эльвира, когда голоса затихли.

– О том, что скоро эта гора взорвется, и нас засыплет и затопит, – ответил я. – Но все равно надо выбиратья...

Шум вертолетных турбин усилился – видимо, наши гости решили покинуть лагерь у подножия обреченной горы. Обратный путь из этой пещеры, показался мне значительно более трудным и долгим... Вообще, страх немедленной смерти здорово подгоняет – куда сильнее страха смерти отложенной. К тому же на неопределенный срок.

Я выбрался из норы на свет, спрыгнул в расщелину и поймал Эльвиру, которая кулем свалилась на меня сверху – ладно еще, что она следила за собственным весом, а то бы точно раздавила в лепешку. Напуганная до полусмерти, с ободраным лицом и руками, вся перемазанная грязью и пометом летучих мышей, она совсем не была похожа на ту элегантную леди, что встречала нас когда-то в холле ДК имени Островского. Думаю, я и сам выглядел не лучше. Это только

в кино участники современных крестовых походов умудряются оставаться чистенькими и наглаженными даже в самых экстремальных ситуациях.

– Нам что – действительно не успеть? – спросила Эльвира. Мне не хотелось ей отвечать, но и не молчать же.

– Пошли, – сказал я. – Времени действительно очень мало.

Мы спустились по извилистому дну расщелины, по которому совсем недавно карабкались вверх, и скоро оказались на ровной площадке. Шум вертолета совсем стих, винтокрылая машина уже превратилась в едва заметную черточку в небе.

Недалеко от нас лежал человек – широкоплечий и толстошей. Он уткнулся лицом в камни и чуть разбросал вытянутые вперед руки, словно пытался кого-то поймать перед смертью. Два кровавых пятна на спине говорили о том, что больше Ивану Курочкину не придется завязывать в узел стойки шасси. Второй покойник лежал навзничь, открытыми, неподвижными глазами пялясь в чужое для него небо. Американца мне даже было немного жаль – этот человек, даже несмотря на его принадлежность к более чем одиозной организации, мне всегда казался наиболее безобидным ее членом...

Однорукий Монин лежал возле машины – его куртка тоже заметно напиталась кровью на левом боку. Однако стоило нам с Эльвирой приблизиться, как Аркадий резко повернул-

ся, посмотрел на нас и довольно бодро начал подниматься, хотя и зашипел при этом от боли.

– Резануло вдоль ребра, – выдохнул он. – Дай аптечку, проводник.

– С чего это ты меня «проводником» называешь? – спросил я, вытаскивая из-под сиденья коробку с бинтами.

– А кто же ты еще?.. Сегодня *ты* получил эту роль...

Монин зашипел от боли снова, стаскивая куртку – одной рукой он управлялся ничуть не хуже своего самозванца.

– Эльвира, окажи ему помощь, – сказал я, протягивая аптечку женщине.

– Нам же не успеть, – пробормотала она. – Ты же слышал...

– Если ты будешь делать как я скажу, – начал внушать я, – мы успеем... Но сначала помоги товарищу...

Аркадию пуля не причинила особого вреда, хотя кровавая борозда на левой части спины выглядела страшно. Пока Эльвира смывала кровь и слушала вопли раненого, я взялся за работу. Мерзавцы, конечно, знали, что делают: два колеса они изрубили на тот случай, если я имею в запасе хотя бы камеры для шин – а у меня камер было аж четыре штуки (две я уже поставил назад, а передняя резина стояла бескамерной). Но такие покрышки в любом случае нужно уже было выбрасывать, а запаска у меня была одна, да и та драная. Впрочем, для камерного ската она годилась (если ехать недалеко и небыстро).

Но есть еще одно колесо... Я забрался по трапу на крышу «тойоты», где на всякий пожарный установил дополнительный багажник еще перед выездом. Пожарный случай настал. Из пластикового контейнера я вытащил отличную покрышку, натянутую на стандартный колесный диск от «хайса». Я сбросил колесо вниз, потом спустился на землю и вытащил из кофра с инструментом монтировки. Убедился, что Эльвира уже заклеила Монинову поврежденную шкуру и приступила к перевязке. Подняв один из скатов машины домкратом, я позвал обоих своих попутчиков:

– Если мы хотим отсюда уехать, помогайте. Сейчас я сниму колесо, ваша задача общими усилиями его заменить, пока я занимаюсь другим.

– Но... – начал было Монин, покрутив в воздухе единственной рукой.

– Я этого никогда не делала, – пробормотала Эльвира. – Зачем, когда есть шиномонтажки...

– Аркадий, ты представляешь, как это делается? – спросил я. – Эльвира тебе поможет. У вас на двоих три руки и четыре колена. Действуйте.

Эльвира и Аркадий неумело принялись орудовать баллонным ключом. Ладно, пора показать, кто здесь реально владеет ситуацией... Хотя бы и без оружия. Ивана, видимо, обыскали, а Ричард с пистолетом не ходил...

– Не понимаю, чего ты добиваешься, – сказала Эльвира. – Они и аккумулятор угробили. Хочешь сказать, что у тебя за-

пасной есть?

– Именно это я и хочу сказать, – произнес я, вытаскивая фанерный ящик, надежно закрепленный под одним из сидений в салоне. – Если собираешься в сомнительный и неблизкий путь, запасной аккумулятор никогда лишним не будет...

Мне пошел впрок небольшой, но поучительный опыт переезда машин из Владивостока по федеральной трассе – нереально длинной и временами мистически пустой дороге, соединяющей Дальний Восток и Западную Сибирь. Если бы однажды я проигнорировал совет бывалого «гонщика», и не взял с собой два «лишних» колеса, один «лишний» аккумулятор, да плюс к ним еще кое-что «лишнее» по мелочам, то сейчас мы бы тут не плясали возле «хайса» и не раздумывали о том, как выжить. А если бы кто и плясал тут, то явно без меня.

Пока Эльвира и Аркадий заменили одно колесо, я установил запасной аккумулятор. Двигатель запускал с некоторым замиранием сердца – мало ли, вдруг эти вредители сделали с машиной что-еще, что не видно снаружи сразу? Нет, мотор без особой охоты, но все же провернулся, зафырчал, заурчал сравнительно ровно и без посторонних шумов. Отлично... Тормозные шланги казались все целые, бензина еще полно, так что в этом плане оказалось все не так уж плохо: счастливые глаза Эльвиры и Аркадия подтвердили этот вывод.

Второе переднее колесо мы заменили еще быстрее. Запасных скатов больше у меня не было, и случись сейчас по до-

роге что неприятное с резиной, тогда точно можно было говорить привет собственной заднице, как, по слухам, делают в подобных случаях американцы. Или, как вариант, заниматься разбортовкой и запихивать камеры внутрь покрышек... Та еще работенка, особенно для женщины и инвалида... Без лишних слов мы собрали все остатки вещей. Эльвиру, я попросил пересест в салон, а на ее невысказанный вслух вопрос произнес, что мне бы очень хотелось узнать историю недавних «крестовых походов» от их непосредственного участника – ему это будет удобнее делать, сидя на переднем сиденье рядом со мной.

Что Монин и сделал. Он взгромоздился в кабину, я дал самый малый, и «тойота» небыстро двинулась по острым камням – теперь, когда у меня больше не было запасных колес, я особенно сильно ощущал, насколько остры камни на здешнем бездорожье.

Глянув в последний раз через зеркало на обреченную гору, я вытряхнул предпоследнюю сигарету из пачки («лишнего» курева можно было взять и побольше!), щелкнул зажигалкой и спросил моего однорукого пассажира:

– Раз уж ты оказался в нашей компании, почему бы тебе не рассказать о том, как вы начали искать Грааль и как ты докатился до жизни такой, что связался со спецслужбами?

Монин угрюмо посмотрел сначала на меня, потом в окно, тоже закурил (я отметил, что сигарет у него еще прилично), после чего начал свой рассказ, странный и удивительный.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Комментарий Михаила: Разбирая материалы дела, в очередной раз с удивлением убеждался, насколько всем в последнее время стало на всё наплевать. Инженерам – на выполнение работы, военспецам – на ее последствия. Всех интересуют только деньги, причем с таким «заделом», хватит ли их на недвижимость за границей... Разве что некоторые из моих коллег работают «за совесть», вот только эта совесть ограничена установками на то, как бы чего ограничить... Возможно, это правильно. Мне иногда кажется, что люди просто уже одурели от вседозволенности и непонимания своей жизненной миссии. Если кто-то почитает, что я не прав, значит, он невнимательно читал или слушал новости, которые сейчас повсюду выглядят как криминальная хроника или летопись катастроф.

Привожу подборку репортажей и статей того периода: По словам заместителя генерального директора Горно-Алтайского филиала ОАО «РусГидро», все задачи, поставленные перед строителями, были выполнены достаточно точно. «Этого удалось достичь только благодаря слаженной совместной работе в прошлом году, которая привела к такому успеху. Текущий год – решающий для возведения плотины в установленные сроки. Если в этом году за-

дачи, которые мы сформулировали, будут выполнены четко, то гарантия того, что спустя три года будущая ГЭС даст первый ток – не вызывает сомнений. Не вызывает сомнений и необходимость сооружения ГЭС, несмотря на отдельные выступления экстремистски настроенных граждан, в первую очередь, небольшого количества местных жителей, до которых информация о строительстве намеренно доводилась в искаженном виде».

«Новые расчеты, выполненные специалистами Республики Алтай, ставят под сомнение гидрологическую безопасность очередной гидроэлектростанции в удаленных горных районах. Информационный портал «Plotinam.net» представил специально подготовленную для публикации на нашем интернет-ресурсе статью «Оценка максимальных расходов расчетной вероятности превышения в створе Чебдарской ГЭС»...

«Сила подземных толчков вчерашнего землетрясения в Горном Алтае превысила 5 баллов, отголоски стихийного бедствия почувствовали на себе жители Барнаула, Бийска, Новосибирска. Некоторые информационные порталы поспешили сообщить о техногенном характере бедствия и о катастрофических разрушениях в Улаганском районе, однако подобные сведения не соответствуют действительности».

«С призывом срочно скорректировать возведение плотин на горных реках выступил ряд общественных организаций

Республики Алтай, упоминая недавнее землетрясение, которое было, как утверждает ряд экспертов, спровоцировано неудачным строительством плотины в Улаганском районе. Представитель ОАО «РусГидро» по Горному Алтаю назвал подобные заявления «смехотворными», однако признал, что ошибки при закладке взрывчатых веществ действительно привели к разрушению естественного склона будущей плотины в Горном Алтае».

«В США считают, что характер толчков землетрясения в Южной Сибири заставляет усомниться в их природном происхождении.

Государственный департамент США сообщает о том, что землетрясение в России могло быть спровоцировано не горными разработками по типу катастрофы в Кемеровской области, а технологическим взрывом, по своей мощности сопоставимым с ядерным. Характер толчков землетрясения в Южной Сибири заставляет усомниться в их природном происхождении, – заявляет источник в Госдепартаменте США. «Нельзя исключать возможность, – пишет «Вашингтон пост», – что Россия, дезавуировав международные соглашения и подставив под удар жизни и здоровье собственных граждан, провела подземное ядерное испытание. Мощности взрыва, произведенного в горном районе недалеко от границ Монголии, невозможно достичь при использовании традиционных, «химических» взрывчатых средств». Между тем Министерство обороны Российской Федерации

отвергает подобные измышления, и сообщает, что для постройки плотины экскавационным способом действительно было задействовано взрывчатое вещество, но не ядерного типа, а бризантного, хотя и особо мощного. «Подрыв заряда новейшего, так называемого каскадного типа, – сообщил источник в Минобороны, – заключенного в чрезвычайно плотную оболочку для создания направленного импульса, вполне может дать на выходе кинетическую энергию порядка 4 миллионов мегаджоулей, что сопоставимо с одной килотонной в тротиловом эквиваленте, хотя при этом подрывается не более семидесяти тонн обычной взрывчатки...»

«Прорыв строящейся дамбы в Улаганском районе смыл несколько домов в селах нескольких районов Горного Алтая и в конечном итоге привел к резкому подъему уровня воды в реке Катунь вплоть до Бийска».

«Руководство национальной компании Республики Алтай «УлалаЭнерго» заявляет, что ничем не оправданный перенос сроков создания тела плотины с осени на лето привел к катастрофическим последствиям для развития энергосистемы Горного Алтая и ставит под вопрос дальнейшие перспективы строительства ГЭС в Улаганском районе».

Я не знаю, что в действительности сделал Маскаев, и как алтайские борцы за экологию сумели скорректировать природные явления, чтобы взрывное устройство, уже получившее название «квазиядерного», работав как надо, не приве-

до к ожидаемым последствиям. Я зато знаю, на какие рычаги и кто именно нажал, чтобы произвести его подрыв на несколько месяцев ранее намеченного срока... И уж точно – ни алтайские общественные организации, ни силы, взявшие под свою опеку Андрея Маскаева, к этому не могли приложить руки. Слишком они далеки от всего этого. Но мне кажется, что изложению Андрея Маскаева можно верить... Полной правды, конечно, он никому не скажет, особенно если учесть, что некоторые участники просто никогда уже не смогут ни подтвердить, ни опровергнуть информацию о завершении поисков величайшей святыни христианского мира, предпринятых международной группой авантюристов.

* * *

– Я надеялся, что больше никогда не столкнусь ни с этими фанатиками, ни с бандитами, – говорил мне Аркадий. – Поверь, Андрей, меньше всего на свете мне бы хотелось снова бродить по пустыням в компании людей, больных на всю голову... Хотя я и сам был таким когда-то. Я думаю, что и ты теперь понял: нет никакого Грааля, тем более тут, на Алтае. Все это вздор, фальшь и обман... Впрочем, от меня якобы требовалось только лишь опознать некоторых людей... Я это сделал. Уж Баранова или Аспаковского не узнать я бы не мог...

Я молча вел машину по каменистому бездорожью. Че-

го-то не хватало всей этой истории. Не то что бы рассказ Аркадия как-то не вязался с тем, что я уже знал... Но вот некоторым деталям тут точно надо было уделить внимание.

– Послушай, Аркадий, – сказал я. – Что ты вообще знаешь об этом месте? Каким образом оно связано с нашими поисками? Да и с вашими?

– О каком месте ты говоришь? – спросил Монин. – Об Алтае?

– Да, об Алтае... О городе Бийске. О месте, где сливаются Бия и Катунь. Как оно связано с тем, что мы все тут делаем?

– Да, в общем-то... Особо никак.

Монин врал!

– Вот как? То есть цель поисков Святого Грааля предполагала просто завладение этим предметом, так я понимаю?

– В общем, да.

– Что вы хотели с ним сделать? Распилить, переплавить и даже продать за границу?

– Почему именно за границу?

Монин либо не был знаком с классическим советским кинематографом, либо не помнил эту реплику полковника Верченко из «Джентльменов удачи».

– Ну а куда еще? Не в Гохран же понесли бы, верно?

Монин угрюмо посмотрел в окно, за которым простирался невероятно красивый, но для меня уже осточертевший пейзаж: слева – склон горы, справа – русло реки. Метрах в ста начинался резкий подъем, а от него, если взять кру-

то влево, то через несколько часов можно было бы подняться до турбазы (видимо, все-таки уничтоженной). Если взять некруто, то к концу дня можно было бы выехать на Чуйский тракт – федеральную *асфальтированную* трассу...

Но я остановил машину, вместо того, чтобы двигаться вверх из котловины.

– Почему ты остановился? – с подозрением спросила Эльвира, которая то и дело поглядывала назад, словно бы ожидая чего-то. Я знал, чего можно ожидать в любую минуту. И Монин это знал.

Вместо ответа я развернулся и поехал в обратном направлении, причем сразу же набрал максимально возможную скорость.

Секунд пять мои пассажиры молчали, потом Эльвира выкрикнула:

– Ты что, идиот?! Нас же сейчас накрыть может в любой момент!

Я посмотрел на часы. Полдень. Если у них там все произойдет, как было задумано, взрыв уже прогремел... Или прогремит вот-вот. Интересно, как мы его почувствуем здесь?

Вероятно, дрожь земли мы просто не ощутили из-за движения машины. Впереди вдруг в воздухе появились какие-то хаотично мелькающие точки. Они быстро приближались. Птицы! Видимо, почуяли, что произошло неладное, возможно, волна уже пошла через перевал в котловину и через

несколько минут появится здесь.

Я остановил машину и заглушил двигатель. Со стороны нашей стоянки, где остались несколько трупов, дул ровный ветер – его тонкий вой хорошо слышался в зеркалах заднего вида.

– Немедленно езжай отсюда! – закричала Эльвира. – Дай ключи!

– Я их сейчас выкину! – сказал я. – Или сам пропору все колеса! Мне уже наплевать, что будет со мной, но если этот тип не расскажет мне всей правды, мы останемся здесь! Считаю до трех, Аркадий! Раз! Два!!

– Святой Грааль нужно опустить в воды во время или после... – заговорил Монин и осекся.

– Быстрее! – сказал я, потому что понял, что постоянный поток ветра усилился. Бешено несущиеся по небу птицы были уже почти над нами. – Во время или после чего?

– Великой битвы, конечно! Которая состоится буквально через два-три дня! Здесь, у Бийска, при слиянии двух рек!

Рядом со мной сидел фанатик. Ничему его не научила история с потерянной рукой, и ничто не выбило из его головы всего этого вздора.

– Ты врешь!! – закричал я так убедительно, как только мог. – Это бред и шиза! Говори правду, иначе через пять минут ты встретишься с Артемом Буканцевым!

– Это не ложь! – так же убедительно ответил мне Аркадий. – В Бийске сейчас собрались «ткачи» со всего мира,

чтобы отбить нападение сил тьмы!

Итак, Ктулху действительно проснулся и открыл глаза в мутной пучине. Я уже ничему не удивлялся. В том числе и фабрике Абсолюта, работавшей на полную катушку прямо сейчас у меня перед глазами.

– Зачем нужен Грааль? – спросил я.

– Если отвечать на твой вопрос быстро, то его надо опустить в место слияния рек...

Эльвира не давала нам разговаривать. Она уже была в совершенной истерике – колотила меня руками по голове, кажется, даже расцарапала физиономию. Своим визгом она забивала слова Монина, но вой все усиливающегося ветра заглушить была не в состоянии.

– Заткнись! – хором прикрикнули мы на Эльвиру.

Толку было немного. Монин, впрочем, тоже был близок к истерике. Что ж, Алистер (не Кроули, а Маклин) был совершенно прав, полагая, что страх – это лучший ключ к правде. Я задал еще один вопрос – последний.

– Где находится Грааль?

– У Ратаева, конечно.

Нет, Маклин ошибся. Страх заставлял говорить правду только обычных людей – бандитов и шпионов. В случае с фанатиками этот метод не работал. Дольше разговаривать было нельзя – я все-таки рассчитывал прожить еще немного, хотя бы для того, чтобы отрезать яйца тому ублюдку, который отрезал руку у моей Тани. Поэтому я повернул ключ зажи-

са», он то падал на землю, то воздевал единственную руку к небу – то есть, вел себя примерно как давешний шаман-эпилептик, только более гротескно. Оглядываться на этого фанатика мне больше не хотелось. В конце концов, спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а Монин явно не принадлежал к числу самых близких моих людей.

Стройные ноги Эльвиры в светлых, покрытых грязью, кроссовках просто летели над каменистой поверхностью, почти не касаясь ее. Хорошо быть некурящим! Я не помню, когда последний раз мне приходилось бегать так быстро, и так долго – разве что на Северном Кавказе, когда я драпал от местных бандитов, которые мечтали со мной познакомиться. Выход наверх из котловины не так уж и далеко. Но и не близко. Беги, кролик, беги. Run to the hills, run for your lives, как пели когда-то, еще в прошлой жизни, «Айрон Мэйден» в моей студии подпольной звукозаписи...

Страшный грохот донесся сзади, когда нам, по моим расчетам, оставалось бежать еще минуты три-четыре. Это был рев не то библейского демона, не то доисторического чудовища. Он нарастал с каждой секундой, леденил кровь в жилах, заставлял думать о черных безднах и мертвых огнях. Ктулху проснулся, поднялся из глубин и с ревом помчался бешеными скачками по каменистому бездорожью. Земля содрогалась, плотный ветер, дующий в спину, сбивал с ног. Но Эльвира и я уже карабкались вверх по склону, по которому мы совсем недавно съезжали на брошенной где-то за чертой

реальности «тойоте», которую, наверное, Ктулху уже раздавил чугуной ногой. Второе или третье дыхание у меня открылось, не знаю. Какие силы нам помогали буквально взлетать по косогору, и не падать – тоже не знаю. Эльвира зачем-то оглянулась, я успел заметить выражение ужаса на ее лице, и заметил, что она припустила еще быстрее, хотя это уже казалось невозможным. Я тоже оглянулся, и сам забыл про невозможность.

Огромный дымчатый вал с адским гулом двигался по всей ширине котловины, заполняя ее и ударяя по склонам, поднимая высокие всплески. Скорость его движения казалась нереальной для такой огромной массы. Будь она чуть выше, то успела бы «слизнуть» нас с вершины склона и швырнуть в чудовищный котел. Но мы успели. Трех-четыре минут нам хватило, чтобы не только добраться до края котловины, но и взобраться еще выше – на довольно крутой с уступами угловой склон горы, который обозначал поворот от полного бездорожья к длинному уступу среди камней, похожему на естественного происхождения дорогу. Бешеная вода с оглушительным ревом вырвалась из котловины, метнулась по тому месту, где только что стояли мы, ударила в скалистый склон и рванула по нему вверх, совсем рядом с тем уступом, где уместились мы с Эльвирой, присев на корточки, вжавшись в стену, и непроизвольно обняв друг друга, словно самые близкие люди. Стена черной воды, стремящаяся вверх, была похожа на водопад, который по странной прихоти сил приро-

ды, вдруг отвернулся от земли к небу. Но через считанные секунды он схлынул, повинувшись земному тяготению, и до нас долетели только холодные брызги, залившие меня и Эльвиру с головы до ног и едва не сбросившие с уступа вниз, где клокотали и бурлили мутные волны новорожденного водохранилища.

Все это заняло лишь несколько секунд. Метрах в пятидесяти от нас хаотически мечущиеся волны нашли выход наружу. С ровным рокотом вода, заполнявшая котловину, начала стекать по камням вниз, в древнее сухое русло, возле которого теперь уже точно нескоро построят новую электростанцию...

Эльвира, встряхнув мокрыми волосами, убрала руку с моего плеча и, протянув ее в сторону нового водопада, что-то прокричала. В тот же миг и я увидел что-то кривое, угловатое, нелепо качающееся на волнах – мой «хайс», который вода подняла с того места, где я оставил машину, пронесла до гребня и сбросила вниз... Тело Монины я не увидел, и хорошо, наверное: страшно подумать, в какой узел оно могло завязаться в этом бурлящем котле!

– Надо уходить, – сказала Эльвира. Теперь я хорошо ее слышал – адский рев быстро стих, лишь спокойно и ровно шумел водопад, унесший мою машину, да плескались под нами мутные волны. Ктулху получил свои жертвы и решил немного вздремнуть.

Эльвира и я спустились вниз со склона на мокрую землю.

Трудно было поверить, что по этой скале мы как-то умудрились подняться на уступ: некуда было ногу поставить, не за что зацепиться. Все-таки страх – сильная штука, при других обстоятельствах мы бы не сумели забраться туда... Высота не менее третьего этажа, как я прикинул, когда мы оказались внизу. На той высоте я немного помог Эльвире преодолеть последние несколько метров, подстраховал ее. Зачем я это делал? Не знаю.

Мы некоторое время стояли, глядя на поверхность новорожденного озера, и тут Эльвира сказала:

– Если Грааль существует, то я знаю, где он.

– Где же? – спросил я.

– В машине. И Монин знал это. Студент с Геннадием спрятали его где-то под обшивкой, а сами смылись. И вывели из строя автомобиль, отлично зная и про лишнее колесо, спрятанное на крыше, и про запасной аккумулятор. Они опасались того, что их по дороге перехватят и обыщут, а ты глядишь – и проскочишь...

– Они не приняли в расчет Мороза и его людей.

– Они и не подумали и про твое упрямство... По крайней мере, Грааль все-таки оказался в водах Катуня. Может, это и к лучшему, а, Андрей?

– Может быть, – сказал я.

Эльвира промолчала. Обсуждать больше было нечего. Двое пошатывающихся от усталости людей, мокрых и оборванных, медленно побрели в сторону Чуйского тракта. На

попутную машину в этих местах рассчитывать не приходилось.

Комментарий Михаила: Аркадий Монин попал под пригляд нашего ведомства еще в начале девяностых, при тогдашнем бесконтрольном разброде и шатании молодых и не очень людей между конфессиями, сектами, орденами и другими подобными обществами. В России в те годы возникла небольшая община, отпочковавшаяся от ближневосточной религиозной организации, известной как «свидетели Воскресения» или, как они начали называть себя сами в годы гонений на ранних христиан, «ткачи». Вероятно, в память о безвестных почитателях Иисуса, соткавших для него плащаницу.

На российской почве эта еретическая ветвь с иудейскими корнями не прижилась, зарубежные эмиссары исчезли, но название сохранилось. Более того, Монин, который размежевался с основным руководством из Иерусалима, быстро убедился в том, что умелая работа с адептами позволит ему жить безбедно и интересно, а главное – даст возможность заниматься богословскими и историческими исследованиями. Аркадий искренне интересовался историей, не менее искренне верил в Христа, и не менее искренне мечтал разбогатеть. Хотя и не был стяжателем по своей натуре, для жизни ему вполне хватало однокомнатной квартиры по линии метро и частного дома, который он со товарищи арен-

довал где-то на окраине, подальше от любопытных глаз.

Так вот, к этим «ткачам» примкнули, в числе прочих, такие люди, как Артем Буканцев и Геннадий Ратаев. Первый из них был агрессивным и бескомпромиссным, по Максиму Горькому: кто не с нами, тот против нас, а если враг не сдаётся, его уничтожают... и так далее. Ратаев же смотрел на вещи с точки зрения скорее исследователя, нежели человека действия. Но именно он убедил своих «братьев» в необходимости и возможности поисков Грааля в азиатской части бывшей великой империи, расшифровав записки князя Гагарина и наметив возможные районы поисков от узбекского Муйнака до границы между республикой Алтай и Монголией.

Теперь уже всем ясно, что узбекский след был ошибкой, точно такой же, как и несостоявшийся поиск в районе Кулундинской степи. Но там, рядом с высохшим дном Аральского моря, превратившегося в пустыню, по соседству с ржавыми остовами теплоходов, пересеклись однажды дороги Аркадия Мошина и Виктора Баранова – бизнесмена, искателя приключений и, в общем-то, типичного бандита, сконструированного по лекалам девяностых годов.

Баранов тогда еще не был связан с солгулианцами, более того, он и слыхом не слыхивал про такое заковыристое название. Однако про Святой Грааль он был наслышан, в первую очередь благодаря фильму про Индиану Джонса, записанному на видеокассету «черный BASF» – кто-то, мо-

жет быть, помнит этот эталон формата VHS тех лет. Ну, и высшее образование, пусть даже и неоконченное, все-таки способствует некоторому повышению интеллекта и расширению кругозора даже у людей такого склада, каким был Баранов в те годы. Плюс задатки лидера. В группе авантюристов находились Валерий Аспаковский, единственный, кто кроме самого Баранова, участвовал в обоих «крестовых походах», плюс еще трое темных личностей, чьи имена нам сегодня уже ничего не скажут. Но именно эти трое сумели нагнать страху на команду трех искренне верующих в свою миссию археологов на краю пустыни Аралкум, заставив их продолжать поиски уже не для личной славы и обогащения, а просто под угрозой лишения жизни. Как известно, все люди делятся на две категории: те, у кого револьвер заряжен, и те, кто копает. Аркадий, Геннадий и Артем были вынуждены копать. По понятным причинам ничего они не нашли, и тогда в голове Аспаковского, чье сумрачное видение мира не раз обращалось к мистике и мракобесию, родился поистине дьявольский план.

В хижине «крестоносцев», отстоящей от Муйнака километров на пятьдесят, а от современной цивилизации – на все пятьсот, Аркадия принялись изощренно пытать. Во-первых, его распяли в стоячем положении. От мучеников времен зарождения христианства его отличало то, что он все-таки мог упираться в пол пятками. Но его лишили воды и жестоко избивали и терзали те трое, которых немного

побаивались и Баранов с Аспаковским. Впрочем, последний тоже принимал участие в экзекуциях. Когда уставал один, за дело принимался другой. После нескольких дней издевательств, когда Монин сорвал голос и начал терять связь с внешним миром, его принялись убеждать, что единственный способ прекратить мучения – отдать руку. Далеко не святая троица под идейным руководством Аспаковского убеждала Монина в этом еще суток двое, и наконец, Аркадий действительно протянул руку под топор. Не теряя времени зря, мерзавцы отрубили Монину конечность, и Аспаковский подготовил ее по эзотерической «технологии», аналогично небезызвестной «руке славы», якобы помогающей грабителям безнаказанно обчищать дома так, что хозяева не могут проснуться, а накопленные ценности сами подадут знаки, где прячутся. Высушив руку на солнце, Валерий начинил ее воском, прошил фитилями и вымочил в жидкости, состав которой доподлинно неизвестен, ясно только, что среди ингредиентов имеется раствор селитры. Взять эту руку и ходить с ней по пустыне заставили Геннадия, что он и делал, в сопровождении всей банды, за исключением одного из головорезов, охраняющего хижину. Впрочем, Баранов не доверял черной магии на все сто процентов и потому не расставался с американским металлоискателем «Силвер Игл». Как бы там ни было, ни мистика, ни техника не помогли «крестоносцам». Вернувшись в хижину, они нашли охранника-головореза убитым. Артем же исчез, как исчез

и труп Мони́на (они все думали, что после подобных жутких действий Монин скончался). Однако спустя некоторое время оказалось – нет. Буканцев на своем горбу дотащил полумертвого от ран и потери крови человека до ближайшей клиники в Муйнаке (несмотря на депрессивное состояние города, жизнь в нем продолжалась), где Аркадия почти чудом вернули к жизни. Конечно, подобные переживания сильно отразились на его психике, в первый год он дважды пытался покончить с собой, но неудачно. Затем он попал в поле зрения нашего ведомства, мы показали его лучшим на тот момент столичным специалистам в области психотерапии, помогли найти ему работу, словом – возвратили обществу почти полноценного члена, хотя и инвалида. Когда нам кто-то нужен, мы можем сделать почти невозможное. Но случилось так, что сотрудник, курировавший тему Мони́на, в момент очередной реорганизации нашей «конторы», был уволен, и дело оказалось замороженным на несколько лет, пока Монин обжился в ближнем Подмоскowie, ходил на работу и даже женился.

Но вернемся в Узбекистан. Банда Баранова без труда вычислила, кто убил сообщника и приняла меры предосторожности, приняв к сведению, что пистолет головореза исчез вместе с Артемом и Аркадием. Буканцев времени даром тоже не терял. Отлично понимая, что местная полиция ему не поможет, а если он поднимет шум, то у него появится шанс познакомиться с обстановкой в ближайшем зиндане,

Артем сразу же покинул Муйнак, как только сдал Молина в приемный покой. И вернулся к стоянке в пустыне.

Следующей ночью он застрелил из украденного пистолета еще одного урку, подкараулив его, когда тот вышел из хижины справлять большую нужду. Над Аралкумом еще некоторое время гремели выстрелы – последний головорез и Валерий надеялись утихомирить опасного соседа. К тому моменту и им, и Баранову стало ясно, что ни улучшенная «рука славы», ни американская электроника им не помогут. Ратаев тоже склонялся к тому, что он допустил ошибку при расшифровке грамоты сиятельного князя Гагарина. Ошибка эта стоила жизни нескольким людям... включая и третьего бандита, чье имя не сохранила история: Буканцев прикончил и его, следующей ночью и тоже при отправлении естественных надобностей. После этого трое оставшихся в живых погрузились в «джип-чероки» и попытались уехать. Но Буканцев сделал с внедорожником примерно то же самое, что впоследствии сделают с микроавтобусом Маскаева: пропорол два колеса и перерезал тормозные шланги. Бросив машину в пустыне, Баранов и Аспаковский ушли в Муйнак пешком. Рядом с ними чуть впереди шел Геннадий, которому в спину смотрели стволы пистолетов; резонно понимая, что Буканцев вполне может ужокошить оставшихся главных членов банды, они таким образом решили себя подстраховать. Собравшись в путь, Аспаковский громко прокричал окрест, что в ответ на первый выстрел Артема,

неважно, достигнет он цели или нет, вторым будет убит Геннадий. Как бы там ни было, пока Виктор, Валерий и Геннадий брели по пустыне до Муйнака, по ним никто не стрелял, и Артема они так и не увидели.

Встреча Артема и Виктора состоится спустя несколько лет... и кончится она для Артема весьма печально. Его смерть, как мы уже знаем, неуклюже попытаются «повесить» на Андрея Маскаева.

Что касается Монины, то за несколько дней до описываемых событий к нему в квартиру неожиданно нагрянули незнакомые ему люди и, напомнив о том, что Аркадий является нештатным сотрудником ведомства, заставили его, к полному недоумению жены, сорваться с места и поехать в аэропорт, где вручили уже купленный на его имя билет до Южной Сибири.

* * *

Бийск, казалось, не был готов ни к Армагеддону, ни даже к Олимпийским играм, ни вообще к какому-либо еще подобному мероприятию. В городе ничего не изменилось. Мы выгрузились из старого «цивика», хозяин которого – хипповатый и обрюзгший мужик лет пятидесяти – всю дорогу развлекал нас историями из своего «диссидентского» прошлого: как его безуспешно вербовал КГБ, как потом пытались то ли сделать из него стукача, то ли вынудить уехать за гра-

ницу...

– Что будем делать? – спросила Эльвира.

Выглядела она неважно. Я, впрочем, был немногим респектабельнее. Денег у меня не было, а есть хотелось неважно. Думаю, Мельникова чувствовала себя примерно так же. О подобной попутчице я отродясь не мечтал, но кому-то было нужно, чтобы мы прошли часть этого пути вместе.

– Говори, где они могут быть?

– Адреса я не знаю. Виктор говорил что-то про район «Витамин»... Думаю, это совсем уж неформальное название.

– Да, это больше похоже на криминально-административное деление, – я сразу вспомнил про казанские «Пентагон» и «Тяп-ляп». – Думаю, вряд ли есть смысл спрашивать у всех подряд, как пройти до «Витамина».

– Иди к черту. Я сама спрошу...

Эльвира действительно не погнушалась получить информацию. Первый же молодой человек, одетый в несвежий спортивный костюм, с большим интересом оглядел молодую женщину со следами бурного прошлого, засек меня, реявшего в отдалении, но объяснил доступно, как найти этот район.

По сути, это была обычная «нахаловка», одно время начавшая было сдавать позиции под натиском многоквартирных домов. Но их тут оказалось не так много, да и построены они были еще при социализме. Искать наших знакомых было бессмысленно, надеяться на то, что они вдруг случайно появятся здесь – того глупее. Когда Эльвира высказалась за

то, чтобы добраться до дома автостопом, я так и посоветовал ей – «вперед!» Не мог я покинуть Бийск, пока не увидел бы Татьяну. В каком угодно виде, но я должен был найти ее. Поняла меня Эльвира, или нет – не знаю. Не слишком мне было это интересно.

Однако положение наше было аховым. Денег и документов – никаких (мои были отобраны, Эльвирины – потеряны), телефона, по которому можно было бы позвонить хоть кому-нибудь, у нас тоже не имелось... Не буду подробно описывать, как я следующим утром толкался на местном «рынке рабов» среди таджиков и узбеков, и чем пришлось мне заниматься, когда неожиданно подвернулось дело, но вечером того же дня мы с Эльвирой уже жадно пожирали чебуреки у киоска и набирали номер на телефоне, купленном у подозрительного типа на конечной остановке (несомненно, украденном у кого-то парой часов раньше). О «рынке рабов» я подумал неслучайно – меня остановили двое квартальных, и недвусмысленно поинтересовались, какого черта в центре города делает праздношатающийся нелегал – а с трехдневной щетиной я вполне могу вызывать подозрения. Услышав мое безупречное алтайское произношение, они сделали попытку приняться на предмет алкогольных остатков, но не обнаружили и таковых. Убедившись в том, что я обычный бийский безработный, они потеряли ко мне интерес и удалились на поиски более интересной клиентуры. Так что я вполне легально затесался среди нелегалов и даже сумел зарабо-

тать на еду и средства мобильной связи.

А звонила Эльвира своему бывшему... и, думаю, это был наиболее разумный выбор в нашей ситуации. Ее открытость продвинулась до того, что она включила динамик, чтобы и я слышал разговор.

– Алло? – услышал я.

– Привет, Геннадий, – сказала Эльвира просто.

Секунду трубка молчала, потом Ратаев затараторил:

– Эля?! Ты где? Как нам тебя найти? Что случилось?

– Ты мог бы не тарыхтеть? – желчно осведомилась Эльвира. – Вы нас бросили на верную смерть, и теперь ты еще спрашиваешь «что случилось?» Я выжила, представь себе.

– Так это прекрасно! – воскликнул Геннадий. (Я готов был поклясться, что восторг его был искренним.) – Где ты сейчас? Мы сейчас приедем!

Эльвира назвала адрес, взглянув на опознавательную табличку, висевшую на стене ближайшей трехэтажки. Разговор на этом закончился. Я закурил «приму-ностальгию» (на другие сигареты денег у меня просто не было), и заметил:

– Он сказал «мы». Как думаешь, с кем он приедет?

Эльвира достаточно равнодушно передернула плечиками:

– Если честно, мне на это наплевать. Главное, чтобы он хоть как-то помог выбраться отсюда...

Геннадий появился минут через десять. Рядом со штакетником, обозначающим границы «летнего кафе», где мы приканчивали чебуреки, притормозила светло-желтая «волга»

тридцать первой модели. За рулем находился смутно знакомый мужчина вроде бы казахской внешности, а с заднего сиденья наружу выскочили Гена Ратаев и Игорь по прозвищу Студент. Оба направились к нам с радостными физиономиями.

Эльвира смотрела на них злым взглядом. Возможно, у меня было похожее выражение лица.

– Ну, как вы? – с неподдельным участием спросил Геннадий.

– А где Аркадий? – тут же спросил Студент.

– Мне, наверное, надо было тебя пристрелить тогда, – произнесла Эльвира, буравя Студента глазами.

– Почему? – спросил Студент наивно.

– Не люблю предателей, – произнесла Эльвира. – А вокруг меня только они и ошиваются. Что Гуцул с Лымарем, что мои бывшие оба...

– А может быть, дело в тебе? – отнюдь не риторически спросил Геннадий.

Эльвира сочла за лучшее промолчать.

– Ну, где Аркадий?

– Убили Аркадия, – сказал я. – Те самые, которых Мороз привел. Фээсбэшники или кто они там на самом деле. И американца убили, и Курача тоже...

Игорь и Геннадий переглянулись.

– Так они и вас могли... – с неподдельным ужасом произнес Ратаев.

– Да! – с чувством произнесла Эльвира. – А вы думали, что они оставляют свидетелей?

– Но... – начал было Студент, и осекся. – А машина ваша где?

Эльвира открыла было рот, но я успел наступить ей на ногу.

– Где Татьяна? – спросил я.

– Понятия не имеем, – сказал Геннадий.

– Ну и черт с вами тогда... – Эля, поехали.

– Куда это? – спросил Студент.

– Домой, – сказал я, нежно обнимая Эльвиру за плечи.

Пусть думают, что хотят.

– У нас с вами больше нет общих дел, – сказала она Студенту и Ратаеву, подаваясь ко мне. – Правильно. Идите к черту.

Я смотрел на автомобиль, пытаюсь вспомнить, где видел водителя, и наконец узнал его – за рулем «волги» сидел Анвар из Щербактов, тот самый тип, который когда-то помогал Геннадиию удрать из-под присмотра в Славгороде.

– Ну и как вы поедете? – выдержав паузу в несколько секунд, поинтересовался Геннадий.

– Не твое дело, – отрезала его бывшая жена.

Возникло неловкое молчание.

– Мы не можем уйти без вас. Мы ждали, когда вы въедете в город... Неужели вы ехали не по Чуйскому?

– Нет, – сказал я. – Мне не хотелось, чтобы нас внезап-

но поприветствовал Мороз и его дружки. Поэтому мы ехали через Заречье, по большой дуге... Кстати, вас они должны были поймать как зайцев.

– Они нас и поймали, – мрачно сказал Студент. – Уже на Чуйском. Обыскали машину, содрали обивку в салоне...

– Странно, что не спустили вас обоих в Катунь, – заметил я.

– Народу была тьма на дороге. Мы затеяли скандал, сразу примчались гайцы, – сказал Гена. – У меня еще и права отобрали, а машину конфисковали.

– Даже если все было так, то Мороз и его друзья за вами следят постоянно, – сказал я. – Не удивлюсь, если они сюда сейчас пожалуют.

Геннадий и Игорь синхронно дернулись, оборачиваясь. Но людей в черном или в сером поблизости не наблюдалось. Впрочем, это совсем не значило, что их тут нет.

– Таня где? И где Кэсси и Дэвид?

– Я думаю, что Таня в ФСБ, – неохотно сказал Геннадий. – Возможно, что и американцы задержаны. Они жили на «Витамине» в крайней пятиэтажке на съемной квартире, но там никого сейчас нет.

– Мы сразу же, как приехали в Бийск, попытались их найти, но тетки у подъезда сказали, что их увезли на большой иномарке. Одного мужчину и двух женщин...

– Женщины как выглядели?

– У одной из них была рука на перевязи. Выглядела ужас-

но, ее вели под руки...

Сердце у меня болезненно сжалось.

– Поехали, – сказал я.

– Куда? – оторопело произнес Геннадий.

– В местное управление ФСБ, куда же еще?

– Ты спятил? – выпучил на меня глаза Геннадий. – Ты же оттуда не вернешься! Ведь ты – единственный человек из ныне живущих, который видел Святой Грааль!

Настала моя очередь выпучивать глаза.

– Я его не видел, – сказал я.

– Ну как так?.. – развел руками Гена. – Ты его даже привез сюда, в Бийск!

Я посмотрел на Эльвиру. Нет, на Софи Невё она была совсем не похожа.

– Кто из вас это сделал? – спросил я. – И зачем?

Эльвира молчала. Она эту версию уже сама выдвинула, как только увидела, как моя машина плывет по волнам новорожденного водохранилища.

– Мы это сделали. Оба, – сказал Студент.

– Так ты, выходит, тоже «ткач», – сказал я. – Можно было догадаться, что с тобой что-то неладно, но я не думал, что до такой степени!

– Да, я тоже из Свидетелей Воскресения, – сказал Игорь. – Примерно с того времени, как отсидел по малолетке.

– Мороз тоже ваш?

– Мороз? – недоуменно переспросил Студент. – Ты сам-

то понял, что спросил?

– Впрочем, вас и без него слишком много, – согласился я.

– Много? – переспросил Геннадий. – Знаешь ли ты, что в Бийск сейчас приехало более десяти тысяч Свидетелей? Если бы могли приехать все, то их было бы впятеро больше!

– Значит, остальные не уверены, что Армагеддон на Катунь состоится в любую погоду, – сказал я. В общем, так: пока я не увижу Татьяну, вы ничего не получите. Всё. Я сказал!

Геннадий и Игорь молча переглянулись. Переговоры, судя по всему, зашли в тупик. «Ткачи» помолчали и поднялись со своих мест.

– Битва состоится, – с уверенностью произнес Студент.

– Допустим. Когда?

– Завтра, примерно в это же время, – сказал Геннадий.

* * *

Завтра мне пришлось еще раз побывать у работодателя и несколько часов заниматься тем, на что не всякий таджик подпишется. Чтобы привести себя в порядок к указанному времени, мне нужны были деньги. Эльвира тоже нуждалась в некоторой реставрации внешнего вида – естественно, ее тоже пришлось выручить. Опять же никто не отменял хотя бы одноразовое питание, а встречать Армагеддон на голодный желудок мне казалось не совсем правильным.

День глобальной битвы между добром и злом начался,

как и любой другой в чередѣ серых будней. Это была, если не ошибаюсь, пятница – не тринадцатое, но тем не менее... Теплый августовский денек, почти безветренный, и без дождя... К раннему вечеру, когда меня вместе с остальными таджиками отпустили на волю и даже с некоторой суммой денег, над Бийском повис мертвый штиль, и жара, поднявшаяся в полдень градусов до тридцати, никак не хотела отпущать... Мы шли правым берегом Бии от остановки автобуса (на котором со скандалом выехали за окраину города в приличной, надо сказать, давке) по направлению к Рождественке – то ли ближнему пригороду, то ли очень удаленному району.

Над заросшим густой травой берегом, полого спускающимся к широкому устью обеих рек, дающих начало Оби, начал скапливаться народ, словно бы сегодня действительно ожидалось что-то заслуживающее внимания, может, даже интереснее водно-моторных гонок.

– Что здесь происходит? – спросил я мужчину средних лет в очках, вполне культурного и интеллигентного с виду.

– Сами скоро увидите, – охотно ответил он с легким акцентом, похожим на балтийский.

– Это, что, всё «ткачи»? – негромко спросила Эльвира. – Эта секта имеет столько приверженцев?

Вместо ответа раздался колокольный звон. Он доносился от расположенного в полутора сотнях метров от берега белого православного храма с куполами, крашенными в небес-

но-голубой цвет. Видимо, не все собиравшиеся на берегу были «ткачами». Зато многие, заслышав звук колоколов, принялись креститься и кланяться.

– Мы чужие на этом празднике, – заметил я.

– На праздник это не похоже, – ответила Эльвира.

– Тогда на что?

Эльвира промолчала. А я заметил, что на противоположном берегу тоже собралась неслабая такая группа заинтересованных лиц. Все словно бы чего-то ждали. Чего?

Знаете, мне стало очень не по себе. Конечно, я не верил ни в бога, ни в черта, ни в Армагеддон, ни в Траву Полынь (хотя меня и занесло еще в очень юном возрасте в Припять как раз в приснопамятном апреле восемьдесят шестого), но тут, над широко разлившейся рекой на равнине между двух живописных берегов, словно бы вот-вот должно было произойти что-то поистине мирового масштаба. Знаете, у меня мороз подрал по коже... Особенно когда вдруг я заметил, что неожиданно стало слегка темнеть. Представляете – самое начало летнего вечера, часов пять, наверное (часы свои я потерял где-то в горах, чтобы сказать точнее), и тут вокруг темнеет, несмотря на то, что солнце еще очень даже высоко! Что за черт?!

Черта я помянул вслух. А Эльвира – побледневшая, напуганная – вдруг заговорила «господи помилуй» и начала неумело, как попало, креститься! Этого от «киллер квин» я меньше всего мог ожидать... Но ощущение ужаса и у ме-

ня нарастало – я на самом деле не понимал, что происходит! Какие-то удивительные и необъяснимые явления уже происходили в моей жизни, но ни с чем по-настоящему сверхъестественным я еще не встречался!

Тут буквально в нескольких шагах от меня послышался протяжный и страшный вой. Я шарахнулся в сторону и едва не сбил с ног пожилую пару, увидев сидевшего неподалеку от меня огромного серого волка. Зверь выл. Выдав долгую руладу, он набрал воздуха, задрал морду к темнеющему небу и вновь завел свою зловещую песню...

А небо действительно темнело, на нем загорелись едва заметные звезды. И тьма быстро спускалась на землю. Я понял, что уже не вижу противоположный берег – его словно поглотило небытие. Волк прекратил завывания, и тут я отчетливо услышал, как стучат мелкой чечеткой зубы Эльвиры – ее трясло. Повернувшись ко мне, она спросила прерывающимся от ужаса голосом:

– Что происходит, Андрей?

Я и сам хотел это знать. Зыркнул глазами по сторонам – авось увижу кого-нибудь из уже встречавшихся мне ранее, но нет – вокруг стояли в напряженном ожидании лишь совершенно незнакомые люди...

Сила воображения – страшная штука, скажу я вам. Будучи не то что бы правоверным христианином, а скорее – воинствующим атеистом, я почти воочию сумел узреть на небосклоне четыре размытых пятна, медленно движущихся

с юго-восточной стороны. Возможно, это были просто облака, но то ли пресловутая генетическая память, то ли последствия какого-никакого самообразования, придали им очертания вооруженных людей, сидящих на конях. Еще немного – и я разглядел бы и цвета этих коней, и выражения лиц всадников, но меня вытащил из мистического созерцательного состояния тихий Эльвирин смех. Я даже подумал, не тронулась ли женщина головой от зрелища не то великой библейской битвы, не то вторжения марсиан. Она толкнула меня в бок и с улыбкой сделала жест рукой: смотри сам, что вокруг происходит!

Подавляющее большинство присутствующих смотрели на небо. И, если быть точнее, на солнце. При этом сквозь почти непрозрачные предметы, как-то: черные стекла, рабочие поверхности дискет, странные темные очки в пестрых картонных оправках. И никто ничего не страшился, напротив – многие улыбались, что-то говоря своим спутникам и показывая пальцами в сторону ущербного светила.

– Это затмение, Маскаев! – с нервным смешком произнесла Столярова. – Мы ведь с тобой совсем забыли, что в этом году вся Сибирь должна увидеть полное солнечное затмение...

Несмотря на сгущающуюся темноту, у меня словно пелена с глаз упала. И всадники Апокалипсиса вдруг стали обычными облаками, и серый волк внезапно превратился в обычную тощую овчарку, которой вдруг надоело без толку выть, и она

спокойно прилегла на землю... И наступивший через минуту пик тьмы, когда тень Луны полностью накрыла собравшихся на обоих берегах, уже не мог никого напугать, хотя и заставил какую-то девочку поблизости произнести громким шепотом: «жуть-то какая, правда?»

После прохождения пиковой точки темнота стала быстро рассеиваться, мне даже показалось, что обратный процесс пошел значительно быстрее. Кто-то из торопыг, не желающих оставаться на берегу до окончания, сунул мне в руку пленку из дискеты. Прищурив один глаз, я взглянул другим на светило, которое с каждой секундой увеличивало свою площадь свечения, превращаясь из полумесяца в нормальный яркий круг. Зазвучали колокола на церковной звоннице, слышались недружные, но отчетливые аплодисменты. Псина, отдаленно похожая на волка, с веселым гавканьем носилась по берегу среди зевак, на чьих лицах нетрудно было увидеть радостное выражение. Действительно – чего было бояться вполне понятного, и объяснимого астрономического явления! И к тому же легко прогнозируемого, да плюс широко анонсируемого в средствах массовой информации! Действительно надо было побывать в исключительных обстоятельствах, чтобы напрочь забыть об этих сообщениях, и увидеть в солнечном затмении живую иллюстрацию к Книге Откровений!

Я повернулся было к Эльвире, чтобы обсудить увиденное и спросить ее мнение, но с некоторым негодованием убедил-

ся, что «королева-убийца» исчезла, пока над Бией и Катунью
царила недолгая тьма.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Как я и предполагал, рискованный визит в местное управление ФСБ ни к чему не привел – с офицером по фамилии Мороз или Морозов, известным также как Васильич, меня знакомить отказались, а обострять ситуацию, принимая во внимание мою внешность и отсутствие документов, было никак нельзя. Потолкавшись на безопасном расстоянии и задав пару вопросов безобидным на вид сотрудникам, я убедился, что лже-батрака из китайской деревни тут вряд ли встречу, может, он из Барнаула или вообще федеральный служащий – почему бы нет? Поэтому я отправился в другое ведомство, где изложил ситуацию почти как есть: дескать, лишился автомобиля марки «тойота хайс» в диких горах вместе с документами и телефоном, сейчас пытаюсь отыскать в городе гражданку Татьяну Черепанову, которая должна была снять комнату в Бийске, но адреса я теперь узнать не могу. Как ни странно, заявление у меня было без проволочек принято веселым старлеем, который однако порекомендовал мне побыстрее убраться домой и там заняться скорейшим восстановлением паспорта, без которого гражданину Российской Федерации существовать строго воспрещается. Когда я начал спрашивать, а что будет, если к ним вдруг обратится сама гражданка Черепанова, старлей с готовностью ответил,

что ей тоже порекомендуют как можно быстрее возвращаться восвояси. Спорить с этой провинциальной логикой было невозможно.

Оставалось неясным самое главное: как и где искать Танию? Эльвира (которая, получив от меня немного денег, скорее всего просто уехала домой), мне больше не была интересна, «ткачи» – тоже, оставшиеся в живых иностранные граждане – и подавно. Но без Татьяны, что бы с ней ни случилось, я не мог покинуть Бийск. Не мог – и всё.

Отработав еще день на объектах народного хозяйства, я разбогател настолько, что смог позволить себе целый день поисков. Я купил еще одну мобильную трубку сомнительного происхождения, вставил в нее «левую» сим-карту. После этого у меня еще осталось немного денег на посещение интернет-кафе с целью распечатки нескольких фото Тани из «одноклассников», да на бритье физиономии, чтобы больше не пугать аборигенов. Правда, с цивилизованной внешностью меня вряд ли стали бы воспринимать всерьез на «рынке рабов», но щетина отрастает быстро, если уж на то пошло.

С этими снимками я некоторое время шатался по «Витамину» и спрашивал прохожих, не встречалась ли им изображенная на них блондинка. Некоторые, даже не дослушав, шарахались в сторону. Иные почему-то воспринимали мой вопрос как своего рода «наезд». Кое-кто (из мужиков) похабно причмокивал. Без подобной рефлексии обошлись лишь считанные единицы, но они, к сожалению, ничего сказать не

могли. Тогда я плюнул на это занятие и просто расклеил распечатки на стенках остановок транспорта и на столбах возле них, приписав свой новый номер телефона. Я особо не рассчитывал на скорый успех этого жеста отчаяния, и решил подготовиться еще как минимум к неделе работы среди гастарбайтеров и к ночевкам в сомнительных местах.

Но не прошло и двух часов с того момента, когда я приклеил последнюю распечатку, как телефон вдруг выдал «чужика». Я был уверен, что это какая-нибудь ошибка – либо звонят прежнему владельцу сим-карты, либо просто не туда ткнули пальцем. Поэтому просто сказал в трубку «аллё» и едва не выронил ее, когда женский голос спросил: «Это Андрей?»

Но это была не Татьяна. И не Эльвира. И не Кэсси. Этих я бы узнал сразу. Голос был незнакомым, но приятным и располагающим к себе.

– Да, это я...

– Вы ищете девушку? Я видела фото.

– Да...

– Я знаю, где она. Их трое, они снимают дом на Угольной.

– Это где и что за район?

Женщина с готовностью уточнила. Местечко, конечно, то еще – частный сектор на задах железнодорожной станции. После этого я задал вопрос, который меня, что вполне понятно, беспокоил сильнее прочих:

– А вы не можете сказать, все ли с ней в порядке?.. Ну, на

вид со здоровьем как?

Расписывать подробности я страшился. Моя собеседница без особой, впрочем, уверенности, сообщила, что с девушкой вроде бы все в порядке, но лучше, конечно, будет, если я сам проверю.

– Езжайте туда и сами убедитесь, что я вам еще могу сказать...

– Спасибо большое! – искренне произнес я. – Могу я как-то вас отблагодарить?

– Да бросьте... – Раздался легкий смешок, а затем в голосе зазвучало легкое кокетство: – Но если и завтра у вас не пропадет это желание, наберите номер, который определился.

Я пообещал, что обязательно так сделаю и, не теряя времени, направился в сторону вокзала. Но, не доходя до него с полверсты, перебрался через рельсовые пути со стоящими на них товарными вагонами и углубился в грязные, закопченные переулки – сажа в покосившиеся заборы и лачуги намертво въелась еще, наверное, во времена расцвета паровой тяги на железных дорогах. Местные шелудивые собаки и молодые люди внимательно оглядывали меня, долго смотрели мне вслед, но знакомиться, к счастью, не стремились – видимо, принимали за своего. Указанный дом я нашел сравнительно быстро – древняя хибара под четырехскатной крышей с кривыми ставнями, ничем таким особым не примечательная, вроде того домишки близ Славгорода, только куда более кособокая и запущенная.

Уже казалось достаточно темно, несмотря на сравнительно ранний час – но я был далек от мысли, что очередное солнечное затмение пройдет над Бийском спустя сутки с небольшим после предыдущего. Наверное, застарелая угольная копоть действовала как абсолютно черное тело, поглощая солнечный свет. Кое-где в домах виднелись зажженные светильники, но не в этом – тут за оконными стеклами не было видно ничего, кроме угольной черноты.

Мне совсем не хотелось соваться во двор и стучаться в дом: мало ли, кто там на самом деле живет – еще пальнут из берданки, чего доброго, приняв за грабителя. Что же делать, черт возьми?

...Легкий приглушенный вопль донесся до меня. Он точно раздавался где-то в темных недрах перекошенного домика. Что это? Драка или насилие? Еще один крик – сто процентов женский... Таня?

Как хотите, так и называйте меня, но я через пару секунд уже находился возле дома и дергал ручку двери на себя. Дверь очень легко открылась, обдав меня затхлою атмосферой темных сеней, и тут же закрылась снова. Я попытался открыть дверь, ведущую собственно в дом, но тут у меня неожиданно появились помощники. Я попытался справиться без них, но громкий щелчок скользящего металла дал мне понять, что от помощи лучше не отказываться. Дверь открылась, и мне недвусмысленно предложили войти туда, куда я и без того стремился попасть.

В доме, который внутри выглядел столь же противно, сколь и снаружи, обнаружилась комната, где находились несколько человек, хорошо знакомых мне: «ткачи» Геннадий, Игорь и Анвар. А также отморозок по прозвищу Мороз. Эти четверо сидели возле стола, на котором не было ничего, кроме пары сигаретных пачек и импровизированных пепельниц. Гражданин Соединенных Штатов Дэвид Старлинг тоже находился здесь (он сидел на диване чуть поодаль), но гражданки Соединенных Штатов Кэсси Роузволл я не заметил.

И еще здесь находилась Таня – на том же диване, чуть в стороне от американца. Бледная, осунувшаяся... Но! Но с обеими руками! Ими она как раз сейчас нервно комкала платок. Мне было достаточно увидеть это, чтобы понять, какой груз на моих плечах лежал все это время. Он упал с таким грохотом и треском, что было удивительно, почему вся эта хибара не разлетелась тотчас вдребезги. Мне хотелось летать и петь веселые песни. И это несмотря на то, что за моей спиной стояли двое, причем как минимум один из них был вооружен.

– Ценю оптимизм, написанный на твоём лице, – заметил Мороз, в чьём голосе я услышал удивление, вызванное не иначе как моей широкой и добродушной улыбкой. – Впрочем, мы все тоже относимся к твоему появлению с надеждой на лучшее. Удивительно, что пришлось искать тебя столько времени... Но хорошо, что ты пришел. Садись... Дайте ему

свободный стул... Вот так.

Я сел, не сводя глаз с Татьяны. Она глянула на меня со странным выражением на лице – то ли с жалостью, то ли с испугом. Понятно – вряд ли она по своей воле оказалась в компании Мороза и его приятелей. Как и я, впрочем.

Двое типов, встретивших меня у двери, заняли свои места. Один встал у дверного проема, ведущего в смежную комнату, другой уселся на диван рядом с Татьяной. Он держал в руке пистолет, и Таня – я видел – здорово боялась того и другого. Облегчение, которое я испытал поначалу, стало быстро улетучиваться. Положение в любом случае было не очень приятным и не настраивало на благоглупости.

– Ты кто? – спросил я Мороза в тщетной попытке хоть как-то выгрести против течения.

– Неважно, – произнес Мороз без малейшей агрессии в голосе. Но тут же сам перешел к активной фазе переговоров и гаркнул:

– Где Грааль?

– Где-то в горах Алтая, – сказал я. – А может, уже на дне Катуня. А принимая во внимание скорость течения, может уже и в Оби.

– Объясни.

– Легко. Кто-то из присутствующих здесь... – я оглядел всю братию «ткачей», – а может, кто-то другой из их секты, припрятал драгоценную вещь в багажнике моей машины. Полагая, что я, сам того не ведая, привезу ее в Бийск...

Где забрать ее у меня будет делом простой техники.

– Допустим. А машина-то где?

– Она утонула, – лаконично произнес я, словно на пресс-конференции.

– Ты издеваешься, что ли?

– Честно. Ее смыло потоком из нового водохранилища вниз по склону в русло реки. Я полагаю, машину разнесло вдребезги. Следовательно, о целостности и сохранности припрятанного в ней артефакта тоже нельзя говорить определенно.

– Ты видел Грааль?

– Нет, – сказал я.

– Тогда откуда такая уверенность?

– Спросите их, – я махнул ладонью в сторону «ткачей». – А также узнайте, почему их коллега по вере почти что на моих глазах предпочел погибнуть под водяным валом, пытаясь одной рукой сорвать обшивку в машине.

Мороз угрюмо замолчал. По всей видимости, принесенная мной информация не входила ни в малейшее противоречие с уже имеющейся.

– Чем занимался в Бийске? – спросил Мороз уже несколько иным тоном.

– Обращался в милицию, – сказал я.

– Вот как?..

– Именно. А куда мне было еще идти? Машины нет, денег нет, документов – тоже.

– Но ты же как-то сумел провести эти дни?

– Я работал, – коротко произнес я. – Вместе с гастерами.

Еще и поэтому попал в цепкие лапы пэпээсников.

– Ты что, еще и протоколы какие-то подписывал?

– Конечно. И заявление на розыск моей жены Татьяны.

Все это Морозу пришлось очень не по душе. Впрочем, прихлопнуть меня и всех остальных его компанше ничего не стоило. Кто они? Спецслужба? Или какая-то «лавочка» на государственном обеспечении?

Протяжный женский крик вдруг донесся из комнаты. Мороз поморщился.

– Градов, заткни ее.

– Но... – начал было Градов.

– Ладно, – вдруг произнес Мороз. Он внимательно посмотрел на каждого из нас. Андрей Маскаев. Татьяна Черепанова. Дэвид Старлинг. Геннадий Ратаев. Игорь по прозвищу Студент. Анвар. Слишком много людей, да среди них два иностранных гражданина. В числе шести потенциальных трупов, от которых избавиться в переулке даже с очень романтичным названием несколько сложнее, чем в горах Алтая... Или не шести, а семи? Кто-то ведь еще кричал из соседней комнаты.

– Значит, так, – сказал Мороз. – Вы тут все еще не понимаете, с чем столкнулись. С кем столкнулись. И какие последствия будут от всего этого... Я так думаю, в течение ближайшего года вам следует тихо, очень тихо сидеть дома. К вам однажды придут, и вы, не задавая лишних вопросов, да-

дите подписку о неразглашении. Естественно, обо всем, что с вами произошло в течение последних нескольких недель, для вашего же блага следует забыть навсегда. Чтобы не пришлось помогать... Я выразился ясно?

Судя по мертвой тишине, все поняли Мороза очень хорошо.

– Господам иностранным гражданам, всем троим, я настоятельно рекомендую как можно скорее отправиться домой, в свои страны и, во избежание недоразумений, больше никогда не приезжать в Россию.

Опять мертвая тишина... Всем троим? Дэвид, Анвар... А кто третий?

– Мы сейчас уходим, – сказал Мороз. – Думаю, излишне говорить, что за нами сразу же идти не надо. Подождите хотя бы полчаса. Но и до завтра тянуть не надо. Сегодня ночью в этом доме... а еще лучше в этом городе не должно остаться ни вас, ни ваших вещей... Ни вообще каких-либо следов вашего пребывания.

И это пожелание тоже было всеми встречено молчанием, означающим полное и безоговорочное согласие.

Мороз, ничего более не говоря, неспешно поднялся из-за стола. Я только сейчас заметил, что он был в темном костюме и при черном галстуке, словно пришел на чьи-то похороны. Не оборачиваясь, он снял с настенного крючка легкий длинный плащ темно-серого цвета, завернулся в него и мгновенно превратился в представителя тех самых «людей

осени», чья мода и мозги за последние сто лет (а то и больше) видимо, совсем не изменились. Следом за ним ушли и его молчаливые спутники. Хлопнула дверь. Пожалуй, только в этот момент я до конца понял, что мы тут все отделались так дешево, как это было только возможно...

И плевать, что в отношениях у нас что-то изменилось... Мы с Таней одновременно вскочили с мест и кинулись друг другу в объятия. Без лишних лобызаний и объяснений – просто молча и тесно прижались, чтобы только убедиться, что мы – это мы, что мы живы, что мы все еще вместе, а это мне казалось главным в эту минуту. Возможно, Таня тоже так думала. Ее трясло, и я представил себе, сколько же ей пришлось пережить за последние дни. В том числе и из-за моих поступков, не всегда, наверное, адекватных и объяснимых...

Гена, Игорь и Анвар обниматься не стали. Хотя чувство облегчения им определенно тоже пришлось испытать. Они слегка оживились, принялись о чем-то перекидываться фразами, на смысл которых мне было глубоко плевать... Отмеренный Морозом час они выжидать не стали. Прошло лишь минут десять или пятнадцать, но в комнате уже возникла некоторая общая неловкость, и все три «ткача» покинули дом. Прощаться они с нами не стали. Я не обиделся.

... Брат Дэвид, который еще до ухода «ткачей» скрылся где-то в недрах дома, вышел из смежной комнаты и сказал: – Может быть, ваша помощь будет возможна?

Да, в доме ведь находился кто-то еще. Мы с Таней прошли

вслед за Старлингом в соседнее помещение.

Эта комната была раза в два меньше, чем та гостиная, где мы имели удовольствие находиться только что. Из обстановки тут находились только древний комод, очень похожий на тот, из дома в Славгороде, да кровать – обычная железная кровать с панцирной сеткой, застеленная простым одеялом. На этой кровати лицом вниз лежала женщина.

Стройная, среднего роста.

С прямыми, чуть рыжеватыми волосами.

И без правой руки, отхваченной по локоть.

Кэсси Роузволл, она же Кассандра Омельченко.

– Поехали, Кэсси, – сказал Дэвид, видимо, уже не в первый раз. – Наша миссия окончена. Здесь нельзя оставаться. Кроме того, тебе нужна нормальная медицинская помощь, которую ты сможешь получить только в Соединенных Штатах.

Говорил он, разумеется, по-английски.

Женщина не откликнулась.

– Ну вот, что мне с ней делать? – развел руками Дэвид. – Она только плачет и кричит иногда.

– Боже мой, кто же это с ней сотворил такое? – от ужаса у меня даже горло сдавило.

– Никто. Она сама, – сказала Таня.

– Как... так?.. – сказать, что я испытал очередной шок, означало не сказать ничего.

– Она пожертвовала своей рукой ради Грааля, – мрачно

произнес Дэвид. – Никого специально не спрашивая. Просто взяла и ударила себя топором. И как теперь оказалось, зря...

– Саша, – сказал я по-русски. – Как бы там ни было, тебе надо уходить отсюда. Жизнь не кончилась, постарайся это понять.

Ноль эмоций.

И тут Таня сделала нам жест рукой: идите, мол, отсюда. Мы с Дэвидом повиновались. Таня закрыла дверь комнаты изнутри. Я прикурил сигаретку из своих скудных запасов. Жалко мне было, конечно, сестру Кэсси. Кто бы она ни была, какая бы она ни была, но такой участи я бы не пожелал и врагу. И такого фанатизма. Конечно, мы находились по разные стороны баррикад, если говорить метафорами, но активных боевых действий друг против друга не вели. И если вспомнить ту ночь в Шатунихе...

Прошло какое-то время, из комнаты донесся легкий шум, потом открылась дверь, и Кэсси появилась на пороге. Бледная, осунувшаяся, с глубоко запавшими глазами, и она теперь стала внешне другой; уже совсем не похожей ни на ту уверенную в себе леди в дни нашего первого знакомства, ни на женщину-вампа, владеющую приемами сексуальной магии по методу Кроули. Таня сопровождала ее, чуть приотстав и держа руку на ее талии. Кэсси взглянула на меня и тут же отвела взгляд. Потом обратилась к Старлингу, произнесла короткую фразу на английском:

– Поехали, брат Дэвид. Я готова.

Кажется, она что-то хотела сказать мне на прощание, но передумала, открыв и сразу же закрыв рот. Я и сам думал, что надо что-нибудь произнести, но вот что? Поэтому мы просто чуть наклонили головы. То же самое сделал и Дэвид. Но уходя, Кэсси чуть задержалась и порывисто обняла Таню, чем несказанно меня удивила. Еще более меня удивило то, что Таня задержала Кэсси в объятиях на пару секунд.

– ... Я думаю, не надо спрашивать, каким образом ты убедила ее встать и пойти? – несколько риторически поинтересовался я.

– Не надо, – подтвердила Таня. – Это сложно объяснить. И вообще я вычеркнула ее из нашей жизни. Надеюсь, навсегда... Поехали домой, Маскаев. Я устала. Очень устала.

– Чуть позже, – сказал я, когда мы вышли на улицу, в сумерки Угольного переулка.

– Когда позже? – насторожилась Таня. – А разве не прямо сейчас?

– Завтра утром первым же автобусом, – сказал я.

– Почему завтра?

– Осталось одно дело, – сказал я.

– Мне вот твои дела... – начала было Татьяна, но я как мог убедительно заговорил и в конце концов настоял повременить с отъездом домой еще на несколько часов.

* * *

... Почти в полной темноте мы добрались до Рождественки – практически до того самого места, где пару дней назад Эльвира и я едва не впали в панику, когда воображение рисовало (по крайней мере мне) всадников Апокалипсиса в небе. Сейчас на берегу Оби – того места, где она начинала свое течение – не было ни души. Освещая себе дорогу светом фонаря, мы пробрались через высокую траву к лодочной станции.

– Надеюсь, ты не собираешься угонять лодку? – шепотом спросила Таня.

– Именно это я и собираюсь сделать, – сказал я. – Не бойся, я здесь уже был вчера, тут никто ничего не охраняет. Залезай через борт!

– Мы что – поплывем домой так? – последовал очередной вопрос, когда я оттолкнул простую рыбацкую лодку от берега и вставил весла в уключины.

– Нет. Дел у нас всего на несколько минут.

Я устроился поудобнее на средней банке, отполированной до блеска чьими-то штанами, поставил рядом фонарь и погрузил весла в реку, с наслаждением заслышав негромкий плеск воды под носом лодки и лопастями. Ритмичное постукивание уключин навевало легкую ностальгию – я ведь вырос на больших реках. Волга, Лена, Обь...

Хаотичное покачивание лодки и усилившийся плеск волн сказали мне, что я добрался до майдана, где в хаосе круговерти смешивались воды Бии и Катуня. Берегов отсюда вид-

но не было, они скрылись почти в полной тьме.

– Маскаев, я тебя боюсь, – серьезно сказала Таня.

– Не бойся. Смотри лучше сюда. Смотри внимательно, потому что ты этого никогда больше не увидишь.

С этими словами я вынул из рюкзака, в котором еще недавно лежала рука Кэсси Роузволл, предмет, обернутый в плотную бумагу, в какую обычно заворачивают металлические или деревянные детали.

– Что это? – спросила Таня и, когда я направил на этот предмет свет фонаря, негромко ахнула: – Неужели это... Он самый?!

– Именно, – сказал я.

– Как он у тебя оказался?

– «Ткачи» запихнули его туда, куда, думали, я не буду заглядывать – не успею или вообще не стану.

Я мог бы сказать, что пока Монин и Эльвира возились с колесами, я целенаправленно обшарил все укромные места в «хайсе». И, как оказалось, не зря. Под обивкой потолка новый тайник мне удалось обнаружить меньше, чем через две минуты.

Но я промолчал. И Таня молчала минуты три. Тишину нарушал только плеск волн под днищем лодки.

– Я не думала, что он... такой... Думала, выглядит совсем иначе.

– Я тоже не знал, как он выглядит на самом деле. И ведь никто толком не знает, кроме считанных единиц... И, самое

главное – больше этого никто и никогда не узнает. Потому что не увидит.

С этими словами я выставил руку за борт рыбачьей лодки и разжал пальцы. Легкий плеск воды... И пусть меня назовут безмозглым идиотом, кретином и параноиком, но я был уверен – есть в мире вещи, которые должны оставаться лишь символами, не превращаясь в материальные объекты поклонения. Перефразируя известную книгу, не сотвори себе искушение. Оно не доставит спокойствия ни атеистам, ни верующим. Пусть уж в религии все будет как есть – на то она и религия, причудливо сотканная из легенд и мифов, которые должны оставаться лишь старыми страшными сказками.

– Маскаев... Ты понял, что сейчас сделал? – спросила Таня.

– Конечно.

Еще несколько секунд мы слушали биение волн.

– Знаешь... Я думаю, ты это правильно сделал.

– Я тоже на это надеюсь... Ну вот, теперь можно и домой.

– Конечно, – сказала Таня. – Пусти меня рядом, на второе весло. Я тоже хочу погрести, мне надо немного подвигаться. Холодно очень.

– Садись, – сказал я, смещаясь к правому борту. Татьяна уселась возле левого, взяла в руки весло, и мы, соприкасаясь плечами, почти сразу же взяли единый ритм и направили лодку обратно к берегу.

ЭПИЛОГ ОТ МИХАИЛА

Насколько мне известно, никто из представителей каких бы то ни было «органов» не беспокоил более ни «ткачей», ни Андрея с Татьяной, требуя подписку о неразглашении, или что-то еще. Никто не «занимался» и американцами, которые действительно в самом скором времени улетели в Штаты. Их миссии в России, казалось бы, пришел конец. Но! По словам Татьяны, спустя шесть или семь месяцев к ним в квартиру позвонил некий человек средних лет, представился «мастером» и заявил, что Андрей Маскаев ступил на очередную ступень посвящения, перейдя из «учеников» в «подмастерья». Естественно, Татьяна сама не слышала, о чем беседовал Андрей с этим визитером, но его слова она запомнила.

«ВИЖУ ЗАРЮ ВОСТОКА НА ЧИСТОМ НЕБЕ», – сказал незнакомец.

«ЭТО ПРИЗНАК ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН» – ответил ему Андрей спустя несколько секунд.

Он потом долго находился в изрядно подавленном состоянии. И рассказал Тане о содержании беседы с визитером, только когда вскоре после нее сильно напился. Думаю, до него тогда дошло окончательно, что, связавшись однажды с масонами, независимо от названий лож и внешних признаков, отделаться от них будет уже невозможно. Допускаю, что

именно поручение своего нового «мастера» Маскаев и выполнял, отправившись в качестве сотрудника иностранной фирмы в Африку, и приняв там участие не в самых приглядных действиях.

Татьяна даже не особенно и возражала против этой версии. Но с полным негодованием отрицала мое видение окончания их алтайской истории. По ее словам, они сразу же уехали домой, как только получили такую возможность, не выезжая в лодке на реку и уж тем более не опуская в воду ту вещь, ради которой проливали кровь бесчисленные поколения «защитников веры» и просто авантюристов всех мастей. Но я не склонен верить этим словам Тани. Которая и без того сказала достаточно, чтобы объяснить многие поступки Маскаева. А также и мои умозаключения относительно возможного возвращения Андрея из Африки.

Который – в этом я теперь точно уверен – стал последним человеком на Земле, кто воочию видел, да не просто видел, но даже держал в своих руках Святой Грааль.

2014 г.